

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

Sokolovskiĭ, Pavel Aleksandrovich

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ

и

КОЛОНИЗАЦІЯ

ЮГОВОСТОЧНЫХЪ СТЕПЕЙ

ПРЕДЪ КРѢПОСТНЫМЪ ПРАВОМЪ

П. А. Соколовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1878.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 168.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

Періодъ русской исторіи, обнимающій XV, XVI и XVII вѣка, отличается по своему значенію отъ другихъ періодовъ преимущественно въ томъ отношеніи, что втеченіи его опредѣлились основанія нашего политическаго и общественнаго быта, остающіяся въ существенныхъ чертахъ неизмѣнными до настоящаго времени. Возникновеніе неограниченной царской власти и системы центральнаго и мѣстнаго управленія, образованіе сословій, обособленіе города отъ деревни,—всѣ эти явленія достигли полнаго развитія именно въ періодъ отъ XV до XVII в. Въ эту же пору обычное право уступило мѣсто писанному законодательству во всей Россіи, за исключеніемъ юго-западной ея части, гдѣ это послѣднее получило господство уже ранѣе. Многія другія явленія, продолжающія пользоваться важнымъ значеніемъ до настоящаго времени, какъ, напримѣръ, расколъ, получили свое начало въ томъ же періодѣ.

Въ исторіи экономическаго быта XV — XVII вѣкамъ принадлежитъ такое же рѣшающее значеніе. Впродолженіи ихъ рыболовство и охота замѣняются

земледѣліемъ, которое повсемѣстно становится господствующимъ занятіемъ. Формы владѣнія и пользованія землей, получили въ названномъ періодѣ тотъ видъ, который въ главнѣйшихъ чертахъ онѣ сохраняютъ и въ наше время. Тогда совершилась раздача земель въ частное владѣніе и установились отношенія между земледѣльцами и землевладѣльцами на основаніяхъ половничества, оброка и издѣльной повинности.

Въ концѣ того же періода изъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, узаконеннаго въ послѣдніе годы XVI вѣка, постепенно развивается то громадное по своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ послѣдствіямъ явленіе, которое носитъ названіе крѣпостнага права.

Форма собственно крестьянскаго землепользованія, распространенная въ настоящее время по всей центральной Россіи, ведетъ свое происхожденіе изъ тоже же періода.

Къ тому же времени относится колонизація обширныхъ юго-восточныхъ и восточныхъ окраинъ Россіи и развитіе казачества.

Вообще едва ли найдется въ нашей современной жизни много такихъ явленій, исторія которыхъ не начиналась бы съ разсматриваемой эпохи, особенно явленій экономической жизни. Исторія Россіи не можетъ быть понята безъ изученія древняго ея періода, который и долженъ быть избираемъ за исходную точку при всѣхъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи.

Читатель, знакомый съ моей книгой: „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ найдетъ въ предлагаемомъ трудѣ много новыхъ фактовъ, подтверждающихъ выводы, добытые изъ изученія экономическаго быта сѣвернаго крестьянства.

Провѣрка изложенныхъ тамъ выводовъ при помощи фактовъ изъ исторіи другихъ мѣстностей и составляла главную задачу въ настоящемъ случаѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
2	5	сверху	влаги	влагѣ
3	12	»	въ деревьяхъ	деревьевъ
4	9	»	общественнаго	общественно—
5	2	снизу	ея	его
6	19	сверху	средоточеніемъ	сосредоточеніемъ
9	1	»	было	было быть
13	1	»	пахотныхъ	пахатныхъ
—	9	»	разсказъ	примѣръ
14	18	»	значеніе и его общественное	и его общественное значеніе
22	5	»	вятской	вотской
35	16	»	Половники	I. Половники
36	18	»	Въ центральныхъ	II. Въ центральныхъ
—	25	»	перевести	переводить
41	16	»	составляющія	составлявшие
43	32	»	территорія	территоріи
44	7	»	различные	различныя
50	26	»	было	была
51	24	»	полѣ	поле
53	29	»	имѣти	имѣли
55	22	»	могъ	могли
57	26	»	размѣрамъ	размѣрахъ
60	28	»	центральныя	центральные
65	11	»	уменьшенія или лишенія	уменьшеніе или лишеніе
73	31	»	возбужденію	обсужденію
75	26	»	то	кто
80	1	»	столѣтіи	столѣтіяхъ

Стран	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
84	19	сверху	какіе-либо	какія-либо
107	9	»	обезпеченія	обеспеченія
112	10	»	Geschichto	Geschichte
—	—	»	bäulrlichen	bäuerlichen
119	33	»	тонь	тоней
126	17	»	Вотской	Деревской
135	21	»	повсемѣстномъ	повсемѣстнымъ
188	5	»	и	о
189	6	»	вѣка	вѣковъ
191	20	»	въ	во
—	24	»	приведенныя	приведенные
192	6	»	и	и оставлять
202	7	»	полѣ	поле
205	28	»	угнѣтеніямъ	угнетеніямъ
209	34	»	вехнему	верхнему
228	35	»	отличается	отличаются
234	4	»	казачьяхъ	казачьихъ
236	32	»	и	и преслѣдованій
240	3	»	военно	военно-
247	8	»	рыбачущимъ	рыбачущихъ
264	37	»	различные	различныя
265	4	»	древной	древней
—	33	»	нее	нея
266	9	»	степени	степи.

Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ.

I.

Область московскаго государства въ XV — XVI вѣкахъ представляла обширную площадь, занимавшую при Иванѣ III (1462) около 18 тыс. кв. м., при Василіѣ III (1505) 24,000 и расширившуюся при Иванѣ IV (1584) до 72 т. квадр. миль. Населеніе русской территоріи было весьма незначительно и въ XVI в. не превышало 7 милліоновъ.

Природа страны давала этому населенію богатыя средства къ существованію, требуя для ихъ полученія сравнительно незначительнаго труда. Почва отличалась производительностью, которая можетъ показаться теперь почти невѣроятной. Области Владимірская и Нижегородская, особенно мѣстности по берегамъ Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ. Ярославская область была одною изъ плодороднѣйшихъ. Рязанская земля превосходила плодородіемъ всѣ остальныя: лошади не могли проѣхать чрезъ ея густыя нивы. Дальше въ новозавоеванныхъ земляхъ между рѣками Волгой и Дономъ шли громадныя пространства земли покрытыя толстымъ слоемъ жирнаго чернозема. Сѣверъ Россіи не уступалъ въ плодоносности другимъ ея частямъ. Вдоль береговъ Сѣверной Двины почва, орошаемая

весенними разливами рѣки, родила хлѣбъ, не требуя особенныхъ заботъ человѣка. Менѣе благопріятны были почвенныя условія въ самомъ центрѣ Россіи, въ области собственно Московской. Почва здѣсь песчаная и климатъ отличается рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду, отъ сухости къ влаги, что не могло не дѣйствовать неблагопріятно на жатву. Но количество такой малоплодородной почвы было вообще весьма незначительно и совершенно исчезало въ массѣ земель плодородныхъ [1]).

Кромѣ того русскій человѣкъ 16 вѣка могъ найти достаточно средствъ къ существованію и внѣ земледѣлія. Большую часть русской территоріи покрывали огромныя пространства непроходимыхъ лѣсовъ съ ихъ первобытными деревьями, колоссальные размѣры которыхъ, особенно сосенъ, приводили въ изумленіе иностранныхъ путешественниковъ. Герберштейнъ разсказываетъ, что сѣверо-востокъ Россіи — области вологодская, двинская и вятская, равно какъ и сѣверо-западъ ея — область новгородская были сплошь покрыты дремучими лѣсами, среди которыхъ не было никакихъ путей (Герб. 65. 77. 79. 80), что около самой Москвы видны были огромные пни, свидѣтельствовавшіе о недавно срубленномъ лѣсѣ. Эти лѣса не только давали матеріалъ и топливо для жилищъ, вполнѣ удовлетворяя насущной потребности въ защитѣ отъ суровости климата, они изобиловали сверхъ того всякаго рода звѣремъ, доставлявшимъ населенію не мало выгодъ. Всего болѣе водилось бѣлокъ, встрѣчавшихся почти повсюду; особенно ихъ было много на лѣсистыхъ берегахъ Оки, въ лѣсахъ пермскихъ, вятскихъ и устюжскихъ. Самыя лучшія добывались около Казани. Берега Оки были богаты также куницами и горностаями.

На югозападѣ тогдашней Россіи, въ нынѣшней Смоленской губ., во множествѣ водились лоси, вепри, куницы и бобры. Бобры были преимущественнымъ предметомъ добычи, такъ что звѣроловы носили названіе бобровниковъ. Были цѣлыя поселенія такихъ бобровниковъ даже въ центральныхъ уѣздахъ,

---

[1]) Herberstein, Пав. Іовій, Флетчеръ, Саф. Барбаро.

напр. Дмитровскомъ, занимавшихся исключительно звѣроловствомъ. Но богатѣйшими мѣстами звѣриной ловли были берега сѣверныхъ рѣкъ: Ваги, изобиловавшей лисицами чернаго и пепельнаго цвѣтовъ, Печеры, гдѣ во множествѣ водились соболи, куницы, бобры, волки и бѣлки, и Сѣверной Двины съ ея притоками. Въ странѣ югровъ и вогуличей на высокихъ горахъ водились превосходные соколы и кречеты. Затѣмъ въ концѣ XVI столѣтія (1584) къ Россіи была присоединена Сибирь съ ея неисчерпаемыми богатствами пушнаго звѣря.

Весьма важнымъ подспорьемъ для населенія служило пчеловодство, развившееся вслѣдствіе того же обилія лѣсовъ. По разсказамъ иностранцевъ пчелы кладутъ медъ въ дуплахъ въ деревьяхъ безъ всякаго ухода. Весьма характеристиченъ для того времени слѣдующій анекдотъ, возникновеніе и распространеніе котораго было возможно только въ эту эпоху. Одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самую шею; онъ оставался въ такомъ положеніи впродолженіи двухъ дней, питаясь однимъ медомъ, пока наконецъ не выручилъ его изъ неминуемой бѣды медвѣдь, спустившійся задними лапами въ тоже дупло. Крестьянинъ ухватился за него руками и закричалъ во все горло, такъ что испуганный медвѣдь выскочилъ изъ дупла и вынесъ крестьянина вмѣстѣ съ собой. Пчеловодство было распространено повсюду, но имъ занимались преимущественно въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской, Рязанской и Смоленской. Были цѣлыя села борниковъ, напр. въ Нижегородской губ., занимавшіяся пчеловодствомъ.

Нечего много говорить о рыбныхъ богатствахъ рѣкъ и озеръ, въ обиліи покрывавшихъ русскую равнину во всѣхъ ея направленіяхъ. Рыболовствомъ съ успѣхомъ занимались въ каждомъ озерцѣ, въ каждой рѣчкѣ. Рыба составляла одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія, особенно во время постовъ, и была обыкновенной принадлежностью базаровъ. Въ наиболѣе выгодныхъ мѣстахъ, на берегахъ большихъ рѣкъ и озеръ были расположены слободы рыболововъ, жившихъ почти исключительно продуктами своего промысла. Такъ извѣстны рыболовныя слободы на Галицкомъ озерѣ, Переяслав-

скомъ, Бѣломъ озерѣ, на Волгѣ близь Романова и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть, что естественныя условія того времени были весьма благопріятны для производительности труда и человѣкъ гораздо меньшимъ количествомъ труда могъ добыть себѣ необходимыя средства къ существованію, чѣмъ въ какую либо изъ послѣдующихъ эпохъ русской исторіи. Разсмотрѣвши природныя условія труда, перейдемъ къ излѣдованію общественаго экономическаго положенія крестьянства въ ту пору.

II.

Въ большей части Россіи земли были розданы уже въ то время служилымъ людямъ и духовенству. Древній бытъ, при которомъ территорія была раздѣлена между отдѣльными родами, владѣвшими землею лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалась обработка земли и лишь въ предѣлахъ приложенія своего труда—«куда топоръ, соха и коса ходила»—сохранился въ немногихъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Россіи крестьяне сидѣли на земляхъ, принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, и пользовались своими участками подъ условіемъ взноса извѣстнаго количества оброка или доли отъ урожая въ пользу землевладѣльца. Такимъ образомъ масса земледѣльческаго населенія по своимъ отношеніямъ къ землѣ не составляла одного цѣлаго и раздѣлялась на 2 большія группы: 1) крестьянъ черныхъ, жившихъ на земляхъ свободныхъ, верховнымъ собственникомъ которыхъ въ ту пору считался князь и 2) крестьянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ. На сѣверозападѣ, въ областяхъ Новгорода и Пскова, былъ еще классъ мелкихъ собственниковъ земли — своеземцевъ. Одни изъ нихъ обработывали свои участки сами, иногда съ помощью наемныхъ работниковъ—захребетниковъ и подворниковъ — другіе сдавали ее крестьянамъ изъ извѣстной доли продукта на одинаковыхъ условіяхъ съ остальными землевладѣльцами: вообще этотъ классъ занималъ средину между крестьянами и землевладѣльцами. Впродолженіе XVI в. онъ постепенно изчезаетъ.

Черныя земли были первоначально единственнымъ видомъ земель въ Россіи. Даже въ удѣльный періодъ, когда земли стали раздаваться въ вотчины и помѣстья и значительная часть свободныхъ крестьянъ превратилась въ арендаторовъ у землевладѣльцевъ, черные крестьяне составляли громадное большинство. Правительство испомѣщало въ эту пору служилыхъ людей главнымъ образомъ изъ «порозжихъ» земель, на которыя только особенныя льготы могли привлечь крестьянъ черныхъ волостей. Но, начиная съ XV в., усилилась раздача земель, населенныхъ черными крестьянами, и свободное крестьянство стало исчезать съ удивительною быстротой. Въ XVI в. черныя волости уже совершенно исчезли въ центральныхъ уѣздахъ, напр. московскомъ, коломенскомъ и звенигородскомъ и въ большей части новгородской области, составляли незначительную часть въ тверскомъ уѣздѣ [1]) и сосредоточивались, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ окраинахъ Россіи въ уѣздахъ поморскихъ и на сѣверовосточныхъ краяхъ новгородской земли (обонежская пятина), которыя избавились отъ общей участи остальной Россіи только благодаря новымъ завоеваніямъ на югѣ, представлявшимъ несравненно болѣе выгодъ для землевладѣльцевъ, чѣмъ сѣверныя окраины. Крестьяне, жившіе на владѣльческихъ земляхъ раздѣлялись на нѣсколько группъ, впрочемъ весьма немного различавшихся между собою по условіямъ своего быта. Въ составъ этого класса входили: крестьяне жившіе 1) въ дворцовыхъ имѣніяхъ 2) на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ служилыхъ людей и 3) на земляхъ чернаго духовенства (монастырей, митрополитовъ и архіереевъ) и бѣлаго. Въ XVI в. владѣльческіе крестьяне составляютъ громадное большинство.

Былъ еще разрядъ земледѣльческихъ работниковъ—холопы. Они рѣзко отличаются отъ предыдущихъ двухъ классовъ, и своимъ экономическимъ положеніемъ, а особенно отсутствіемъ

---

[1]) См. писцовыя книги этихъ уѣздовъ и пятинъ новгородской земли. Я имѣлъ случай пользоваться еще невышедшимъ первымъ отдѣленіемъ перваго тома писцовыхъ книгъ, издаваемыхъ географическимъ обществомъ подъ редакціей Калачева. Въ ожиданіи скораго выхода ея я счелъ нелишнимъ обозначать страницы приводимыхъ мѣстъ.

всѣхъ гражданскихъ правъ, которыми крестьяне обладали во всей ихъ полнотѣ. Число земледѣльческихъ рабовъ въ описываемое время было совершенно ничтожно, въ чемъ особенно убѣждаютъ писцовыя книги. По мнѣнію Бѣляева, количество несвободнаго населенія къ массѣ вольнаго крестьянства относилось какъ 1 къ 300. Это отношеніе, довольно вѣроятное для новгородскихъ владѣній, въ остальныхъ частяхъ Россіи было еще слабѣе.

Всѣ перечисленные разряды земледѣльческаго населенія, за исключеніемъ послѣдняго, по отношенію къ личнымъ и имущественнымъ правамъ, общественному положенію представляли однообразную массу полноправныхъ личностей, равныхъ съ членами другихъ классовъ. Вслѣдствіе свойственныхъ той эпохѣ соціально-экономическихъ условій, крестьяне, жили ли они на своихъ земляхъ, или на помѣщичьихъ, не могли сильно различаться между собою и по имущественному состоянію. Экономическій строй русскаго общества въ XV—XVI вѣкахъ носитъ черты переходной фазы отъ первобытнаго состоянія къ общественной организаціи новаго времени съ ея средоточеніемъ средствъ производства въ рукахъ особаго класса. Впрочемъ зачатки этой новой организаціи были еще весьма слабы. На пространствѣ всей Россіи почти исключительно господствовалъ способъ мелкаго производства, основанный на общинномъ владѣніи землей, подѣленной на небольшіе участки между членами общины. Каждое земледѣльческое семейство отдѣльно отъ другихъ обработывало свой жеребій за немногими исключеніями лишь собственными силами и орудіями и вело вообще отдѣльное хозяйство. Только спорадически, преимущественно въ монастырскихъ имѣніяхъ, встрѣчалось хозяйство въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, но оно велось тѣмъ же способомъ, какъ и крестьянское хозяйство, отъ котораго отличалось лишь массою одновременно употребляемыхъ работниковъ и соотвѣтственнымъ количествомъ сосредоточенныхъ средствъ производства.

Ремесла стояли въ тѣсной связи съ земледѣліемъ и представляли туже форму мелкаго производства. Характеристической чертой изслѣдуемой экономической фазы было то явленіе,

что производство было направлено главнѣйшимъ, почти исключительнымъ образомъ на удовлетвореніе потребностей производителей.

Въ первыя эпохи нашей исторіи каждое хозяйство, было ли оно крестьянское или помѣщичье, каждая община удовлетворяли вполнѣ своимъ потребностямъ и работали лишь для ихъ удовлетворенія и запаса на случаи голода. Но въ XII — XVI в. полнаго соотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ уже не существовало, такъ какъ въ большинствѣ мѣстностей крестьянинъ не былъ собственникомъ воздѣлываемой земли, которая была роздана помѣщикамъ, вотчинникамъ и монастырямъ. Приходилось значительную часть труда употреблять на вознагражденіе владѣльцевъ земли. При весьма низкомъ уровнѣ потребностей землевладѣльцевъ количество этого излишняго противъ собственныхъ нуждъ, добавочнаго труда, было однакожь ограниченно, какъ это будетъ показано при разсмотрѣніи различныхъ видовъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Весь же остальной свой трудъ, за исключеніемъ этой доли, земледѣлецъ употреблялъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, причемъ, одна часть производимаго продукта служила какъ средство существованія, другая какъ средство производства. Правда существовалъ нѣкоторый сбытъ внѣ своей общины, но онъ имѣлъ цѣлью лишь пріобрѣтеніе предметовъ непосредственнаго потребленія. Въ этомъ убѣждаетъ не только простой взглядъ на предметы, продаваемые на торгахъ и относящіеся исключительно къ хозяйству, но и правительственныя распоряженія, подобныя наказу, данному тобольскому воеводѣ въ 1664 году, которымъ воспрещалось служилымъ людямъ покупать хлѣба свыше 5 или 6 четвертей (Доп. къ ист. актамъ IV, стр. 354) Громаднѣйшая часть производимыхъ продуктовъ служила для внутренняго потребленія и за границу сбывались лишь излишки за его удовлетвореніемъ. Преимущественно сбывались тѣ изъ сырыхъ продуктовъ, которыхъ Россія могла добывать въ неистощимомъ обиліи, напр. поташа, смолы, смольчуга, лѣснаго товара и т. д. Что касается до хлѣба, то отчасти вслѣдствіе отсутствія запроса извнѣ, онъ вывозился лишь въ незначи-

тельномъ количествѣ. Хлѣбной торговлей занималась казна, а право частныхъ людей на вывозъ было ограничено. Но вообще вывозить хлѣбъ заграницу въ большомъ количествѣ считалось вреднымъ и опаснымъ. Торговцы жаловались на англичанъ и другихъ иностранцевъ, что они оголодали русскую землю, вывозя хлѣбъ за границу. Въ XVII вѣкѣ правительство также неоднократно запрещало его вывозъ. Такъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ 1628 г. запрещено было вывозить за границу хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, воскъ и благородные металлы. Подобныя же распоряженія были повторены въ 1649 и 1661 годахъ. Особенно правительство запрещало вывозъ хлѣба въ Литву въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этимъ государствомъ бывали враждебныя столкновенія. Такимъ образомъ для развитія обмѣна не было благопріятныхъ условій. Внутри государства препятствовала ему однообразіе природныхъ условій, вслѣдствіе чего не могло явиться различія въ сферахъ производства, а слѣдовательно и раздѣленія труда. Сбыту за границу мѣшала изолированность Россіи и низкій уровень потребностей ея жителей.

Могло ли явиться какое либо рѣзкое, существенное различіе въ экономическомъ бытѣ перечисленныхъ разрядовъ земледѣльческаго класса при такой монотонной общественной организаціи производства, при однообразіи природныхъ средствъ, тѣмъ болѣе, что и остальныя условія, опредѣляющія производительность труда, каковы средняя степень способности рабочаго, уровень развитія, количество знаній и умѣнье примѣнять ихъ были одинаковы для всѣхъ земледѣльцевъ? Конечно нѣтъ. Дѣйствительно величина и составъ участковъ какъ у черныхъ такъ и у владѣльческихъ крестьянъ въ среднемъ выводѣ одинаковы, такъ какъ они опредѣлялись повсюду количествомъ потребностей, весьма сходнымъ для каждаго хозяйства. Различія объясняются исключительно мѣстными условіями. Нѣсколько болѣе разницы относительно повинностей. Владѣльческіе крестьяне платили деньги или долю урожая землевладѣльцу, между тѣмъ какъ черные были свободны отъ этихъ платежей. Но за то черные платили больше податей сравнительно съ владѣльческими, и въ сущности количество повинностей лежавшихъ на землѣ въ томъ и другомъ случаѣ,

при правѣ свободнаго перехода, должно было одинаково. Приведенное дѣленіе на разряды основывается не на различіи въ количествѣ отбываемыхъ повинностей и вообще не на какихъ либо особенностяхъ экономическаго быта, а главнымъ образомъ на различіи лицъ и учрежденій, въ пользу которыхъ повинности отбывались.

Вслѣдствіе этого, въ избѣжаніе повтореній, мнѣ кажется, удобнѣе не разсматривать каждый разрядъ отдѣльно, а изслѣдовать предварительно хозяйственныя условія, общія крестьянамъ всѣхъ разрядовъ, и затѣмъ показать особенности ихъ положенія на земляхъ различныхъ владѣльцевъ.

III.

Преобладающимъ занятіемъ крестьянскаго населенія было земледѣліе. Оно велось уже на сѣверѣ по подсѣчной, въ большей же части Москов. государства по трехпольной системѣ, причемъ одно поле засѣвалось рожью, другое овсомъ, третье оставалось подъ паромъ (А. А. Э. т. III № 93). Но почти при каждой деревнѣ сверхъ «паханой пашни» было еще извѣстное количество перелогу и пашни заброшенной и поросшей лѣсомъ. Сѣяли рожь, овесъ, ячмень и гречиху. Пшеница засѣвалась сравнительно въ ничтожномъ количествѣ и составляла предметъ потребленія крестьянина только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ писцовыхъ книгахъ, какъ новгородскихъ такъ и московскихъ разныхъ мѣстностей, при описаніи помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ, нигдѣ пшеница почти не упоминается въ числѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ. Каждое крестьянское хозяйство владѣло извѣстнымъ количествомъ лошадей, коровъ, овецъ и проч. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, какъ велико было количество скота. Но судя по обилію сѣна, скашиваемаго каждымъ дворомъ, по дешевизнѣ скота, судя, наконецъ, потому, что налоги, отбываемые въ началѣ XIV столѣтія преимущественно натурой, платились вмѣстѣ съ рожью, овсомъ, хмѣлемъ и солодомъ, продуктами скотоводства и птицеводства: масломъ, сыромъ, овчинами, бараньими лопатками,

курами, яйцами—можно предполагать, что скота было довольно въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Но земледѣліе далеко не составляло исключительнаго занятія. Вмѣстѣ съ нимъ крестьяне занимались звѣроловствомъ, бортничествомъ или рыбною ловлею. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе благопріятныхъ для того мѣстностяхъ эти занятія, какъ мы видѣли, образовали самостоятельныя сферы хозяйства и служили главнѣйшимъ источникомъ средствъ населенія этихъ мѣстностей. Вообще въ быту крестьянства XVI вѣка сохранилось еще много элементовъ первобытной рыболовческой и звѣроловческой культуры. Въ это время заканчивалась для русскихъ людей переходная эпоха отъ того быта, когда они жили въ лѣсахъ подобно звѣрю, къ быту земледѣльческому.

Что касается до ремеслъ, то въ городахъ еще встрѣчаются самостоятельные ремесленники, но въ селахъ ремесло рѣдко было самостоятельнымъ занятіемъ и исполнялось побочно при земледѣліи [1]). Вслѣдствіе этого: 1) могли появиться только такія ремесла, которыя находятся въ непосредственной связи съ земледѣліемъ, а во 2-хъ, не могъ возникнуть въ селахъ сколько нибудь значительный классъ ремесленниковъ, число которыхъ дѣйствительно было въ высшей степени ничтожно. Среди нескончаемыхъ описаній деревень и селъ, рѣдко гдѣ можно встрѣтить дворъ какого нибудь ремесленника, живущаго исключительно своимъ занятіемъ. Чаще, чѣмъ другіе ремесленники попадаются въ селахъ кузнецы: кузнечество наиболѣе тѣсно связано съ земледѣліемъ. Въ большинствѣ описываемыхъ случаевъ кузнецы занимались вмѣстѣ съ своимъ ремесломъ и земледѣліемъ: «Дворъ Ивашко кузнецъ, сѣетъ ржи 3 коробьи, а сѣна коситъ 15 копенъ» [2]), но иной разъ только и знали, что свое ремесло. Встрѣчаются кое гдѣ по 2 по 3 кузницы въ одной деревнѣ [3]). На распростра-

---

[1]) Пряжа, тканье, выдѣлка овчинъ и подобныя работы исполнялись дома самими членами семействъ.

[2]) П. кн. Дер. пят. I. 38. Ср. 70, 630, 633, 680, 681, 729, II. 547, 582, 705, 737 и въ другихъ мѣстахъ. Писц. кн. изд. Калачевымъ. I. 284, 286, 655 и пр. Писц. кн. Вотской пятины 587, 623, 688, 793.

[3]) П. кн. Клач. II. 24, 53 Ср. Дер. I 316.

ненность этого ремесла отчасти указываетъ нерѣдко встрѣчающіяся названія деревень въ родѣ Кузнецово, Кузнечково и т. д. (П. кн. Калач. II, 124, 138 и пр.). Тѣмъ же ремесломъ занимался вѣроятно и коваль (ibid. 138). Плотники упоминаются гораздо рѣже. Въ ту пору каждый или самъ дѣлалъ свои несложныя постройки или при помощи сосѣдей, которымъ онъ въ случаѣ нужды платилъ въ свою очередь такою же помощью. Кое-гдѣ попадаются плотники, вовсе не занимавшіеся хлѣбопашествомъ, люди непашенные (Дер. I. 482) или бобыли (I. 286, 684), или напр. одинъ и тотъ же крестьянинъ вмѣстѣ и пастухъ и плотникъ (П. кн. Вот. пят. 562). Изъ другихъ ремесленниковъ въ селахъ можно было встрѣтить гончаровъ (Дер. I, 4, 687), портныхъ, называвшихся то портными мастерами (Дер. I 682), то швецами или швалями (Дер. I, 758). И тѣ и другіе встрѣчаются довольно рѣдко и въ качествѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ въ селахъ почти никогда. Болѣе обыкновенны были ремесла для выдѣлки деревянныхъ издѣлій. Бочки, кадки, корыта колеса и проч. были обыкновенной принадлежностью базаровъ; въ писцовыхъ книгахъ нерѣдко упоминаются колесники (П. кн. Калач. 285, 286), иногда даже цѣлыя организованныя товарищества ихъ. Напр. въ Мусецкомъ погостѣ Обонежской пятины была община изъ 33 колесниковъ съ старостой во главѣ. Вмѣстѣ съ колесничествомъ они занимались и земледѣліемъ (Невол, О пятинахъ, приложеніе стр. 97—98). Подобныя примѣры встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, (село Клементьевское Московскаго у.). Это были зачатки кустарной промышленности, впослѣдствіи распространившейся по всей центральной Россіи. Кромѣ того въ селахъ изрѣдка встрѣчаются сапожники, ложечники, ларечники (П. кн. Кал. 1, 286) епанечники, ведерники (Вотск. пят. 1, 559), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины—рудокопы (ibid 613, 624). Особенный, довольно многочисленный разрядъ населенія составляли ямщики, увеличившійся къ концу XVI столѣтія, когда натуральная ямская повинность стала замѣняться сборомъ «ямскихъ денегъ».

Ремесленники работали или у себя на дому, или, чаще, приходили съ своими инструментами къ нанимателю на все время

работы, получая отъ него пищу и одежду или, взамѣнъ ихъ, деньги [1]). Такимъ образомъ по роду занятій сельское населеніе распадалось на двѣ группы: на крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ и носившихъ названіе людей пашенныхъ, и на людей непашенныхъ, въ Новгородской землѣ называвшихся поземщиками, жившихъ промыслами, торговлею, и ремеслами. Этимъ и ограничивалось раздѣленіе труда въ то время. Причинъ такого слабаго раздѣленія труда въ древней Россіи надо искать, какъ было уже сказано, въ однообразіи естественныхъ условій, породившихъ однообразіе средствъ производства и пропитанія, обусловившихъ въ свою очередь однообразіе въ способахъ производства, образѣ жизни и приготовляемыхъ продуктахъ. Каждая община жила отдѣльною отъ другихъ жизнью, находя внутри себя средства къ удовлетворенію своихъ потребностей.

Разсмотримъ теперь составъ крестьянскаго населенія по степени благостоянія. Въ этомъ отношеніи замѣчается разница какъ между самими пашенными крестьянами, такъ особенно между ними и людьми, вовсе не занимавшимися земледѣліемъ или, покрайней мѣрѣ, не имѣвшими своего хозяйства. Какъ въ черныхъ, такъ и во владѣльческихъ волостяхъ экономическій составъ населенія былъ одинаковъ и различіе только въ количественномъ отношеніи разныхъ разрядовъ. Громадное большинство деревенскихъ жителей составляли собственно крестьяне. Крестьяниномъ назывался земледѣлецъ, имѣвшій домъ, дворъ, участокъ пахатной земли, долю въ сѣнокосахъ, лѣса и другихъ угодьяхъ. Чтобы судить о степени ихъ зажиточности представимъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, оставляя подробное изслѣдованіе всей массы крестьянства до дальнѣйшихъ отдѣловъ. Въ началѣ 16 столѣтія въ Двинской землѣ въ Ровдогорской волости поселился крестьянинъ Емельянъ Вахонинъ. Онъ взялъ у Двинскихъ старостъ неразчищенную пустошь, съ правомъ пользоваться ею въ первые 4 года, не внося оброка. Сынъ его Василій увеличилъ полученное отъ отца владѣніе покупкой

[1]) Лѣтопись занятій Археографической коммисіи 1871. Приходо-расходныя книги Корнильева-Комельскаго монастыря, стр. 25.

2 большихъ пахотныхъ полей (на 2 р.). Сынъ Василья Иванъ купилъ еще нѣсколько поженъ и полей. (Въ 1578 г. пріобрѣлъ онъ за 2 рубля пашню, въ 1596 г. купилъ 2 оброчныя земли за 7 руб., въ 1597 г. поженку за полтину, въ 1599 лоскутъ земли за 20 алтынъ, 1604 г. два лоскута за 2 рубля). Впродолженіе столѣтій составилось, такимъ образомъ, большое имущество, которое въ XVII вѣка было еще увеличено наслѣдниками. У Крестинина, изъ книги котораго „Сельское домостроительство" взятъ этотъ разсказъ, можно найти много другихъ подобныхъ же примѣровъ. Или, вотъ напримѣръ, крестьянинъ Ломской волости Прокофій Бородинъ оставляетъ своимъ дѣтямъ слѣдующее наслѣдство: деревни, дворы, дворовыя хоромы, сѣнные покосы, пожни и рыбныя ловли и всякія деревенскія угодья, сухой хлѣбъ въ анбарахъ, коней, коровъ и всякой житейской заводъ [1]). И въ томъ и другомъ случаѣ идетъ рѣчь только о пахатномъ полѣ. Луга, лѣсъ состояли въ общинномъ владѣніи и по этому не могли войти въ завѣщаніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей (А. И. Т. I № 165. А. А. Э. Т. I 266 Д. къ А. И. Т. I № 149). Въ основаніи этого дѣленія лежало различіе по степени благостоянія, равно какъ и по вытекавшей отсюда платежной способности и положенію въ обществѣ. Впрочемъ, кажется, такое раздѣленіе, обыкновенное въ городахъ, въ селахъ встрѣчалось рѣдко: покрайней мѣрѣ, въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ указанія на такое различіе и вообще по нимъ не замѣчается большой разницы по имуществу между крестьянами.

Кромѣ крестьянъ въ деревняхъ жили бобыли, казаки, подворники, захребетники, подсусѣдники и задворные люди. Бобыли представляютъ характерное явленіе XVI вѣка, къ которому слѣдуетъ отнести если не происхожденіе бобыльства, то, по крайней мѣрѣ, его наибольшее развитіе. Что касается до ихъ экономическаго положенія, то несомнѣнно, что оно было хуже крестьянскаго. Въ писцовыхъ книгахъ ихъ дворы описываются всегда отдѣльно отъ крестьянскихъ и послѣ этихъ по-

---

[1]) А. И. стр. 66.

слѣднихъ [1]). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они имѣютъ свои усадьбы и дворы [2]). Какъ кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ были также и запашки, хотя и въ половину меньшія, чѣмъ у крестьянъ: въ грамотѣ Патріарха Іова 1590 они прямо названы полувытчиками. По уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря бобыли платили вдвое менѣе (2 деньги) противъ крестьянъ (4 деньги). Но обыкновенно бобыли были безземельными [3]) и при описаніи селеній нигдѣ не говорится о землѣ бобылей, перечисляется только число ихъ дворовъ Не имѣя земли, они не несли и никакихъ поземельныхъ налоговъ: не были положены съ выти [4]), платя подати и оброки съ дворовъ [5]).

Жили они или нанимаясь на земледѣльческіи работы или промыслами и ремеслами, называясь въ такомъ случаѣ непашенными (Кал. I. 773). Для отправленія какихъ либо не земледѣльческихъ повинностей, напр. въ качествѣ перевозчиковъ, община выбирала бобылей [6]).

Экономическое положеніе извѣстнаго класса опредѣляетъ въ значительной степени значеніе и его общественное. Бобыли пользовались меньшимъ значеніемъ въ общинѣ, чѣмъ крестьяне. По уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, они, платя оброки, не участвуютъ, подобно крестьянамъ, въ раскладкѣ мірскихъ разрубовъ и разметовъ (А. А. Э. № 269).

Въ XVII вѣка бобыли являются уже земледѣльческимъ

---

[1]) Деревн. Лобарева, а въ ней крестьянъ 4 двора, да бобыльскихъ 3 двора (П. Кн. Калач. 1.898).

[2]) Но встрѣчаются и противные примѣры: не рѣдко можно встрѣтить жилища бобылей на огородахъ поповъ, дьяковъ и пр. (Невол. о пят. прилож.)

[3]) Временникъ № 2 Смѣсь стр. 20 А. А. Э. т. I № 221.

[4]) Напр. дер. Саврасова. Въ ней 2 двора крестьянскихъ и 2 двора бобыльскихъ; земли 5 десятинъ (выть). Она распредѣлена исключительно между крестьянами, изъ которыхъ каждый дворъ обработываетъ по $^1/_3$ десятины, а остальную треть они же пашутъ сообща. Бобыли же не имѣютъ земли (П. кн. Калач. I. 760. 773).

[5]) Напр. въ Дмитр. у. въ имѣніи Троиц. монаст. въ то время какъ крестьяне пашутъ за каждыя пять десятинъ, за выть, по 2 десятины въ пользу монастыря и сверхъ того платятъ съ выти по гривнѣ, бобыли платятъ только по гривнѣ съ двора (П. кн. Калач. I. 764).

[6]) А. А. Э. т. I 455.

классомъ. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ они по всюду земледѣльцы, хотя и обрабатываютъ обыкновенно только половину крестьянскаго участка, платя соотвѣтственно этому вдвое менѣе налоговъ, сравнительно съ крестьянами [1]).

Подворники и захребетники встрѣчаются преимущественно въ Новгородѣ въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Первые не имѣли въ большинствѣ случаевъ своихъ дворовъ и жили у крестьянъ, иногда по нѣскольку человѣкъ въ одномъ домѣ (Дер. I 37). Кое гдѣ жили они и въ своихъ дворахъ (Дер. I. 681. 808). Подворникъ работалъ по найму или на одно семейство, или же 2, 3 двора вмѣстѣ имѣли одного общаго подворника [2]). Если подворникъ жилъ какимъ нибудь ремесломъ или промысломъ, былъ непашеннымъ человѣкомъ, то онъ платилъ поземъ [3]). Захребетники принадлежали къ одному типу съ подворниками, но были кажется независимѣе ихъ. Большею частью у нихъ есть свой дворъ и противные случаи встрѣчаются рѣдко. Живя въ своихъ дворахъ, они рѣдко нанимались исключительно къ одному какому либо домохозяину, а брали работы у всѣхъ обывателей деревни и потому приписываются въ писцовыхъ книгахъ не къ дворамъ, а къ цѣлой деревнѣ [4]). Типъ странствующаго бездомнаго пролетарія въ Московской Руси представляетъ казакъ. Казаки явились въ половинѣ 16 столѣтія. Это были безземельные крестьяне, жившіе большею части наймомъ на земледѣльческія работы у крестьянъ и землевладѣльцевъ, переходя для этой цѣли изъ волости въ волость, изъ деревни въ деревню. Они нанимались также и на всякія другія работы: въ повара, водоливы, дровосѣки, нанимались жечь известь, приготовлять камень для построекъ, въ варницы. (А. А. Э. т. I. стр. 167). Понятно, что они, не владѣя землой, не платили и обежной т. е. поземельной подати (Дер. II. 715). Во всѣхъ же другихъ повинностяхъ они принимали меньшее участіе, сравнительно съ крестьянами: такъ въ имѣніяхъ

---

[1]) Бѣлевская Вивліоѳика (1646 года).

[2]) Дер. I 37. II. 601.

[3]) Дер. II. 600.

[4]) Дер. I. II. 725. Ср. Дер. I. 10. 42. 52. 53. II. 691. 696. 715—16, 722, 723, 728 и пр.

Соловецкаго монастыря они платятъ въ 8 разъ меньше, чѣмъ крестьяне (А. А. Э. т. I. № 221). Повинности распредѣлялись для казаковъ по головамъ, промысламъ и животамъ. Общественное положеніе казака не было однакожь такъ ничтожно, какъ можно было бы думать, судя по его экономической зависимости: для раскладки податей изъ среды ихъ, все равно какъ и отъ крестьянъ, выбирались представители. И если въ случаѣ какихъ либо преступленій, напримѣръ игры въ зернь, платилъ не самъ уличенный въ этой игрѣ казакъ, а его хозяинъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ въ такомъ же случаѣ отвѣчалъ самъ, то это объясняется вѣроятнѣе всего тѣмъ, что съ казака нечего было взять (А. А. Э. стр. 210—211 [1]).

Предсставляется вопросъ, какимъ образомъ могъ появиться въ XVI в. классъ безземельныхъ и малоземельныхъ людей? Земли было много и земли, какъ мы видѣли, въ высшей степени плодородной, черныя волости, землевладѣльцы на перерывъ другъ передъ другомъ предлагали выгодныя условія поселяюшимся у нихъ крестьянамъ, а между тѣмъ въ обществѣ является элементъ безземельныхъ. Причинъ такого явленія надо искать: во 1-хъ, въ возможности найти себѣ средства существованія внѣ земледѣлія; во 2-хъ, въ тяжести повинностей, лежавшихъ на землѣ и въ 3-хъ въ отсутствіи принудительпой власти въ общинѣ (см. мою книгу: Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 130 и слѣд.). Тогда налоги брались главнымъ образомъ съ обработываемой земли и въ XVI вѣкѣ вслѣдствіе безпрестанныхъ обременительныхъ войнъ, вслѣдствіе развитія потребностей землевладѣльческаго класса налоги эти достигли значительный высоты. Но земледѣльческій трудъ и безъ того долженъ былъ казаться тяжелымъ человѣку, едва перешедшему къ нему отъ звѣроловства и рыболовства. Между тѣмъ при-

---

[1]) Но не вездѣ впрочемъ казаки были бездомными пролетаріями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они имѣютъ свои дворы, скотъ: коровъ и лошадей, и вообще отличаются отъ крестьянъ только тѣмъ, что тянули не полную выть (А. А. Э. т. I 304). Казакъ мелкій, землевладѣлецъ—своеземецъ—отдающій свою землю въ аренду крестьянину (Дер. пят. 1.89. Ср. 100). Казаки торговые (А. И. 13).

рода представляла много средствъ къ жизни и внѣ земледѣлія; заработная плата была также достаточно высока, чтобы жить наймомъ. Отказываясь отъ земли и дѣлаясь звѣроловомъ или рыболовомъ, ремесленникомъ или наемнымъ рабочимъ, крестьянинъ освобождался отъ большей части налоговъ, обязываясь вносить сравнительно незначительный оброкъ. Въ той же тяжести повинностей лежитъ причина незначительности и дробленія крестьянскихъ участковъ.

Исторія развитія класса безземельныхъ вполнѣ доказываетъ справедливость приведеннаго объясненія причинъ его возникновенія. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка классъ этотъ весьма незначителенъ. Съ увеличеніемъ налоговъ на землю, съ обращеніемъ натуральныхъ податей въ денежныя, увеличивается впродолженіе XVI столѣтія и классъ безземельныхъ. То же самое доказываетъ и географическое распространеніе этого класса. Число безземельныхъ возрастаетъ по направленію отъ окраинъ къ центру, гдѣ при неплодородности почвы земля была обложена болѣе, чѣмъ въ отдаленныхъ отъ Москвы уѣздахъ [1]). Эти безземельные составляли главный контингентъ переселенцевъ на югъ, какъ увидимъ далѣе.

---

[1]) Вотъ факты относительно бобылей въ Деревской пятинѣ новгородской земли. Въ концѣ XV и XVI вѣка, мы встрѣчаемъ здѣсь такой ничтожный классъ подворниковъ и захребенниковъ, не имѣющихъ земли, что объ нихъ не стоило бы и упоминать. Но чрезъ 80 лѣтъ мы встрѣчаемъ тамъ на 505 дворовъ крестьянскихъ уже 77 дворовъ бобыльскихъ (Нев. прил. 252). Въ Вотской пятинѣ, въ то же время, на 800 двор. крестьянск. было 74 двора бобыльскихъ.

То же самое и въ центральныхъ мѣстностяхъ. До конца XV вѣка въ источникахъ нѣтъ и рѣчи ни о казакахъ, ни о бобыляхъ. Ихъ не было въ тверскомъ уѣздѣ, въ 40-хъ годахъ XVI-го столѣтія. Но къ концу столѣтія бобыльство развивается съ замѣчательной быстротой. Вотъ число бобылей въ вотчинахъ Тр.-Серг. монастыря въ различныхъ уѣздахъ. Въ углицкомъ уѣздѣ, въ имѣніи этого монастыря, въ 1593—94 г. на 477 двор. крестьянскихъ, приходилось 13 двор. бобыльскихъ, въ рузскомъ, въ тѣ же годы, на 60 двор. крестьянскихъ—5 двор. бобыльскихъ, въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ 1592—93 г. на 417 крестьянскихъ дворовъ 40 двор. бобыльскихъ, во владимірскомъ, на 473 двора крестьянскихъ 53 бобыльскихъ, переяславль-залѣсскомъ на 809 двор. кр. 62 бобыльск., въ ярославскомъ на 207 двор. кр. 17 двор. бобыльск. Въ ростовскомъ, на 483 первыхъ приходилось

IV.

Переходя къ подробному изслѣдованію экономическаго быта земледѣльческаго класса, мы сначала представимъ очеркъ положенія крестьянъ - земледѣльцевъ въ центральныхъ уѣздахъ Россіи и новгородской области. Единицей распредѣленія земли въ то время была не душа и не тягло, а *дворъ*. Подъ этимъ словомъ понималась совокупность лицъ жившихъ въ одномъ дворѣ, и связанныхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ общимъ происхожденіемъ. Всѣ эти лица пользовались сообща извѣстнымъ количествомъ пахатнаго поля, долей въ общинныхъ лугахъ, пастбищахъ, лѣсахъ, водахъ, дорогахъ и вообще во всѣхъ владѣніяхъ своей общины. Въ силу такого значенія, дворъ служилъ также единицей распредѣленія податей и повинностей въ пользу князя, землевладѣльца и общины. Двору присвоялась далѣе сумма опредѣленныхъ правъ. Бобыль, имѣвшій только одну усадьбу, или сидѣвшій на половинномъ тяглѣ, пользовался въ общинѣ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ крестьянинъ, владѣвшій полнымъ дворомъ. Нѣтъ данныхъ для опредѣленія количественнаго состава дворовъ. При описаніи ихъ, всегда говорится объ одномъ, рѣдко о двухъ обитателяхъ „Деревня Горка, дворъ Ивашко Лукинъ“ (Дер. II. 506). Но очевидно, что этотъ Ивашко только старшій представитель двора, за которымъ шла болѣе или менѣе многочисленная семья.

Величина участка опредѣлялась исключительно размѣромъ потребностей семьи и ея силами. Въ новгородской области, въ дерев. пятинѣ дворовые участки крестьянина болѣе или менѣе равны между собою, и именно, среднимъ числомъ, на дворъ приходилось около $2^1/_2$ десят. пахатной земли въ полѣ, и въ

---

23 послѣднихъ. Наибольшее количество бобылей было въ московскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ итоговъ, общихъ для всѣхъ селеній этого уѣзда. Но, напр., въ сурожскомъ стану на 94 двора крестьянск., считается 29 двор. бобыльскихъ. Всѣ эти данныя взяты изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка.

двухъ по стольку же, и отъ 10 до 15 коп. сѣна [1]). Въ вотской пятинѣ различіе въ величинѣ участковъ гораздо значительнѣе: большею частію они заключаютъ отъ 3 до 5 десят. пахатной земли въ полѣ, но иные дворы имѣютъ 10, 12 и болѣе десятинъ. Все зависѣло отъ количества членовъ двора. Также неодинаковы подворные участки и въ центральныхъ уѣздахъ. Напр., въ ростовскомъ уѣздѣ 5 дворовъ деревни Глинки имѣютъ 11 десятинъ пахатной земли въ полѣ, и въ двухъ по стольку же, 15 копенъ сѣна и 3 десятины лѣсу, а сосѣдняя деревня (Микяшкино) при 5 же дворахъ запахиваетъ 10 десятинъ въ полѣ, коситъ 100 копенъ сѣна и имѣетъ 7 десятинъ лѣсу [2]).

Впрочемъ, какъ видно уже изъ приведенныхъ примѣровъ, различіе въ величинѣ участковъ въ предѣлахъ одного района было незначительно и зависѣло исключительно отъ разницы въ многочисленности семей.

Но изъ этихъ примѣровъ видно также, что въ различныхъ мѣстностяхъ средняя норма участковъ не одинакова. Въ центральныхъ уѣздахъ она менѣе, чѣмъ на окраинахъ. Это объясняется различіемъ въ способахъ хозяйства: въ однѣхъ мѣстностяхъ господствовало по преимуществу подсѣчное хозяйство, въ другихъ трехпольное, что обусловливалось съ одной стороны разнообразіемъ естественныхъ свойствъ, а съ другой—различіемъ въ плотности населенія.

Намъ приходится теперь войти въ нѣкоторыя подробности относительно размѣра крестьянскихъ участковъ въ различныхъ частяхъ Россіи, которыя могутъ показаться утомительными, но это единственно вѣрный критерій для оцѣнки степени благосостоянія земледѣльческаго населенія: вопросъ о величинѣ участковъ есть вопросъ о коренномъ основаніи быта этого населенія, и

---

[1]) Мы считаемъ коробъ или коробью за десятину. См. Бѣляевъ, о позем. влад., 64.

[2]) П. кн. Калач. II. 18. Или, напр., въ 3 сосѣднихъ деревняхъ тверскаго уѣзда, волости Воловичи, въ каждой по 2 двора, но въ одной изъ нихъ (Ортемово) пашни $4^1/_2$ десятины и сѣна 30 коп., въ другой (Стригино) 5 десятинъ и 6 коп. сѣна, въ третьей (Новинки)—3 десятины и 200 коп. сѣна (ibid. II. 51).

потому онъ заслуживаетъ самого внимательнаго изслѣдованія.

Возьмемъ сначала участки въ черныхъ волостяхъ, и затѣмъ сравнимъ ихъ съ участками владѣльческихъ крестьянъ. Чтобы устранить всякое вліяніе случайныхъ условій, будемъ брать для выводовъ среднія цифры изъ возможно большаго числа данныхъ.

Наиболѣе богаты землею были черныя волости сѣвернаго края, занимавшія не рѣдко громадныя пространства, на которыхъ тамъ и сямъ, среди лѣсовъ и пустыхъ болотъ, торчали деревни, отдѣляемыя другъ отъ друга на десятки, сотни верстъ [1]). Тутъ каждый могъ захватывать столько земли и угодій, сколько онъ былъ въ силахъ обработать. Вотъ, напримѣръ, какимъ количествомъ земли владѣла одна черная волость михаловскаго погоста, обонежской пятины (нын. олонецкой губ.), состоявшая изъ 24 деревень. (Деревни въ древней Россіи заключали отъ 1 до 3 дворовъ). Сверхъ пашень и луговъ, находившихся въ непосредственномъ пользованіи каждой деревни, въ нераздѣльномъ владѣніи всей общины были обширныя пространства пашенныхъ и не пашенныхъ земель, тянувшихся на 2 версты вдоль береговъ рѣки Сестрицы до Волхова, 2 острова: Зеленое и Боръ, послѣдній длиной съ версту, полмѣста рыбной ловли въ Ладожскомъ озерѣ, и, наконецъ, 3 версты въ длину непашеннаго лѣса, мха и болота [2]). Съ приближеніемъ къ центру обширность черныхъ волостей нѣсколько уменьшается, но и

---

[1]) Такъ въ Оштинскомъ погостѣ, въ нынѣшней олонецкой губ., между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, одна выставка (Шимоозеро) была удалена отъ своего погоста (Ошты) на 70 верстъ, другая въ той же мѣстности (Святоозерская) отдѣлялась отъ своего центральнаго погоста на 120 верстъ. Между ними лежали пустыя пространства, покрытыя лѣсами и болотами, на которыхъ не было ни жилищъ, ни дорогъ (Неволинъ, прилож. 107—109).

[2]) Неволинъ, прилож. 141. Также богаты землей и другія черныя волости этой мѣстности, описанія которыхъ мы имѣемъ: Шуя, Прибужская волость, Черная волость на Вытегрѣ, волость нюхчанъ и выгозерцевъ, которые даже уступили одну изъ своихъ ловлей Соловецкому монастырю, «потому что та ловля отошла отъ ихъ волостей далече» (Неволинъ, прил. 161, 310, 178, 169 и проч.).

здѣсь они такъ велики, что, за обработкой потребнаго количества земли, остается много пустопорожняго мѣста. Къ сожалѣнію, здѣсь имѣются свѣдѣнія только о черныхъ волостяхъ тверскаго уѣзда [1]).

Гораздо полнѣе данныя о владѣльческихъ волостяхъ. Здѣсь представляется возможнымъ составить подробную таблицу крестьянскихъ участковъ по ихъ величинѣ во всѣхъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Для болѣе удобнаго сравненія начнемъ опять съ обонежской пятины, изъ которой мы представили выше нѣсколько примѣровъ черныхъ волостей. Во владѣльческихъ волостяхъ крестьяне запахиваютъ одинаковое съ черными количество земли и имѣютъ въ своемъ пользованіи такія же обширныя пространства луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій, отличаясь отъ черныхъ лишь тѣмъ, что они платили за право пользованія земли извѣстную долю въ продуктѣ или деньгахъ землевладѣльцу. Что же касается до объема права пользованія, то оно было также неограниченно, какъ и въ черныхъ волостяхъ: крестьяне въ моментъ пользованія относились къ землѣ также, какъ и владѣльцы.

Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи описанія новгородскихъ деревень только въ сокращеніяхъ (у Неволина), но и по нимъ уже можно судить о земельномъ богатствѣ общинъ. Вотъ, напримѣръ, двѣ волости одна коню-

---

[1]) Напр,, въ волости Захожьѣ, тверскаго уѣзда, была группа изъ 36 черныхъ деревень и 3 починковъ, заключавшихъ въ себѣ 113 дворовъ, въ каждомъ по человѣку; на дворъ въ среднемъ выводѣ приходится около $3^1/_2$ десятинъ ($6^{110}/_{113}$ чети, а четь равняется полдесятинѣ) въ каждомъ полѣ пахатной земли и по $20^{27}/_{113}$ копенъ сѣна въ сѣнокосахъ. Въ общинномъ владѣніи этихъ деревень, къ которымъ принадлежали еще 2 починка, были займище, пустошь, нѣкоторое количество лѣсу и отхожій лугъ, на которомъ ставилось до 300 копенъ сѣна (П. кн. Калач. II. 50). Другая черная община въ волости Местрѣ, состоявшая изъ 40 деревень, заключавшихъ въ себѣ 80 дворовъ съ 82 семьями, имѣла въ среднемъ болѣе 5 десятинъ въ полѣ ($10^7/_{82}$ чети) пашни и $35^3/_{82}$ копны сѣна на дворъ. Затѣмъ всѣмъ деревнямъ общины въ совокупности принадлежали займище, 6 пустошей, въ 5 изъ которыхъ крестьяне ставили до 320 коп. сѣна (ibid. 64).

Въ актахъ также описывается нѣсколько черныхъ волостей, какъ напр., Тавренская, Пустая Ржева, Масленская и другія, и всѣ онѣ имѣютъ большія пространства пустопорожнихъ земель и угодій.

шего пути, другая дворцовая: они пользовались обширными пашенными и не пашенными землями, рыбными ловлями, строевымъ и дровянымъ лѣсомъ, шедшимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Оловца и по рѣкѣ Мегречѣ [1]).

Въ пятинахъ вятской и керевской приходится на дворъ отъ $2^1/_2$ до 5 десятинъ и болѣе пахатной земли въ полѣ и по 10—15 коп. сѣна, не считая другихъ угодій, въ которыхъ не было недостатка. Напр. въ великокняжеской волости Стержнѣ 260 семействъ, составлявшихъ ее, пользовались за извѣстный оброкъ князю 14 озерами и 14 тонями въ озерѣ Селигеръ (П. кн. Дер. II. 701) [2]).

За пользованіе лѣсомъ крестьяне не платили ничего и онъ вовсе не описывается въ писцовыхъ книгахъ, вѣроятно, именно потому, что не составлялъ статьи помѣщичьяго дохода.

Перейдемъ теперь, ближе къ Москвѣ, въ тверской уѣздъ. И здѣсь такія же сносныя условія, какъ и въ новгородской землѣ. Въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи тверскаго уѣзда каждый дворъ запахивалъ на себя въ среднемъ выводѣ по $4^9/_{35}$ десятинъ въ полѣ и скашивалъ по $13^{23}/_{35}$ копсѣна (П. кн. Кал. I. 51). Наконецъ, возьмемъ одинъ изъ центральныхъ уѣздовъ—рузскій, лежавшій вблизи самой Москвы. Здѣсь крестьянскіе участки меньше: такъ въ имѣніи троицкаго монастыря, состоявшемъ изъ нѣскольникъ деревень, въ которыхъ во всѣхъ было до 60 дворовъ, приходилось на дворъ болѣе $2^1/_2$ десят. въ полѣ ($5^2/_3$ чети), не считая 6 десятинъ паханныхъ наѣздомъ. Затѣмъ тамъ же было 622 десятины пашни переложной и поросшей лѣсомъ. Сѣна на каждый дворъ приходилось по $13^{44}/_{61}$ копны и, наконецъ, въ пользованіи крестьянъ было 73 десятины лѣсу [3]).

---

1) Нев. прил. 154. Такое же обиліе земель, рыбныхъ ловель, и угодій во владычной волости рождественскаго погоста обон. пятины (ibid. 156) или напр. въ той же мѣстности крестьяне хутынскаго монастыря сообща съ черными за оброкъ въ 9 алтынъ и 2 деньги пользуются всей рѣкой Вытегрой (ibid. 176).

2) Другіе примѣры См. у Неволина, прил. 54. стр.

3) П. кн. Калач. I. 639. Или напримѣръ: 917 дворовъ съ 973 чел. домохозяевами различныхъ деревень троицкаго монастыря въ дмитровскомъ уѣздѣ запахиваютъ изъ общаго количества $6422^1/_2$ десятинъ 1932

Изъ приведенныхъ данныхъ можно сдѣлать нѣсколько выводовъ. Изъ нихъ видно, что относительно запахиваемыхъ участковъ черныя и владѣльческія общины почти ничѣмъ не отличались между собой: подворные участки одинаковы, какъ тамъ, такъ и здѣсь. Иначе и быть не могло при такомъ экономическомъ устройствѣ, когда производство имѣло цѣлію лишь удовлетвореніе потребностей производителей. Потребности же были одинаковы въ средѣ всего крестьянскаго населенія. Что касается до оброка землевладѣльцу во владѣльческихъ имѣніяхъ, то въ черныхъ волостяхъ онъ уравновѣшивался большимъ, сравнительно съ первыми, количествомъ налоговъ въ пользу казны. Способъ пользованія землями былъ также одинаковъ въ обоихъ случаяхъ [1]). Но коренное различіе между черными и владѣльческими общинами состояло въ томъ, что въ первыхъ, сверхъ участковъ, находившихся въ подворномъ пользованіи, было еще

десят., почти по 2 десят. на человѣка. Они могли бы и увеличить свои запашки, такъ какъ остальная вся земля, за исключеніемъ 517 дес., обрабатываемыхъ на монастырь незанята. $193^1/_2$ десят. изъ этой незанятой земли дѣйствительно арендуются крестьянами за извѣстную плату монастырю. Наконецъ, въ имѣніи значительное количество лѣсу: пашеннаго и непашеннаго $639^1/_2$ десят., поверстнаго въ одномъ мѣстѣ въ длину на версту, въ ширину на полверсты, въ другомъ въ длину на $5^1/_2$ верстъ, въ ширину на $1^1/_2$ версты (П. кн. Кал. I. 786). Въ муромскомъ уѣздѣ въ деревняхъ того же монастыря 322 дв., 377 крестьянъ. Подворный участокъ, въ среднемъ, составлялъ нѣсколько болѣе $3^1/_2$ десят. Затѣмъ въ имѣніи было 2406 десят. земли переложной и поросшей лѣсомъ, изъ которой только незначительная часть въ $12^1/_2$ десят. пахалась наѣздомъ. Сѣна по $21^2/_3$ копны ($21^{254}/_{332}$) на дворъ. Наконецъ, къ имѣнію принадлежало лѣсу пашеннаго и непашеннаго 400 десят., и поверстнаго лѣсу вдоль 25 и поперекъ $11^1/_4$ десят. (П. кн. Кал. I. 892).

Совершенно такія же данныя имѣемъ мы о крестьянскихъ запашкахъ въ уѣздахъ владимірскомъ, переяславль-залѣскомъ, юрьевъ-польскомъ, суздальскомъ, ростовскомъ, угличскомъ, пошехонскомъ, звенигородскомъ, коломенскомъ. епиданскомъ, каширскомъ, орловскомъ и др. И повсюду мы встрѣчаемъ въ пользованіи крестьянъ въ достаточномъ количествѣ и пахатной земли, и луговъ, и лѣсу.

[1]) Часть земель, состоявшая во владѣльческихъ имѣніяхъ въ пользованіи крестьянъ, всегда называется крестьянской и описывается отдѣльно отъ остальной владѣльческой земли. Въ этомъ нельзя не видѣть слѣдовъ того взгляда, по которому земля принадлежитъ тому, кто ее обработываетъ, а землевладѣльцу отдается только извѣстная часть дохода.

значительное пространство запасныхъ земель, луговъ и лѣсовъ, которые въ послѣднемъ случаѣ принадлежали землевладѣльцу.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно также сдѣлать заключеніе и о составѣ крестьянскихъ участковъ. Онъ отличался цѣлостностью. Сверхъ усадьбы крестьянскіе участки всегда заключали въ себѣ пахатную землю, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лѣсъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстностей, гдѣ вовсе не было лѣсу, какъ напр. въ большей части московскаго уѣзда. Нѣтъ и примѣровъ, чтобы крестьянинъ былъ лишенъ права пользованія лѣсомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ былъ. На заброшенныхъ пашняхъ, описываемыхъ подъ названіемъ «заросшихъ лѣсомъ» были обильныя заросли кустарю и лѣсу «въ колъ и жердь», которыми въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ вполнѣ могла удовлетворяться потребность въ топливѣ. Въ болѣе раннее время, въ концѣ XV в. лѣсу было такое множество, что объ немъ уже вовсе и неупоминается при описаніи источниковъ дохода землевладѣльцевъ, и пользованіе имъ было также свободно и неограниченно, как пользованіе водой и воздухомъ.

Въ какомъ бы краю московскаго государства мы ни брали крестьянскую деревню, вездѣ мы встрѣтимъ въ достаточномъ количествѣ всѣ эти необходимые элементы земледѣльческаго хозяйства: пахатную землю, переложную и въ большинствѣ случаевъ пашню, поросшую лѣсомъ, сѣнокосы и лѣсъ, если только мѣстность не была безлѣсна [1]).

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) Московскій уѣздъ. Деревня Опраксино. Пашни 3 десятины въ полѣ и по стольку же въ двухъ другихъ поляхъ, перелогу 6 десятинъ, сѣна 100 копенъ, лѣсу дровянаго 5 десятинъ (П. кн. Кал. I. 140.

2) Коломенскій уѣздъ. Деревня Коложнино; число дворовъ необозначено, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, но вѣроятно тамъ и здѣсь было не болѣе 2 — 10 дворовъ, какъ въ деревняхъ и всей остальной Россіи того времени. Пашни 80 десят. середней земли и 56 доброй въ каждомъ полѣ. Перелогу и пашни поросшей лѣсомъ 100 десятинъ, сѣна 125 коп., лѣсу 4 десят. (idib. I. 337).

3) Дмитровскій уѣздъ. Деревня Половинкино, 7 дворовъ. Пашни худой земли $12^1/_2$ десят. въ полѣ. Сѣна 50 коп., лѣсу 3 десят. (ibid. 752).

Что касается до выгоновъ и пастбищъ, то при обиліи незанятыхъ пустырей, поросшихъ травою, не говоря уже о парѣ, въ особенныхъ пастбищахъ въ большинствѣ случаевъ не могло быть особенной нужды. Встрѣчаются впрочемъ мѣстности съ особо-отдѣленными пастбищами. Такъ крестьяне Альмешскаго стану разныхъ владѣльцевъ (княжіе, монастырскіе и церковные) имѣли особенныя «поскотинныя земли» (А. отн. до юрид. быта. стр. 217).

Если были при деревнѣ какія либо другія угодья, то крестьяне пользовались ими на одинаковомъ основаніи съ остальной землей: таковы напримѣръ рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ (Дер. II. 70. Ср. Неволинъ, прилож. 161, 293, 280, 284, 169, 54, и пр.). Во владѣльческихъ деревняхъ крестьяне пользовались или—что обыкновенно—за общій оброкъ со всего деревенскаго участка, или, иногда, платили землевладѣльцу за угодья особенный оброкъ.

Что касается до другихъ угодій, то пользованіе ими не было стѣснено: пользоваться для своихъ надобностей мохомъ (П. кн. Кал. II. 129. I. 808) промышлять звѣря, птицу, рыбу, ягоды и грибы брать (А. А. Э. т. 1. № 269) могъ безвозбранно каждый житель деревни, была ли эта послѣдняя черная или владѣльческая. Путики и ловища упоминаются въ нѣкоторыхъ порядныхъ, какъ непремѣнная принадлежность участковъ.

Легко ли было получить крестьянину такой участокъ земли? Это не представляло никакихъ трудностей; напротивъ, ему

4) Суздальскій уѣздъ. Деревня Батурино, 2 двора. Пашни худой земли 5 десятинъ въ полѣ, сѣна 30 коп., лѣсу непашеннаго 20 десят. (ibid. 806).

5) Муромскій уѣздъ. Деревня Зехово. 5 дворовъ крестьянскихъ, 1 дворъ бобыльскій; пашни 11 десятинъ въ полѣ, 2½ перелогу и 5½ десятинъ пашни поросшей лѣсомъ въ полѣ, лѣсу 1 верста въ длину 1½ версты въ ширину (ibid. 884).

6) Тверской уѣздъ. Деревня Якимово. 3 двора. Пашни 11 десятинъ въ полѣ. Сѣна 30 копенъ. Лѣсу—бору 5 десятинъ (П. 56).

Количество такихъ примѣровъ можно было бы увеличить до какой угодно цифры: изъ подобныхъ описаній дворовъ отдѣльныхъ деревень и состоятъ писцовыя, переписныя, дозорныя и приправочныя книги того времени.

вездѣ предлагали землю даромъ со всевозможными льготами и пособіями, если только онъ изъявлялъ согласіе за пользованіе ими платить подати (въ черныхъ волостяхъ), или извѣстный оброкъ землевладѣльцу, какъ это будетъ видно изъ порядныхъ.

V.

Земли было много и крестьянинъ могъ получать любой участокъ ея безъ малѣйшихъ затрудненій. Но для веденія хозяйства нужны еще другія орудія производства. Весьма важно изслѣдовать, какъ велика была ихъ стоимость. Нѣкоторые историки (напримѣръ, Хлѣбниковъ) полагаютъ, что орудія производства имѣли въ ту пору высокую цѣнность, сравнительно съ цѣнностью человѣческаго труда, и въ этой дороговизнѣ, въ этомъ невыгодномъ для труда отношеніи къ капиталу ищутъ объясненія многихъ явленій тогдашняго крестьянскаго быта, каковы напримѣръ: переходы крестьянъ съ черныхъ земель на владѣльческія, вольныхъ людей въ холопство. Идя далѣе, можно той же причиной объяснить и существованіе въ обществѣ класса безземельныхъ и малоземельныхъ.

Разоренный какимъ нибудь несчастіемъ: неурожаемъ, падежемъ, пожаромъ, опустошеніемъ во время войны, грабежемъ какого нибудь разбойника — крестьянинъ, при низкой цѣнѣ труда долженъ былъ, по излагаемому мнѣнію, или работать лѣтъ 10 по найму, чтобы скопить необходимыя средства на обзаведеніе хозяйствомъ, если онъ желалъ остаться самостоятельнымъ хозяиномъ, или сдѣлаться безземельнымъ батракомъ, или, наконецъ, воспользоваться пособіемъ владѣльца и принять по отношенію къ нему извѣстныя обязательства, тяжесть которыхъ зависѣла отъ трудности положенія крестьянина. Но дѣйствительно ли такъ дороги были орудія производства, и такъ низко цѣнился человѣческій трудъ?

Крестьянину нуженъ прежде всего дворъ. Онъ состоялъ обыкновенно изъ слѣдующихъ частей: 1) избы, большею частію деревянной, весьма рѣдко наземной. Обыкновенная высота деревянной избы 2 сажени, наземной вмѣстѣ съ фунда-

ментомъ — 3 сажени. Стоимость крестьянской избы въ 70-хъ годахъ 16 столѣтія была 10 алтынъ 2 деньги, полтина и т. п. [1]). Затѣмъ въ составъ двора входили 2) клѣть, 3) хлѣвъ, 4) сѣнникъ, или сѣноваль, 5) мшанникъ 6) гумно, 7) баня или мыльня и, наконецъ, около двора располагался овинъ [2]). Въ одномъ мѣстѣ овинъ продавался за полполтину, или 8 алтынъ 2 деньги [3]). Вся сумма дворовыхъ построекъ носила общее названіе «хоромъ». Въ Новгородѣ въ XIV — XV вв. можно было пріобрѣсти хоромы за чрезвычайно дешевую цѣну: изба, клѣть и овинъ стоили 10 бѣлъ или 20 денегъ (А. Ю. № 71, XXII).

Взглянемъ на порядокъ постройки различныхъ частей двора, чтобы судить о степени удобства ихъ расположенія. Возлѣ деревянной избы, главной части двора — устраивалась иногда изба изъ навоза, такъ называемая наземная изба. Непосредственно къ избѣ примыкала клѣть съ перерубомъ (чуланомъ). Иногда клѣть ставилась отдѣльно отъ жилой избы,— тогда подъ нею устраивался погребъ. Рядомъ съ избою или позади ея строился сѣнникъ или сѣноваль, къ которому примыкала подклѣть, служившая, кажется, мѣстомъ спанья во время лѣта. Вблизи избы располагались анбаръ, баня, колодезь, навѣсъ, овечій хлѣвъ, (хлѣвецъ овечный), порядня житецкая (отъ жита). Весь этотъ пристрой назывался «дворовымъ хламомъ» или «дворскимъ холуемъ». За домомъ шли огороды «капустники» т. е. овощные огороды, конопляники и т. д., за ними гумно или кладовая, гдѣ складывались скирды и, наконецъ, около двора, овинъ.

Таково было «усадище» или усадьба крестьянина. Пространство занимаемое усадьбой конечно не всегда было одинаково. Въ Вышневолоцкомъ рядкѣ, напр., одинъ дворъ занималъ 52 кв. сажени, а съ огородами 72 кв. саж., другой же съ огородомъ только $60^1/_2$ кв. саж. [4]). Между другими особенностями тог-

[1]) Приходо-расходныя книги Корнильева—Комельскаго монастыря.

[2]) А. Ю. №№ 178, 183, 190 и др. Пермскій сборникъ т. I. Деревня XVI в.

[3]) Приходо-расходныя книги Корнильева—Комельскаго монастыря.

[4]) Неволинъ, прил., Вышневолоцкій рядокъ.

дашняго крестьянскаго быта стоитъ замѣтить, встрѣчающійся на сѣверѣ впрочемъ и теперь, обычай огораживать поля каждымъ хозяиномъ отдѣльно. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ порядныхъ такое огораживаніе ставится крестьянину въ непремѣнную обязанность. Оно вѣроятно дѣлалось въ видахъ предупрежденія потравы хлѣба скотомъ, который пускался, кажется, свободно Въ селахъ многолюдныхъ дворы располагались въ рядъ; въ рядкахъ и погостахъ упоминаются улицы и переулки. Непосредственно за усадьбой тянулись поля, раздѣленные на 3 части,—каждая изъ которыхъ въ свою очередь раздѣлялась на извѣстное число полосъ, соотвѣтственно количеству дворовъ деревни. За полями шли выгоны, пустоши, лѣсъ. Не трудно видѣть, сколько выгодъ представляетъ для земледѣльца такое расположеніе хозяйственныхъ построекъ и полей: онъ освобождался отъ лишней траты времени на переходы и перевозку и вобще могъ лучше и дешевле обработать свой участокъ.

Переходимъ къ другимъ статьямъ инвентаря. При заведеніи хозяйства необходимо имѣть извѣстное количество скота и именно прежде и важнѣе всего лошадь, корову и нѣсколько овецъ. Цѣны скота въ 70 годахъ 16 вѣка были слѣдующія: лошадь стоила 26—30 алтынъ, корова 25 алтынъ [1]), яловица—7 денегъ, баранъ—гривна [2]). Собственно земледѣльческія орудія: соха, коса, серпы, равно какъ телѣги, сани и сбруя при дешевизнѣ матеріала вмѣстѣ съ несложностью ихъ устройства не могли имѣть большей цѣны и напримѣръ за сани, хомутъ, дугу и луку въ одномъ случаѣ заплачено $3^1/_2$ алтына (приходо-расходные книги Корн.-Комельскаго монастыря).

Далѣе, нужны сѣмена. Полагая размѣръ запашки поселенца въ десятину ржи и десятину овса, какъ это было обыкновенно, при чемъ на одну высѣвалась четверть, много двѣ ржи, на другую четверть овса, мы получимъ при цѣнахъ существовавшихъ въ то время около $3^1/_2$ алтынъ на сѣмена [3]). Затѣмъ соотвѣт-

---

[1]) Приходо-расходныя книги Корнильева-Комельскаго монастыря.

[2]) Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи 22.

[3]) Цѣны на хлѣбъ въ XVI вѣкѣ были слѣдующія: въ 1500 году коробья т. е. двѣ четверти ржи стоила 10 денегъ, коробья ячменя 7 денегъ, ко-

ственно тѣмъ же цѣнамъ вновь заводящемуся земледѣльцу нужно было до 30 алтынъ во время года и на одежду [1]).

Такимъ образомъ новому поселенцу, предоставленному исключительно своимъ средствамъ, прежде чѣмъ заводить хозяйство, необходимо было имѣть отъ $2^1/_2$ до 3 р. Такая приблизительно сумма, какъ увидимъ, давалась землевладѣльцами крестьянамъ, вновь садившимся на ихъ землю.

Какъ же велика была цѣнность человѣческаго труда въ то время? Въ Москвѣ поденьщикъ могъ при Васильѣ III заработать въ день до 2 денегъ (Карамзинъ). Въ приходо-расходныхъ книгахъ Корнильева-Комельскаго монастыря перечисляется; сколько каждому казаку, т. е. вольнонаемному рабочему, дано за годъ наемной платы (жилые наймы казакомъ). Годовыя цѣны рабочихъ самыя разнообразныя, быть можетъ вслѣдствіе различія возраста казаковъ. Одинъ получаетъ 1 рубль, другой 20 алтынъ, третій 26, встрѣчаются годовые цѣны въ 3, 9, 12, 16 алтынъ и т. д.; въ среднемъ на каждаго приходится 20 алтынъ въ годъ. Пища, по всей вѣроятности, была монастырская. Такому казаку нужно было слѣдовательно работать отъ 3 до 5 лѣтъ, чтобы скопить необходимыя средства на заведеніе самостоятельнаго хозяйства. Значитъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ вдвое менѣе, чѣмъ предполагаютъ сто-

---

робья пшеницы 14 денегъ, коробья овса 5 денегъ (Вотская писцов. книга 1500 г.). При Василіѣ III рожь цѣнилась отъ 4—6 денегъ за четверть, въ Вологдѣ до 14 денегъ. (Herberstein) Въ началѣ XVII вѣка четверть ржи стоила 10 алтынъ т. е. 60 денегъ; четверть овса въ тоже время—5 алтынъ. Доп. къ А. ист. II, 37. Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о цѣнахъ ржи и овса отъ времени Ивана IV. Но четверть пшеницы въ 1576 продавалась по 4 алтына, иногда и вдвое дешевле. Приходорасходныя книги корн. ком. мон. 20. Рожь и овесъ должны были быть еще дешевле. Дѣйствительно крестьяне одного имѣнія этого времени вмѣсто 1 осмины ржи, 1 осмины овса, хлѣба, курицы и десятку льну должны были платить прикащину 5 алтынъ 4 деньги (Временникъ XI, 22).

[1]) Стоимость крестьянскаго костюма можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Корнильевскомъ-Комельскомъ монастырѣ давалось мастерамъ на одежду: одному на рубаху, ногавицы, рукавицы и обувь 15 алтынъ въ въ годъ, другому—20 алтынъ (стр. 29). Шубенка стоила гривну; рукавицы около алтына.

ронники выше приведеннаго мнѣнія. Но въ дѣйствительности весьма рѣдко случалось, чтобы кто нибудь основывалъ хозяйство исключительно на свои средства безъ поддержки другихъ [1]). Обыкновенно поселенецъ встрѣчалъ дѣятельную помощь со стороны той общины, гдѣ онъ думалъ поселиться. Вотъ одинъ примѣръ. Крестьянинъ Тавренскаго стану беретъ у старосты и крестьянъ $^5/_{12}$ десят. (12 долю обжи). При этомъ онъ по своей рядной записи: 1) получалъ право на всѣ угодья «куды топоръ, и коса и соха ходила»; 2) получилъ отъ общины даромъ полъ-избы, полъ-прируба, половину сѣнника, подклѣта и мякинницы; 3) на одинъ годъ освобождался отъ всякихъ податей (А. Ю. № 187).

Община давала средства производства, сосѣди помогали своимъ трудомъ.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что не въ дороговизнѣ орудій производства надо искать причины, почему одни отказывались отъ земледѣлія, другіе переходили на владѣльческія земли, третьи заключали договоры въ холопство. Ихъ слѣдуетъ искать въ той фискальной эксплуатаціи, которой подверженъ былъ въ ту пору каждый земледѣлецъ: исключительно въ тяжелыхъ налогахъ на землю, разорительность которыхъ усиливалась вслѣдствіе злоупотребленій намѣстниковъ, волостелей и другихъ чиновниковъ лежалъ корень тѣхъ побужденій, которыя гнали чернаго крестьянина къ помѣщику, свободнаго въ кабалу и холопство.

Для полнаго объясненія указанныхъ явленій не нужно упускать изъ виду активнаго стремленія землевладѣлецъ къ пріобрѣтенію рабочихъ рукъ, ихъ постоянное стремленіе къ возможно большему удешевленію труда. Они употребляли всѣ средства, чтобы приманить на свои земли крестьянъ и сдѣлать ихъ постоянными жильцами своихъ земель: обѣщали переселяющимся къ нимъ гораздо большія пособія при основаніи хозяйства, чѣмъ могли дать черныя общины, не имѣвшія, вѣроятно, большихъ мірскихъ средствъ, давали имъ льготы отъ государственныхъ податей на время, или на всегда, освобождали, наконецъ, на из-

[1]) Такой случай см. въ Ак. Юр., № 175.

вѣстный срокъ отъ всякихъ повинностей въ пользу себя. До насъ дошло нѣсколько порядныхъ записей, въ которыхъ опредѣлялись условія договора вновь поселяющихся крестьянъ съ землевладѣльцами (ихъ дошло не много, быть можетъ потому, что въ большинствѣ случаевъ договоры были не письменные, а заключались на словахъ). Договоръ заключался обыкновенно при самомъ поселеніи крестьянина на землѣ землевладѣльца, но иногда и задолго до этого срока, особенно если приходилось ставить новую избу и другія строенія. (А. Юр. № 183, 186) Главнѣйшія статьи этихъ договоровъ [1]) почти однѣ и тѣже, и состоятъ въ слѣдующемъ:

---

[1]) Представляемъ нѣсколько примѣровъ порядныхъ:

1) Два крестьянина берутъ у монастыря $^{5}/_{6}$ десятины. Они получаютъ отъ землевладѣльца 2 рубля подмоги на обзаведеніе хозяйствомъ и готовый домъ съ принадлежностями («старыя хоромы») съ обязательствомъ пахать поле и вообще завести хозяйство. Впродолженіи 2 лѣтъ они освобождаются отъ дани и работъ въ пользу монастыря, а по прошествіи этого срока платятъ рубль оброка и, вмѣстѣ съ другими, ходятъ на монастырскія работы (А. Юр. № 178, 1576 г.).

2) Двое крестьянъ каждый съ сыномъ порядились на 5 десятинъ (обжу) земли въ пустой деревнѣ. Каждый получаетъ по $2^{1}/_{2}$ рубля, обязываясь за то поставить дворовое строеніе. Впродолженіе первыхъ двухъ лѣтъ они платятъ по 1 р. оброку, а на 3-й — 2 рубля, и на всѣ 3 года освобождаются отъ государственныхъ податей. По прошествіи этого льготнаго времени они уравниваются въ податяхъ и повинностяхъ со всѣми остальными крестьянами (А. Юр. № 183, 1583 г.).

3) Два крестьянина порядились па пустошь на обжу (5 десят.). Впродолженіе 4 льготныхъ лѣтъ они не платятъ монастырю ни хлѣбной дани, ни денежныхъ оброковъ и не отправляютъ никакихъ монастырскихъ работъ. Равнымъ образомъ они освобождаются и отъ государевыхъ податей. Вмѣсто денежнаго пособія, даваемаго въ другихъ случаяхъ, въ родѣ предыдущихъ, крестьяне получаютъ отъ землевладѣльца взятой земли еще пять десятинъ (обжу), за которыя не платятъ ни податей, ни оброковъ. За это они обязаны поставить по наземной избѣ съ необходимыми пристройками извѣстныхъ размѣровъ. По прошествіи 4 лѣтъ льготная обжа возвращается назадъ, а съ своей отдаютъ землевладѣльцу пятый снопъ и всѣ государевы подати съ волостью вмѣстѣ (А. Юр.).

4) Два крестьянина берутъ полвыти уже обработанной земли, засѣянной 5-ю четвертями ржи. Имъ даютъ «старыя хоромы», которыя они обязаны починить. Пособія никакого не получаютъ, но берутъ полтину въ видѣ ссуды. Обязательства тѣ же, что и въ предыдущихъ случаяхъ; да-

Величина участковъ, какъ было уже сказано, была не одинакова и опредѣлялась единственной для того времени мѣрой — потребностями поселяющейся семьи. За взятый участокъ поселенецъ обязывается нести повинности одинаково съ другими крестьянами имѣнія. Если онъ селился на новый, а не на жилой участокъ, ему давалась обыкновеная льгота на одинъ, два, три, четыре и болѣе лѣтъ, иногда же только на нѣсколько мѣсяцевъ. Впродолженіе льготнаго срока онъ освобождается совершенно или частію отъ всякихъ податей и повинностей, причемъ льгота выговаривалась въ большинствѣ случаевъ, со дня поселенія крестьянина, но иногда по прошествіи извѣстнаго времени: одинъ крестьянинъ напр., обязывается придти на Рождество, а льготу выговариваетъ себѣ на 3 года съ слѣдующаго Юрьева дня вешняго. Сверхъ льготы, землевладѣлецъ давалъ обыкновенно поселенцу еще безвозмездное пособіе или деньгами—въ большей части случаевъ около $2^1/_2$ рублей—или хлѣбомъ, или, наконецъ, давалъ крестьянину право обработывать во время льготнаго срока пустой участокъ земли.

За такую подмогу поселенецъ обязанъ былъ распахать и огораживать поля, иногда навозить ихъ и чистить луга, а если онъ садился на жилой участокъ, то также чинить старыя хоромы и поставить новыя. Въ случаѣ неисполненія этихъ условій съ крестьянина не только взыскивалась подмога, но и бралась иногда неустойка въ 2, 3, 5, всего чаще 10 р. Установленіемъ такихъ громадныхъ для того времени взысканій землевладѣльцы старались удержать у себя разъ поселившагося крестьянина. Они употребляли для этого и дуугія средства: опутывали крестьянъ ссудами, обязывая ихъ не только отправлять работы за эти ссуды, выплачивать проценты (обыкновенный процентъ былъ 20%) деньгами и хлѣбомъ (серебро ростовое) или работой (серебро издѣльное), но и требуя въ случаѣ ухода сполна возвращенія данныхъ денегъ (А. А. Э. т. I № 48).

вать дань и отправлять монастырскія работы наравнѣ съ крестьянами. Сверхъ того они должны поставить новую избу, и на тотъ годъ, когда будутъ строить ее, освобождаются отъ работъ (А. Юр. № 182, 1582 годъ).

Уплата такой ссуды была совершенно невозможна для крестьянина и если землевладѣлецъ не прощалъ долга, чему встрѣчаются нѣкоторые примѣры, крестьянинъ дѣлался прикрѣпленнымъ къ его землѣ (Г. гр. и дог. т. I №№ 112, 96, 130 и другіе).

Впрочемъ случаи такого закрѣпленія должны были быть чрезвычайно рѣдки въ то время, въ чемъ убѣждаютъ, съ одной стороны, фактическія данныя объ обиліи переходовъ, которыя мы представимъ далѣе, а съ другой—то соображеніе, что крестьянину рѣдко приходилось обращаться за ссудою къ землевладѣльцу (да и рѣдкій землевладѣлецъ могъ дать такую ссуду). Въ этомъ мы легко убѣдимся, если разсмотримъ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ въ ту пору, къ чему теперь и перейдемъ.

VI.

Самой обыкновенной формой отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ было въ древней Россіи *половничество.* Эта система господствовала въ XV вѣкѣ въ Псковѣ (изорники, кочетники и огородники Псков. судной грамоты); по Новгородскимъ писцовыхъ книгамъ 1495 и 1550 гг. обработка земли изъ извѣстной доли продукта была повсемѣстнымъ и почти единственнымъ видомъ пользованія землею въ имѣніяхъ всѣхъ названій. Половничество было также обыкновенно въ Тверскомъ княжествѣ (А. А. Э. т. I стр. 26—27, 1437 — 61 год.; стр. 35—36, 1450 г. А. Юр. № 176, 1547 г.) и до XV—XVI вѣка, вѣроятно, во всей Россіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ наприм. въ Вологодской губ., оно сохранилось до настоящаго времени [1]).

1) Но въ XVI вѣкѣ въ области Московскаго государства половничество повсюду исчезаетъ, громадное большинство крестьянъ платитъ землевладѣльцамъ опредѣленнный *оброкъ* въ началѣ столѣтія преимущественно хлѣбомъ, къ концу—по большей части деньгами.

[1]) Поповъ, Половники въ вологод. губ.

2) Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, почти исключительно монастырскихъ, съ конца XV вѣкѣ устанавливается *издѣльная повинность*. Въ противоположность нынѣшнимъ порядкамъ, она опредѣлялась не количествомъ рабочихъ дней, а извѣстнымъ пространствомъ земли, которое должны были обработывать крестьяне въ пользу землевладѣльца за право пользованія своими участками.

Впрочемъ рѣдко можно встрѣтить какую либо изъ этихъ трехъ системъ въ чистомъ видѣ; обыкновенно въ одномъ и томъ же имѣніи крестьяне платятъ извѣстный оброкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отбываютъ тѣ или другія работы.

Въ эту эпоху барщина впрочемъ составляетъ еще весьма рѣдкое исключеніе; развитіе ея принадлежитъ слѣдующему періоду. Причина почему у насъ такъ долго преобладающими формами отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ были половничество и оброкъ заключается прежде всего въ общихъ условіяхъ хозяйства, которое было направлено исключительно на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей и, затѣмъ, въ существованіи права перехода.

При отсутствіи капитала землевладѣльцы не имѣли средствъ заводить своихъ запашекъ, да не имѣли въ томъ нужды такъ какъ ихъ потребности могли вполнѣ удовлетворяться арендной платой. Наконецъ помѣщики не могли заводить собственнаго хозяйства и въ силу особенныхъ свойствъ господствовавшей въ то время помѣстной системы: землею владѣлъ только тотъ, кто находился на службѣ,—условіе совершенно не совмѣстимое съ личной хозяйственной дѣятельностью. При томъ же помѣстья давались всегда лишь во временное и ограниченное владѣніе, и помѣщикъ никогда не могъ быть увѣренъ, что завтра имѣніе не будетъ отобрано отъ него и не передано другому, что конечно не могло располагать къ заведенію собственнаго хозяйства. Наконецъ размѣры помѣстій, сообразуемые съ услугами каждаго отдѣльнаго лица, были обыкновенно весьма незначительны, и для служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, составлявшихъ большинство владѣльче-

скаго класса, даже совершенно ничтожны [1]). При такихъ условіяхъ вести хозяйство было бы совершенно невыгодно и землевладѣльцу оставалось только сдавать землю за извѣстную плату крестьянамъ, какъ они всѣ и дѣлали. Въ совершенно противоположныхъ условіяхъ находились монастырскія и митрополичьи имѣнія. Монастыри владѣли обширными землями на правахъ неограниченныхъ собственниковъ. Здѣсь не представлялось ни какихъ затрудненій къ введенію барщиннаго хозяйства и именно въ этихъ имѣніяхъ мы встрѣчаемъ первыя попытки его. Освобожденные отъ большей части повинностей монастыри могли давать больше льготъ своимъ крестьянамъ и тѣмъ удерживать ихъ у себя, уравновѣшивая суровость барщинной дисциплины болѣе выгодными условіями въ другихъ отношеніяхъ.

Обратимся къ отдѣльному разсмотрѣнію перечисленныхъ 3 видовъ пользованія землей. *Половники* обработывали землю своими орудіями. Доля продукта, отдаваемая землевладѣльцу, была не вездѣ одинакова. Во Псковѣ, по псковской судной грамотѣ, платилась четверть урожая. Въ Новгородѣ землевладѣльцу шла пятая, четвертая или третья часть, весьма рѣдко половина. Сверхъ того, какъ ему, такъ и его ключнику крестьяне обыкновенно платили извѣстное количество денегъ, льна, яицъ, масла, сыру, бараньихъ лопатокъ, куръ, хмѣля, овчинъ, бѣлокъ и пр. Напр., въ одномъ имѣніи Дерев. пятины, 8 крестьянъ обработываютъ изъ-полу 35 десят. въ полѣ. Они платятъ: 1) землевладѣльцу $^1/_5$ часть изъ хлѣба, $6^1/_2$ гривны

---

[1]) Такъ въ Новгородской области въ Деревской пятинѣ (1495—6 г.) имѣнія своеземцевъ заключаютъ отъ 2 до 3 обжъ, то есть отъ 5 до $7^1/_2$ десят. и самыя большія до 5 обжъ—$12^1/_2$ десят. Также мелки и помѣстья. Напр. во Влажинскомъ погостѣ 4 помѣщика имѣютъ по одной деревнѣ, причемъ въ трехъ деревняхъ по два двора, въ 4-й—3 дв. съ такимъ же количествомъ людей и обжъ (Влажинскій погостъ Дер. пят.) Самое большое помѣстье во всей Дерев. пятинѣ, принадлежавшее одному князю, заключало въ себѣ $642^1/_2$ съ 107 дв. и 110 чел. населенія. Также мелки помѣстья въ Тверскомъ и центральныхъ уѣздахъ: въ Московскомъ у. на 8 двор. крестьянъ и 2 дв. боб. приходится въ одномъ случаѣ 4 двора боярскихъ, въ другомъ 19 вотчиниковъ владѣютъ 127 дв. кр. и 14 дв. боб. (Писц. кн. М. у. изд. Кал. стр. 77, 121 Ср. 207.

безъ деньги, 6 сыровъ, 4 пятка льну; 2) ключнику: 4 бѣлки, $1^1/_2$ коробьи ржи, $1^1/_2$ коробьи овса, 4 сыра, 4 бараньихъ лопатки, 2 хлѣба, 6 горстей льну (Дер. I. 699. Ср. 702, 798 [1]).

Сравнительно съ другими системами, половничество представляетъ болѣе выгодъ для крестьянина, особенно при такихъ отношеніяхъ, какія существовали въ XVI вѣкѣ. (Извѣстно, что послѣ уничтоженія крѣпостнаго права въ 1861 г., сначала повсюду распространилась обработка изъ-полу. Но, помѣщики скоро оставили эту систему, находя ее для себя невыгодной, и теперь вездѣ стараются замѣнить ее издѣльной. Докладъ высочайше учрежденной коммисіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, т. II). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ часть земли отдавалась изъ полу, между тѣмъ какъ остальная земля обработывалась изъ оброка. Такъ, трое крестьянъ, садясь на землю Вяжицкаго монастыря, обязались платить по 7 мѣръ ржи и овса, мѣру жита, пятый снопъ изъ лѣсу, шестой снопъ изъ-за-озерья, и домовую дань по книгамъ. (А. Юр. № 184. Ср. 177). Въ центральныхъ уѣздахъ преобладала въ XVI вѣкѣ почти исключительно оброчная система; половничество не встрѣчается совершенно. Оброки были довольно разнообразны и платились отчасти хлѣбомъ, отчасти деньгами, иногда же исключительно тѣмъ или другимъ [2]). Величина ихъ опредѣлялась взаимнымъ соглашеніемъ землевладѣльцевъ съ крестьянами. Впродолженіи столѣтія постепенно усиливается стремленіе землевладѣльцевъ перевести натуральные платежи

---

[1]) Примѣры другихъ пропорцій:

Вотсская пятина: 1) 1 дворъ, въ немъ 4 человѣка; обработываютъ $7^1/_2$ десят. въ полѣ и скашиваютъ 100 коп. сѣна. Землевладѣльцу идетъ $^1/_3$ изъ хлѣба, 7 денегъ, коробья ржи, коробья овса (II. кн. В. пят. I. 362; 2) 1 дворъ, $2^1/_2$ десят. пахатной земли въ полѣ, 15 коп. сѣна, землевладѣльцу платится половина хлѣба и пятокъ льну (ibid. 345).

Деревская пятина: 1) Дворъ, въ немъ 1 домохозяинъ, $2^1/_2$ десятины въ каждомъ полѣ. Помѣщику идетъ $^1/_4$ изъ хлѣба, и сверхъ ея по четкѣ ржи и овса, 2 деньги, полбарана и половчины (Дер. I 564); 2) съ 95 десятинъ въ полѣ, обработываемыхъ 23 крестьянами, землевладѣлецъ беретъ $^1/_4$ изъ хлѣба, $8^1/_2$ барановъ, $8^1/_2$ пятковъ льну, 17 сыровъ; сверхъ того ключнику шло $2^1/_8$ коробьи ржи, столько же овса и 17 сыровъ (Дер. I. 828).

[2]) Ср. А. А. Э. Т. I. № 258. А. Ю. № 26, 178, 182, 183, 186, 189, 191.

на деньги. Въ центральныхъ мѣстностяхъ оброки были выше, чѣмъ на окраинахъ, напр., въ Новгородскихъ пятинахъ. Въ Дер. пятинѣ одинъ дворъ, имѣвшій $2^1/_2$ (обжу) десятины въ полѣ и 20 коп. сѣна, платилъ прежде половину урожая, затѣмъ, вмѣсто половья, сталъ платить 4 деньги, по коробьѣ ржи и овса, (Дер. I. 524), т. е., съ круговой десятины шло по $1^3/_5$ деньги, и по $^4/_5$ четверти изъ ржи и овса, полагая по 2 четверти въ коробьи (Бѣляевъ).

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Троицко-Сергіева монастыря, монастырь бралъ съ каждыхъ 5 десятинъ по полтинѣ и по 28 денегъ за мелкій доходъ, сверхъ того по четверти ржи, по овчинѣ и по десятку льну. (П. Кн. Кал. I. 759. Ср. I. 756). На круговую десятину, слѣдовательно приходилось арендной платы $25^3/_5$ деньги, пятая часть изъ четверти ржи, изъ овчины и нѣкоторая доля льну. Сравнивая два приведенныя случая и принимая новгородскую деньгу вдвое больше московской, находимъ, что крестьянинъ центральнаго дмитровскаго уѣзда платилъ въ 3 разъ больше оброка за свою землю, чѣмъ новгородскій крестьянинъ [1]). Впрочемъ, надо замѣтить, что данныя эти относятся не къ одному времени, и именно для новгородской области къ концу XV вѣка, а для дмитровскаго уѣзда къ 70 годамъ XVI столѣтія, а впродолженіе этого промежутка, цѣнность московскихъ денегъ могла значительно

[1]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ:

1) Крестьянинъ новгор. области Деревской пятины, ясеновичскаго погоста, взявшій полобжи, т. е. $1^1/_4$ десятины и скашивавшій съ сѣнокоса 10 коп. сѣна, обязывался по прошествіи 3 льготныхъ лѣтъ платить за свой участокъ 7 денегъ въ годъ, т. е., по $5^3/_5$ деньги съ десятины (Дер. I. 40).

2) Два крестьянина, владѣвшіе 5 десятинами и скашивавшіе 35 коп. сѣна, платили 5 денегъ по 2 коробьи ржи и овса, по четкѣ пшеницы и ячменя т. е., по 1 деньгѣ съ десятины, $^1/_{10}$ четверти ржи и овса и по $^1/_{10}$ четверти пшеницы и ячменя съ десятины (ibid. I. 49).

3) Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Троицкаго монастыря съ выти, заключавшей въ себѣ около 7 десятинъ, положено было оброку по полтинѣ, сверхъ того 4 алтына и 2 деньги за разные лѣтніе доходы (сыръ, масло московскія дрова, подымное) по $^1/_4$ ржи съ выти, да по овчинѣ дѣланной Въ томъ же имѣніи 4 выти платили иной оброкъ, именно со всѣхъ ихъ шло по 24 арш. холста, да 4 р. въ годъ платили они за пустоши, пашни и сѣнные покосы (Писцов. К. Рост. у. стр. 22).

упасть. Крестьяне дворцовыхъ имѣній всѣ платили оброкъ и преимущественно денежный. Каждый разъ, когда у кого либо отбиралось помѣстье на князя, на крестьянъ немедленно, вмѣсто половнической доли или хлѣбнаго оброка, налагался оброкъ денежный. Такъ въ одномъ имѣніи Деревской пятины, заключавшемъ въ себѣ 37 деревень, съ 56 дворами и 58 крестьянами, запахивавшими 36 обежъ, крестьяне платили помѣщику слѣдующій оброкъ: $3^1/_2$ р. $6^1/_2$ гривны деньгами, $60^1/_2$ коробей ржи, $79^1/_2$ коробей овса и $4^3/_4$ коробьи пшеницы и ячменя. Сверхъ того, съ нихъ шло мелкаго доходу 53 сыра, 53 лопатки бараньихъ, 11 пятковъ и 2 горсти льну. Въ промежутокъ времени отъ старой переписи до новой, прибыло 7 дворовъ, такъ что по новому письму оказалось 63 двора, обработывавшихъ $73^1/_2$ обжи, т. е., $18^3/_4$ десятинъ. Великій князь, вмѣсто хлѣба и мелкаго оброка, наложилъ на это имѣніе денежный оброкъ въ 5 руб. 2 гривны съ деньгою, не считая обежной дани. На десятину оброка приходилось, слѣдовательно, около 3 денегъ. Затѣмъ былъ опредѣленъ кормъ волостелю, тіуну и доводчикамъ, со всего имѣнія 1 рубль 7 гривенъ съ деньгою, или около 1 деньги съ десятины, т. е., полчетверти ржи. За этотъ же оброкъ пользовались крестьяне и сѣнокосами по 10 — 15 коп. сѣна на дворъ. (Дер. I. 158).

Въ центральныхъ уѣздахъ оброки въ дворцовыхъ имѣніяхъ были выше [1]); они были значительнѣе также по сравненію съ имѣніями другихъ землевладѣльцевъ; но крестьяне этихъ имѣній платили за то меньше государственныхъ податей, чѣмъ другіе.

Въ числѣ дворцовыхъ имѣній были еще слободы рыболовныя, бобровыя и бортники, поставлявшія на дворецъ продукты своихъ промысловъ. Они или ловили за право пользованія угодьями извѣстное число дней въ году — отъ 1 до 5 — на князя, или его чиновника [2]), или платили денежный оброкъ,

[1]) См., напр., описаніе села Едимоново, въ тверскомъ уѣздѣ, помѣщенное у Бѣляева: о позем. владѣніи, стр. 22.

[2]) Напримѣръ въ одной волости крестьяне ловили на озерѣ Шеребинѣ ночь на князя, а другую ночь на тіуновъ (Прилож. къ книгѣ Неволина

въ 9, 10, 21 и болѣе денегъ на человѣка, кромѣ другихъ податей и повинностей (А. Юр. № 222; А. А. Э. т. I. № 261).

3) *Барщина*, какъ кажется, начала входить въ употребленіе въ концѣ XV вѣка и встрѣчается въ изслѣдуемую эпоху почти исключительно въ монастырскихъ имѣніяхъ. Тяжесть издѣльной повинности была неодинакова даже въ имѣніи одного и того же землевладѣльца. Такъ въ имѣніи Троицкаго монастыря, въ дмитровскомъ уѣздѣ, крестьяне за свои пять десятинъ въ полѣ пахатной земли, за сѣнокосы и лѣсъ (выть) обработывали въ пользу землевладѣльца въ одномъ случаѣ $1^1/_2$ десятины (П кн. Кал. I. 767. 759), въ другомъ сверхъ этихъ $1^1/_2$ десятинъ платятъ съ выти по 5 алтынъ безъ двухъ денегъ, по четверти хлѣба, по овчинѣ, по десятку льну (ibid. 756); въ третьемъ случаѣ — 2 десятины за тоже количество земли; въ четвертомъ 2 десятины и сверхъ того по 2 гривны съ выти за мелкій доходъ (ibid. 732). Въ имѣніи Константиновскаго монастыря крестьяне за 5 десятинъ въ каждомъ полѣ обязаны были пахать 1 десятину въ пользу монастыря. Если же кто либо не могъ пахать 5 десятинъ, то пахалъ и всякое дѣло дѣлалъ по своей пашнѣ [1]).

Въ иныхъ мѣстностяхъ повинности были сложнѣе и состояли сверхъ обработки земли еще въ рубкѣ и возкѣ лѣсу, и въ извозѣ: такъ было, напримѣръ, въ имѣніи Новинскаго монастыря [1]). Къ концу столѣтія барщина замѣтно становится

---

206). Рѣка Вытегра была снята крестьянами за оброкъ въ 9 алтынъ 2 деньги (ibid. 176).

[1]) Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, стр. 218.

[1]) По уставной грамотѣ этого монастыря крестьяне были обязаны на каждую выть (5 десят.) пахать на монастырь по $1^1/_2$ дес., возить навозъ на монастырскую пашню, косить сѣно, сколько въ которомъ селѣ было, и свозить на монастырскій дворъ. Затѣмъ молоть по 2 четверти ржи, возить по 3 воза дровъ, по бревну трехсаженнаго лѣсу на кельи, или если игуменъ не велитъ возить дрова, то вносить за каждый возъ по алтыну. Для вырубки дровъ назначается 3 дня въ году; нарубленные въ это время дрова должны быть свезены въ продолженіи зимы. На крестьянахъ лежитъ также постройка хоромъ и дворовъ монастырскихъ, мельницы, въ случаѣ если игуменъ съ братьею вздумаютъ построить такую. Въ случаѣ ослушанія прикащику предоставляется брать съ ослушника гривну въ мона-

обременительнѣе. Въ 1590 г. Кишкинскіе крестьяне Троицкаго монастыря при переводѣ съ оброка на барщину должны были вмѣсто всякихъ оброковъ пахать на монастырь по 5 десятинъ съ выти (А. А. Э. I. № 348. II).

Чтобы составить болѣе полное представленіе о степени обременительности издѣльной повинности въ XVI в. приведемъ для сравненія нѣсколько примѣровъ ея, относящихся къ настоящему времени. По свѣдѣніямъ, собраннымъ высочайше учрежденной коммисіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи, въ Рязанской губ., напримѣръ, обработываютъ теперь за 1 десятину и даже менѣе одну же десятину въ пользу землевладѣльца, то есть, въ 4 — 5 разъ больше, чѣмъ въ XVI в. (Докладъ, приложеніе I. 19).

Въ иныхъ имѣніяхъ встрѣчается смѣшанная повинность. Такъ въ одномъ имѣніи Троицкаго монастыря часть крестьянъ пашетъ за 5 десятинъ по 2 десятины, а другая часть платитъ 5 рублей 29 алтынъ оброку. Затѣмъ, какъ издѣльные, такъ и оброчные вмѣстѣ вносятъ за мелкій доходъ съ выти (5 дес.) по гривнѣ (Писц. кн. Калач. Дм. у. I. 764).

Таковы были отношенія крестьянина къ землевладѣльцу если тотъ вступалъ въ общину. Но кое-гдѣ встрѣчается арендованіе земель у помѣщиковъ равно какъ и у черныхъ общинъ отдѣльными лицами, или товариществами въ 2, 3 человѣка независимо отъ общины.

стырскую казну и отсылать его на работу. Сверхъ перечисленныхъ работъ въ имѣніи (въ дмитровскомъ уѣздѣ) этого монастыря съ крестьянъ взимались различные мелкіе поборы, 3 раза въ году: на Пасху, Петровъ день и Рождество по 20 яицъ, да на Рождество по 2 гривенки масла съ выти, по сыру, по овчинѣ, или взамѣнъ ея по алтыну, а вмѣсто сыру по 2 деньги. Пряденіе льна и шерсти на сукно также входило въ число ихъ повинностей. Въ дальнихъ селахъ съ деревнями пахали изгономъ по 15 десятинъ и давали оброку съ выти по четверти ржи, по 2 четверти овса, да по овчинѣ; на Рождество Христово по 30 яицъ, по сыру и по 2 гривенки масла. Кромѣ того крестьяне обязаны поставить 7 подводъ въ случаѣ, если прикащикъ поѣдетъ на Бѣлоозеро купить рыбы, или соли на запасъ и двѣ подводы подъ соль и рыбу въ Москву (Временникъ, кн. 2 стр. 17—20).

Арендовать землю было выгодно въ томъ отношеніи, что крестьянинъ въ этомъ случаѣ не платилъ ничего, кромѣ условленной арендной платы. Долгосрочные аренды не были употребительны. Арендныя цѣны были различны, но вообще незначительны: въ одномъ случаѣ десятина худой земли нанималась за 8 денегъ (Писц. кн. Калач. I. 735), въ другомъ за 11 денегъ (ibid. 767) встрѣчаются и болѣе низкія цѣны (ibid. 773, 758 и пр.).

Заплативши арендную плату, крестьянинъ былъ затѣмъ свободенъ отъ всякихъ мірскихъ разрубовъ и разметовъ за землю.

Кромѣ оброковъ и работъ непосредственно въ пользу землевладѣльца на владѣльческихъ крестьянахъ лежало также содержаніе лицъ, поставленныхъ владѣльцами для управленія селами и деревнями, какъ то: ключниковъ, прикащиковъ, посельскихъ и пр. Въ Новгородской области ключники, составляющія непремѣнную принадлежность каждаго имѣнія, какъ бы оно мелко ни было, получаютъ различное содержаніе. Такъ въ одномъ имѣньицѣ ключнику съ каждой обжи. ($2^1/_2$ десят.) шла деньга, четка ржи, четка овса, 2 сыра, овчина, баранья лопатка, коврига, горсть льну (Дер. I. 361). Въ другомъ съ 2 обежъ (около 5 десятинъ), при сѣнокосахъ, дававшихъ 30 коп. сѣна, ключнику шло 2 хлѣба, 2 лопатки бараньи, 4 сыра, 2 овчины, 2 горсти льну (Дер. II. 341).

Въ большинствѣ случаевъ ключники, подобно землевладѣльцамъ, собирали свои доходы продуктами, но иногда натуральные платежи переводились на деньги по цѣнамъ, приведеннымъ выше. Что касается до центральныхъ уѣздовъ, то въ писцовыхъ книгахъ этихъ уѣздовъ вовсе не упоминается о какихъ либо сборахъ въ пользу лицъ, управлявшихъ имѣніями, даже совсѣмъ не видно и слѣдовъ существованія такихъ лицъ. По всей вѣроятности доходы съ имѣній собирались здѣсь временными сборщиками, посылаемыми въ извѣстную пору землевладѣльцами, или же доставлялись старостами, выборными отъ крестьянъ, какъ это было, напримѣръ, въ имѣніи

Корнильева-Комельскаго монастыря [1]). И если въ уставныхъ грамотахъ, современныхъ съ писцовыми книгами и относящихся къ однимъ и тѣмъ же мѣстностямъ съ ними, мы встрѣчаемъ и прикащиковъ вмѣстѣ съ точнымъ опредѣленіемъ слѣдующаго имъ содержанія, то, кажется, слѣдуетъ это понимать такимъ образомъ, что управленіе посредствомъ постоянныхъ прикащиковъ и другихъ лицъ было исключеніемъ изъ общаго правила, вводимымъ особыми уставными грамотами. Лица, завѣдывавшіе управленіемъ и судомъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, были тѣже прикащики, посельскіе старцы, ключники и тіуны. Для исполненія судебныхъ дѣйствій служили доводчики и недѣльщики. Содержаніе этихъ лицъ не вездѣ было одно и тоже. Они получали его сборомъ продуктовъ съ крестьянъ въ извѣстные сроки. Изъ такихъ поборовъ извѣстны: въѣзжее, праздничное, или праздничный кормъ, осеннее. По одной уставной грамотѣ прикащикамъ и доводчикамъ съ выти велѣно было брать въѣзжаго деньгу, да въ осень посельскому 9 денегъ, а доводчику алтынъ по старинѣ; въ осень же прикащику и доводчику брать куръ и поярокъ по старинѣ, или вмѣсто ихъ деньгу [2]). Кромѣ того крестьяне исполняли въ ихъ пользу нѣкоторыя работы; такъ въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря селу Пузыреву 1561 г. велѣно крестьянамъ всею волостью, на слугу и на доводчика молоть рожь на хлѣбы и солодъ [3]) (А. А. Э. т. I. № 258).

Вотъ въ общихъ чертахъ условія, на которыхъ крестьяне

[1]) Ср. А. А. Э. т. I. № 348, III.

[2]) Временникъ, кн. 2 стр. 19. Сравни А. до юр. б. № 43.

[3]) Въ селѣ Соболевѣ, принадлежавшемъ Троицко-Сергіеву монастырю, въ 1580 г. прикащику велѣно было давать ежегодно со всей волости въ осень по 20 четвертей ржи, да по 20 четвертей овса, да на четыре праздника, на великъ день, да на Петровъ день, да въ осень, да на Рождество Христово по алтыну съ выти, да ему же съ волости рубль денегъ, да сѣна косить имъ 60 коп. (А. А. Э. т. I. № 307). По уставной грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1593 г. постановлено прикащикомъ давать въѣзжаго съ выти по 2 деньги, да осенняго съ выти по 5 денегъ, „за которымъ прикащикомъ доводъ, а за которымъ доводу нѣтъ, то ему съ стола два рубли“ (А. А. Э. т. I, № 348, I, III). Сравни А. А. Э. т. I. № 255, II, № 268 и пр.

XVI вѣка пользовались землей въ имѣніяхъ владѣльцевъ всѣхъ наименованій.

Сравнивая ихъ съ условіями слѣдующихъ періодовъ русской исторіи, не исключая даже настоящаго, приходится сказать, что они не были обременительны. Участокъ каждаго земледѣльца состоялъ изъ достаточнаго количества пахатной земли, луга, лѣса, такъ что, въ соединеніи съ правомъ на угодья, онъ имѣлъ всѣ средства къ удовлетворенію насущныхъ потребностей хозяйства. Орудія производства давались ему безвозмездно. За пользованіе своимъ участкомъ онъ платилъ землевладѣльцу, все равно былъ ли онъ половникомъ, оброчникомъ или барщинникомъ, 4-ю—5-ю часть всего продукта. И что весьма важно, землевладѣлецъ не могъ увеличить своихъ требованій, такъ какъ крестьяне всегда имѣли право выселиться съ его земли. И дѣйствительно всякій разъ, когда условія измѣнялись къ худшему, крестьяне прибѣгали къ этому средству, оставляя требовательнаго землевладѣльца съ пустой землей.

Съ нашей точки зрѣнія условія пользованіе землей въ 16 в. могутъ показаться, какъ сказано, благопріятными, но совершенно иначе долженъ былъ смотрѣть на нихъ крестьянинъ 16 вѣка. Общество находилось въ переходномъ состояніи отъ того первобытнаго экономическаго устройства, при которомъ продуктъ труда сполна принадлежитъ самому производителю, и которое было еще не забыто, къ той общественно-экономической формаціи, когда часть труда употребляется на содержаніе членовъ общества, живущихъ чужимъ трудомъ. Обширныя пространства никѣмъ не занятыхъ земель на всѣхъ окраинахъ Россіи открывали каждому полнѣйшую возможность обработывать столько земли, сколько ему было нужно, не удѣляя никому другому ни малѣйшей доли изъ продуктовъ своего труда. Внутри самой населенной территоріи соперничество землевладѣльцевъ доводило, въ болѣе богатыхъ землею мѣстностяхъ, размѣръ этой доли до ничтожной величины, и наконецъ естественныя богатства страны открывали много другихъ источниковъ къ существованію помимо земледѣлія. Не трудно понять послѣ этого, почему крестьянину того времени

казались тяжелыми требованія землевладѣльцевъ и почему онъ или вовсе отказывался отъ земли, или переходилъ съ мѣста на мѣсто, ища болѣе выгодныхъ предложеній, или наконецъ бѣжалъ за предѣлы государства. Это сдѣлается еще болѣе понятнымъ если мы скажемъ, что большинство владѣльческихъ крестьянъ, кромѣ повинностей въ пользу землевладѣльца, несли подати, повинности и различные пошлины въ пользу государства. Только сравнительно незначительная часть крестьянъ, почти исключительно въ монастырскихъ имѣніяхъ [1]), освобождаемыхъ отъ податей въ силу особыхъ жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ, ограничивалась отбываніемъ повинностей лишь въ пользу землевладѣльца, не зная никакихъ государственныхъ налоговъ. Остальная масса крестьянства была обложена какъ тѣми такъ и другими. Въ этомъ отношеніи владѣльческіе крестьяне находились въ одинаковыхъ условіяхъ съ черными, отличаясь отъ этихъ послѣднихъ лишь тѣмъ, что подати ихъ были менѣе значительны. Какъ велика была сумма податей въ томъ и другомъ случаѣ?

VII.

Податная система древней Россіи представляетъ въ высшей степени своеобразное явленіе, и разсмотрѣніе началъ, лежавшихъ въ ея основаніи, помимо того прямаго интереса, который она имѣетъ для нашей задачи, можетъ быть любопытно и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Подати налагались въ древней Россіи не на лицо, а на имущество. Такъ какъ имущество состояло главнымъ образомъ въ землѣ, то она и была преимущественнымъ предметомъ обложенія. Но тамъ, гдѣ жители занимались промыслами, напр. въ городахъ, налоги взимались и съ этихъ послѣднихъ. Для распредѣленія поземельныхъ налоговъ употреблялся весьма оригинальный способъ. Вся занятая земля Московскаго госу-

[1]) Примѣры освобожденія отъ податей въ имѣніяхъ лицъ, не принадлежащая къ духовенству, рѣдки но бывали: льготною грамотою 1547 года вотчины и помѣстья путнаго ключника Дурова на четыре года были освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей (А. А. Э. т. I. № 218).

дарства раздѣлялась на участки, называемые сохами, такимъ образомъ, что каждый изъ этихъ участковъ по доходности былъ равенъ другимъ и могъ быть обложенъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ другими. Понятно, что при различныхъ достоинствахъ земли, соха не могла представлять какой либо опредѣленной величины, и измѣнялась по времени и мѣстнымъ условіямъ. Вникая въ смыслъ системы, вѣрнѣе было бы сказать, что дѣлилась не земля, а сумма налога раздѣлялась на опредѣленныя равныя доли, которыя потомъ и разлагались по землѣ, при чемъ равномѣрность обложенія не могла быть иначе достигнута, какъ только пропорціональнымъ измѣненіемъ величины участковъ. При опредѣленіи величины сохи т. е. при опредѣленіи количества податей на ту или другую мѣстность принималось въ соображеніе, во 1) качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Первой полагалось на соху больше, второй менѣе, третьей еще менѣе: такъ если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней земли шло 1000 четвертей, худой уже 1200. Это былъ слѣдовательно налогъ на доходъ съ земли, такъ какъ во всѣхъ 3 случаяхъ на соху накладывалась одинаковая сумма. Во 2) принималось во вниманіе количество другихъ налоговъ, лежавшихъ на землѣ. Черныя земли, не платившіе оброка землевладѣльцу, преимущественно несли государственныя подати, по этому черныя сохи были мельче остальныхъ и заключали въ себѣ отъ 400 до 600 четвертей. Второе мѣсто по тяжести податей занимали монастырскія земли; соха заключала здѣсь до 600 четвертей доброй земли. Еще менѣе обременительны государственные налоги были для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель: сохи были здѣсь больше, и именно доброй земли полагалось 800 четвертей, средней 1000 и худой 1200 четвертей, то есть они были обложены на цѣлую треть слабѣе, чѣмъ черныя земли въ самомъ благопріятномъ случаѣ; но, взамѣнъ этого, крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, платили оброки въ пользу владѣльца. Менѣе всего было налоговъ на дворцовыхъ и подклѣтныхъ земляхъ: на соху здѣсь полагалось доброй земли 1.300 четвертей, такъ что эти земли

платили вдвое менѣе противъ черныхъ земель, что объясняется тяжестью лежавшихъ на нихъ оброковъ въ пользу дворца.

Тоже основаніе подоходности удерживалось при обложеніи и другихъ отраслей производства. Въ посадахъ, городахъ и вообще промышленныхъ и торговыхъ мѣстахъ сумма податей соразмѣрялась съ количествомъ всѣхъ доходовъ жителей (А. А. Э. т. I № 36; А. И. т. III № 286).

Вслѣдствіе частыхъ войнъ тяжесть налоговъ въ продолженіе 16 столѣтія постепенно возрастаетъ: напримѣръ, въ Тверскомъ уѣздѣ въ дворцовыхъ волостяхъ крестьяне въ первой половинѣ столѣтія платили съ 1300 четвертей туже самую сумму, которую въ концѣ столѣтія платили съ 400 четвертей Кромѣ того обременительность налоговъ возрастала еще и оттого, что плата натурою, продуктами добываемыми самими жителями, постепенно вытѣснялась платой деньгами, пріобрѣтеніе которыхъ было, конечно, чрезвычайно затруднительно для крестьянина.

Резюмируя сказанное, выводимъ, что поземельная подать въ древней Россіи лежала на всѣхъ обработываемыхъ земляхъ, эксплуатировались ли онѣ крестьянами или землевладѣльцами, что, далѣе, земля за основаніе обложенія принималась ея доходность.

Только въ видѣ исключенія, по особенной милости государя, нѣкоторыя земли освобождались на срокъ или навсегда отъ извѣстныхъ или отъ всѣхъ налоговъ. Всего чаще „обѣлялись" такимъ образомъ земли монастырей и архіереевъ (Д. къ А. И. т. I № 122, 141, 188, 217; Горчаковъ о земельныхъ имуществахъ 270—271). Напр. Ѳедоровскій и Тереховскій монастыри платили только ямскія и полоняничныя деньги (А. Юр. р. № 209 V, VI). Такія льготы давались всего чаще имѣніямъ, опустошеннымъ пожарами, войной, моровыми повѣтріями и т. п., или съ тою цѣлью, чтобы дать возможность землевладѣльцу льготой отъ податей легче переманить къ себѣ на землю крестьянъ.

Легко видѣть, что такая система не могла существовать безъ болѣе или менѣе точнаго описанія земель. И дѣйствительно уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ намеки на такія инвентарныя описанія хозяйствъ. Въ XVI вѣкѣ они производились

весьма часто: Новгородскія земли послѣ ихъ присоединенія къ Москвѣ впродолженіе 20 лѣтъ были описаны 2 раза. Изъ описаній отдѣльныхъ хозяйствъ составлялись писцовыя и переписныя книги, различавшіяся между собою тѣмъ, что въ первыя заносились не только обработываемыя земли, «въ живущемъ», но также и лежащія впустѣ «порозжія», тогда какъ въ переписныхъ книгахъ описывались исключительно земли, приносящія доходъ. Лица, производившія описи, назывались писцами, описчиками и бѣльщиками. Въ описаніи означалось имя владѣльца, количество пашни и перелогу въ четвертяхъ или десятинахъ, состоявшихъ за каждымъ селеніемъ или деревнею, въ которыхъ обозначается иногда число дворовъ и домохозяевъ, также количество сѣна въ копнахъ, количество лѣса, измѣрявшагося верстами, четвертями или десятинами. Затѣмъ показывалось сколько крестьяне платятъ оброка или какія отправляютъ повинности на землевладѣльца. Если свѣдѣнія писцовыхъ книгъ требовали подтвержденія, то предпринимались новыя описанія, куда вносились разныя исправленія и дополненія, и такимъ образомъ составлялись книги дозорныя и приправочныя. Собравши такимъ путемъ всѣ нужныя свѣдѣнія о мѣстности, писцы клали ее въ сохи, то есть накладывали подати. Правильность описаній и податнаго обложенія зависѣла при этомъ почти исключительно отъ добросовѣстности писцовъ, которые не рѣдко возбуждали своими дѣйствіями жалобы. Внутри каждой сохи сумма налоговъ дробилась на болѣе мелкія платежныя единицы, называвшіяся въ Новгородѣ обжами, въ московскихъ владѣніяхъ вытями. Ни та ни другая мѣра не имѣли опредѣленной величины и измѣнялись по времени и мѣсту. Такъ обжа въ 1500 году заключала въ себѣ отъ 3 до 6 десятинъ, а въ концѣ столѣтія она постоянно равнялась 5 десятинамъ. Мѣра выти еще болѣе не постоянна. Въ Дмитровскомъ у., напр., клалось на выть по 5 десятинъ, а въ Московскомъ (1585 г.) на выть полагалось по 10 десятинъ, въ другихъ мѣстахъ она заключала 7 десят. и т. д. Выть измѣнялась также, смотря по качеству почвы: доброй земли клалось менѣе, худой болѣе и наконецъ смотря по виду владѣнія.

Что касается до самыхъ податей и повинностей, то они были

слѣдующія: 1) дань князю съ земли. Этой подати подлежало все населеніе. Она называлась „посошнымъ“ „посохою“ „посошиной“, въ Новгородскихъ земляхъ обежной данью. 2) Поголовная подать накладывалась только въ исключительныхъ случаяхъ и упоминается весьма рѣдко.

Повинности были чрезвычайно разнообразны. Однѣ изъ нихъ были общія, другія мѣстныя, одни отбывались исключительно личнымъ трудомъ, другія въ соединеніи съ денежными платежами. 1) Наиболѣе обременительною повинностью для народа была ямская, состоявшая въ доставленіи подводъ для княжескихъ гонцовъ, иностранныхъ властей, намѣстниковъ, волостелей и другихъ властей. Особенно тяжело ложилась она на тѣ мѣстности, чрезъ которыя пролегали наиболѣе «пошлыя» дороги, такъ какъ жители этихъ мѣстностей, кромѣ доставленія лошадей, обязаны были кормить проѣзжающихъ, ихъ прислугу и коней, давать квартиры, проводниковъ и т. под., причемъ, за отсутствіемъ какихъ либо правилъ, все зависѣло отъ требовательности проѣзжавшихъ чиновниковъ. Постепенно ямская повинность была переложена на деньги и взамѣнъ ея стали собираться ямскія деньги, въ придачу къ которымъ повременамъ брались еще приметныя деньги. Отправленіе же ямщины было возложено на особый классъ ямщиковъ.

2) Не менѣе тяжела была ратная повинность то есть выставленіе и содержаніе ратныхъ людей. Постоянныхъ наборовъ не было, такъ какъ постояннаго войска еще не существовало, но, по мѣрѣ надобности, производились наборы по 1 человѣку съ 2, 9, 5, 20 и болѣе дворовъ. Сверхъ этого на населеніи лежала еще поставка припасовъ и денегъ войску, приготовленіе пороху (зелейное дѣло), устройство засѣкъ при вступленіи непріятеля, платежъ пищальныхъ денегъ на покупку оружія.

Таковы были общія повинности. Кромѣ нихъ были еще мѣстныя повинности по отношенію къ мѣстному городу. «Городское дѣло» состояло въ томъ, чтобы дѣлать городъ (валы и ограды), возить каменья, известь, исправлять пищальное и поворотное, впослѣдствіи пушечное дѣло, строить и чинить мосты и т. д.

Всѣ подобныя повинности отправлялись большею частью непосредственнымъ трудомъ самихъ жителей, но иногда перелагались и на деньги: такъ собиралось по 1 алтыну съ двора для содержанія городскихъ воротъ (поворотное или алтыновщина), также производились денежные поборы на постройку мостовъ (мостовщина), на вооруженіе (пищальные оброки), на наемъ цѣловальниковъ, для кабацкихъ сборовъ (бражные оброки), на ночные обходы (загонное). Затѣмъ, на извѣстныхъ мѣстностяхъ, вѣроятно близко расположенныхъ къ царскимъ владѣніямъ, лежали еще повинности въ пользу княжескаго двора, „тягло къ дворецкому"; крестьяне этихъ мѣстъ обязаны были ставить княжескіе дворы въ городахъ и селахъ, пахать пашню, убирать хлѣбъ, кормить княжескихъ коней, копать и запруживать пруды, колоть и возить ледъ, ловить рыбу, бобровъ и пр.

Наконецъ, существовало много пошлинъ по управленію и суду. Все русское государство по отношенію къ управленію раздѣлялось на извѣстные округи или уѣзды, дѣлившіеся на станы, подраздѣлявшіеся въ свою очередь на волости. Впрочемъ, нѣкоторые уѣзды дѣлились прямо на волости. Уѣздами управляли намѣстники, волостями—волостели. Намѣстники завѣдывали также и судомъ, отправляя его лично или посредствомъ тіуновъ. Тяжущіяся стороны ставились доводчиками. Всѣ эти чиновники не получали опредѣленнаго жалованья, а „кормились" поборами съ управляемыхъ ими волостей и пошлинами отъ суда. Сначала поборы эти были не особенно значительны. Въ Новгородѣ, въ началѣ XVI вѣка, въ одномъ имѣніи волостель съ тіуномъ и доводчикомъ получали съ обжи (около $2^1/_2$ десят.) около $7^1/_2$ денегъ, т. е. $1^1/_2$ четверти ржи (Дер. п. кн. I, 251). По онежской грамотѣ намѣстникъ получалъ на Рождество Христово по $^1/_2$ съ десятины, тіунъ получалъ половину намѣстничьяго корма, доводчикъ еще меньше (А. А. Э., т. I. № 181). На жителяхъ-же лежала обязанность строить для этихъ управителей опредѣленной мѣры дворы, и доставлять отопленіе (Двинская уст. грамота). Затѣмъ въ пользу ихъ шли судныя пошлины; они получали, наконецъ, пошлины при со-

вершеніи различныхъ договоровъ: при продажѣ лошадей (пятно), убрусную и т. д.

Но кормленщики не ограничивались указнымъ кормомъ и позволяли себѣ множество всякаго рода противозаконныхъ поборовъ, достигавшихъ весьма значительныхъ размѣровъ. Тяглые люди посылаютъ жалобу за жалобой на произволъ и взяточничество намѣстниковъ, тіуновъ, доводчиковъ, приравнивая ихъ къ разбойникамъ, татямъ и лихимъ людямъ. Такъ, важане жалуются царю, что въ ихъ краю посадскіе и крестьяне отъ насильства, продажъ и тяжебъ разошлись одни въ монастыри, другіе невѣдомо куда, что они не въ состояніи прокормить своего намѣстника и пошлинныхъ людей (А. А. Э., т. I № 234). Вымогательства управителей были такъ раззорительны, жалобы повторялись съ такимъ упорствомъ, что царь Иванъ Грозный, наконецъ, рѣшился совсѣмъ уничтожить намѣстниковъ и предоставилъ общинамъ самимъ выбирать излюбленныхъ старостъ, „кому межъ крестьянъ управу чинить и кого они излюбятъ всѣ“. Впрочемъ, главнымъ побужденіемъ къ такой реформѣ было не сочувствіе къ угнетенному народу, всего вѣроятнѣе, что она была вызвана финансовыми разчетами. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи стр. 142 и слѣд). Самоуправленіе давалось не даромъ, общины должны были покупать его за извѣстный оброкъ въ казну: въ Двинской землѣ этотъ оброкъ былъ 20 р. съ сохи, станы Важскій, Шенкурскій и Вельскій платили за самоуправленіе $1^1/_2$ тысячи руб. въ годъ. Продажа самоуправленія было, такимъ образомъ, для правительства новой и весьма выгодной статьей дохода. Но, какіе бы мотивы не побудили царя къ такой реформѣ, крестьяне были во всякомъ случаѣ, въ первые, по крайней мѣрѣ, годы, въ выигрышѣ: вмѣсто произвольныхъ поборовъ, размѣръ которыхъ опредѣлялся корыстолюбіемъ намѣстниковъ, они платили теперь опредѣленный и, сравнительно, менѣе обременительный налогъ.

Намѣстнику были подчинены судомъ всѣ жители уѣзда. Но въ видѣ исключенія, многіе вотчинники, преимущественно монастыри, но не рѣдко и служилые люди, въ силу жалованныхъ грамотъ получали право самимъ судить крестьянъ сидѣвшихъ

на ихъ землѣ, освобождаясь отъ суда намѣстниковъ или вполнѣ или за исключеніемъ случаевъ извѣстныхъ преступленій, напр., разбоя, или разбоя и душегубства, иногда и татьбы съ поличнымъ. Въ дворцовыхъ имѣніяхъ намѣстниковъ, замѣняли ключники (А. И., т. I, № 165) въ бобровыхъ деревняхъ ловчіе (А. А. Э., т. I, № 257) Для насъ здѣсь важно, впрочемъ, изслѣдованіе не самой землевладѣльческой юрисдикціи, а лишь экономическая сторона дѣла. Къ сожалѣнію, нѣтъ достаточно данныхъ для сравненія количества пошлинъ, платимыхъ владѣльческими крестьянами своимъ судьямъ-землевладѣльцамъ съ тѣмъ, которое бралось съ черныхъ крестьянъ и городскихъ жителей намѣстниками. Остается удовольствоваться только отрывочными данными. Землевладѣльцы обыкновенно судили не сами, а передавали свое право лицамъ, управляющимъ имѣніями: ключникамъ, посельскимъ въ новгородской землѣ (въ началѣ столѣтія), прикащикамъ въ монастырскихъ имѣніяхъ, иногда особеннымъ тіунамъ, къ которымъ присоединялись для исполненія судебныхъ дѣйствій доводчики и недѣльщики. Судныя пошлины были, какъ кажется, весьма разнообразны. Въ одномъ мѣстѣ (селѣ Пузыревѣ) прикащикъ бралъ съ каждаго исковаго рубля по алтыну, т. е., по 3 процента, если же нужно было ѣхать или послать кого либо на потраву или межу, то брался еще алтынъ. Въ другомъ мѣстѣ крестьяне, вышедшіе въ полѣ биться, въ случаѣ мировой, платятъ посельскому десять денегъ и т. д. Затѣмъ, съ владѣльческихъ крестьянъ брались въ пользу землевладѣльцевъ, совершенно также, какъ съ черныхъ крестьянъ въ пользу намѣстниковъ, пошлины и во многихъ другихъ случаяхъ, напр., при совершеніи договоровъ: при мѣнѣ или продажѣ, особенно при продажѣ скота за волость (уст. грам. Тр. мон. 1590), при наймѣ работника (казака), причемъ, если казакъ былъ изъ другой волости крестьянинъ-наниматель платилъ явки 4 деньги, если изъ своей — деньгу (А. А. Э. I, № 307). При выдачѣ дочери замужъ въ своей волости, платился алтынъ-новоженный, въ противномъ случаѣ — гривна (А. А. Э., т. I, № 307). При уходѣ изъ волости, крестьянинъ платилъ пожилое или похоромное, при вступленіи въ волость — порядное. Трудно сказать,

повсемѣстно ли было въ обычаѣ во владѣльческихъ имѣніяхъ брать судныя пошлины. Въ писцовыхъ книгахъ, изданныхъ Географ. Обществомъ подъ редакціею Калачева, мы встрѣтили только въ одномъ имѣніи указаніе на существованіе пошлинъ въ пользу доводчиковъ, во всѣхъ же остальныхъ крестьяне платятъ только одинъ оброкъ и вовсе не говорится о какихъ либо иныхъ платежахъ землевладѣльцу.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію формъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ виду важности этого явленія для характеристики соціально-экономическихъ отношеній того времени, мы остановимся на немъ съ особымъ вниманіемъ, пользуясь для его изслѣдованія не только непосредственными указаніями источниковъ, но и сравненіемъ съ соотвѣтствующими сторонами быта другихъ народовъ.

VIII.

Послѣднія изслѣдованія относительно прошлаго состоянія человѣчества привели къ результатамъ, на основаніи которыхъ можно съ достаточной полнотой возстановить древнія формы культуры, семьи, управленія, языка, религіи, но они до сихъ поръ дали лишь самый ограниченный и отрывочный матеріалъ для рѣшенія вопроса о фазисахъ развитія собственности по отношенію какъ къ движимымъ предметамъ, такъ и къ землѣ. Несомнѣнно одно, что идея индивидуальной собственности и, въ частности, поземельной отсутствовала и затѣмъ была чрезвычайно слаба впродолженіи огромнаго періода первобытной жизни человѣчества. Возникши изъ факта завоеванія и ограниченная первоначально примѣненіемъ лишь къ ничтожному количеству вещей, она прошла длинный и замѣчательно-медленный путь развитія, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ условій, не сдѣлалась господствующимъ учрежденіемъ и не легла въ основаніи всѣхъ существующихъ цивилизованныхъ обществъ. При этомъ развитіе идеи поземельной собственности, на сколько можно судить по собраннымъ уже даннымъ, отличается отсутствіемъ какой-либо правильности. Напрасно

было бы искать какой либо связи или строгаго однообразнаго соотношенія историческаго развитія этой идеи съ прогрессомъ открытій и изобрѣтеній. Справедливо, что начиная съ того момента, когда человѣкъ, подобно дикимъ животнымъ, питался готовыми продуктами земли, безъ помощи труда, и когда, слѣдовательно, не могла возникнуть даже мысль о поземельной собственности, каждая новая ступень въ развитіи культуры, языка, религіи, семьи, образа жизни, особенно культуры, должна была непремѣнно отражаться на отношеніяхъ человѣка къ землѣ и измѣнять ихъ; но измѣненія эти происходили далеко не вездѣ въ одномъ и томъ же направленіи. Въ однихъ случаяхъ количество объектовъ собственности, ограниченное сначала предѣлами необходимаго для добыванія средствъ къ существованію, постепенно возрастало, а самое понятіе собственности получало все большую и большую опредѣленность по мѣрѣ того, какъ извѣстное общество переходило отъ дикаго состоянія къ высшимъ ступенямъ культуры и дѣлало новыя пріобрѣтенія въ области знанія и искусствъ; въ другихъ случаяхъ такой параллельности, напротивъ, не замѣчается. Въ первомъ случаѣ, дѣйствительно, каждая новая историческая эпоха представляетъ значительное движеніе впередъ не только относительно количества открытій и изобрѣтеній, но также и относительно разнообразія и объема права индивидуальной собствености; въ послѣднемъ, наоборотъ, не смотря на развитіе культуры, индивидуальной собственности все таки не возникало и принципы, лежавшіе въ основаніи отношенія людей къ землѣ, оставались неизмѣнно тѣми же, что и прежде. Подобныя различія въ соотношеніи обоихъ взятыхъ нами явленій имѣли и имѣютъ мѣсто не только для различныхъ обществъ, но не рѣдко для частей одного и того же общества. Также мало правильнаго соотвѣтствія, по крайней мѣрѣ, по существующимъ даннымъ, можно замѣтить между перемѣнами въ общественной организаціи и измѣненіями въ формахъ землевладѣнія. Въ однихъ случаяхъ развитіе семьи, формъ правленія, вообще развитіе общественнаго міровоззрѣнія влечетъ за собой сильное расширеніе правъ семьи и личности относительно владѣнія и наслѣдованія землей, оканчива-

ющееся возникновеніемъ идеи полной собственности; въ другихъ, напротивъ, правила владѣнія и наслѣдства остаются мало измѣненными въ своихъ основаніяхъ, не смотря на рѣзкія перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ: земля остается въ коллективномъ владѣніи группъ индивидуумовъ, хотя бы начала, связывающія ихъ въ одно цѣлое, и были различны. Но при всемъ различіи въ исторіи обществъ по отношенію въ землевладѣнію болѣе или менѣе вѣрно одно, что съ переходомъ людей къ пастушескому быту и прирученіемъ животныхъ всегда возникала большая или меньшая опредѣленность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ землѣ. Отношенія, годныя для звѣроловческаго быта должны были неизбѣжно уступить мѣсто другимъ, болѣе опредѣленнымъ и постояннымъ послѣ того, какъ сдѣлано было великое открытіе, что дикія животныя: лошадь, корова, овца, свинья, и др. могутъ быть укрощены и какъ стада ихъ сдѣлались источникомъ средствъ къ существованію. Къ тому же результату должно было привести, быть можетъ, одновременно происходившее измѣненіе въ самой организаціи общества. Пастушескому быту соотвѣтствуетъ повсюду соединеніе людей, представлявшихъ до того, какъ думаютъ, безформенную массу, въ группы, связующимъ началомъ которыхъ было родство и которыя всѣ предметы, добытыя тѣмъ или другимъ изъ членовъ, считаютъ общею собственностью рода, а землю, занятую родами, принадлежностію всѣхъ ихъ вмѣстѣ; но земля теперь раздѣлена между родами на части, остающіяся въ болѣе или менѣе продолжительномъ пользованіи ихъ для пастьбы скота. Изъ такого пользованія, однакожь, не могло выродиться право отдѣльной собственности уже потому, что истощеніе и невѣрность урожая травы на пастбищахъ требовала по временамъ новаго перераспредѣленія ихъ между родами. Еще менѣе было благопріятныхъ условій для появленія въ такомъ состояніи общества семейной или индивидуальной собственности. Право отчужденія жилищъ и земель посторонним лицамъ совершенно разрушило бы весь планъ жизни родовъ. Право владѣнія извѣстными мѣстами земли могло принадлежать членамъ рода лишь впродолженіи извѣстнаго срока и быть отчуждаемо не иначе, какъ только вре-

мѣнно и внутри рода. По смерти одного изъ членовъ рода имущество его переходило къ наслѣдникамъ, принадлежавшимъ къ тому же роду. Необходимость имѣть постоянный кормъ для домашнихъ животныхъ, навсегда включенныхъ съ этой поры въ планъ человѣческой жизни, заставило людей выдѣлять извѣстную часть земли для заготовленія сѣна на зиму, пока, наконецъ, развившіяся потребности самого человѣка не побудили его обратиться къ воздѣлыванію хлѣбныхъ растеній, что придало еще болѣе постоянства пользованію участками земли. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, хотя это трудно подтвердить точными свидѣтельствами, что не одно родство соединяло людей въ группы съ общимъ владѣніемъ землей, даже въ пастушескомъ быту, что цементирующими началами могли быть сознаніе пользы общежитія, общее завладѣніе извѣстной территоріей и связанныя съ нимъ общія колонизаціонныя работы и т. п., но несомнѣнно, что, при переходѣ къ земледѣлію, союзы, владѣющія землей сообща, состояли весьма часто изъ лицъ, не имѣющихъ между собою никакой родственной связи (у насъ напримѣръ общины казаковъ уральскихъ, донскихъ и др.). Въ своемъ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ я старался доказать кромѣ того что не только родство, но также и общій трудъ, сами по себѣ, не могъ быть достаточнымъ условіемъ для образованія поземельныхъ общинъ и что причины ихъ образованія слѣдуетъ искать не только въ общемъ трудѣ но и въ соціальномъ міровоззрѣніи народовъ, унаслѣдованномъ отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ и отличавшемся въ первыя эпохи цѣлостностью. Это міровоззрѣніе выражалось не только въ устройствѣ взаимныхъ отношеній внутри поземельныхъ общинъ, но и въ отношеніи ко всей землѣ, занятой народомъ, какъ къ общему имуществу, которымъ каждый можетъ пользоваться лишь для приложенія своего собственнаго труда. Послѣ этого бѣглаго очерка развитія формъ поземельныхъ отношеній у всѣхъ народовъ вообще, мы перейдемъ къ исторіи землевладѣнія въ древней Россіи. Русскіе славяне до основанія государства жили отдѣльными племенами, изъ которыхъ упоминаются въ лѣтописи поляне, древляне, сѣверяне, вятичи, радимичи, тиверцы, уличи, кри-

вичи, дреговичи, славяне. Земля занимаемая какимъ либо племенемъ составляла, повидимому, принадлежность всего этого племени. Въ такомъ смыслѣ, повидимому, слѣдуетъ понимать выраженія: земля Ростовская, земля Древлянская, земля Двинская и т. п. Вслѣдствіе какихъ причинъ явилось такое отношеніе къ землѣ: имѣли ли здѣсь вліяніе обычаи пастушескаго быта, сохранившіеся и при переходѣ къ земледѣлію, общее участіе въ занятіи, завоеваніи, защитѣ и обработкѣ земли, или составъ племени опредѣлялся родственными связями и каждый изъ родовичей имѣлъ по происхожденію равныя съ другими права на имущество, или, наконецъ, въ основаніи этихъ группъ лежало территоріальное начало—сожительство на одномъ мѣстѣ,—на этотъ вопросъ нельзя дать, опредѣленнаго отвѣта. Но туже идею принадлежности земли племени или народу встрѣчаемъ мы въ первыя эпохи исторіи и у всѣхъ западныхъ народовъ. Въ древней Греціи, Римѣ, Англіи, Даніи и Германіи земля признавалась принадлежностью цѣлаго народа и носила названія въ послѣднихъ трехъ странахъ: Folcland, Almenning, Alminning, Almänniger т. е. народной, общей земли. Земля въ эти эпохи, повидимому, не служила предметомъ купли-продажи, по крайней мѣрѣ въ нашей исторіи, впродолженіи всего кіевскаго періода, за исключеніемъ одного случая уступки княземъ земли монастырю (Печерскому), не было, по сохранившимся памятникамъ, случаевъ полнаго отчужденія земли посредствомъ продажи. Съ теченіемъ времени, какъ у насъ, такъ и во всѣхъ названныхъ странахъ взглядъ на право верховной собственности на землю нѣсколько измѣняется. Съ развитіемъ государственной власти право это переносится у насъ на князей, потомъ, съ утвержденіемъ единодержавія, на царя, который и считается верховнымъ собственникомъ земли. Въ Норвегіи уже въ самое раннее время мы встрѣчаемъ постановленіе или скорѣе обычай, вслѣдствіе котораго никто не имѣлъ права безъ позволенія короля отгораживать часть общей земли въ свое частное владѣніе и только король могъ отдавать общую землю въ аренду отдѣльнымъ лицамъ. Тоже самое было и въ Англіи, гдѣ земля раздавались съ согласія народа королемъ и гдѣ до сихъ поръ

король считается фиктивнымъ собственникомъ земли. Въ Германіи, впрочемъ, право короля на землю никогда не было проведено въ жизнь во всей его широтѣ и при самомъ возникновеніи подверглось значительнымъ ограниченіямъ. Совершенно тотъ же взглядъ на государя, какъ на субъекта права поземельной собственности господствуетъ на востокѣ: въ Египтѣ и Турціи государи, на основаніи этого права, весьма нерѣдко производятъ самыя коренныя измѣненія въ поземельныхъ отношеніяхъ. Неизвѣстно когда и вслѣдствіе какихъ вліяній совершилось у насъ такое перенесеніе права на землю съ народа на государя, но въ XV—XVI в. земля уже называется „государевой землей“ „землей царя и великаго князя, государя и великаго князя“ и т. д. Татарское понятіе о ханѣ, какъ собственникѣ земли, кажется не мало содѣйствовало если не возникновенію, то, по крайней мѣрѣ, развитію такого взгляда. (Неволинъ, исторія гражд. зак. III, 149, пр. 142). Равнымъ образомъ не безъ вліянія долженъ былъ остаться примѣръ церкви, выработавшей понятіе о неотчуждаемости земли, принадлежащей ей (А. Ист. I, № 7) и раздававшей свои земли въ помѣстья (Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія I. 448). Но разъ возникла такая идея, она должна была поддерживаться и усиливаться уже вслѣдствіе экономическихъ причинъ: съ востепеннымъ возвышеніемъ цѣнности земли должно было развиться стремленіе санкціонировать права владѣнія землей посредствомъ утвержденія ихъ государствомъ тогда какъ прежде, при обиліи земли и свободномъ ея займѣ каждымъ въ размѣрамъ его потребностей, не было такой надобности прибѣгать къ утвержденію и охраненію правъ.

Но перемѣна субъекта права весьма долгое время не влекла за собой существенныхъ измѣненій во взглядѣ на землю, какъ на общую собственность. До самой половины XVIII столѣтія у насъ не существовало частной поземельной собственности въ строго-римскомъ смыслѣ. Частныя лица, общины имѣли на нее лишь право болѣе или менѣе постояннаго владѣнія, собственникомъ же ея признавался государь. Для нашей цѣли чрезвычайно важно доказать несомнѣнность этого

факта и потому я приведу всѣ наиболѣе типическія данныя, служащія ему подтвержденіемъ.

Вся земля Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, о которомъ мы имѣемъ наиболѣе данныхъ, раздѣлялась на четыре разряда: 1) самая большая доля ея оставалась не занятой— «порозжія земли»; 2) другая — находилась во владѣніи и пользованіи черныхъ крестьянъ; 3) третья часть, значительно превышавшая въ XVI вѣкѣ предыдущую, была роздана въ помѣстья и вотчины и, наконецъ 4) четвертая—состояла въ непосредственномъ владѣніи самаго государя (дворцовыя и т. п. земли). Всѣ незанятыя земли въ древней Россіи, подобно тому какъ и теперь, составляли государственную собственность, право распоряженія которой принадлежало всецѣло князю. Эти земли служили постояннымъ фондомъ для награды служилыхъ людей помѣстьями и вотчинами. Что касается до отношенія государя къ занятымъ землямъ, то прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, считаю не безъинтереснымъ сообщить нѣкоторыя данныя о количествѣ различныхъ разрядовъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ концѣ XVI вѣкѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ числилось за помѣщиками, за исключеніемъ земель, состоявшихъ въ помѣстныхъ селахъ въ пользованіи духовенства: 1) пахатной земли „пашни паханой, переложной и поросшей лѣсомъ" всякаго качества: доброй, средней и худой по 50,385 четьи (25,162½ десятины,—четья равняется полдесятинѣ) въ каждомъ полѣ, 2) луговъ, на которыхъ ставилось въ годъ переписи 7,302 копны сѣна; 3) 3,536 десятинъ пашеннаго и не пашеннаго лѣсу и 622 десятины поверстнаго лѣсу. Все это пространство земли находилось во владѣніи 459 помѣщиковъ.

Кромѣ того, въ Коломенскомъ уѣздѣ было по 8,137 десятинъ въ полѣ пашни паханой, переложной и поросшей лѣсомъ оброчныхъ и порозжихъ земель бывшихъ прежде помѣстьями, но въ моментъ переписи остававшихся нерозданными, и къ этой пашнѣ сѣнокосовъ на 17,285 копенъ сѣна, 1,227 десятинъ пашеннаго и непашеннаго лѣсу и около 6 квадратныхъ верстъ поверстнаго лѣсу.

Въ томъ же Коломенскомъ уѣздѣ было много земель за вотчинниками, которыхъ здѣсь считалось 202 человѣка. Вот-

чинной пахатной земли (пашни паханой, переложной, поросшей лѣсомъ) было 35,057 четей въ каждомъ полѣ, луговъ на 37,563 копенъ сѣна, пашеннаго и непашеннаго лѣсу 11,145 десятинъ и, наконецъ, поверстнаго лѣсу 1,035 кв. верстъ. Порозжихъ вотчинныхъ земель было: пашни 1,240 четей въ полѣ, луговъ на 460 копенъ сѣна, лѣсу пашеннаго и непашеннаго 23 десятины. Вслѣдствіе порчи писцовой книги нельзя опредѣлить количество митрополичьихъ и владычныхъ земель въ Коломенскомъ уѣздѣ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что они занимали обширное пространство. Черныхъ и дворцовыхъ земель въ Коломенскомъ уѣздѣ да и вообще въ центральныхъ уѣздахъ или совсѣмъ не было, или они описывались отдѣльно отъ помѣстій и вотчинъ (Ср. Неволинъ, о пятинахъ, приложеніе III стр.), но въ писцовой книгѣ, изъ которой взяты предыдущія данныя, о нихъ совсѣмъ не упоминается. Черныя земли остались въ XVI вѣкѣ главнымъ образомъ на окраинахъ въ нынѣшнихъ Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ (Неволинъ, приложеніе, обон. пятина). Кое гдѣ встрѣчались черныя земли и въ Тверскомъ уѣздѣ (Писц. кн. Калач., II отд. первой части, стр. 49, 64, 160 и др.).

Великокняжескія оброчныя земли повидимому были, по условіямъ пользованія, весьма близки къ чернымъ, такъ что писцы иногда употребляли оба эти выраженія безразлично (Неволинъ, прилож. стр. 157, 159 и пр.). Какъ тѣ, такъ и другія были обложены оброкомъ, вносимымъ непосредственно на князя.

Такихъ оброчныхъ земель было довольно много въ началѣ XVI вѣка даже въ Деревской пятинѣ, въ писцовой книгѣ которой въ началѣ описанія почти каждаго погоста упоминаются подобныя земли, взятыя на князя отъ помѣщиковъ, и гдѣ встрѣчаются цѣлыя волости такого рода [1]).

Въ противоположность чернымъ вотчинныхъ земель со-

---

[1]) Прибужская волость и оброчныя земли въ Вятской пятинѣ, взятыя на князя отъ бояръ и монастырей описаны у Неволина, прилож. стр. 11, 14, 16 и др.

всѣмъ не было ни на сѣверѣ, ни въ Новгородскихъ пятинахъ. Частное землевладѣніе представлялось здѣсь лишь помѣстьями, розданными большею частью боярскимъ дѣтямъ. Но здѣсь былъ еще мелкій классъ владѣльцевъ, такъ называемые *земцы* или *своеземцы*, что одно и тоже (Писц. кн. вот. пят. стр. 21, 75). Въ концѣ описанія почти каждаго погоста описываются земли такихъ своеземцевъ. Каковы были права ихъ на землю? Такъ назывались, кажется, туземные владѣльцы, удержавшіе свои права на землю отъ прежняго времени, въ отличіе отъ пришлыхъ помѣщиковъ, получившихъ земли по указамъ Ивана III. Но въ доказательство помѣстнаго характера правъ ихъ на землю можно привести не только примѣръ псковскихъ земцевъ, но и нѣкоторыя прямыя свидѣтельства источниковъ. Въ Петровскомъ погостѣ Шелонской пятины описываются помѣстные земецкіе земли за служилыми за земцы (Неволинъ, прил. стр. 79; ср. 81, 88, 151. За своеземцы въ помѣстьѣ стр. 143; ср. 93 стр., гдѣ земцы прямо называются помѣщиками). Число этихъ земцевъ въ продолженіи 16 вѣка быстро уменьшается, такъ что къ концу столѣтія въ Деревской пятинѣ, напр., ихъ осталось всего 3 человѣка. Вотчины начинаютъ встрѣчаться лишь съ Тверскаго уѣзда и количество ихъ последовательно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ центральнымъ уѣздамъ. Въ Коломенскомъ уѣздѣ они занимали, какъ мы видѣли, громадныя пространства.

Что касается до вотчинныхъ земель духовенства: монастырскихъ, архіерейскихъ, митрополичьихъ, то они были распространены по всей тогдашней Россіи, но наибольшее количество ихъ приходится на центральныя уѣзды, гдѣ нѣкоторые монастыри (Троицко-Сергіевскій) владѣли громадными пространствами земли.

Быть можетъ такое географическое распространеніе черныхъ земель, помѣстій и вотчинъ указываетъ на происхожденіе обоихъ послѣднихъ разрядовъ земель изъ черныхъ, а также вотчинъ изъ помѣстій.

Разсмотримъ теперь отношеніе государства къ каждому изъ этихъ разрядовъ земли.

1) Черныя земли первоначально были единственнымъ ви-

домъ земель. Слово черный въ примѣненіи къ землѣ значитъ на народномъ языкѣ, какъ кажется, никому непринадлежащій.

Въ древней Россіи всякая незанятая или находящаяся въ общинномъ крестьянскомъ владѣніи земля называлась черной „Монастырь сталъ на *черной* землѣ на тяглой“ (Неволинъ, Прилож. стр. 159) „Распахали починокъ на черномъ лѣсу“ (стр. 160; ср. Доп. къ А. истор. т. I № 117, 119). Въ томъ же значеніи и въ настоящее время понимается народомъ слово черный. По словамъ Якушкина (Обычное право, стр. XIX) крестьяне въ Ярославской губ. называютъ чернымъ передѣломъ такой раздѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлится между всѣми по числу душъ т. е. должна быть обращена въ общинную собственность. „Черныя земли, говоритъ Бѣляевъ были въ полномъ смыслѣ государственными (по современной терминологіи), и частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли пріобрѣтать ихъ въ свою полную собственность; одни только общины могли располагать ими и то безъ права отчужденія“ (О поземельномъ владѣніи стр. 4). Первые князья старались предупредить всякое посягательство частныхъ лицъ на эту народную собственность. Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ тяглымъ людямъ предоставлено право выкупать купленныя кѣмъ либо черныя земли, а, если такого выкупа не было, тѣмъ не менѣе купившій былъ обязанъ или тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми или возвратить имъ землю безвозмездно (Собр. Г. грам. и догов. т. I № 33). Боярамъ и слугамъ даже совсѣмъ запрещалось покупать села „численныхъ“ людей (ibid. I. № 23 А. А. Э. I, № 29). Въ другихъ случаяхъ подобное запрещеніе относилось вообще ко всѣмъ нетяглымъ людямъ (Собр. Госуд. Гр. и догов. I, стр. 180). Съ переходомъ верховнаго права поземельной собственности на государя черныя земли стали называться государевыми и въ актахъ нерѣдко встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „царева и великаго князя черная оброчная волость (Неволинъ, Прилож. стр. 164)“, царя и великаго князя деревни черныя“ (Писцов. книги Калач. II, 160). Сами крестьяне стали называть занимаемую ими землю также государевой и находящейся у нихъ лишь во владѣніи

„Се язъ Онтоней, Нечай, да Иванъ Стефановы дѣти Каразина ступилися есмя земли великаго князя, а своего владѣнія... Тимофею да Гаврилу Барсану Селивестровымъ дѣтямъ“ и т. д. (Ак. Юрид. № 23, стр. 54; Ср. стр. 55, 56, 57, № 26 стр. 66). Царскій Судебникъ называетъ эти земли и черными и государевыми (стр. 84 и 72). Но что государь владѣлъ этими землями на государственномъ правѣ, какъ представитель государства, а не на частномъ, это видно изъ свидѣтельства источниковъ, гдѣ черныя земли прямо противополагаются дворцовымъ, находившимся въ частномъ владѣніи князей (А. И. № 74; А. А. Э. № 198); въ писцовыхъ книгахъ оба эти разряда земель всегда описываются совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

2) Въ XVI вѣкѣ, какъ мы видѣли, наиболѣе значительный по пространству разрядъ земель представляли помѣстныя земли. Отношеніе къ нимъ государства было, по существу, одинаково съ тѣмъ, которое мы видѣли въ предыдущемъ случаѣ. Подобно чернымъ, и помѣстныя земли называются въ актахъ государевыми: „въ сытинскомъ же погостѣ великаго князя деревни за помѣщики (Писц. кн, Дер. пят. II, стр. 460). Въ той же волости великаго князя села и деревни за помѣщики“ (Писц. кн. Калач. II, стр. 73), и такъ постоянно. Въ древней Россіи подъ помѣстьемъ разумѣлось не земля, а, скорѣе, доходъ съ извѣстнаго пространства земли, опредѣляемый за службу государству и соотвѣтственно ея значенію „Помѣстьемъ, говоритъ Лякьеръ въ своей книгѣ “О помѣстьяхъ и вотчинахъ“, называлась выслуга, опредѣленное и соразмѣрное съ званіемъ, къ которому принадлежало лицо, и мѣстомъ имъ занимаемымъ количество земли съ необходимыми при ней угодьями, данной за службу и подъ условіемъ службы, находившейся во временномъ владѣніи помѣщика, не имѣвшаго права „ни освоивать, ни окняживать, ни продать ее“. (Доп. къ А. И. I. № 52, стр. 108 II. № 40; Собр. Госуд. Грам. и догов. стр. 412).

Размѣръ помѣстій соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ заслугъ награждаемаго предъ государемъ. Получившіе помѣстья дѣлились на статьи. Въ 1550 году боярскимъ приговоромъ было постановлено раздать 1078 боярамъ, окольничьимъ и дѣтямъ боярскимъ и лучшимъ слугамъ помѣстья надъ Москвой

Всѣ награждаемые были раздѣлены на 3 статьи: бояре, окольничьи и дѣти боярскіе первой статьи получали по 200 четвертей каждый, второй статьи—по 150 четвертей, третьей—по 100 (А. А. Э. т. I. № 225). Точно также при раздачѣ земель изъ помѣстій царевыхъ Семіона Касаевича, боярина Заболоцкаго и князя Засѣкина (въ Звенигородскомъ уѣздѣ), получившіе ихъ дворовыя дѣти боярскія, городовыя боярскія дѣти и новики, то есть въ первый разъ получавшіе помѣстья, были раздѣлены первые на 4 статьи, вторые—на 5, а новики на 3. Дѣтямъ боярскимъ первой статьи велѣно было дать по 200 четьи на человѣка, дѣтямъ боярскимъ второй статьи по 150, и затѣмъ все меньше и меньше (Писц. кн. изд. Калач. I, 728).

Съ перемѣной должности измѣнялся и размѣръ помѣстья (Доп. къ А. И. т. I, грам. XXVII). Для контроля правъ помѣщиковъ на земли при Иванѣ IV были заведены особыя книги, называвшіяся, смотря по назначенію, писцовыми, отдѣльными и приправочными, въ которыхъ подробно обозначалась доходность помѣстья. Отводя земли помѣщикамъ, писцы и отводчики справлялись, кто съ котораго времени явился на службу, въ какомъ вооруженіи и съ какимъ числомъ вооруженныхъ слугъ (Доп. къ А. И., т. I, № 52, грам. I). Періодически описи повторялись и, если писцы находили помѣщиковъ на службѣ, то дѣлали о нихъ замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: „Ивашко служитъ въ посошныхъ воеводахъ" (Писц. кн. изд. Калач. стр. 272); Гришка живетъ въ Твери въ разсылкѣ (Ibid. стр. 273); Өедоръ на Москвѣ въ дьяцѣхъ" (274). Неслужащихъ, если они не представляли законныхъ причинъ для удаленія отъ службы, писцы отдавали на поруки, вѣроятно впредь до распоряженія. Право на помѣстье давала безразлично, какъ государева, такъ и выборная служба. (Писц. кн. Калач. II. 242). Контроль черезъ писцовъ оказался, вѣроятно, недостаточнымъ и впослѣдствіи изъ среды дворянъ были выбраны окладчики, которые обязаны были про дворянъ и дѣтей боярскихъ «сказывати вправду и никого не покрыть, и по недружбѣ ни на кого не затѣяти, кто каковъ службою и каково за кѣмъ помѣстье и вотчина, и какъ кому мочно государеву службу служить, и

сколько у кого дѣтей и сколь велики». (Соб. госуд. грам. и догов. III, 239). Окладчики вообще обязаны были слѣдить, что-бы никто не служилъ хуже, чѣмъ онъ долженъ былъ-бы по своему состоянію, что-бы дѣти служилыхъ людей, достигшія опредѣленнаго возраста, въ которомъ могли-бы нести службу, не оставались праздными (Лакьеръ, стр. 179, 187). Такимъ образомъ право помѣщика на землю было жалованьемъ за службу и имѣло силу лишь во время службы (Собр. Гос. гр. и догов. т. I № 22; А. А. Э. т. I. № 6). При такихъ условіяхъ право помѣщика должно было быть чрезвычайно ограниченно и дѣйствительно онъ далеко не былъ свободенъ въ распоряженіи землей. При всякаго рода отчужденіи ему необходимо было испрашивать разрѣшенія. Мѣна помѣстій производилась не иначе, какъ съ позволенія государя. Помѣщикъ подавалъ просьбу „о росписке тѣхъ помѣстій“ тому, съ кѣмъ онъ мѣнялся, и объ утвержденіи за нимъ вновь вымѣненнаго помѣстья: „вели, Государь, то помѣстье написати за нами въ помѣстьѣ въ угодьѣ“ (А. И. т. I № 245; Доп. къ А. И. I, № 52, стр. 90). Такое-же разрѣшеніе требовалось въ случаѣ желанія помѣщика дать жениху въ приданое за своею дочерью части помѣстной земли или прожиточнаго вдовьяго помѣстья (Лакьеръ, стр. 204. Примѣры помѣстій, взятыхъ въ приданое см. у Неволина, прилож. стр. 210 и 218). Вдова помѣщика только съ разрѣшенія государя могла удержать за собою все помѣстье мужа или часть его „на прожитокъ“ (Лакьеръ, стр. 207). Выдѣленное количество земли на прожитокъ дочерямъ оставлялось за ними до смерти или до 15 лѣтняго возраста, послѣ чего земля описывалась на государя (ibid). Но, ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ случаѣ владѣльцы не имѣли права отчуждать данныхъ имъ прожиточныхъ помѣстій (ibid. 209). Размѣръ прожиточныхъ имѣній зависѣлъ отъ воли государя (ibid. 211 стр.) и для этой цѣли впослѣдствіи изданы были особыя постоянныя правила. Будучи только временнымъ владѣльцемъ государевой земли помѣщикъ, понятно, не имѣлъ право безъ особаго разрѣшенія завѣщать своего помѣстья наслѣдникамъ, хотя-бы то были его дѣти. По смерти отца сыновья должны были просить государя о полученіи его имѣнія и просьба ихъ удовле-

творялась только послѣ строгаго разслѣдованія относительно справедливости ихъ показаній и годности ихъ самихъ къ отправленію службы. Если проситель былъ моложе 15 лѣтъ, то помѣстье бралось до достиженія этого возраста на государя, „пока въ службу не поспѣетъ", поспѣвшіе-же въ службу вводились тотчасъ во владѣніе особой грамотой, включавшей въ себѣ обязательство нести службу (Лакьеръ, 213—214). Получивши на такихъ условіяхъ землю, помѣщикъ, разумѣется, обязанъ былъ съ точностью исполнять свои обязанности по отношенію къ государю. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи влекло за собой перемѣну, уменьшенія или лишенія помѣстья. Отнятіе помѣстій и передача ихъ другимъ лицамъ были до того обыкновеннымъ явленіемъ, что при описи нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, въ писцовыхъ книгахъ Деревской и Вотской пятинъ 1495 — 1500 годовъ, при описаніи каждаго помѣстья говорится о такой передачѣ съ указаніемъ именъ прежняго и настоящаго владѣльца, напр: „Великаго князя волостка (Деревской пятины Вельскаго погоста) Богдановская Трубицына за Неклюдомъ да за Шеметомъ за Ѳедоровыми дѣтьми Шалимова въ помѣстьѣ". Въ этомъ случаѣ помѣстье взятое отъ Трубицына было передано Шалимовымъ. Взамѣнъ отобраннаго помѣстья въ одномъ мѣстѣ помѣщику давалось другое въ другомъ мѣстѣ. „За Микиткою за Тороканковымъ (помѣстье), что ему далъ князь велики противу его земель Московскихъ" (Неволинъ, приложеніе стр. 209) Также часто помѣстья мѣняли своихъ владѣльцевъ и въ центральныхъ уѣздахъ (Писц. кн. I. 11—12, 34—35 стр.; ср. 41 и слѣд., 338 и слѣд., 412 и слѣд. и въ др. мѣстахъ). Достаточно взглянуть на перечень причинъ, вслѣдствіе которыхъ помѣстья и вотчины уменьшались или совсѣмъ отнимались у владѣльцевъ, что-бы убѣдиться, какъ непрочны были права ихъ владѣльцевъ и какъ далеко различались они отъ права собственника. Крамола, взятки, воровство, старость, болѣзнь, съѣздъ со службы до срока или до „отпуска", измѣна, неявка на службу, нѣтство (помѣстье отнятое „за смоленскимъ нѣтомъ" Писц. кн. Калач., II, твер. у.), завладѣніе посредствомъ подлога землею, принадлежавшею монастырю, государю

или частнымъ лицамъ, и вообще подложное присвоеніе себѣ помѣстья, испомѣщеніе служилаго человѣка землёю, изъятою по указамъ государя изъ раздачи въ помѣстья, напр. въ Старой Русѣ, утайка помѣстій и вотчинъ при сборѣ съ нихъ податей или неправильное обозначеніе количества земли и крестьянъ въ нихъ, держаніе у себя лицъ бѣжавшихъ изъ городовъ, посадовъ и черныхъ слободъ,—пристанодержательство воровъ и вообще лихихъ людей, покровительство корчемству, смертоубійство, отступничество отъ православнаго исповѣданія, переходъ въ другое, стѣсненіе христіанъ въ исполненіи обрядовъ православныхъ, превышеніе власти, споры за мѣста и объ отчествѣ во время крестныхъ ходовъ, пріѣздъ ко двору лицъ, у которыхъ въ домахъ свирѣпствовали заразительныя болѣзни—вотъ перечень случаевъ, въ какихъ помѣщики и вотчинники лишались своихъ земель.

Переходя къ изслѣдованію отношеній государственной власти къ землямъ вотчинниковъ, замѣтимъ, что уже тождество поводовъ къ отнятію какъ помѣстій, такъ и вотчинъ указываетъ на одинаковый характеръ правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Кромѣ того есть много другихъ данныхъ, доказывающихъ почти тождество этихъ правъ. Правда, въ писцовыхъ книгахъ вотчины и купли описываются всегда отдѣльно отъ помѣстій, и весьма рѣдко упоминается объ обязанности вотчинниковъ служить государеву службу, тогда какъ при описи помѣстій эта оговорка дѣлается постоянно, тѣмъ не менѣе вотчины не многимъ отличались отъ помѣстій, и при всей относительной полнотѣ правъ вотчинниковъ на распоряженіе землей они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы съ собственниками въ современномъ смыслѣ слова. За право владѣнія землей вотчинники, подобно помѣщикамъ, обязаны были нести государственную службу. Въ договорѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Дмитрій Донской ставитъ взаимное условіе по которому бояре, жившіе въ удѣлѣ обоихъ князей,—слѣдовательно безразлично, вотчинники-ли они были или помѣщики,—въ случаѣ войны, начатой тѣмъ или другимъ княземъ, обязаны были ѣхать на военную службу (Собр. Г. гр. и догов. № 33). Впослѣдствіи вотчинники могли ограничиваться отпра-

вленіемъ службы только тому князю, въ владѣніяхъ котораго они жили (ibid № 27), но обязанность служить все таки оставалась. Лѣтописцы XVI вѣка не дѣлали никакого различія между вотчинами и помѣстьями въ отношеніяхъ къ нимъ государственной власти. „Государь же уравненіе творяше, говорится въ Никоновской лѣтописи подъ 1556 годомъ, въ помѣстьяхъ землемѣріемъ учиниша, комуждо что достойно, преизлишки-жъ раздѣлиша неимущимъ, а *съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу* учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а вдалній походъ объ дву конь; а хто послужитъ по земли и Государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ кормленьемъ и на уложенные люди жалованье; а *хто землю держитъ, а службы съ нее не платитъ* и на тѣхъ на самыхъ имати денги по службѣ". Въ отношеніи къ обязательствамъ по землѣ не дѣлалось разницы между вотчинами наслѣдственными и купленными. Въ своей духовной грамотѣ, писанной въ 1410 году, князь Владиміръ Андреевичъ завѣщалъ между прочимъ, что если его ключники купятъ деревни, будучи на службѣ и, если потомъ эти ключники будутъ дѣтямъ его не нужны, то деревни ихъ переходятъ дѣтямъ, смотря по тому, въ чьемъ будутъ удѣлѣ (Собр. госуд. грам. о дог. № 40). Съ прекращеніемъ службы прекращалось, такимъ образомъ, и право на купленную землю. Слѣдовательно положеніе, что земля могла принадлежать въ древней Россіи лишь во время службы, остается вѣрнымъ и по отношенію къ вотчинникамъ. Само собою разумѣется, что вотчинникъ не могъ ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было другимъ способомъ своихъ земель подданнымъ другаго государя (Собр. Г. гр. и догов. т. I, №№ 33, 23, 35), что уходя къ другому князю, онъ лишался своихъ вотчинъ въ государствѣ, изъ котораго выходилъ (ibid № 56), а, если они почему либо и оставлялись за нимъ, то прежній государь сохранялъ право суда и дани надъ ушедшимъ вотчинникомъ, гдѣ бы онъ ни служилъ (Г. гр. и дог. т. I. № 33). Незначительность въ различіи правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ была причиной, почему писцы смѣшивали ихъ при описи (Писц.

кн. Кал. II, 171). Однакожъ, разница между помѣстьями и вотчинами, особенно въ первые періоды исторіи, была. Помѣстья произошли изъ „кормленія“, изъ способа вознагражденія служилыхъ людей посредствомъ передачи имъ права на нѣкоторые доходы съ той или другой черной волости. Подобныя кормленныя черныя волости встрѣчаемъ еще и въ XVI вѣкѣ (Неволинъ, прилож. 58). Происхожденіе вотчинъ совершенно иное. Съ образованіемъ московскаго государства удѣльные князья, покоренные такъ или иначе Москвою, для того что-бы удержать въ своемъ владѣніи земли, которыя принадлежали имъ прежде какъ государямъ, должны были, сообразно общему порядку, сдѣлаться служилыми людьми и получить утвержденіе въ своихъ правахъ отъ великаго князя. Переходя на службу въ Москву, эти князья просятъ государя „пожаловать ихъ старыми вотчинами“. Подобно всѣмъ другимъ разрядамъ служилыхъ людей они признаютъ, что земля принадлежитъ великому князю, и находится у нихъ только во владѣніи: „вотчины великаго князя, а своего владѣнія“. Но для полнаго отождествленія правъ вотчинниковъ и помѣщиковъ потребовались, и время, и особенныя усилія со стороны великихъ князей. Сперва великіе князья находили, что лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было скупить всѣ вотчинныя земли, что они и дѣлали или сами непосредственно (Г. гр. и догов. т. I, № 22) или чрезъ посредство своихъ слугъ, отъ которыхъ потомъ, въ случаѣ прекращенія ихъ службы отбирали купленныя земли на себя (ibid № 40). Но въ XVI в., когда власть московскихъ государей достигла всемогущаго значенія, вотчины дѣлаются собственностью государства и отнимаются при одинаковыхъ условіяхъ съ помѣстьями. Въ духовной Іоанна IV упоминается объ отобраніи отчинъ у потомковъ Стародубскихъ князей, князей Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривоезерскихъ, Нагаевыхъ, Стародубскихъ, собственно Палецкихъ; далѣе въ духовной говорится: „которыя вотчины я взялъ у князей ярославскихъ, тѣ вотчины сыну моему Ѳедору“. Случаи отобранія вотчинъ упоминаются и въ писцовыхъ книгахъ (см. Писц. кн. Калач. I. 380. Ср. 424—25: „вотчина, а прежь того была за другимъ“

то есть эта вотчина была отобрана и передана другому (Ср. стр. 469, 479, 491, 507). У князя Воротынскаго взята была его старая вотчина, городъ Одоевъ съ двумя другими городами и вмѣсто ихъ была дана вотчина на сѣверѣ (Ср. Писц. кн. Калач. I, стр. 380, гдѣ вотчина у вотчинника взята къ Переяславлю, а вмѣсто нея дана другая).

При пріобрѣтеніи вотчины, все равно какъ и помѣстья, требовалось утвержденіе Государя. Такъ Шереметевъ при покупкѣ вотчины объясняетъ, что онъ покупаетъ „по жалованной царской грамотѣ" (А. Юр. № 22). Наконецъ и въ законодательствѣ дополнительными статьями къ судебнику вотчины были совершенно сравнены съ помѣстьями. „Которыя вотчины, говорится тамъ, за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими, Тверскими, Оболенскими, Бѣлозерскими, Воротынскими, Мосальскими, Трубецкими, Одоевскими и за другими служилыми князьями вотчины старинныя: тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавась, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станетъ, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (поминать); тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать, давать приданое и душу поминать изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью или сестрою въ приданое дать и душу поминать, то государь, разсудя по вотчинѣ, велитъ дать изъ своей казны, а вотчины велитъ государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишетъ брату родному, или двоюродному, или племяннику, роднаго брата сыну, или какому нибудь ближнему роду (родственнику), кромѣ тѣхъ степеней, въ которыхъ можно между собою жениться: а государь, того посмотря, по вотчинѣ, и по духовной, и по службѣ, кому какую вотчину напишетъ, велитъ указъ учинить. А котораго князя не стало бездѣтна и останется у него жена, и откажетъ ей мужъ въ духовной что нибудь изъ вотчины, то жить ей на этой вотчинѣ до смерти; а какъ ея не станетъ, то вотчина на царя,

а душу ея велятъ государь отъ своей казны устроить. А который князь напишетъ женѣ въ духовной всю свою отчину, а отчина будетъ велика, то государь о той вотчинѣ указъ учинитъ. При пожалованіи вотчинъ употреблялись выраженія, ясно указывающія на условность правъ вотчинника и на то, что собственникомъ ихъ оставался царь: „я, царь и великій князь пожаловалъ князя Бориса Дмитріевича Палецкаго отца его и братьевъ вотчиною, но брата его, князя Андрея духовной грамотѣ. Жить князю Борису въ тѣхъ селахъ и владѣть ими до смерти, а умретъ или пострижется, то по немъ дать, за тѣ села, въ монастыри, по нашему уложенью, денги, а тѣ села взять на меня, царя и великаго князя".

Такимъ образомъ, въ XVI в. было совершенно уничтожено всякое различіе вотчинъ отъ всѣхъ другихъ видовъ земель. Подобно чернымъ и помѣстнымъ землямъ они сдѣлались государственною собственностью и право владѣнія ими было связано съ обязанностью нести службу.

И если государь хотѣлъ, чтобы право владѣнія вотчиной продолжалось и на дѣтей то онъ объ этомъ дѣлалъ въ своей духовной особенное упоминаніе (Соловьевъ, Исторія Россіи, VII, 11). Само собою разумѣется, что земли почему либо оставленныя или отнятыя у помѣщиковъ и вотчинниковъ, снова возвращались государству и назывались «царя и велик. князя порозжіе земли» (Неволинъ, прилож. стр. 330), и на нихъ и помѣщались новые помѣщики и вотчинники (прилож. стр. 77, 78, 105, 113).

Иногда прежде раздачи въ помѣстья порозжія земли отдавались кому либо на оброкъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ попу (Неволинъ, прилож. 219), названному въ писцовой книгѣ своеземцемъ (ibid 222), крестьянамъ, или въ кормленіе (ibid стр. 346; Ср. стр. 11, 14, 16, 19; Писц. кн. Кал. I. 496, 593). При этомъ вотчинныя пустоши отдавались иногда въ помѣстья (Писц. кн. Калач. II, 371 стр.).

Были еще земли или вѣрнѣе деревни путныхъ бояръ, кормленщиковъ, завѣдывавшихъ спеціальными доходами (путями), напримѣръ, деревни конюшева пути, сокольничья и т. д. (Нев., прил. стр. 154. Ср. Временникъ, III; Бѣляевъ,

служилые люди, стр. 10). Нѣтъ нужды добавлять, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о правахъ собственности на землю.

Въ древней Россіи былъ еще разрядъ земель, къ правамъ владѣльцевъ которыхъ могутъ быть примѣнены до извѣстной степени всѣ наиболѣе существенныя опредѣленія, характеризующія право собственности. Это—владычнія и монастырскія вотчины, особенно послѣднія. Монастыри распоряжались своими землями совершенно самостоятельно, владыки были болѣе ограничены въ своихъ правахъ на распоряженіе землей: отдавая земли въ помѣстья, они не имѣли права дарить ихъ, такъ какъ эти земли принадлежали не лицу, а сану. Но въ отношеніи и къ этимъ землямъ сохранялась идея о верховныхъ поземельныхъ правахъ государства. Это доказываетъ не только то, что монастыри, отдавая свои земли въ помѣстья, обязывали помѣщиковъ отбывать за право владѣнія ими государственную службу, но также и систематически проводимая, особенно въ XVI вѣкѣ, политика московскихъ государей, направленная къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Неограниченное право монастырей на земли, занесенное изъ Византіи, находилось въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основнымъ убѣжденіемъ русскаго народа, что земля составляетъ собственность государства, и впродолженіи всего XVI вѣка правительство, поддерживаемое сочувствіемъ громаднаго большинства, стремится ограничить права монастырей на пріобрѣтеніе новыхъ земель и на самостоятельное распоряженіе прежними.

По господствовавшему въ то время взгляду земля могла принадлежать кому либо только подъ двумя условіями: подъ условіемъ 1), чтобъ лицо, владѣвшее ею, тянуло тягло на государеву казну, или же, 2), чтобы оно отбывало службу. Въ XVI вѣкѣ московскому правительству пришлось вести много войнъ, требовавшихъ гораздо большаго сравнительно съ прежнимъ временемъ количества служилыхъ людей и такъ какъ, по принятой системѣ, эти послѣдніе обезпечивались главнѣйшимъ образомъ землями, то государство необходимо должно было придти въ столкновеніе съ монастырями, владѣвшими громаднымъ пространствомъ годныхъ земель и неотбывав-

шинія государственныхъ повинностей. Но, не рѣшаясь вступить въ рѣшительную борьбу съ учрежденіями, имѣвшими за собой религіозную санкцію, московскіе цари старались сначала положить преграды переходу земель отъ служилыхъ людей къ духовнымъ учрежденіямъ: „чтобъ службѣ убытка не было", уничтожить привиллегіи монастырей, отличавшія ихъ отъ другихъ землевладѣльцевъ, и направить доходы съ церковныхъ богатствъ для удовлетворенія общихъ потребностей, на первый разъ такихъ, которые имѣли за собой особое освященіе церкви: помощи нищимъ, сиротамъ, больнымъ и т. д. (Калачевъ, о кормчей, стр. 122. Правило о церковныхъ людяхъ). Первыя попытки къ осуществленію этихъ стремленій были сдѣланы Іоанномъ III. Покоривши въ 1478 г. Новгородъ онъ потребовалъ себѣ половину всѣхъ владычнихъ и монастырскихъ волостей. Относительно монастырей требованіе это дѣйствительно было выполнено болѣе или менѣе точно, изъ владычнихъ-же волостей Іоаннъ, уступая просьбамъ, взялъ только десять волостей: „пожаловалъ" владыку, запасшись, однако, полнымъ спискомъ духовныхъ имѣній, поданнымъ самимъ духовенствомъ. Когда была произведена общая опись земли Новгородской области, то, по всей вѣроятности, въ этомъ спискѣ оказались неточности и въ 1500 году Іоаннъ III во-второй разъ отобралъ у новгородскаго духовенства имѣнья, которыя и были розданы боярскимъ дѣтямъ въ помѣстья (П. С. Р. Л. т. VI, стр. 216—217; VIII, стр. 204). Земли-же, оставшіяся у духовенства, были положены въ сохи, то есть обложены налогами, и притомъ такъ, что монастыри за тоже количество земли платили въ семь разъ больше налоговъ, чѣмъ помѣщики (Бѣляевъ, о поземельномъ владѣніи, стр. 57—58). Какъ кажется, около того же времени новгородскому архіепископу и монастырямъ было запрещено покупать или принимать вновь земли на поминъ души (Павловъ, очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель стр. 36). При описаніи бѣлозерской области писцы отнимали у мѣстныхъ монастырей дворы, то есть земли, оставляя въ ихъ владѣніи только нѣкоторую часть прежнихъ имѣній (А. Юр. № 5). У Кириллова монастыря были отобраны всѣ крѣпостныя на принадлежащія

ему земли (А. И., т. I, № 163). Во вновь присоединенныхъ къ Москвѣ городахъ: Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ и многихъ другихъ, въ томъ числѣ даже Рязани, запрещено было отдавать вотчинныя земли въ монастыри на поминъ души. Это запрещеніе было распространено потомъ на потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей: суздальскихъ, ярославскихъ и стародубскихъ. Сами вотчинники, которымъ обычай отдавать земли на поминъ души въ монастыри, помимо распоряженій правительства не могъ быть выгоденъ нерѣдко не исполняли завѣщаній объ отдачѣ имуществъ церквамъ и монастырямъ, стали „рудить духовныя грамоты" (А. И. I, № 82). Не ограничиваясь отдѣльными попытками правительство задумало провести общую мѣру относительно секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Приходилось бороться съ опаснымъ врагомъ и, въ виду этого, дѣйствовать осторожно и постепенно. Въ 1503 году Іоаннъ III на церковномъ соборѣ, созванномъ для другихъ цѣлей, устроилъ дѣло такимъ образомъ, что въ концѣ сессіи былъ затронутъ вопросъ объ отнятіи селъ у монастырей. Въ слѣдующемъ году на новомъ соборѣ вопросъ этотъ былъ предложенъ уже прямо въ упоръ. Но духовенство рѣшительно отказалось исполнить какія либо требованія царя, представивши въ доказательство неприкосновенности своихъ правъ массу свидѣтельствъ изъ священнаго писанія, причемъ упирало особенно на проклятіе для отнимающихъ села у монастырей. Три попытки, сдѣланныя Іоанномъ III для соглашенія съ соборомъ, встрѣтили одинаково энергическій отпоръ, и, въ концѣ концевъ великій князь оставилъ свои притязанія, и даже самъ сталъ раздавать земли духовнымъ. Вскорѣ онъ умеръ, но съ нимъ не умерла идея, которую онъ преслѣдовалъ съ такимъ упорствомъ долгое время. Впродолженіе царствованія Василія Іоанновича она подвергалась всестороннему возбужденію въ тогдашней монастырской литературѣ, раздѣливши пишущихъ и общество на два враждебные лагеря: защитниковъ (Іосифъ Волоцкій) и противниковъ (Вассіанъ и Максимъ Грекъ) правъ монастырей на земли. Василій Іоанновичъ, правда, не дѣлалъ попытокъ, даже и при благопріятныхъ для того обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, при завоеваніи Пскова, отнимать, подобно отцу,

духовныя имущества, но тѣмъ рѣшительнѣе вмѣшивался онъ во внутреннее управленіе монастырей, подчинивъ ихъ строгому надзору: назначалъ самъ игуменовъ, требовалъ отъ монастырскихъ властей строгой отчетности въ употребленіи денегъ, давалъ наказы „какъ беречь казну и доволить братью". Настоятели сдавали другъ другу земли по описямъ великокняжескихъ писцовъ (Павловъ, стр. 101). И не смотря на то, что правительство не дѣлало особыхъ усилій, дѣло секуляризаціи совершалось какъ бы по инерціи, само собою безъ прямыхъ и открытыхъ притязаній со стороны правительства. Во время дѣтства Іоанна были отняты земли у нѣкоторыхъ монастырей и подтверждено запрещеніе отдавать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вотчины на поминъ души. Но это были все частныя мѣры. На соборѣ 1551 г. во второй разъ былъ проведенъ законъ, опредѣлявшій границы увеличенію монастырскихъ имуществъ во всей Россіи. Соборъ постановилъ: на будущее время архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ, безъ царскаго вѣдома и доклада не покупать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ докладу не продавать; а кто купитъ или продастъ — у купца деньги пропали, а у продавца вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данныя или которыя впередъ будутъ даваться монастырямъ по душамъ въ поминокъ, не выкупаются ни кѣмъ и никакимъ образомъ. Если при отдачѣ вотчинъ въ монастырь датель напишетъ въ духовной, данной или какой нибудь крѣпостной грамотѣ что родичи могутъ выкупить ее за извѣстную сумму денегъ, то пусть родичи выкупаютъ по старинѣ, какъ водилось при отцѣ и дѣдѣ государевомъ. Которыя царскія помѣстныя и черныя земли задолжали у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, и насильствомъ поотнимали ихъ владыки и монастыри, или которыя земли писцы отдали владыкамъ и монастырямъ, норовя имъ, если владыки и монастыри починки поставили на государевыхъ земляхъ; сыскать, чьи земли были изстари, за тѣми и утвердить ихъ. Возвратить назадъ села, волости, рыбныя ловли, всякія угодья и оброчныя деревни, отданныя послѣ великаго князя Василія боярами владыкамъ и монастырямъ.... Въ Твери, Микулинѣ,

Торжкѣ, Оболенскѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Казани, также князьямъ суздальскимъ, ярославскимъ и стародубскимъ безъ государева доклада вотчинъ въ монастыри но душѣ не давать; если отдадутъ, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины отданныя безъ государева доклада до настоящаго приговора, брать на государя, но платить за нихъ деньги по мѣрѣ, и отдавать ихъ въ помѣстья. Въ 1573 г. дѣло получило дальнѣйшее развитіе и, по государеву приказу, митрополитъ Антоній и весь освященный соборъ и всѣ бояре приговорили: въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давать; если вотчина будетъ уже и написана, то ее въ помѣстной избѣ уже не записывать, а отдавать роду и племени служилымъ людямъ, чтобы въ службѣ убытка не было и земля изъ службы не выходила бы; а монастырскихъ вотчинъ вотчичамъ не выкупать. Но вотчины данныя небольшимъ монастырямъ, у которыхъ земель мало, велѣно было, доложивъ государю, записывать.

Наконецъ въ 1580 г. проведена была болѣе радикальная мѣра, представляющая собою какъ бы итогъ дѣйствій Іоанна Грознаго въ этомъ направленіи. Въ соборномъ приговорѣ 15 января этого года, послѣ оговорки, что данныя монастырямъ вотчины не должны быть никакимъ образомъ отнимаемы, объясняется: „а отъ сего дня 15 января на послѣдующее время вотчинникамъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавать, а давать за нихъ въ монастыри деньги, и села брать наслѣдникамъ, хотя бы то и далеко былъ отъ роду. А если у кого не будетъ роду и дальняго, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить изъ казны; митрополиту, владыкамъ и монастырямъ земель не покупать и въ закладѣ не держать, а кто послѣ этого уложенія купитъ землю или закладную станетъ за собою держать, то землю брать на государя; а которыя теперь закладни за митрополитомъ, владыками и монастырями, тѣ земли брать на государя жь, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Которыя вотчины княженецкія даны прежде, и въ тѣхъ воленъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. Впередъ княженецкихъ вотчинъ не брать; а кто возьметъ безъ госу-

дарскаго вѣдома, тѣ вотчины взять на государя безденежно; кто купилъ княженецкія вотчины и тѣ вотчины взять на государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. У котораго монастыря убогаго земли будетъ мало или вовсе не будетъ, то онъ бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ и боярами соборно приговоря, устроятъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже".

Если бы правительство XVI в. строго сообразовалось съ господствовавшимъ тогда взглядомъ на землю, оно должно было бы отнять у монастырей и церквей, всѣ ихъ поземельныя владѣнія и возвратить ихъ государству. Можетъ быть такъ бы и случилось, если бы церковь не противопоставила всякимъ притязаніямъ такого рода каноническое ученіе о неприкосновенности церковныхъ имуществъ и не пригрозила проклятіями за всякую попытку нарушить его.

4) Остается сказать о дворцовыхъ (посопныхъ, подклѣтныхъ) имѣніяхъ. Это были земли отдѣлявшіяся князьями въ ихъ частное пользованіе.

Землями этими князья распоряжались свободнѣе, чѣмъ остальными: они могли ихъ продавать, дарить и раздавать въ помѣстья своимъ слугамъ. Опредѣленіе величины дохода съ нихъ въ казну также зависѣло отъ произвола князя. Но что князь не былъ вотчинникомъ этихъ земель, а владѣлъ ими, какъ государь, это доказывается во 1-хъ формой пріобрѣтенія этихъ земель. Покоривши Новгородъ, великій князь Іоаннъ III объявилъ новгородцамъ, чтобы они дали своему государю волости и села „такъ какъ намъ, великимъ князьямъ, государства своего держать на своей отчинѣ великомъ Новгородѣ безъ того нельзя" (Татищевъ Т. V. стр. 67). Онъ смотрѣлъ на землю лишь только, какъ на вознагражденіе за свою службу.

Князья увеличивали свои владѣнія также и покупкой земель, но мы видѣли, что покупка эта была только однимъ изъ средствъ, при помощи которыхъ князья старались возвратить отъ вотчинниковъ земли въ собственность государства. Во 2-хъ княжескія земли, подобно порозжимъ и оставленнымъ владѣльцами помѣстьямъ и вотчинамъ служили фондомъ изъ котораго вознаграждалась всякая услуга, оказанная частнымъ

лицомъ государству. Въ XVI вѣкѣ эта раздача дворцовыхъ земель служилымъ людямъ производилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Можно сказать, что въ управленіи князя эти земли находились только временно, одни, пока онъ княжилъ, другая часть до отдачи ея въ кормленія, помѣстья и вотчины.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими фазами въ развитіи у насъ идеи поземельной собственности. Скажемъ только, что до самаго конца XVIII столѣтія эта идея, въ томъ видѣ, какъ она выражена въ римскомъ правѣ, была чужда сознанію русскаго народа.

Въ первый періодъ исторіи, земля, такимъ образомъ, считалась собственностью всего племени и каждый принадлежащій къ нему имѣлъ равное съ другими право на участіе въ ней, во второй—право верховной собственности было перенесено на государя, подданные же имѣли, какъ и прежде, лишь право владѣнія и пользованія съ тѣмъ лишь различіемъ, что это право связывалось съ обязанностью нести тягло или службу.

Переходя отъ этого общаго очерка поземельныхъ отношеній къ спеціальному изслѣдованію крестьянскаго землевладѣнія мы можемъ, слѣдовательно, считать доказаннымъ, что крестьяне въ древней Россіи были лишь владѣльцами земли и потому намъ кажется совершенно несправедливымъ мнѣніе Бѣляева, (крестьяне на Руси), поддерживаемое и Кейсслеромъ (Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland стр. 22), будто въ древней Россіи былъ разрядъ крестьянъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ такое право покупкой или расчисткой незанятыхъ земель.

Намъ предстоитъ теперь весьма нелегкая задача прослѣдить исторически, какія формы принимало крестьянское землевладѣніе съ самыхъ древнѣйшихъ временъ до введенія крѣпостнаго права и отъ какихъ условій зависѣло это измѣненіе формъ. Выше было сказано на основаніи наблюденій надъ жизнью первобытныхъ народовъ, что измѣненія формъ

землевладѣнія стоятъ въ нѣкоторой, впрочемъ до сихъ поръ не опредѣленной, зависимости отъ степени развитія культуры и другихъ соціальныхъ явленій, но особенно культуры. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ говоритъ объ видоизмѣненіяхъ въ способахъ владѣнія и пользованія землей, необходимо изслѣдовать, какія культурныя ступени прошелъ русскій народъ въ продолженіи своего историческаго существованія. Не смотря на всю свою важность, вопросъ о развитіи культуры русскихъ славянъ до сихъ поръ остается весьма мало изслѣдованнымъ. По мнѣнію Карамзина, весьма вѣроятно,что славяне были знакомы съ земледѣліемъ еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. (Исторія Россійскаго государства, т. I, стр. 73). Шафарикъ считаетъ славянъ народомъ искони земледѣльческимъ. Новѣйшія изслѣдованія по сравнительной филологіи доказали, что всѣ индоевропейскіе народы сохранили въ своихъ языкахъ болѣе или менѣе сходныя названія не только домашнихъ животныхъ, но и нѣкоторыхъ орудій земледѣльческаго производства, изъ чего можно заключать что земледѣліе было извѣстно имъ въ эпоху общей жизни ихъ въ Азіи, до переселенія въ Европу. Шлецеръ и Еверсъ, почти совсѣмъ не занимаясь вопросомъ о культурѣ, бросаютъ вскользь неясное предположеніе, что русскіе славяне стояли на невысокой степени ея развитія. Изъ позднѣйшихъ ученыхъ болѣе другихъ содѣйствовали разъясненію этой стороны быта Аристовъ (Промышленность древней Руси) и Хлѣбниковъ (Общество и государство въ домонгольскій періодъ русской исторіи) [1]). Въ своей древней родинѣ, на берегахъ Дуная, славяне вели, повидимому, пастушескій образъ жизни: нѣкоторыя славянскія племена еще въ VI вѣкѣ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, находились на степени кочеваго быта. Прокопій говоритъ о славянахъ и антахъ, что древніе называли оба эти народа спорами, по всей вѣроятности потому, что они жили разсѣянно въ шалашахъ, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Они кочевали по большей

[1]) Смотри также статьи; «О земледѣліи въ древней Россіи» въ Трудахъ вольн. экон. общества за 1866, т. I, вып. III и IV, т. II, вып. I и Стромилова; «Скотоводство древней Руси» въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1871, апрѣль.

части лѣваго берега Дуная (Stritter, Memoriae populorum, т. II, стр. 29). Императоръ Маврикій, писатель того же VI вѣка, наоборотъ, говоритъ, что въ странѣ славянъ и антовъ множество всякаго скота и земныхъ произрастеній, которыя они ссыпаютъ въ кучи, особенно пшена и гречи. Сличая оба эти показанія, говоритъ Хлѣбниковъ, можно думать, что нѣкоторые изъ славянскихъ родовъ или колѣнъ занимались скотоводствомъ, другіе—земледѣліемъ; но это земледѣліе было еще первобытное, на что указываетъ отсутствіе постоянныхъ жилищъ (шалашей) и построекъ для сбереженія продуктовъ. Если въ такомъ переходномъ состояніи славянскія племена были потѣснены съ юга на сѣверъ Европы, въ мѣстности, покрытыя лѣсами и болотами, то продолжительность такого переходнаго состоянія должна была зависѣть отъ вліянія природныхъ условій, при которыхъ пришлось жить въ новой странѣ тому или другому изъ славянскихъ племенъ. На югѣ россійская низменность представляла, вслѣдствіе обилія плодородныхъ мѣстъ, наиболѣе благопріятныя условія для развитія земледѣлія, хотя и здѣсь приходилось преодолѣть для этого большія препятствія: нынѣшняя Кіевская губернія, теперь почти безлѣсная, была въ ту пору покрыта, по словамъ лѣтописи, непроходимыми лѣсами, изобиловавшими звѣрями. Точно также были покрыты лѣсами земли древлянъ и вятичей т. е. нынѣшнія: Волынская, Калужская, Тульская и Орловская губерніи. Но всего неблагопріятнѣе были для земледѣлія почвенно климатическія условія мѣстности между Ильменемъ, Чудскимъ и Псковскимъ озерами, въ нынѣшнихъ: Псковской, Новгородской и Петербургской губерніяхъ, области, занятой новгородскими славянами. Страна эта была болотиста и почти безплодна. Арабскіе писатели X-го вѣка называютъ Новгородскую землю островомъ, и она, вѣроятно, имѣла тогда такой видъ. Воды Балтійскаго моря понижаются на одинъ футъ въ столѣтіе, слѣдовательно можно съ вѣроятностью предположить, говоритъ Хлѣбниковъ, что за десять вѣковъ до нашего времени онѣ были выше на цѣлые десять футовъ, а потому весьма возможно, что болота, и теперь еще существующія въ Новгородской губерніи, были въ полномъ смыслѣ непроходимы въ

IX и X столѣтія, такъ что Новгородская территорія имѣла видъ острова. Поставленные самой природой въ невозможность заниматься земледѣліемъ, новгородцы рано должны были искать себѣ средствъ къ существованію въ рыболовствѣ и охотѣ за звѣрями. Много есть основаній думать, что такъ было въ дѣйствительности. Древнѣйшіе города новгородскихъ славянъ построены при озерахъ: Ладога—при Ладожскомъ озерѣ, Новгородъ — при Ильменѣ, Псковъ и Изборскъ — при Чудскомъ озерѣ, Бѣлоозеро — при озерѣ тогоже названія и весьма возможно, что они обязаны такимъ приозернымъ мѣстоположеніемъ своимъ именно тому обстоятельству, что новгородскіе славяне, пока они не нашли средствъ къ существованію въ торговлѣ, занимались рыболовствомъ. Въ Бѣлоозерѣ, стоящемъ отдѣльно отъ водныхъ торговыхъ путей, еще въ 1674 году считалось 17 дворовъ каменьщиковъ и огородниковъ и 228 дворовъ рыболововъ (А. Юр. № 231). Въ книгѣ Аристова собрано множество данныхъ, въ доказательство сильной распространенности рыболовнаго промысла на сѣверѣ Россіи. Русскіе славяне, поселившіеся на югѣ Россіи: поляне, радимичи и вятичи, вслѣдствіе обилія лѣсовъ, должны были, напротивъ, заниматься преимущественно звѣроловствомъ и пчеловодствомъ. О полянахъ лѣтопись говоритъ, что они ловили звѣрей въ великихъ лѣсахъ и борахъ, окружавшихъ Кіевъ, а о древлянахъ, радимичахъ, вятичахъ и сѣверянахъ замѣчаетъ, что они жили въ лѣсахъ звѣринымъ обычаемъ, какъ и всякій звѣрь. Еще въ половинѣ десятаго столѣтія варяги брали дань съ сѣверныхъ славянъ, а казары съ полянъ „по бѣлой веверицѣ съ дыма", что указываетъ на общераспространенность и сильное развитіе звѣроловства. Но уже въ 964 году Святославъ, побѣдивъ полянъ, собралъ съ нихъ дань „по шлягу съ рала", конечно съ плуга, какъ это объяснено въ лѣтописи подъ 980 годомъ, гдѣ разсказывается, что Владиміръ, завоевавъ вятичей, возложилъ на нихъ „дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше". Про древлянъ еще подъ 946 годомъ говорится, что Ольга, обманывая коростенцевъ, сказала имъ, что всѣ ихъ города „ялись по дань и дѣлаютъ нивы свои и земли свои". Эти слова доказываютъ, что на югѣ Россіи земледѣліемъ занима-

лись уже въ X вѣкѣ. Но, по всей вѣроятности, оно не составляло еще господствующаго занятія и находилось въ зачаточномъ состояніи. Ибнъ Вагшій, арабскій писатель, писавшій въ первой четверти X вѣка, разсказываетъ, что въ странѣ славянъ (вокругъ города Куябы т. е., вѣроятно, Кіева) нѣтъ ни виноградниковъ ни пашенъ; больше всего они сѣютъ просо. Но вообще можно сказать, что съ конца X вѣка земледѣльческая культура начинаетъ получать на югѣ преобладающее значеніе, болѣе и болѣе вытѣсняя звѣроловческую. Что касается до сѣверныхъ мѣстностей Россіи, то земледѣліе привилось здѣсь, кажется, позднѣе. Арабскіе писатели, если разумѣть подъ ихъ руссами, живущими на островѣ и окруженными озерами, жителей сѣверной области Россіи, какъ извѣстно, богатой озерами и болотами, разсказываютъ, что у руссовъ (новгородскихъ славянъ) нѣтъ пашенъ и что единственный промыселъ ихъ составляетъ торговля соболями, бѣличьими шкурками и дорогими мѣхами (Гаркави, сказанія мусульманскихъ писателей о Россіи, стр. 268; ср. 283). Даже въ XVI вѣкѣ рыбная ловля и охота имѣли здѣсь гораздо большее значеніе для жителей, чѣмъ земледѣліе.

Въ религіозныхъ сказаніяхъ, въ нѣкоторыхъ пословицахъ и пѣсняхъ, въ лѣтописныхъ выраженіяхъ сохранились весьма ясные слѣды первобытныхъ степеней культуры и ихъ смѣны. Слово „гнѣздо“ въ лѣтописи употребляется въ смыслѣ семьи; нынѣшнее слово „зять“ замѣняется словомъ „вабій“, отъ глагола вабить—заманивать птицъ. Древнѣйшія пословицы, встрѣчающіяся въ несторовой лѣтописи, заимствованы изъ пастушескаго быта, какъ, напримѣръ, мнѣнія древлянъ объ Игорѣ, выраженное въ формѣ такой пословицы: „аще ся ввадитъ волкъ къ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его“. Пѣснь о Егоріи Храбромъ, наѣзжавшемъ на лѣса дремучіе, на стадо звѣриное, на сѣрыхъ волковъ — на рыскучьихъ, также носитъ на себѣ слѣды происхожденія изъ эпохи господства звѣроловства. Обоготвореніе Волоса, празднества въ родѣ тѣхъ, про которыя въ одномъ мѣстѣ Синопсиса сказано, что простолюдины «на своихъ законопреступныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-Сатану и прочіе богомерскіе

скареды премышляютъ», сказки о вѣщей коровѣ буренушкѣ, о Бугъ-Богатырѣ коровьемъ сынѣ, обычаи, въ родѣ поклоненія въ поясъ вновь купленной коровѣ и поднесенія ей хлѣба-соли, существующаго и въ настоящее время въ орловской губерніи—всѣ эти явленія обязаны своимъ происхожденіемъ пастушескому кочевому быту. Переходъ отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому выражается въ пословицѣ: «тукъ кормитъ, а лукъ портитъ» (Буслаевъ, Историч. Очер. русскаго быта: Были и пословицы; Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу; Хлѣбниковъ, Общество въ до-монгольскій періодъ; Аристовъ, Промышленность древней Руси).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что русскіе славяне прошли чрезъ слѣдующія четыре культурныя степени: звѣроловство, рыболовство, пастушескій бытъ и земледѣліе, причемъ, вѣроятно, всѣ эти формы быта могли существовать и вмѣстѣ, но такъ, что одна изъ нихъ имѣла сообразно мѣстнымъ условіямъ преобладающее значеніе.

Какія отношенія русскихъ славянъ по землѣ, какія формы землевладѣнія соотвѣтствовали этимъ культурнымъ эпохамъ? Для рѣшенія этого вопроса, мы находимъ въ источникахъ только самые неполные и неясные намеки, притомъ исключительно относящіеся къ земледѣльческому быту и для того, чтобы дать на него сколько нибудь удовлетворительной отвѣтъ, намъ необходимо прибѣгнуть къ аналогіи съ бытомъ другихъ народовъ. Это, конечно, не замѣнитъ вполнѣ прямыхъ свидѣтельствъ, но, въ виду чрезвычайнаго однообразія явленій жизни первобытныхъ народовъ, такое сравненіе можетъ привести къ результатамъ весьма точно приближающимся къ дѣйствительности. Къ счастью, мы располагаемъ здѣсь весьма полнымъ и цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ наблюденіяхъ надъ жизнью охотничьихъ, рыболовческихъ и пастушескихъ народовъ цѣлаго свѣта, и особенно современной Россіи. Въ явленіяхъ общественной жизни этихъ народовъ, мы можемъ найти ключъ для возстановленія и уясненія генезиса различныхъ стадій поземельныхъ отношеній. По справедливому замѣчанію г. Якушкина (Обычное право, стр. XLVI) обычаи инородческихъ народовъ Россіи „представляютъ богатый матеріалъ для срав-

нительнаго изученія права, и въ особенности для историческаго объясненія многихъ русскихъ обычаевъ и обрядовъ, внутренній смыслъ которыхъ неясенъ и въ которыхъ часто мы видимъ только отрывочные намеки на давно исчезнувшій, доисторическій бытъ".

Въ виду большей или меньшей опредѣленности имѣющихся свѣдѣній объ инородческихъ поземельныхъ отношеніяхъ, мнѣ кажется, достаточно будетъ въ настоящемъ случаѣ ограничиться данными, относительно лишь ихъ однихъ, не приводя фактовъ изъ жизни другихъ первобытныхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что о нецивилизованныхъ народахъ, живущихъ внѣ Россіи, нашей читающей публикѣ гораздо болѣе извѣстно изъ изслѣдованій Мэна, Лавеле, Тейлора, Спенсера, Лёббока и другихъ, чѣмъ о сибирскихъ инородцахъ.

Начнемъ съ вогуловъ, живущихъ по обѣимъ сторонамъ уральскаго хребта, въ пермской и тобольской губерніяхъ. Этотъ небольшой народецъ, по роду своихъ занятій, раздѣляется на двѣ почти равныя части: кочующихъ и осѣдлыхъ. Первые не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства; зиму живутъ въ маленькихъ грязныхъ хижинахъ, лѣтомъ въ балаганахъ или конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ древесной корой. Кочуютъ въ своихъ лѣсахъ отдѣльными семействами, находясь часто на разстояніи другъ отъ друга въ 10—15 верстахъ, такъ какъ не имѣя другаго средства къ существованію, кромѣ звѣроловства, они, при болѣе плотномъ разселеніи, терпѣли бы недостатокъ въ дичи. Становища ихъ рѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе 5 юртъ. Бабстъ утверждаетъ [1]), что каждое вогульское семейство „считаетъ своею собственностью то пространство, на которомъ сосѣди позволяютъ ему охотиться". Тоже самое можно, кажется, вывести изъ разсказовъ Лепехина и Сорокина. По наблюденіямъ Сорокина [2]), большинство вогулъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ имѣютъ на рукахъ, повыше кости, и на ногахъ различные узоры, состоящіе изъ

---

[1]) Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Бабстъ, Рѣчная область Волги.

[2]) Труды общества естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ. Сорокинъ, Путешествія къ вогуламъ, стр. 28, 46—7.

темносинихъ черточекъ, квадратиковъ и точекъ и похожіе на кресты или четырехъугольники съ лучами во всѣ стороны и т. п. Эта татуировка тѣла производится съ различными цѣлями: молодыя женщины и дѣвушки украшаютъ себя въ большинствѣ случаевъ „ради кокетства". Мущины же имѣютъ другую цѣль. Во время охоты, бродя по лѣсамъ Урала, Вогулъ, время отъ времени, вырѣзаетъ на стволахъ деревьевъ узоры, украшающіе его руки или ноги, и такъ какъ каждое семейство имѣетъ *свою тамгу*, то всякій охотникъ, идущій по лѣсу и замѣчающій вырѣзки на деревьяхъ, можетъ быть смѣло увѣренъ, что вогулъ изъ такого-то семейства прошелъ въ этихъ мѣстахъ. Назначеніе этихъ насѣчекъ на деревьяхъ, Лепехинъ, (Путешествіе, т. 3, стр. 36), объясняетъ такимъ образомъ, что по нимъ вогулы „узнаютъ мѣста", а также „находятъ добытыхъ звѣрей, которыхъ по одиночеству они принуждены бываютъ оставлять въ лѣсахъ до времени". Называются эти насѣчки, по его словамъ, тіосъ, *тюсъ*. Но какъ то трудно вѣрится, чтобы вогулы, принужденные то и дѣло мѣнять свое мѣстожительство, удерживали какіе-либо права на оставленныя мѣста. Нѣчто аналогичное, мы встрѣчаемъ у киргизовъ, относительно пользованія пастбищами: тамъ каждый родъ кочуетъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, но земля вовсе не составляетъ собственности отдѣльныхъ родовъ. Право сосѣдей позволять и не позволять охотиться другъ другу, доказываетъ, что и здѣсь существуетъ сознаніе принадлежности земли всѣмъ кочевникамъ извѣстной территоріи. Это предположеніе подтверждается наблюденіями надъ осѣдлыми, пелымскими вогулами, живущими въ Сибири по р. Кондѣ. Ведя осѣдлый образъ жизни, эти вогулы не покидаютъ ни рыболовства, ни звѣроловства, и вообще находятся на самой низшей степени культуры. Деревушки (пауль) ихъ представляютъ въ высшей степени печальный видъ [1]). Онѣ всегда находятся на сухихъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, и строятся преимущественно тамъ, гдѣ одна рѣка впадаетъ въ другую,

---

[1]) Сборникъ пермскаго земства, 1874. январь и апрѣль: о мѣстахъ жительства и образѣ жизни вогулъ по Альквисту.

потому что рыбная ловля при устьяхъ рѣкъ производится успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, берегомъ рѣки удобнѣе сообщеніе и зимою и лѣтомъ, чѣмъ чрезъ лѣсъ. Селенія и здѣсь расположены на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, обыкновенно на одинъ, два и даже три дня ѣзды, чтобы каждому изъ нихъ было достаточно мѣста для охоты и рыболовства. Селенія состоятъ изъ 3, много 5 юртъ. Самое большое, какое встрѣтилъ Альквистъ во время своего путешествія, состояло всего изъ семи юртъ (Атимъ — я — пауль на Пелымѣ). Каждое устье или другое рыбное мѣсто на рѣкѣ имѣетъ своего хозяина и русскіе могутъ заниматься ловлей на этихъ мѣстахъ только съ его позволенія за извѣстную сумму по договору. Можетъ ли совсѣмъ продать свой участокъ въ рыбной ловлѣ этотъ вогулъ, Альквистъ не говоритъ, такъ что трудно судить о значеніи слова хозяинъ. Но лѣса находятся несомнѣнно въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи и никакихъ семейныхъ участковъ, о которыхъ говоритъ Бабстъ, нѣтъ. Въ нихъ имѣетъ право охотиться не только вогулъ, но и всякій другой. «Когда русскіе, живущіе по нижнему Пелыму, приходятъ въ концѣ зимы для охоты, то вогулы дозволяютъ имъ это, но лишь въ сопровожденіи толпы своихъ. Такимъ образомъ составляется небольшое, смѣшанное изъ двухъ національностей общество, въ которомъ вогулы и русскіе имѣютъ одинаково охотничье право. Добыча дѣлится пополамъ между тѣми и другими, но русскіе кромѣ того угощаютъ вогуловъ. Отправляясь на охоту члены охотничьей компаніи, какъ вогулы, которые только въ казенныхъ книгахъ значатся христіанами, такъ и русскіе, приносятъ оленей на особыхъ жертвенныхъ мѣстахъ и даютъ другъ другу клятву въ вѣрности, разрѣзывая медвѣжье рыло (indem sie die Shnause eines Bären zerschneiden) въ знакъ убѣжденія, что медвѣдь съѣстъ каждаго нарушителя клятвы, во что твердо вѣрятъ какъ вогулы, такъ и ихъ сосѣди русскіе» (Альквистъ).

Относительно способовъ владѣнія и пользованія землей у самоѣдовъ, мы нашли лишь одно свѣдѣніе, что звѣроловныя мѣста, рыболовныя рѣки передаются въ наслѣдство родствен-

никамъ умершаго, другимъ же пользованіе этими мѣстами запрещается [1]).

Признается правиломъ, что никто не имѣетъ права промышлять «въ другой землѣ» звѣря или ловить рыбу въ рѣкахъ, принадлежащихъ другимъ. Виновный и обличенный въ такомъ поступкѣ долженъ по присужденію князя или старшины возвратить половину добычи «владѣтелю тѣхъ мѣстъ» а другую половину имѣетъ право оставить себѣ «за труды». Вообще «право владѣнія своими мѣстами почитается свято» и нарушеніе его считается воровствомъ «точно такъ, какъ бы вынуть изъ чужой ловушки звѣря или рыбу». Подъ вліяніемъ какихъ условій могло возникнуть и какимъ образомъ осуществляется такое наслѣдственное семейное владѣніе угодьями при кочевомъ образѣ жизни, къ которому побуждаетъ самоѣдовъ ихъ главное занятіе,—оленеводство,—при необъятномъ пространствѣ рыболовныхъ и звѣроловныхъ мѣстъ, объяснить трудно. Но эти факты противорѣчатъ всему, что мы знаемъ о поземельныхъ отношеніяхъ первобытныхъ народовъ и трудно согласимы съ другими чертами быта самоѣдовъ, сообщаемыми тѣмъ же г. Альбертомъ. Обращая вниманіе на отсутствіе дѣлъ по скотоводству, «которыхъ въ семъ (Березовскомъ) краю почти совсѣмъ не бываетъ», онъ старается объяснить этотъ фактъ тѣмъ, что «для участковъ, на коихъ пасутся стада оленей совершенно опредѣленныхъ мѣстъ не имѣется, а по причинѣ великаго пространства земли и малой населенности жителей, великое разстояніе оной находится никѣмъ не занимаемо". Къ какимъ бы безконечнымъ тяжбамъ привело наслѣдственное владѣніе участками при полномъ отсутствіи точныхъ границъ, если бы оно дѣйствительно существовало въ томъ видѣ, какъ разсказываетъ Альбертъ! По другимъ свѣдѣніямъ олени пасутся въ общихъ стадахъ, а для того, чтобы легче найти, на нихъ кладутся клейма (Иславинъ, Самоѣды стр. 45 иcлѣд. Арх. губ. вѣдомости 1870, № 22). Стоитъ от-

[1]) Тобольскія губернскія вѣдомости 1873 г., № 38. Отрывки изъ путешествій г. Альберта. Ср. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, изданіе Самоквасова, стр. 20—21.

мѣтить, что самоѣды отличаются способностью къ артельности (Арханг. губ. вѣдомости 1867, № 82). Сосѣди самоѣдовъ, Остяки, живущіе по берегамъ рѣкъ Оби, Енисея и ихъ притоковъ, раздѣляются на кочующихъ и осѣдлыхъ. Первые занимаются лѣтомъ рыбной ловлей, а зимой охотой за пушнымъ звѣремъ. Вторые живутъ селеніями и занимаются земледѣліемъ. Земля какъ у тѣхъ такъ и у другихъ принадлежитъ, повидимому, совокупности нѣсколькихъ семействъ. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ нѣсколькихъ фактовъ, [1]) сообщенныхъ г. Шашковымъ, въ его статьѣ «Сибирскіе инородцы» (Дѣло 1867 года № 9 и слѣд.) и относящихся къ сдачѣ земель въ аренду и захвату русскими поселенцами остяцкихъ земель.

Кочующіе Коряки, разсѣянные по огромному пространству безпредѣльной тундры, представляютъ, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ пользованію этой тундрой прочный союзъ. Общія дѣла, вызываемыя оленеводствомъ, въ родѣ выбора мѣста кочевья, рѣшаются сообща или по жребію. По совѣту старѣйшинъ и опытнѣйшихъ людей назначается страна, въ которой предполагается кочевать. Если же при выборѣ возникнетъ сомнѣніе и споръ, то приводятъ оленя, оставляютъ его свободнымъ и искуснымъ ударомъ убиваютъ. Олень въ агоніи дѣлаетъ еще два три скачка, потомъ падаетъ, и тогда направленіе головы служитъ указаніемъ страны, выбранной божествомъ для кочевья. (Вѣстникъ Географическаго общества 1856, № 1. Смѣсь. Дитмаръ, о Корякахъ и Чукчахъ).

У Карагасовъ, небольшаго народца живущаго въ восточной Сибири, близь китайской границы, въ Иркутской губерніи, въ Нижне-удинскомъ округѣ, каждая юрта или семья останавливается отдѣльно отъ другой. Рѣдко можно видѣть, если на одномъ хребтѣ, или въ одной пади остановятся три или четыре юрты, и это только въ такое время и въ такомъ мѣстѣ,

---

[1]) Напр. Крестьяне деревни Батовой отняли лѣсныя и рыболовныя дачи у *сорока трехъ остяковъ нарымской и тарханской* волостей. Подобныхъ случаевъ у него приведено много, но принадлежали ли эти дачи всѣмъ остякамъ вмѣстѣ на общинномъ правѣ, авторъ, къ сожалѣнію, не поясняетъ.

гдѣ нѣтъ у нихъ ни какой промышленности. Но мѣста кочевокъ точно распредѣлены между семьями. Каждый знаетъ гдѣ такой-то карагасъ или такая-то юрта имѣетъ обыкновеніе останавливаться въ то или другое время года (Преловскій, Нижнеудинскіе карагасы; Записки и труды Иркутскаго статистическаго комитета 1869; 4).

Гольды, занимающіеся кромѣ рыбной ловли и звѣроловствомъ, не только не имѣютъ выдѣленныхъ семейныхъ участковъ въ лѣсахъ, но ведутъ лѣсные промыслы всѣ сообща, артелями. Охота за соболями, важнѣйшій звѣроловскій промыселъ гольдовъ, производится, по описанію Пржевальскаго (Путешествіе въ Уссурійскій край 1867 — 1869. Спб. 1870) слѣдующимъ способомъ. Она начинается съ первымъ снѣгомъ и продолжается почти всю зиму. Лишь только замерзнетъ Уссури и земля покроется снѣгомъ, гольды, снарядившись какъ слѣдуетъ, отправляются партіями въ горы, лежащія между правымъ берегомъ Уссури и Японскимъ моремъ, преимущественно въ верховья рр. Бикина, Има и ея притока Вака. Добравшись до мѣста промысла, каждая партія раздѣляется на нѣсколько частей, которыя расходятся по различнымъ падямъ, избирая ихъ мѣстомъ своей охоты. Прежде всего устраивается шалашъ, въ которомъ складывается провизія и который служитъ для ночевокъ. Къ этому шалашу всякій вечеръ собирается каждая отдѣльная партія, между тѣмъ какъ днемъ всѣ ходятъ особо или только вдвоемъ. До какой степени развита въ гольдахъ честность и чувство взаимности можетъ служить доказательствомъ слѣдующій обычай. Промышленникъ, набредя на чужой шалашъ, хотя бы тамъ никого не было, можетъ, по существующему обычаю, изъ находящейся въ шалашѣ провизіи сварить себѣ обѣдъ. Несмотря на крайнюю легкость воровства во время промысловъ, примѣровъ кражи между гольдами никогда не бываетъ.

Гораздо болѣе полныя свѣдѣнія мы имѣемъ о поземельныхъ отношеніяхъ Бурятъ, благодаря изслѣдованіямъ покойнаго А. П. Щапова. Большая часть Бурятъ питаются преимущественно скотоводствомъ и ведутъ кочевую жизнь, остальные занимаются земледѣліемъ и живутъ осѣдло. Формы владѣнія

и пользованія землей, вслѣдствіе этого, у тѣхъ и другихъ не одинаковы. Кочевые улусные Буряты живутъ родовыми группами. Хозяйственную единицу представляетъ здѣсь также родъ. Это необходимо обусловливается самымъ способомъ разселенія Бурятъ. Внѣшній видъ бурятскихъ поселеній представляется, по описанію Щапова [1]), въ такомъ видѣ „Ѣдете вы по широкой степной пади или долинѣ, напр. Кудинской, Манзурской или Ленско-ангинской, и кругомъ видите оазами разбросанныя группы своеобразныхъ осьмиугольныхъ юртъ; подъ вечеръ или рано утромъ дымъ столбомъ стоитъ надъ ними. Кругомъ жердяныя загороди, а въ загородкахъ все юрты, амбары и разныя другія строенія (большею частью перенятые изъ русско-крестьянскаго домообзаводства, хотя часто съ оригинальными измѣненіями и особенностями самобытнаго бурятскаго мастерства). Вы войдите въ какой нибудь улусъ, всмотритесь въ его внутреннюю организацію и связь съ другими сосѣдними улусами, — и вы увидите живой архаическій остатокъ первобытной человѣческой общины. Внутренній строй и взаимноотношеніе улусовъ выражаютъ весьма ясно чисто первобытный, единокровный, родовой генезисъ бурятской улусной общины и родовую федеративную связь ихъ между собою. Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частью видъ круга или эллипсиса. Въ каждой такой загороди стоитъ одна, двѣ, три и болѣе юртъ съ разными пристройками—лабазами для арсы, амбарами, стайками, сараями или повѣтями, хлѣбопекарнями и т. п. Въ одной изъ этихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ,—старикъ со старухой, иногда съ какими нибудь сиротами родственниками. Въ другой рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ своей женой и съ своими дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди по обѣ стороны юрты отца (буряты часто строятъ юрты сыновьямъ, когда послѣднимъ

[1]) Извѣстія Сибирскаго отдѣла географическаго общества 1874, т. V, № 3. 4. Щаповъ, Бурятская улусная родовая община.

еще только 12 или даже 6 лѣтъ). У всего этого единокровнаго, семейно-родоваго круга пашни, покосы, утуги, скотъ—все общее. Всѣ члены загороди работаютъ сообща. Иногда даже и обѣдаютъ вмѣстѣ. Вообще при всякой «жаренинѣ», при всякомъ сборѣ гостей, всѣ соучаствуютъ, какъ одна семья. Далѣе рядомъ вблизи въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напримѣръ, его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ—и тутъ опять, въ одной общей загороди, по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, а по бокамъ—юрты его сыновей. Дальше въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ живутъ болѣе отдаленные родственники, называемые уже «сосѣдями». Такимъ образомъ, улусная родовая община по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе расширяется, распадаясь на особыя отдѣльныя загороди или группы юртъ, связь которыхъ съ центромъ ослабляется по мѣрѣ удаленія отъ него. Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ, усвоивая ту же организацію, тотъ же строй улусной родовой общины. Но связь между улусами не прекращается окончательно. Вся группа подобныхъ улусовъ большею частью лежащихъ вблизи другъ отъ друга, представляетъ изъ себя цѣлое, одинъ родъ или точнѣе родовую общину, подраздѣляющуюся, въ видѣ особыхъ генеалогическихъ вѣтвей, въ болѣе близкія по связи членовъ улусныя родовыя общины, которыя въ свою очередь состоятъ изъ болѣе мелкихъ частей—семей. Въ нѣкоторыхъ улусахъ встрѣчается еще слѣдующее видоизмѣненіе общиннаго устройства. Въ кулимканскомъ улусѣ перваго абаганатскаго рода Кудинскаго вѣдомства, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ улусахъ, вмѣсто отдѣльныхъ юртовыхъ хозяйственныхъ построекъ существуютъ общинныя, всеулусныя: таковы, напримѣръ, общія, всеулусныя хлѣбопекарни, общія кузницы, кладовыя или амбары и т. п. Такова въ общихъ типическихъ чертахъ организація улусныхъ родовыхъ общинъ во всѣхъ 46 бурятскихъ родахъ всѣхъ вѣдомствъ: кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго. Отклоненія отъ нея, встрѣчающіяся по мѣстамъ, вообще весьма несущественны и относятся преимущественно къ

размѣрамъ улусовъ, къ расположенію и особенностямъ находящихся въ нихъ юртъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ и т. п. Организація не ограничивается соединеніемъ отдѣльныхъ, мелкихъ улусовъ въ большія родовыя общины,—эти послѣднія находятся, въ нѣкоторомъ отношеніи, въ общей федеративной связи другъ съ другомъ. Такъ въ ленскомъ вѣдомствѣ, всѣ пять родовъ черноруссскихъ образуютъ союзъ; въ верхоленскомъ вѣдомствѣ первая и вторая половины перваго абызаевскаго рода, составляя одну большую родовую общину со вторымъ абызаевскимъ родомъ, образуютъ, далѣе, одинъ общій федеративный союзъ со всѣми другими сосѣдними родами, именно съ первымъ буровскимъ, баендаевскимъ и двумя ользоновскими. Сознаніе этой общей связи родовъ проявляется не только въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ случаѣ ходатайствъ о какихъ либо общихъ нуждахъ, въ равномѣрномъ распредѣленіи между всѣми членами союзныхъ родовъ общихъ затратъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1782—1810 г., когда три рода: бандаевскій, первый и второй абызаевскій «условились единогласно» нести «за одно» всѣ расходы по найму и содержанію писцовъ, разверставъ ихъ по душамъ, въ случаяхъ помощи пострадавшихъ отъ какого либо бѣдствія (г. Щаповъ разсказываетъ объ одномъ такомъ бѣдствіи, постигшемъ въ 1816 году преимущественно ленскихъ осѣдлыхъ инородцевъ), но и въ соціальныхъ отношеніяхъ, равно какъ въ организаціи общаго самоуправленія, и вслѣдствіе того въ поземельныхъ отношеніяхъ, въ устройствѣ общихъ хозяйственныхъ предпріятій и вообще въ сферѣ экономическихъ явленій. Въ основаніи бурятской общины, какъ и всякой другой, лежитъ стремленіе обезпечить своимъ членамъ равномѣрное удовлетвореніе всѣхъ важнѣйшихъ потребностей, прежде всего, разумѣется, потребностей матеріальныхъ. Этого достигаетъ она, подобно всякой другой обычной общинѣ, равномѣрнымъ распредѣленіемъ между членами средствъ производства и взаимною помощью членовъ другъ другу. Отъ другихъ подобныхъ союзовъ отличается родовая община лишь своею замкнутостью. «Какъ ни далеко въ настоящее время, говоритъ Щаповъ, буряты уклонились уже

отъ первобытнаго естественнаго состоянія, но и до сихъ поръ еще ихъ улусная родовая община значительно выдается первобытнымъ естественнымъ преобладаніемъ соціальныхъ инстинктовъ надъ инстинктами эгоистическими, хотя, впрочемъ, только въ предѣлахъ своихъ родовыхъ группъ. (По отношенію къ неродичамъ буряты, какъ доказываетъ въ другой своей статьѣ Щаповъ, въ хищничествѣ нисколько не уступаютъ русскимъ купцамъ). Такъ какъ всѣ бурятскія улусныя родовыя общины развились путемъ родоваго генезиса и развѣтвленія, то естественно и соціальные инстинкты ихъ еще вполнѣ сохраняютъ характеръ единокровной, родовой соціальной симпатіи. Любовь къ ближнему, взаимная помощь, взаимная вѣрность, честность и справедливость еще большею частью ограничиваются предѣлами своей одноулусной, семейно-родовой общины, а не простирается на всѣхъ людей, даже не выдерживаются вполнѣ по отношенію къ чуждымъ, отдаленнымъ родамъ бурятскимъ». Буряты помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, въ несчастіяхъ, въ сиротствѣ и т. п. Во всѣхъ улусныхъ общинахъ безродные, сироты, бѣдные ходятъ по юртамъ, какъ по своимъ роднымъ жилищамъ и находятъ тамъ пріютъ и пропитаніе. Они могутъ сами безъ всякаго спроса взять, что увидятъ въ юртѣ съѣстнаго, и сродичи — одноулусники за это не гонятъ, не попрекаютъ ихъ. Гдѣ вечеромъ поѣстъ бѣдный, тамъ и ночуетъ, какъ дома. Даже сиротъ ясачныхъ осѣдлыхъ инородцевъ буряты содержатъ на свой счетъ. Единородная дружба, общность высказывается болѣе или менѣе во всѣхъ явленіяхъ улусной жизни. Если въ какой нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ «жаренину», то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ могутъ не стѣсняясь идти на жаренину, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ. «У брацкихъ (бурятъ), говорилъ одинъ манзурскій крестьянинъ Щапову, не по нашему, все артельно: ломоть хлѣба они раздѣлятъ всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, кто бы ни случился въ улусѣ, мясо дѣлятъ всѣмъ». Вѣроятно встрѣчаются личности эгоистическія и здѣсь, но здѣсь же за то не рѣдкость люди добрые, готовые жертвовать всѣмъ для помо-

щи ближнему. Но всего полнѣе выразилось соціальное міровоззрѣніе бурятъ въ распредѣленіи имущества.

Такъ какъ главную, даже единственную пищу бурятъ искони составляли продукты рогатаго скота — мясо, молоко, сметана, масло, арса, и бурятская родовая община, въ первооснове своей, искони была общиной не земледѣльческой, а пастушеской, скотоводческой, — то естественно, въ этой то именно сферѣ ея экономическаго быта всего полнѣе должны были сохраниться слѣды устроительнаго вліянія инстинктовъ родовой соціальной симпатіи. Рогатый скотъ, всегда составлявшій главный источникъ жизненнаго обезпеченія пастушеской общины бурятъ, распредѣленъ по улуснымъ дворамъ, болѣе равномѣрно, чѣмъ, наприм., лошади, козы, олени и проч. Въ интересахъ родовой и скотоводческой бурятской общины, побуждаемой инстинктомъ единокровной соціальной симпатіи, всегда было, разумѣется, возможно равномѣрное или возможно удовлетворительное обезпеченіе родичей тѣми средствами продовольствія, какими искони, по преимуществу, обладала эта община, именно средствами жизни, получаемыми отъ скота: мясомъ, молокомъ, масломъ, кожами и т. п. „Рогатый скотъ, говоритъ Щаповъ, укыръ, искони былъ такъ важенъ, такъ дорогъ въ экономіи бурятской скотоводческой общины, что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, буряты самую идею его ассоціировали съ своими религіозными представленіями о священныхъ, шаманскихъ, тайлаганныхъ степныхъ урочищахъ. Такъ буряты кудинскаго вѣдомства о своей священной, тайлаганной горѣ Булэнъ (при рѣкѣ Кудѣ), говорятъ, или, лучше сказать, молятся, взываютъ къ ней: „укыръ манхай удыгэ булэнъ!" Вообще, по представленію бурятъ, ни одинъ членъ ихъ родовой скотоводческой общины не мыслимъ да и не можетъ существовать безъ рогатой скотины, хотя бы то безъ одной коровы. Вслѣдствіе этого, они изстари имѣли обычай даромъ давать коровъ тѣмъ бурятамъ, которые по какимъ нибудь обстоятельствамъ не имѣли ни одной скотины. Даже и теперь еще этотъ старинный обычай соблюдается, хотя не съ прежней безкорыстностью. И теперь еще богатые, скотные буряты имѣютъ обычай раздавать коровъ на дойку бѣднымъ,

безскотнымъ сродичамъ. Такъ напрвм. въ Усть-Ординскомъ селеніи намъ говорили, что богатый бурятъ 1-го харанутскаго рода кудинскаго вѣдомства Романъ Дайшиничъ особенно извѣстенъ такой раздачей коровъ бѣднымъ; во время скотскаго падежа бывшаго въ 1869—70 г., онъ, говорятъ, роздалъ бѣднымъ до 600 коровъ. Какъ бы ни былъ затемненъ этотъ обычай эгоистически своекорыстными разсчетами, но все таки онъ, хоть какъ «переживанье», какъ архаизмъ, выражаетъ первобытное естественно общинное стремленіе къ возможно равномѣрному распредѣленію главнаго источника жизненнаго обезпеченія скотоводческой общины, рогатаго скота. И мы полагаемъ, что именно въ силу этого изстариннаго, безсознательнаго, инстинктивнаго стремленія бурятской общины къ возможно большему умноженію и возможно равномѣрному общинному распредѣленію рогатаго скота, какъ главной экономической, имущественной силы скотоводческой общины, именно въ силу этого общиннаго стремленія рогатый скотъ и доселѣ замѣтно изобильнѣе и равномѣрнѣе распредѣляется по дворамъ улуснымъ, чѣмъ лошади, овцы, козы и олени. Всѣ подворные списки, какіе мы внимательно разсмотрѣли въ верхоленской степной думѣ, и въ ленской инородческой управѣ, вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Достаточно будетъ, если мы изъ нихъ приведемъ два три примѣра· Такъ:

	Жител. об. пола.	лошад.	Рогат. скотъ.
Въ верхоленскомъ инородческомъ вѣдомствѣ	11,559	13,836	23,459
Въ ленскомъ вѣдомствѣ	9,365	8,887	20,453
Въ манзурской волости	12,625	8,221	9,988
Въ трехъ трактовыхъ осѣдло инородческихъ селеніяхъ	350	329	311

Уже изъ этихъ общихъ цифръ видно, что рогатаго скота у бурятъ вдвое больше, чѣмъ лошадей, такъ что лошадей

приходится только по одной на каждую наличную душу, а рогатаго скота больше чѣмъ по 2 скотины, тогда какъ у русскихъ крестьянъ и у осѣдлыхъ инородцевъ совершенно другія числовыя отношенія. Въ частности, какую бы группу улусовъ мы ни разсматривали по подворнымъ спискамъ, вездѣ мы найдемъ тѣже статистическія показанія: вездѣ каждое отдѣльное хозяйство, каждый улусный дворъ богаче и равномѣрнѣе владѣетъ рогатымъ скотомъ, чѣмъ лошадьми. Вездѣ по улусамъ больше такихъ дворовъ, гдѣ рогатаго скота больше, чѣмъ лошадей, и гораздо меньше такихъ дворовъ, гдѣ рогатаго скота меньше».

Далѣе, родовая соціальная симпатія, связующая разные улусы въ одну родовую общину, искони обусловливала между разными бурятскими родами общинность пастбищнаго землевладѣнія. Вся, такъ называемая, «Братская степь», тянущаяся отъ рѣки Куды до вершины рѣки Анги, считается бурятами общимъ родовымъ достояніемъ ихъ племенной общины. «Когда русскіе колонисты-крестьяне, заселяя ленскія мѣста, стали захватывать изстаринныя земли тѣхъ или другихъ бурятскихъ родовъ, то буряты не единолично, а цѣлой общиной тягались за эти земли. Въ одномъ бурятскомъ тяжебномъ актѣ, какой мы нашли въ улускомъ родовомъ управленіи 4-го чернорудскаго рода, изстаринное бурятское представленіе объ общинности ихъ пастбищнаго землевладѣнія характеристично выражено словами: „эа земля по рѣкѣ Ангѣ наша *породная вотчина*», т. е. изстаринное владѣніе родовой общины. Наконецъ, естественная, родовая общинная симпатія или союзность изстари обусловила и тотъ фактъ, что, съ одной стороны, нѣтъ улуснаго двора, у котораго не было бы утуга—особаго юртоваго участка или удѣла изъ общей пастбищной земли, съ другой—и самые эти утуги, по религіознымъ представленіямъ бурятъ, опять не считаются полною, безусловною личною собственностію каждаго отдѣльнаго бурята а считаются общимъ владѣніемъ особыхъ невидимыхъ духовъ, называемыхъ «отоги», что значитъ хозяева, владѣтели утуговъ. Вообще идея общинности пастбищнаго землевладѣнія довольно характеристично выражается у бурятъ въ томъ, что они не себя самихъ счи-

таютъ владѣтелями, хозяевами тѣхъ земель, тѣхъ степныхъ падей или долинъ, которыя называютъ своею «породною вотчиною», а особыхъ, невидимыхъ ижиновъ—хозяевъ владѣтелей, въ родѣ «бурханной» хозяйки кудинской степной горы Булэнъ-Булэни ижинъ самса хатакъ, въ родѣ невидимаго хозяина владѣтеля кудинскаго степного озера Ордынскаго и окружающей его степи—гужиръ орды ижимъ, или въ родѣ бурхана—хозяина, владѣтеля баендаевскаго степнаго шаманскаго лѣса—хаганъ ижинъ ханъ-дошхи и т. д.» (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества т. V, № 3 и 4, Щаповъ, Бурятская улусная родовая община).

О способахъ пользованія этой общинной землей мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, собранныя въ 1823 г. и представленныя правительству самими инородцами. Буряты Верхоленскаго вѣдомства раздѣляются на 9 родовъ, въ которыхъ по седьмой ревизіи считалось 7535 душъ. Они занимаются скотоводствомъ и ведутъ жизнь кочевую. Лѣтомъ кочуютъ на мѣстахъ удобныхъ къ скотскому выпуску; для заготовки сѣна на зиму нѣкоторыя мѣста не вытравливаются лѣтомъ. На этихъ мѣстахъ скотъ прокармливается осенью и весной, питаясь кошениной и отавой. Нѣкоторые участки на такихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ—утуги—удобриваются назьмомъ и орошаются посредствомъ канавъ. Утуги находятся въ наслѣдственномъ пользованіи удобривающаго ихъ. Такимъ образомъ выдѣленіе части земли въ частное пользованіе было вызвано потребностью заготовлять кормъ для скота на зиму. (Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права Сибирскихъ инородцевъ). Всѣ сѣнокосные утуги огораживаются сообща по числу душъ и скота хозяевъ, составляющихъ улусъ. Удобреніе утуговъ обязательно. Для земледѣлія распахиваются участки на удобныхъ для того земляхъ.

Земля, удобная для сѣнныхъ покосовъ и пашни поступаетъ въ уравнительный раздѣлъ по числу душъ мужскаго пола, состоящихъ по ревизіи, причемъ принимается во вниманіе качество земель. Въ случаѣ несогласія родовичей при раздѣлѣ земель, споръ рѣшается „сходкой ближнихъ сосѣдей, причемъ оною также разсматривается истинная справедливость въ числѣ мѣры земель, несоотвѣтственность удобности, и таковое дѣло

рѣшается всею сходкою, вообще съ начальникомъ словесно, а иногда для вѣдома къ будущему времени, и письменно", (Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ, издан. Д. Я. Самоквасовымъ, стр. 78—80, §§ 34—40). Во время пользованія участкомъ тѣмъ или другимъ хозяиномъ, нарушеніе правъ пользователя, напримѣръ, въ случаяхъ потравы, строго преслѣдуется. Не здѣсь ли слѣдуетъ искать зачатковъ уваженія къ труду и обезпеченія общиной каждому члену безспорнаго пользованія продуктами своего труда, составляющаго характеристическую черту земледѣльческой общины?

Лѣса, пустопорожнія земли, угодья находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всего „общества" [1]) верхоленскихъ бурятъ, и многіе изъ нихъ въ свободное отъ обыкновенныхъ полевыхъ работъ время, занимаются ружейной охотой на звѣрей и птицъ (ibid. стр. 84, § 37). Вообще каждый бурятъ имѣетъ право заниматься всѣми промыслами на земляхъ принадлежащихъ родовой общинѣ.

Относительно поземельныхъ отношеній у бурятъ хоринскаго вѣдомства мы имѣемъ меньше свѣдѣній. „Исправляющіе обязанности начальниковъ, говорится въ Степномъ уложеніи этихъ бурятъ, почетные ясашные родовичи, каждогодно должны (Степными уложеніями, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду узаконить обычаи) кочевьями отступать отъ сѣнокосныхъ мѣстъ, (мы сказали выше, для какой цѣли они служатъ), въ выпускахъ скотскихъ блюстительно скотъ содержать и тѣмъ хранить сѣнокосныя мѣста". По созрѣваніи травъ на этихъ сѣнокосныхъ мѣстахъ почетные родовичи должны, по числу имѣющагося скота, дѣлить покосы и елико можно стараться ставить сѣна болѣе. Какъ и у верхоленскихъ бурятъ, на сѣнокосныхъ мѣстахъ нельзя устроивать стойбищъ или пасти скотъ. Подобно тому, какъ и у другихъ кочевниковъ, какъ и въ русскихъ сѣверныхъ общинахъ, гдѣ скотъ пускается безъ пастуха, здѣсь установлены обычаемъ точныя правила, отно-

[1]) Вообще надо замѣтить, что терминологія степныхъ уложеній, составляющихъ названный Сборникъ, отличается неточностью и произвольнымъ примѣненіемъ выраженій, усвоенныхъ законодательствомъ, къ явленіямъ обычнаго права.

сительно огораживанія сѣнныхъ скирдовъ и полей, опредѣляющія толщину и высоту изгороди, отвѣтственность общинниковъ въ случаѣ потравы сѣна или хлѣба скотомъ вслѣдствіе неисправной городьбы. Повидимому, при распредѣленіи сѣнокосовъ хозяева не всегда мѣняются участками, по крайней мѣрѣ упоминаются сѣнокосы «издавна владѣемые» (Самоквасовъ, стр. 132—134).

У бурятъ селенгинскаго вѣдомства пустыя земли могутъ быть захватываемы во владѣніе первымъ желающимъ, но они остаются во владѣніи оккупанта лишь до той поры, пока онъ держитъ свое стойбище. «Если кто изберетъ себѣ стойбо временное, и послѣ того паки найдетъ удобное другое мѣсто и переведетъ на оное всѣ дворы, а на его прежнее мѣсто кто похочетъ стать, то сему послѣднему не воспрещать (Сборникъ обычнаго права инородцевъ, стр. 192, § 162).

Община обезпечиваетъ вознагражденіе за потраченный трудъ. „Если кто пустолежащее мѣсто собственными трудами обработаетъ для хлѣбопашества и сѣнокоса, и потомъ, по нерадѣнію своему или по пришествію въ бѣдность, городьбу свою разломаетъ, а, по оставленіи оной, кто нибудь изъ постороннихъ вознамѣрится оное мѣсто огородить, и между тѣмъ выйдетъ ссора, то дать время прежнему хозяину на три года, и если за симъ его силъ не достанетъ, донеся о семъ родовому начальнику, дабы не могла та земля оставаться безполезною, тому кто имѣетъ нужду въ сѣнокошеніи позволяется огородить и онымъ мѣстомъ пользоваться, но за очищеніе каменьевъ и прочаго, прежняго владѣльца, по возможности, чѣмъ либо наградить (§ 160). Но, пока общинникъ владѣетъ сѣнокоснымъ мѣстомъ, другіе могутъ прикочевывать на это мѣсто только съ его позволенія (161). Эта черта пастушеской общины заслуживаетъ особаго вниманія. Земледѣльческая обычная община признаетъ уваженіе къ труду коренною своею основою: она признаетъ его единственнымъ источникомъ и нормою права, отрицая всѣ другія начала, стоящія съ нимъ въ противорѣчіи. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, стр. 181 и статью г-жи Ефименко „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ въ журналѣ

«Слово» 1878, № 1). Изъ описаннаго обычая бурятъ, который, какъ увидимъ, встрѣчается и у всѣхъ другихъ пастушескихъ народовъ Сибири, очевидно, что уваженіе къ труду развито уже и въ скотоводческой общинѣ.

Далѣе въ земледѣльческой общинѣ, мы видимъ стремленіе не только равномѣрно распредѣлить землю, но и удерживать хозяйство своихъ членовъ на одинаковомъ уровнѣ, для чего она помогаетъ упалымъ и ослабѣвшимъ домохозяевамъ и понуждаетъ нерадивыхъ. Таже тенденція свойственна и пастушеской общинѣ. У селенгинскихъ бурятъ пустолежащія мѣста, удобныя для хлѣбопашества, которое вообще составляетъ здѣсь лишь побочную и незначительную вѣтвь хозяйства, и сѣнокошенія «общество обязано дѣлить между собой по равной части». Если такихъ пустопорожнихъ мѣстъ нѣтъ, то случается, говоритъ собиратель обычаевъ, повидимому, имѣвшій въ виду въ данномъ случаѣ только одну сторону дѣла, что „нерадивые къ обработкѣ земли подъ видомъ, якобы у нихъ не имѣется хлѣбной и сѣнокосной земли, изъ зависти, просятъ объ удѣленіи отъ того обработаннаго покоса или пашни" отъ прилежныхъ общинниковъ, которые за неимѣніемъ пустаго мѣста подлѣ стойбъ, обработывая оныя наземленіемъ и пусканіемъ воды содѣлываютъ удобными къ сѣнокошенію или къ распашкѣ. Такихъ нерадивыхъ стараются „отъ сего усилія воздерживать" дѣлая имъ „строгое подтвержденіе и понужденіе, чтобы они старались сами, подобно другимъ, таковыя обработывать" (ibid. 163). Но, если упадокъ произошелъ не отъ нерадѣнія, то помогаетъ ли община—на этотъ вопросъ разъясненія въ имѣющихся данныхъ не находимъ.

Здѣсь существуютъ, подобно тому, какъ и у другихъ пастушескихъ народовъ, нѣкоторыя обязательныя общинныя работы, исполняемыя въ извѣстной системѣ. „Всякій обязанъ поскотину хлѣбную и сѣнокосную кончить огораживаніемъ мая къ 9 числу, а въ осеннее время отгораживать поскотину съ 15 сентября каждаго года (§ 164). Всякій обязанъ загородить сѣно и хлѣбъ, отступя отъ скирды на одну сажень извѣстнымъ числомъ жердей. Поскотину хлѣбную и сѣнокосную для каждаго также обязательно огородить крѣпко и хорошо извѣстнымъ

числомъ жердей извѣстной толщины (§§ 165, 154). Участки поскотины, принадлежащіе разнымъ хозяевамъ, обводятся и тогда общей изгородью. Въ случаѣ потравы сѣна или хлѣба скотомъ, прорвавшимся чрезъ изгороди, отвѣчаетъ хозяинъ поломаннаго мѣста изгороди. Что касается до споровъ общинъ и вообще до отношеній по землѣ между улусами, то здѣсь мы располагаемъ лишь свѣдѣніями о случаяхъ общаго пользованія водой. Такъ, если въ какомъ либо улусѣ или урочищѣ имѣется только одна и небольшая рѣчка или ключъ, и кочующіе по берегамъ и въ близости ихъ со своимъ скотомъ будутъ довольствоваться водой только въ нихъ, то уже кочующимъ на вершинѣ тѣхъ рѣчекъ или ключей никому для впусканія воды въ сѣнокосныя мѣста запирать нельзя, подъ опасеніемъ строгаго наказанія (158). Жителямъ какого либо улуса, въ случаѣ недостатка воды, не воспрещается проводить воду въ свои кочевья посредствомъ канавы изъ рѣчекъ или ключей, имѣющихся въ окольномъ улусѣ, а особенно изъ тѣхъ, въ коихъ не имѣютъ въ водѣ недостатка, или же изъ дальнихъ мѣстъ, если то позволяютъ средства нуждающихся въ водѣ (ibid. § 169).

Для достиженія возможно полнаго равенства въ пользованіи общиннымъ имуществомъ, буряты организуютъ между собою артели для совокупнаго веденія того или другаго промысла. Щаповъ замѣчаетъ, что „въ силу естественно-инстинктивной родовой соціальной симпатіи буряты гораздо болѣе наклонны и способны къ организаціи рабочихъ или промышленныхъ артелей, чѣмъ русскіе сибирскіе крестьяне. Въ настоящее время, надобно замѣтить, артельное начало, естественные зародыши соціально-кооперативной взаимности и общности въ бурятскихъ общинахъ уже сильно ослаблены, частію подъ вліяніемъ эгоистически пріобрѣтательной конкуренціи, возбужденной духомъ коммерціи и промышленности, частію вслѣдствіе общаго полицейско-административнаго парализированія самобытнаго развитія бурятской общины. Но, при всемъ томъ, и въ настоящее время естественные соціальные инстинкты, создавшіе бурятскую родовую общину еще сильно поддерживаютъ въ ней артельный духъ, наклонность и способность къ разви-

тію соціально-кооперативной взаимности, общности и солидарности. „У Братскихъ все артельно“ говорили намъ единогласно ленскіе крестьяне въ разныхъ мѣстахъ“.

„Хлѣбъ продаютъ братскіе артелями: сродичи складываютъ въ одну кучу до 5,000 и болѣе пудовъ, и продаютъ гуртомъ, сообща, артельно на паузки или на винокуренный заводъ Голдобина. Артелью сгоняютъ они скотъ въ одинъ общій табунъ, и сообща, артельно гонятъ его въ городъ на продажу мясникамъ. Но самое замѣчательное выраженіе артельнаго начала или первобытной соціально-кооперативной взаимности, союзности и солидарности представляетъ намъ такъ называемая *аба*—большая звѣро-промышленная артель разныхъ бурятскихъ родовъ. Одинъ родовой староста кудинскаго вѣдомства,—какъ можно было замѣтить, — отъ природы весьма умный, даровитый бурятъ разсказывалъ намъ объ этой *абѣ* съ особенною эпическою воодушевленностью, и въ тоже время съ яснымъ, нѣсколько даже гордымъ сознаніемъ замѣчательной стройности ея организаціи. Сущность его разсказа такая: «*Аба*, это большая звѣро-промышленная артель, бывающая не каждый годъ, а преимущественно въ хорошіе, приплодные и урожайные годы. Послѣдняя аба была въ 1870 г. Обыкновенно съ осени собираются буряты, человѣкъ по 1,000, 1,500 и болѣе. Всѣ одѣваются въ лучшую одежду, берутъ съ собой лучшіе луки и стрѣлы. Каждый несетъ съ собой въ общую складчину пудъ своего лучшаго, самаго жирнаго мяса, масла, сметаны и проч., и все складывается въ общій артельный запасъ. Выбираютъ все изъ одного и того же рода наиболѣе опытнаго, всѣми уважаемаго старика и назначаютъ его общимъ, главнымъ старостой и судьею артели. Старикъ этотъ, главный руководитель артели, принимаетъ отъ каждаго провизію, *вѣситъ ее на руку*, возьметъ передъ всѣми на руку пудъ и трясетъ его на рукѣ, разузнавая такимъ образомъ, точно ли будетъ въ немъ пудъ. По старому обычаю, требуется вѣсить именно на рукѣ. Затѣмъ, вся большая артель разбивается на множество мелкихъ артелей, состоящихъ каждая человѣкъ изъ 20. Каждая частная артель выбираетъ своего частнаго артельнаго старшину. Передъ отправкой на промыселъ, на абу, каждая артель

оставляетъ старику — главному, общему артельному старостѣ и судьѣ по одной шапкѣ, въ залогъ общей взаимной вѣрности и честности на промыслѣ. Послѣ того, всѣ мелкія артели, образуя одинъ общій, дружный артельный союзъ, отправляются въ хребты на облаву, цѣпью охватывая большое пространство въ лѣсу. Вообще вся организація артели основана на строжайшемъ обезпеченіи взаимной вѣрности артельщиковъ. Главный артельный староста и судья строго наблюдаютъ за согласіемъ и взаимною вѣрностью артельщиковъ. Въ случаѣ споровъ, или вообще какого нибудь нарушенія артельнаго согласія,—судитъ ихъ, разбираетъ несогласія, ссоры. Судъ происходитъ тогда, когда сходятся всѣ въ какомъ нибудь лѣсномъ стойбищѣ. Если чуть кто изъ артели провинится въ чемъ нибудь,—то, на собраніи всей артели, берутъ у виноввaго шапку, кладутъ ее по серединѣ стойбища, и главный артельный староста или судья-старикъ, обращая глаза къ небу, кричитъ, взываетъ къ тэнгэри-бурхану, заклинаетъ и обличаетъ виновнаго при всѣхъ, и наконецъ, стрѣляетъ изъ лука стрѣлою вверхъ въ воздухъ, надъ самой шапкой: если стрѣла упадетъ на шапку, — значитъ обвиняемый дѣйствительно виноватъ. Точно также, если кто-либо изъ артельщиковъ что-нибудь потеряетъ въ лѣсу,—то нашедшій потерянную вещь непремѣнно долженъ представить ее общему артельному старостѣ. Тотъ, опять, на общемъ сходбищѣ артели, кричитъ, громко спрашиваетъ, не потерялъ-ли кто чего-нибудь, или чья такая-то потерянная вещь. Потерявшій вещь артельщикъ выходитъ и получаетъ ее при всей артели. Въ лѣсу, на абѣ, есть особые выборные артельные хранители провизіи, выборные артельные приготовители пищи и т. п. Въ самомъ звѣроловствѣ артельномъ строго выдерживается первобытный, своеобразный альтрюизмъ, дружба и взаимность съ ближнимъ, съ товарищемъ. Если кто въ лѣсу, на артельной абѣ, или хоть даже въ частной звѣропромышленной артели, первый застрѣлитъ звѣря, то не самъ его беретъ, а отдаетъ другому для вклада въ артельный уловъ. Наконецъ, всѣ упромышленные звѣри между всѣми артельщиками дѣлятся поровну, подъ контролемъ артельнаго суглана и старосты. Такова, въ общихъ чертахъ, бурятская

звѣро-промышленная, облавная артель, называемая *абой*. Хотя она нынѣ во многихъ бурятскихъ родахъ уже выходитъ изъ обычая, но все-таки буряты разсказываютъ объ ней съ живымъ воспоминаніемъ, какъ о священномъ учрежденіи предковъ. Гдѣ въ Сибири, въ русскомъ поселеніи, встрѣтите такую стройную организацію артели, строго выдерживающую и свято охраняющую принципы соціально-кооперативной, артельной вѣрности, честности, справедливости и солидарности? Нигдѣ. Только алекминскіе и витимскіе артели, составлявшіяся въ прошломъ столѣтіи русскими сѣверно-морскими звѣро-промышленниками на соболиномъ промыслѣ и подробно описанные Крашенинниковымъ, вслѣдствіе общечеловѣческаго единства соціальныхъ инстинктовъ, порождающихъ артели, приближались къ строю этой бурятской абы, и аналогичны съ нею. Нельзя не пожалѣть, что тѣ артельныя начала, или лучше сказать, тѣ инстинкты соціально-кооперативной взаимности, которыя порождаютъ правильно организованныя артели, вслѣдствіе гнетущихъ обстоятельствъ эгоистически пріобрѣтательной промышленности, вслѣдствіе множества неблагопріятныхъ соціальныхъ условій, разъединяющихъ народъ, все болѣе и болѣе ослабѣваютъ. Между тѣмъ въ нихъ есть самое здоровое, самое плодотворное зерно для реформы соціальной организаціи народнаго труда. И артельнымъ творчествомъ не оканчивается общественная зиждительная сила естественныхъ соціальныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Въ той же дикой, грубой улусной общинѣ бурятской, хотя и не развито вовсе разумно-сознательная, научно-антропологическая идея справедливости, но все-таки инстинкты естественной единокровно-родовой соціальной симпатіи породили довольно замѣчательную своеобразную организацію общиннаго суда. «Буряты раньше насъ дошли до гласнаго суда» — такъ замѣтилъ намъ одинъ умный и довольно развитый писарь Степной Думы. И точно, старинный самобытный бурятскій судъ — это, въ нѣкоторомъ отношеніи зародышъ, архаическій прототипъ современнаго гласнаго суда. (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Географическаго общества, т. V, № 3 и 4; Щаповъ, Бурятская улусная родовая община). Въ виду такихъ ясныхъ и относительно полныхъ

данныхъ объ общинномъ землевладѣніи у Бурятъ, мы можемъ назвать совершенно невѣрнымъ сообщеніе другаго наблюдателя бурятскаго быта, бросившаго между поверхностными разсказами о томъ и семъ фразу, будто «всякій данный клочекъ земли (у Бурятъ) разсматривается, какъ опредѣленная личная или семейная *собственность* (Отчетъ Сибирскаго отдѣла географическаго общества за 1868. Спб., 1869. Стр. 124 и слѣд.). Подобныя замѣтки туристовъ, приступающихъ къ наблюденіямъ безъ всякихъ знаній и съ готовымъ аршиномъ, именно и производятъ ту страшную путаницу, которою особенно поражаетъ исторія землевладѣнія.

Организація родовой пастушеской общины у якутовъ въ главныхъ основаніяхъ сходна съ бурятской. Важнѣйшія черты ея таковы:

1) Нѣсколько семействъ, происходящихъ отъ одного родоначальника и заключающихъ въ себѣ 30, 50, 70, 100 и болѣе душъ мужескаго пола составляютъ особый родъ, который называется по имени общаго родоначальника. Во главѣ каждаго такого рода стоитъ старшина. 2) Изъ нѣсколькихъ подобныхъ родовъ—двухъ, трехъ и болѣе—составляется наслегъ, заключающій въ себѣ обыкновенно отъ 100 до 1,000 душъ мужескаго пола и получающій названіе старшаго по происхожденію рода. Напримѣръ, малтанскій наслегъ называется такъ по имени старшаго изъ трехъ родовъ (малтанскаго, миганинскаго и бестянскаго), входящихъ въ его составъ. Управляющій наслегомъ назывался до 1818 г. князьцомъ, но съ этого времени князьцы были переименованы въ старшины, а наслеги стали называться родовыми управами. Якуты, однакожъ, повидимому держатся старыхъ названій, считая новыя почему то „неудобными и унизительными". Наслегъ, слѣдовательно, представляетъ союзъ родовъ. Владѣнія каждаго изъ такихъ союзовъ имѣютъ опредѣленныя границы и пространство: наслегъ представляетъ собою исключительно территоріальную единицу. Изъ нѣсколькихъ наслеговъ составляется улусъ, значеніе котораго чисто административное (Сборникъ обычнаго права, стр. 200—201) и который для насъ въ данномъ случаѣ не представляетъ интереса. Внутренняя организація наслега, напротивъ, представ-

ляетъ всѣ черты поземельной общины. Якуты, входящіе въ составъ одного наслега „живутъ не въ одномъ мѣстѣ, селеніями, но разсѣянно, разстояніемъ отъ средоточія наслега и мѣста собранія на 50, 100, 300 и 500 верстъ, да и живущіе вблизи постояннаго, на одномъ мѣстѣ, жительства не имѣютъ, а переходятъ съ одного мѣста на другое: зимой — въ тѣ мѣста, на коихъ заготовляютъ сѣно, а лѣтомъ въ тѣ, которыя обилуютъ подножнымъ кормомъ для скота. Многіе удаляются въ отдаленныя мѣста для промысловъ рыбы и звѣрей, другіе, отлучившись въ городъ для работъ—въ Охотскъ—за доставленіемъ казенныхъ тягостей остаются тамъ надолго (Сборникъ, стр. 210).

Во владѣніи и пользованіи каждаго наслега находится извѣстное пространство земли, заключающей въ себѣ: степи, поля, острова на рѣкахъ, удобные для сѣнокосовъ и пастьбы скота, составляющаго единственное имущество якутовъ, далѣе рѣки и озера, важныя для рыболовства, лѣса, богатыя звѣремъ, количество котораго, впрочемъ, изъ году въ годъ уменьшается.

Угодьями этими якуты пользуются на такихъ основаніяхъ:

1) Звѣриные промыслы якуты могутъ производить на всемъ пространствѣ занимаемой ими территоріи „свободно, безъ всякаго препятствія, какъ со стороны тунгусовъ, такъ и между собою“;

2) на всемъ пространствѣ наслега всѣ якуты, входящіе въ его составъ „пользуются рыбными и звѣриными промыслами невозбранно, не расчитывая того, что таковыя угодья состоятъ въ участкѣ одного или нѣсколькихъ человѣкъ изъ родниковъ“,

3) якуты стороннихъ наслеговъ не имѣютъ права безъ дозволенія мѣстныхъ жителей промышлять въ чужихъ владѣніяхъ рыбу и звѣрей „исключая того, что мимоходомъ или мимоѣздомъ могутъ стрѣлять птицъ и звѣрей, ловить лѣсныхъ птицъ, ставить морды и сѣти для рыбы на пропитаніе“. Это, такъ сказать, одинъ изъ видовъ гостепріимства, такъ сильно распространеннаго у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Но постоянныхъ промысловъ безъ позволенія жителей наслега сторонніе производить не могутъ, въ противномъ случаѣ у нихъ отби-

рается половина добычи натурою или деньгами, по цѣнѣ звѣря или рыбы, въ пользу наслежниковъ. Брать звѣря или птицу изъ чужихъ сѣтей или морды, рыболовушки и петли считается, разумѣется, воровствомъ. За помощь при охотѣ за звѣремъ, помогавшій получаетъ часть добычи или денежной стоимости ея, смотря по размѣру оказанной помощи. Такимъ образомъ, по отношенію къ этимъ угодьямъ во всей силѣ господствуетъ право перваго захвата. Способы пользованія сѣнокосами отличаются отъ принятыхъ въ русскихъ деревняхъ тѣмъ, что за единицу распредѣленія принимается у якутовъ не душа, а въ одныхъ наслегахъ количество ясаковъ, въ другихъ количество поборовъ вообще, что объясняется вліяніемъ фискальной системы. Въ первомъ случаѣ на оклады соболиные кладется въ однихъ наслегахъ по 12 и 9, въ другихъ по 6 остожьевъ, на лисичные оклады въ одномъ по 4, въ другихъ по 2 остожья (остожьями называются сѣнокосныя мѣста, на которыхъ становится отъ 8 до 13 саженъ сѣна). Вообще число остожьевъ на окладъ зависитъ отъ количества сѣнокосной земли, поступающей въ раздѣлъ. Въ соболиномъ окладѣ иногда состоитъ одинъ наслежникъ, иногда болѣе: два, три, и въ послѣднемъ случаѣ сѣно дѣлится поровну. Полосы, положенныя въ лисичный окладъ, дѣлятся всегда лишь на двѣ части. Въ нѣкоторыхъ наслегахъ якуты, какъ при разверсткѣ поборовъ и ясаковъ, такъ и по отношенію къ пользованію землей дѣлятся на 4 или 5 разрядовъ. Къ первому разряду причисляются богатые, имѣющіе до ста скотинъ, ко второму „посредственно-богатые“, къ третьему „имѣющіе большой достатокъ“, къ четвертому имѣющіе средства „пропитывать себя безбѣдно“ и къ пятому „бѣдные“. Соотвѣтственно этому дѣлятся и покосы. Съ какого времени вмѣсто потребностей и силъ семьи принята мѣрой участія въ общинной земли платежная способность сказать нельзя, хотя очевидно, что подобное измѣненіе могло явиться лишь послѣ подчиненія якутовъ Москвѣ.

Не смотря на такую неравномѣрность раздѣла угодій въ якутской скотоводческой общинѣ, рѣзко отличающей ее отъ русской земледѣльческой общины, „раздѣломъ, чинимымъ такимъ порядкомъ, всѣ якуты бываютъ довольны“. Такая нерав-

номѣрность можетъ быть поддерживается отчасти и самимъ родовымъ бытомъ. Вліяніе родоваго быта обнаруживается также въ томъ, что „при раздѣлѣ покосовъ уважается древность владѣнія, такъ какъ оныя переходятъ отъ отца къ сыну и т. д., въ томъ количествѣ, въ какомъ предки владѣли". Въ случаѣ поврежденія наслѣдственныхъ покосовъ отъ затопленія водой или другихъ причинъ взамѣнъ ихъ даются соотвѣтствующіе участки въ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно, при такомъ порядкѣ имѣютъ въ виду достигнуть лучшаго обезпеченія личнаго труда. Однакожъ, въ случаѣ необходимости надѣленія другихъ членовъ общины при возрастаніи населенія наслега, количество такихъ наслѣдственныхъ паевъ уменьшается, равно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣднѣвшіе владѣльцы будутъ не въ состояніи отправлять общественныхъ повинностей сообразно количеству покосовъ.

Вдовы и вообще одинокія женщины пользуются паями сѣнокосной земли лишь въ томъ случаѣ, если при нихъ находятся родныя или воспитываемыя дѣти, и если они отъ лица своихъ питомцевъ исправно платятъ ясаки и отбываютъ повинности. Въ противномъ случаѣ участки отбираются. Бездѣтнымъ же вовсе не дается земли. Отсутствіе правильной помощи женщинамъ и дѣтямъ составляетъ слабую сторону обычной общины. Но можетъ быть и это явленіе обязано своимъ происхожденіемъ косвенному вліянію тягловаго начала, оказавшаго такое сильное вліяніе на всѣ стороны общиннаго быта.

Далѣе, каждый владѣлецъ вправѣ, съ вѣдома и дозволенія родовыхъ начальниковъ, отдать свою долю въ общинныхъ покосахъ „своимъ и другимъ разнаго званія людямъ въ кортомъ или залогъ на урочное время, но не далѣе, однакожъ, четырехъ лѣтъ; въ этомъ случаѣ никакого препятствія не бываетъ и не должно быть, потому что многіе симъ способомъ оплачиваютъ подати и повинности, въ случаѣ же несостоятельности владѣльца въ платежѣ податей и повинностей, мѣста поступаютъ въ распоряженіе наслега; потомъ, владѣющій мѣстами за кортомъ или по залогу, предварительно зимой или весной, гораздо прежде наступленія времени къ сѣнокосу, из-

вѣщается и долгъ свой, если мѣста въ залогѣ, получаетъ отъ должника, не дѣлая никакого притязанія наслегу".

Подобно тому, какъ у бурятъ, здѣсь каждый хозяинъ обязанъ огородить покосы своего участка для предупрежденія потравы сѣна скотомъ до уборки. Пастбищами, носящими у якутовъ названія лѣтниковъ, пользуются здѣсь слѣдующимъ образомъ:

1) ими могутъ пользоваться исключительно только члены одной общины—наслега: якуты стороннихъ наслеговъ безъ позволенія мѣстныхъ жителей жить на нихъ съ своимъ скотомъ не имѣютъ права;

2) Никто изъ членовъ наслега не можетъ устроивать на лѣтникахъ „огороди" для скота,—„подскотины"—подъ опасеніемъ выговора „при наслежномъ обществѣ" и разрушенія городьбы;

3) на лѣтникахъ, островахъ и лѣсныхъ урочищахъ каждому роднику, во владѣніи своего наслега не запрещается „съ вѣдома и дозволенія родоначальниковъ и родниковъ, расчищая лѣса, осушая болота, выпущая озера, устроивать покосы и городить оные, а потомъ по совершенномъ улучшеніи въ вознагражденіе трудовъ и убытковъ, на улучшеніе тѣхъ мѣстъ употребленныхъ, пользоваться безъ участія прочихъ родниковъ десять лѣтъ". Это уваженіе къ личному труду, которое противниками общины обыкновенно отрицается въ ней, свойственно общинѣ, очевидно, на всѣхъ стадіяхъ развитія. Но община всегда весьма точно указываетъ мѣру вознагражденія этого труда, сообразуясь съ общепринятой въ данное время нормой его цѣнности.

4) Каждый улусъ, какъ мы сказали, составляетъ отдѣльную административную единицу, наслегъ—союзъ общинъ. Но смежные улусы и наслеги не препятствуютъ другъ другу въ свободной пастьбѣ скота на пастбищахъ „потому что неудобно и невозможно цѣлыя владѣнія каждаго наслега обвести городьбой" (Самоквасовъ, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ). Но, какъ сказано, община не есть только поземельный союзъ. Она представляетъ болѣе сложное явленіе и имѣетъ цѣлію вообще обезпеченіе своимъ членамъ возможно-

сти къ равному существованію, поддержаніе общаго благосостоянія на одинаковомъ уровнѣ. Распредѣленіе земли представляетъ лишь частный случай, лишь одно изъ многочисленныхъ проявленій міровоззрѣнія, свойственнаго народамъ, живущимъ общиннымъ бытомъ. Гостепріимство, взаимная помощь въ несчастіяхъ и трудныхъ случаяхъ жизни вообще составляютъ такія же непремѣнныя явленія общинной жизни. Въ настоящее время, впрочемъ, даже у пастушескихъ народовъ первобытныя отношенія значительно измѣнились и смѣсь новаго съ старымъ привела въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ довольно нелѣпымъ результатамъ. Формы сохранились, но содержаніе ихъ совершенно иное, прежніе обычаи остались теперь лишь въ видѣ пустыхъ, мертвыхъ обрядовъ, удерживаемыхъ по традиціи, освященной религіей, и одинаково тягостныхъ для всѣхъ. Возьмемъ, напримѣръ, гостепріимство — явленіе распространенное среди всѣхъ нецивилизованныхъ народовъ и важное значеніе котораго въ быту этихъ трудно оцѣнить въ достаточной степени. У якутовъ оно развито въ неменьшей степени, чѣмъ и у другихъ народовъ. Каждый хозяинъ при посредственномъ состояніи готовъ принять въ домъ свой безпомощнаго, больнаго и безпріютнаго сироту и оказать ему возможное пособіе. Каждаго почтеннаго гостя хозяинъ считаетъ обязанностью дарить какою нибудь вещью. Прежде это было взаимное нравственное обязательство, не стѣсненное никакими правилами относительно мѣры гостепріимства. Но теперь каждый гость непремѣнно долженъ отдарить равноцѣнной вещью. И въ судебныхъ мѣстахъ Якутска весьма часто разбираются иски по поводу разсчетовъ за гостепріимство (Журналъ Мин. Внутре[illegible] Дѣлъ, 1854, № 7, якуты). Въ болѣе глухихъ, отдаленныхъ мѣстахъ прежнія отношенія сохранились, конечно, въ большей чистотѣ. Одну изъ такихъ глухихъ мѣстностей представляетъ Жиганскій улусъ Верхоянскаго округа Якутской области [1]). Племена, населяющія Жиганскій улусъ: русскіе, якуты и тунгусы. Но, по физіономіи, образу жизни, языку и нравамъ здѣшнихъ рус-

---

[1]) За[illegible] Сиб. Отд. Географ. Общ. 1856. I. Описаніе Жиганскаго улуса, Хитров[illegible] стр. 66—67.

скихъ и тунгусовъ слѣдуетъ причислить къ якутамъ: такъ во всемъ слились они съ этими послѣдними.

Изъ всѣхъ мѣстностей якутской области этотъ край отличается наибольшею простотою нравовъ, искренностью и добросовѣстностью жителей. „Въ лѣтнюю пору всѣ перечисленныя племена, по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, кочуютъ съ своими стадами оленей по болотистымъ и обнаженнымъ тундрамъ близь береговъ Ледовитаго моря и питаются продуктами промысла дикихъ оленей. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ и тамъ подстрѣлены ими олени. Тотчасъ добычу привозятъ въ таборъ, и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому-нибудь одному. По туземному, этотъ даръ называется *нимать*. Въ правѣ наниматъ соблюдается очередь, на которую не претендуетъ только самъ промышленникъ. Такимъ образомъ, убьетъ ли онъ въ теченіе лѣта 100 штукъ, или одну, польза для него одинакова, т. е., онъ не получаетъ себѣ ничего и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на то. Такой обычай основанъ у туземцевъ на тѣхъ понятіяхъ о промыслѣ божіемъ, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не собственнымъ искусствомъ, а по соизволенію божію, и не для себя, а для всѣхъ вообще, и если бы промышленникъ началъ споръ о томъ, то долженъ навсегда лишиться таланта въ охотѣ. Звѣри будутъ убѣгать его, глазъ измѣнять ему, и самое оружіе лишится своей силы. Другой, не менѣе оригинальный обычай существуетъ между туземцами—помогать единоплеменникамъ. Случается, что волки нападаютъ на стадо оленей, истребляютъ его на повалъ, и бѣднякъ якутъ или тунгусъ, среди безпредѣльныхъ и безжизненныхъ тундръ, подвергается опасности умереть отъ голода и холода. При первой возможности, онъ обращается къ своимъ родовичамъ съ просьбою о помощи. Они ему тотчасъ же даютъ до тридцати оленей, и бѣднякъ живетъ опять своимъ домомъ и въ своей семьѣ. Священникъ Хитровъ, разсказъ котораго приводимъ мы здѣсь, зналъ одного якута получившаго такія

пособія три года сряду (Записки Сибир. Отд. Географич. Общ. 1856, I, Описаніе Жиганскаго улуса).

Среди сибирскихъ инородцевъ можно наблюдать чрезвычайно интересное явленіе, именно переходъ кочевой пастушеской общины къ осѣдло-земледѣльческой. Изслѣдованіе этого явленія особенно важно для объясненія многихъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи русской общины. Собственно процессъ измѣненія въ культурѣ мы изложимъ по возможности въ общихъ чертахъ. Пастушеское хозяйство замѣняется земледѣліемъ повсюду чрезвычайно медленно. Нужно достаточно сильное измѣненіе въотношеніи населенія къ количеству средствъ пропитанія, доставляемаго стадами, чтобы заставить его приняться за обработку почвы, и земледѣліе входитъ въ планъ жизни сначала лишь какъ побочная, второстепенная вѣтвь хозяйства. Недостатокъ орудій, отсутствіе знаній и искусства въ обработкѣ почвы должны увеличивать и безъ того значительный при первобытномъ земледѣліи рискъ: опасеніе неурожая должно было, какъ и гдѣ только это было возможно, держаться скотоводства, какъ главнаго источника средствъ къ существованію. Притомъ же земледѣліе требуетъ привычки къ постоянному тяжелому труду, которой не на чѣмъ было развить въ себѣ скотоводу. На первыхъ порахъ, вслѣдствіе того, должны были обработываться лишь наиболѣе плодородныя мѣста, которыя послѣ истощенія замѣнялись другими. Пахатное поле также переходило по степи, какъ и его хозяинъ. Лишь съ того момента, когда кочевое племя дѣлается осѣдлымъ, центръ тяжести переносится на земледѣліе, которое мало по малу начинаетъ производиться постоянно на ближайшей къ [illegible]адьбѣ землѣ. Какія измѣненія въ поземельныхъ отношеніяхъ ведетъ за собой прогрессъ культуры? Справедливо ли общепринятое мнѣніе, будто этотъ прогрессъ съ каждымъ шагомъ необходимо долженъ расширять права личности относительно пользованія землей, пока наконецъ, не выработается свободная и совершенно независимая индивидуальная собственность? Исторія общиннаго землевладѣнія съ перваго взгляда ставитъ, повидимому [illegible]ое мнѣніе внѣ сомнѣнія. При кочевой жизни вся земля нахо[illegible] въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ. Съ разселе-

ніемъ по деревнямъ или дворамъ усадьба и ближайшая къ усадьбѣ земля исключается изъ общаго раздѣла и поступаетъ въ постоянное пользованіе извѣстнаго члена общины. Втеченіи времени удлиняются сроки передѣловъ и остальной земли. Но, было бы совершенно несправедливо думать, что за этимъ удлиненіемъ естественно должно слѣдовать уничтоженіе передѣловъ на подворные участки, округленіе этихъ послѣднихъ, и вообще возникновеніе права собственности. Ходъ историческаго развитія поземельныхъ отношеній въ Германіи, который имѣлъ въ виду Кейсслеръ (Zur Geschichto und Kritik des bäulrlichen Gemeindebesitzes in Russland, Riga, 1876) поддерживая это мнѣніе, вовсе не можетъ быть признанъ нормальнымъ и рѣшающимъ дѣло, такъ какъ извѣстно, что онъ обусловливался не развитіемъ самой общины, а совершенно внѣшними условіями. (См. мой „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи"). Какъ бы ни измѣнялась форма общины, ея основная черта—обезпеченіе каждому равнаго права на землю остается неизмѣннымъ. Реализація же этого права можетъ, конечно, осуществляться различнымъ образомъ, но переходъ къ порядку, исключающему такое право, очевидно не можетъ совершиться безъ насилія ни при какихъ культурныхъ условіяхъ. Г. Кейсслеръ повидимому и самъ сознавалъ это, иначе ему не для чего было бы прибѣгать для подтвержденія своей мысли къ такого р[illegible] предположеніямъ, будто въ человѣкѣ существуетъ сильное стремленіе къ господству, выражающееся въ потребности, съ одной стороны освободить свою личность отъ власти общины и семьи, съ другой—достигнуть возможно неограниченной власти [illegible]ъ внѣшней природой. Къ сожалѣнію онъ подобно своим[illegible]едшественникамъ Чичерину и др., не привелъ никакихъ доказа[illegible]льствъ присутствія «въ груди человѣка» этой роковой страсти, [illegible]акъ что трудно его опровергать. Но все, что мы знаемъ о милліонахъ людей, занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ, нисколько не обнаруживаетъ въ нихъ такого стремленія къ господству во что бы то ни стало. Сотни, тысячи лѣтъ живутъ эти люди, не только не обнаруживая желанія избавиться отъ общины, но и оказывая дѣятельное сопротивленіе всяки[illegible]пыткамъ такого рода извнѣ, и, что еще важнѣе, посто[illegible]риспособ-

ляя свою историческую наслѣдственную форму быта къ новымъ условіямъ. Осѣдло-инородческая община представляетъ одинъ изъ примѣровъ такого сознательнаго приложенія общиннаго принципа къ новымъ отношеніямъ. «На Ленѣ, говоритъ Щаповъ (по рѣкамъ Кудѣ, Ленѣ, Манзуркѣ и Ангѣ), какъ въ русско-крестьянскихъ, такъ и *осѣдло-инородческихъ* селеніяхъ сохраняется принципъ общиннаго землевладѣнія, хотя при обширномъ, даже чрезмѣрномъ, сравнительно съ населенностью края многоземельи, принципъ этотъ пока еще не можетъ оказывать ощутительнаго, прямаго вліянія на благосостояніе крестьянъ. И ленскія крестьянскія общины хотя не сознаютъ, не понимаютъ вполнѣ отчетливо начала общиннаго землевладѣнія, но все-таки, однакожъ, инстинктивно берегутъ его, какъ священное начало, чувствуютъ всю его существенную многозначительность въ своихъ общинно-юридическихъ правахъ на землю. «Земля, говорятъ ленскіе крестьяне, ничья, а божья, да государственная, общественная, мірская». Но какъ земли въ ленскомъ краю, говорятъ, необъятное множество, то крестьяне въ каждой общинѣ обыкновенно захватываютъ и распахиваютъ пашни столько, сколько хотятъ и могутъ. Этой распаханной землей они и *владѣютъ пожизненно*; передаютъ ее своимъ дѣтямъ, могутъ даже продавать или отдавать въ кортому на разные сроки, но, впрочемъ, самое большее только лѣтъ на 40. Умираетъ какой нибудь общинный землевладѣлецъ, оставляетъ въ пустошахъ примѣрно десятинъ 30, 40 и болѣе распаханной имъ земли, если наслѣдники его, дѣти, не живутъ въ общинѣ, гдѣ жилъ ихъ отецъ, не пашутъ отцовскихъ пустошей, то ихъ можетъ безпрепятственно *пахать* и *засѣвать* всякій другой общинникъ, кто только захочетъ и сколько захочетъ и можетъ, лишь бы онъ принадлежалъ къ той же общинѣ, къ которой принадлежитъ и земля. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ ангинской общинѣ (по рѣкѣ Ангѣ, впадающей въ Лену) многія пашни, особенно распаханныя нѣкогда въ количествѣ болѣе 30 или 40 десятинъ богатымъ дьячкомъ ангинской церкви — изстаринно родовымъ членомъ общины, заброшенныя сыномъ, перебывали въ послѣднія пять-

десять лѣтъ уже въ нѣсколькихъ крестьянскихъ рукахъ, какъ пашни общественныя.

И не только пашни на поляхъ, но и усадебныя мѣста въ слободѣ или селеніи также считаются общинными. Если, напримѣръ, какой нибудь членъ общины умираетъ, не оставляя послѣ себя принадлежащихъ къ крестьянской общинѣ наслѣдниковъ своего дома и прилежащей къ нему усадьбы, утуга, огорода, гуменнаго или заоградняго баннаго мѣста (вдали отъ дома, напримѣръ, въ саженяхъ 30 или 40 и болѣе), то сосѣдъ общинникъ нужную ему часть усадебной земли прихватываетъ себѣ, не испрашивая изволенія занять ее у наслѣдниковъ умершаго сообщника, вышедшихъ изъ общины,—захватываетъ ее полноправно, безпрепятственно со стороны общины, какъ часть земли общинной, и слѣдовательно ему принадлежащей наравнѣ съ другими общинниками, какъ полномочному или равноправному члену общины. Какъ пашни и усадебныя мѣста, такъ и покосы и пастбища или поскотины также общинныя. Въ пашняхъ на Ленѣ не бываетъ общинныхъ передѣловъ, такъ какъ хлѣбопахатной земли тамъ еще необъятный просторъ, и система „залоговъ, полная возможность безпрепятственной распашки въ хребтахъ какого угодно количества десятинъ новой земли еще устраняетъ необходимость передѣловъ. Но покосы при наибольшей ограниченности луговъ и другихъ расчищенныхъ сѣнокосныхъ угодій ежегодно (около 20 числа іюля) дѣлятся между общинниками по жеребьямъ на, такъ называемыя, „рукавицы“ или пай въ разныхъ лугахъ для соблюденія безпристрастія и справедливости въ личномъ пользованіи хорошимъ или худымъ покоснымъ участкомъ. По уборѣ сѣна съ покосовъ въ остожья, когда отворяются ворота общественной загороди, охраняющей луга отъ скота, покосныя луга каждаго селенія становятся общими пастбищами для скота всѣхъ сосѣднихъ прилежащихъ деревень. Степныя поскотины также общинныя. У Манзурской слободской общины покосы и обширная поскотинная степь общія съ 6—10 прилежащими сосѣдними деревнями: съ Сѣдовской и Подпручинской заимками, съ деревнями Кардукомъ и Аргуномъ, съ селеніями Копыловыхъ, Полосковыхъ и другихъ. У

ангинской слободской общины поскотина общая съ Тарайскимъ селеніемъ, съ Заимкой Ангинской слободы и съ нѣкоторыми мелкими выселками: Кожевниковскими, Рыжковыми и пр. Наконецъ, во многихъ селахъ и деревняхъ при частныхъ утугахъ есть еще и общинныя телятники. Такъ, напримѣръ, въ Усть-Ордынской общинѣ (при рѣкѣ Кудѣ) при частныхъ утугахъ есть общинный телятникъ, хотя весьма небольшой, всего только около $1^1/_2$ десятины. Въ Ользоновскомъ (осѣдло-инородческомъ селеніи) тоже есть общинный телятникъ десятины въ 4 или болѣе. Въ Ангинской слободѣ, при существованіи у каждаго крестьянина особаго частнаго утуга, есть тоже и общинный телятникъ, простирающійся по берегу рѣки Анги, между Слободой и Зарѣчьемъ, десятинъ въ 5 или 6. Вообще въ рѣдкихъ ленскихъ деревняхъ нѣтъ общинныхъ телятниковъ (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Географическаго общества, Т. VI, № 3. Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ, А. Щапова, стр, 97 и слѣд.). Какъ ни не полно это описаніе, но и по заключающимся въ немъ даннымъ не трудно узнать въ осѣдло-инородческихъ селеніяхъ тотъ же типъ общинной организаціи, который, какъ я старался доказать въ своемъ „Очеркѣ исторія сельской общины на сѣверѣ Россіи", составлялъ первую исторически-извѣстную форму русской земледѣльческой общины, названную мною тамъ „волостной общиной". Теперь можно съ достаточною вѣроятностью утверждать, что этотъ типъ общины характеризуетъ время перехода отъ пастушескаго быта къ земледѣльскому, такъ какъ осѣдлые инородцы находятся именно въ этомъ переходномъ состояніи и, что волостная община представляетъ первую форму общинной организаціи, изъ которой потомъ вслѣдствіе измѣненій соціально-экономическихъ условій развились другіе типы ея. Но прежде, чѣмъ перейти къ исторіи русской общины, я для полноты очерка поземельныхъ отношеній инородцевъ, приведу здѣсь еще нѣкоторыя данныя—едва ли это не все, что имѣется въ литературѣ — о пользованіи землей и угодьями у тунгусовъ и лопарей. Первые, преимущественно, звѣроловы, вторые рыболовы.

Наблюдатель надъ бытомъ тунгусовъ, описаніемъ котораго

намъ приходится пользоваться (Львовъ, о звѣроловствѣ Забайкальскаго края. Журналъ Министерства Государственныхъ имуществъ, часть XXXIII, 1849; 4) сходится съ Альквистомъ и Альбертомъ въ томъ отношеніи, что представляетъ тунгусовъ, подобно вогуламъ и самоѣдамъ, наслѣдственными владѣльцами, и повидимому, также несправедливо, какъ и тѣ.

«Бродячіе тунгусы говоритъ Львовъ, удержали издавна за собою какое-то право на владѣніе лѣсами, гдѣ они производятъ звѣриные промыслы; хотя всѣ лѣса и земли въ Сибири составляютъ принадлежность государственныхъ имуществъ, но каждый тунгусъ наслѣдственно владѣетъ своимъ урочищемъ или рѣкою, и уже постороннее лицо не можетъ промышлять въ семъ урочищѣ. Это право они оградили собственными законами, за нарушеніе коихъ виновные подвергаются строгому наказанію; напримѣръ, въ случаѣ улова соболя въ чужомъ урочищѣ, промышленникъ не имѣетъ права продать его на базарѣ, не объявивъ о томъ первоначально хозяину этого урочища, съ которымъ онъ дѣлитъ барышъ пополамъ; если же промышленникъ утаитъ добычу свою, что случается, впрочемъ, весьма рѣдко, какъ утверждаютъ баргузинскіе жители, то по общественному приговору, онъ обязывается уплатить за нее втрое болѣе. Скрыть же отъ хозяина соболя ему довольно трудно, потому что всякій тунгусъ узнаетъ соболей своего урочища по масти, или какъ они выражаются по водѣ. Если соболь перебѣжитъ за границы одного урочища въ другое сосѣдственное, то тунгусъ, хозяинъ перваго, обязывается также объявить о томъ своему сосѣду, удѣляя и въ этомъ случаѣ извѣстную долю изъ товара, вырученнаго за звѣря. Тунгусъ, можно сказать, воспитываетъ соболя; онъ бьетъ только достигшаго извѣстнаго возраста, а молодаго бережетъ“. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, (Сибирскій вѣстникъ, 1822, часть XX: забайлальскіе тунгусы, 57—59), что тунгусы раздѣляются на поколѣнія, а эти на племена или роды. Невѣроятно, чтобы члены одного и того же рода не были связаны между собой общиннымъ владѣніемъ землей—это противорѣчило бы всему, что извѣстно объ этихъ союзахъ, — тѣмъ болѣе невѣроятно, что тунгусы отличаются большою наклонностью къ

артели и способностью организовать общія предпріятія. Возьмемъ, напримѣръ, охотничьи артели. Самый главный промыселъ тунгусовъ — бѣлкованіе [1]). Осень, начиная съ Покрова, считается самымъ лучшимъ для этого временемъ, потому что тогда бѣлка покрыта уже густою, пушистою шерстью и къ тому же удивительно распложается. Она бываетъ сама-тридцать. Къ Николину дню промышленникъ возвращается домой. Удачный промыселъ окупаетъ не только ясакъ и всѣ повинности: бережливый хозяинъ продовольствуется имъ круглый годъ. Такимъ образомъ, осень для ясачнаго инородца самое важное время въ году, имѣющее вліяніе и на порядокъ его домашней жизни. За мѣсяцъ уже начинаются приготовленія къ промыслу. Прежде всего промышленники, сговорясь между собою, составляютъ артели, отъ 4 до 5 человѣкъ. Очень рѣдко случается, чтобы въ отдаленныя мѣста отправлялся одинъ человѣкъ. *Вся добыча раздѣляется между ними поровну,* и тогда хозяинъ посылаетъ отъ себя одного или нѣсколькихъ работниковъ, присовокупляетъ ихъ къ артели, снабжаетъ припасами и выдѣляетъ имъ часть изъ добычи. Въ каждой артели одинъ долженъ знать хорошо избранную мѣстность и назначается вожатымъ; тотъ-же, кто не такъ мѣтко стрѣляетъ или идетъ въ первый разъ на промыслы, или-же, что считается за самое важное въ промыслахъ, неудаченъ, назначается кочевникомъ. Его дѣло состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за вещами и лошадьми. Прійдя на мѣсто, указанное вожатымъ, остаются на ночлегъ (обыкновенно ночлеги назначаются отъ пади до пади, отъ 5—10 верстъ другъ отъ друга), кочевникъ разгребаетъ снѣгъ, раскладываетъ огонь, варитъ пищу, рубитъ дрова и сучья, таскаетъ ихъ на таборъ и устраиваетъ плетень для промышленниковъ. Товарищи, возвратясь къ вечеру, уже находятъ въ готовности мясо и чай. На слѣдующее утро вожатый назначаетъ, когда и гдѣ остановиться, послѣ чего всѣ расходятся по своимъ избраннымъ лѣсамъ, не перебивая однакожъ, другъ друга; вслѣдъ за ними отправляется кочевникъ на указанное вожатымъ мѣсто.

[1]) Вѣстникъ Императорскаго русскаго географическаго общества 1857 г.: третіе путешествіе по долинѣ рѣки Нерчи поручика Усольцева, 103—106.

Артельные товарищи, сговорясь между собою, заранѣе назначаютъ для промысловъ главное мѣсто, скрывая это отъ другихъ, чтобы тѣ не могли предупредить, и, прійдя прежде, перестрѣлять бѣлку. Смотря по отдаленности мѣста и продолжительности времени, расчитываютъ количество припасовъ, назначая, какіе именно и сколько должно взять каждому; къ этому времени покупается корова и держится во дворѣ. Сельская жизнь принимаетъ тогда совершенно другой видъ. Всякое постороннее дѣло бросается, и разговоръ о предстоящемъ путешествіи становится общимъ: вездѣ, у всякаго одинъ вопросъ: кто съ кѣмъ сговаривается идти, въ какія мѣста, кто будетъ удачнѣе въ промыслахъ? Словомъ, вниманіе и дѣятельность каждаго устремлены на одинъ предметъ. Въ дому не менѣе того измѣняется жизнь: женщины заготовляютъ припасы и сухари, пекутъ калачи, шьютъ, чинятъ, снаряжаютъ промышленника, который въ это время исключительно занятъ своими приготовленіями: чиститъ и приводитъ въ порядокъ винтовку, заготовляетъ сумы и вещи, необходимыя для охотника и путешественника, хлопочетъ о собакахъ. Недѣли за двѣ передъ отправленіемъ собираются деньги для закупки пороха и свинца.

Голова отъ каждаго инородческаго рода отправляется въ городъ закупать требуемое количество и раздаетъ между промышленниками. Обыкновенно полагается на одного человѣка 2 ф. пороха и отъ 2—до 3 ф. свинца (поровну). Этого количества, какъ говорятъ, слишкомъ достаточно для всей осени, и промышленники набиваютъ бѣлокъ отъ 100 до 600 штукъ. По изготовленіи всѣхъ припасовъ и охотничьихъ снарядовъ, промышленники окончательно условливаются между собою о времени выхода. Тѣ припасы, которыя идутъ въ отдаленныя мѣста, отправляются за недѣлю до Покрова, другіе же дня за два или за три. Для продолжительныхъ промысловъ, гдѣ нужно больше припасовъ, въ каждой артели есть одна или двѣ вьючныя лошади; а что не умѣстится на нихъ, то увязывается въ торокахъ и въ переметныхъ маленькихъ сумкахъ подъ сѣдломъ. Собаки ведутся на сворахъ. Ихъ у каждаго промыш-

ленника двѣ или три: одна за бѣлкою или соболемъ, а другая за лисицею и медвѣдемъ и другими звѣрями.

Снаряженная такимъ образомъ артель выступаетъ изъ селенія въ сопровожденіи родственниковъ, съ пѣснями (Усольцевъ, Путешествіе по долинѣ рѣки Нерчи).

Что касается до Лопарей, то они, не смотря на долговременное соприкосновеніе съ русскими, которое вообще было для нихъ весьма неблагопріятно, до сихъ поръ ведутъ кочевую жизнь, питаясь оленями и рыбной ловлей. Каждый лопарь три-четыре раза въ годъ и болѣе мѣняетъ мѣсто жительства. Зиму лопари проводятъ внутри страны, съ наступленіемъ весны въ апрѣлѣ переселяются изъ зимнихъ погостовъ на свои весеннія мѣста къ озерамъ и къ морю для ловли рыбы. Къ первому числу августа всѣ ѣдутъ на осеннія мѣста, гдѣ, кромѣ рыбы, промышляютъ при наступленіи зимы оленей и разныхъ пушныхъ звѣрей. На Рождество или крещенье почти всѣ собираются въ зимніе погосты. Лопари принуждены такъ бродить потому, что всѣ ихъ рѣки, озера, рѣчки, ручьи, лѣсныя ухожья, то есть, мѣста ловли птицъ и звѣрей, подѣлены между ними по родамъ съ правомъ наслѣдственнаго пользованія. Вслѣдствіе этого они и должны переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы посѣтить каждый изъ своихъ участковъ (А. Ефименко, Народные юридическіе обычаи лопарей, кореловъ и самоѣдовъ архангельской губерніи. Спб., 1878, стр. 15, 43). „Рѣки, принадлежащія одному погосту или двумъ, отдаются въ аренду, какую могутъ вырядить, съ условіемъ, чтобы взявшій рѣку въ аренду, заготовлялъ самъ лѣсъ для закола и промышлялъ рыбу своими людьми. Иногда погостъ самъ беретъ на себя обязанность заготовить лѣсъ, сдѣлать заколъ, промышлять рыбу, солить ее и потомъ уже готовую сдавать хозяину за опредѣленную плату съ пуда. Семужьи тони составляютъ также общую собственность лопарей цѣлаго погоста. Способъ пользованія семужьими тонями основывается на томъ, что доходы съ этихъ тонь, какъ съ самихъ выгодныхъ статей, предназначаются, собственно, на уплату податей и мірскихъ сборовъ, какъ сказано выше. Каждому погосту принадлежитъ неодинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; не къ

каждой тонѣ одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ (ibid., стр. 44). На значительное развитіе общинныхъ наклонностей въ лопаряхъ отчасти указываетъ ихъ способность къ исполненію работъ сообща. Изъ такихъ общинныхъ предпріятій, мы опишемъ устройство на мѣстѣ рыбной ловли забора жителями деревни Поной. Въ этой рѣкѣ имѣютъ общій ловъ нѣсколько деревень. Но заборъ устраивается жителями деревни Поноя, какъ живущими на мѣстѣ; прочіе же погосты непосредственно не участвуютъ въ его постройкѣ, а уплачиваютъ за нее деньгами по извѣстному разсчету. Всѣ участвующіе въ заборномъ ловѣ, ловятъ также поѣздами и гарвами передъ заборомъ. Для лова поѣздами необходимо быть двумъ лодкамъ съ четырьмя людьми, которые и составляютъ артель, имѣющую право на одинъ пай изъ заборнаго улова, платя 12 р. сер., или 6 съ лодки за постройку забора; эти деньги идутъ не только на вознагражденіе, но также и на покупку и доставку нужнаго для этого лѣса. Первые уловы въ заборѣ идутъ на общественные расходы и на покрытіе издержекъ по устройству забора. Затѣмъ крупная рыба продается наѣзжающимъ къ этому времени въ Поной скупщикамъ и вырученныя деньги дѣлятся поровну на каждый пай, которыхъ всего около пятидесяти. Мелкая же рыба дѣлится подушно натурою. Устройствомъ мірскаго забора заправляетъ особое выборное лицо, *заборщикъ*, къ обязанностямъ котораго принадлежитъ добываніе изъ тайниковъ, соленіе и продажа рыбы, храненіе у себя вырученныхъ денегъ и ихъ расходованіе съ общаго согласія. Заборщикъ за свой трудъ получаетъ извѣстный процентъ съ выловленной семги. (Арх. губ. вѣд., 1861 г., № 34). Озерныя тони составляютъ неотъемлемую собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ давать въ аренду безъ согласія общества или даже продать. Такихъ тоней считается 172 (Арханг. губ. вѣдомости, 1869, № 90). Тѣже поземельныя отношенія, такое же совмѣстное существованіе общинной и семейной собственности было у лопарей и въ XVI — XVII вѣкахъ

(А. Ефименко, народные юридич. обычаи лопарей, кореловъ, самоѣдовъ, стр. 65—66).

Приведенныя нами данныя относительно поземельныхъ отношеній инородцевъ доказываютъ:

1) что у всѣхъ этихъ народовъ, на какой бы ступени культуры они не находились, существуетъ сознаніе о принадлежности занимаемой ими земли всей совокупности лицъ, составляющихъ извѣстный народъ;

2) что земля эта подѣлена на части между извѣстными группами, связующимъ началомъ которыхъ служитъ въ большинствѣ случаевъ родство или, какъ кажется, иногда и сожительство на одной территоріи независимо отъ родственныхъ отношеній. Относительно звѣроловческихъ народовъ, въ виду противорѣчивости имѣющихся данныхъ, это положеніе нуждается еще въ подтвержденіи.

3) Каждая изъ такихъ группъ, называемыхъ родами, улусами, наслегами, погостами и т. п., владѣетъ доставшимся ей пространствомъ земли такимъ образомъ, что часть ея—выгоны, лѣсныя угодья—находится въ нераздѣльномъ и неограниченномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины, другая же часть, именно земля, удобная для сѣнныхъ покосовъ, пашни, усадьбы или стойбища, раздѣляется между ними на участки для болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія.

4) За единицу распредѣленія принимаются, повидимому, силы и потребности семьи. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ того, что при дѣлежѣ земли принимаются во вниманіе число работниковъ въ семьѣ, количество имѣющагося у каждой семьи скота, сумма платимаго ясака и земскихъ повинностей. При надѣленіи землей, соображаются съ мѣстностью, удобствомъ и пространствомъ распредѣляемыхъ земель (Обычное уложеніе Селенгинскихъ бурятъ § 163; Хорин. гл. 10, ст. 1; якутовъ гл. XI, § 2, ст. а; Верхол. бурятъ § 39, ст. X).

5) Такъ какъ земля принадлежитъ всей общинѣ, то, понятно, распредѣленіе ея на участки и распоряженіе ею принадлежитъ только всей общинѣ.

6) Отдѣльныя семьи имѣютъ лишь права временнаго пользованія, ограниченнаго извѣстными предѣлами и связаннаго

съ непремѣннымъ обязательствомъ отбывать повинности. Семья можетъ отдавать сѣнокосныя мѣста или другія изъ отведенныхъ ей угодьевъ, съ дозволенія родоваго начальства, въ кортому (Якутск. обычное улож., глава XI, § 2), но ни продавать, ни передавать наслѣдникамъ или женамъ, ни отдавать въ приданое дочерямъ, выходящимъ въ замужество за лицъ другой общины или другаго состоянія она, не можетъ, такъ какъ это противорѣчило бы исключительному праву общины на распоряженіе землей. Каждый владѣетъ землей пока пользуется: съ прекращеніемъ факта пользованія, прекращается и право, и покинутое стойбище вправѣ занять другой (Селенг. обыч. уложеніе § 162). Но пока онъ владѣетъ извѣстнымъ участкомъ, никто другой, безъ позволенія хозяина, не можетъ на этомъ участкѣ селиться, устраивать какое либо заведеніе или располагаться кочевьемъ (Якут. обыч. улож., гл. XI, § 2, ст. 8). Перекочевка отдѣльныхъ семействъ съ одного на другое свободное мѣсто въ предѣлахъ владѣній рода допускается по надобности (Хор. ул., гл. 12, ст. 42). Никто не можетъ ни устраивать изгородей или поскотинъ на общинныхъ пастбищахъ (Якут. ул., гл. XI, § 3, ст. 6), ни удерживать плотинами воду въ вершинахъ такихъ рѣчекъ или ключей, изъ которыхъ добываютъ воду, кочующіе по теченію ихъ (Сел. ул., § 158). Въ лѣсахъ и водахъ каждый можетъ производить промыселъ свободно и независимо, но для уравненія шансовъ онъ иногда производится цѣлымъ родомъ (аба у бурятъ, артели у тунгусовъ, лопарей, и др.). При расчистяхъ нови опредѣляется извѣстный періодъ времени для отдѣльнаго владѣнія расчистью въ видахъ вознагражденія за труды.

7) Сосѣднія общины иногда имѣютъ земли въ нераздѣльномъ пользованіи, главнымъ образомъ, въ виду невозможности ихъ размежевать.

8) По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что инородческая община старается поддерживать между своими членами одинаковую степень благосостоянія, помогая въ нуждѣ и понуждая лѣнивыхъ (Туруханскій край, Бурятская община).

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы поземельныя отношенія русскихъ славянъ въ періодъ звѣроловческой, рыболовче-

ской, пастушеской и пастушеско-земледѣльческой культуры были иныя, чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ у всѣхъ другихъ народовъ на соотвѣтствующихъ ступеняхъ развитія культуры. Жизнь первобытныхъ народовъ повсюду и во всѣ времена подчиняется въ своемъ развитіи однообразнымъ законамъ. Можно было бы доказать, если бы это не выходило изъ предѣловъ нашей задачи, всеобщность такого однообразія путемъ аналогіи всѣхъ сторонъ быта народовъ на первой ступени ихъ развитія. Формы брака и семьи, религіозныя представленія, управленіе, формы выраженія мысли — всѣ эти явленія представляются весьма сходными у различныхъ народовъ въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ земнаго шара. Въ этомъ отношеніи Русскій народъ не составляетъ исключенія и потому невѣроятно, чтобы и въ способахъ владѣнія и пользованія землей онъ не подходилъ подъ общее правило.

Напротивъ, есть полное основаніе думать, что въ доземледѣльческій періодъ общинное землевладѣніе среди русскихъ племенъ было обычной формой поземельныхъ отношеній. Въ „Очеркѣ Исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи" я старался доказать, что происхожденіе общины нельзя искать ни въ семьѣ, ни въ договорѣ, ни въ круговой порукѣ, ни въ борьбѣ съ природой и, что зародышъ ея таится въ дали доисторическихъ временъ, отъ которыхъ русскій земледѣлецъ уже унаслѣдовалъ готовыми общинные инстинкты. Въ предѣлахъ историческаго времени не могла выработаться такъ сложная и стройная форма взаимныхъ отношеній. Далѣе, русская земледѣльческая община въ той первой стадіи, которую я назвалъ волостной, представляетъ, какъ было уже сказано, поразительное сходство съ общинами пастушескихъ и пастушеско-земледѣльческихъ народовъ. Одно это уже доказываетъ, что они находятся между собою въ генетической связи.

Переходя къ исторіи русской общины, я долженъ предупредить, что до XV—XVI вѣка о ней можно найдти въ источникахъ лишь самыя не полныя и отрывочныя данныя. Но всѣ эти данныя подтверждаютъ предположеніе о существованіи общиннаго землевладѣнія, и именно въ той формѣ, которую мы нашли у другихъ народовъ, живущихъ въ одинаковыхъ куль-

турныхъ условіяхъ съ господствовавшими среди русскихъ славянъ въ началѣ исторіи. Земля принадлежала группѣ нѣсколькихъ селеній вмѣстѣ. Повидимому вервь Русской правды, имѣвшая преимущественно судебно-административное значеніе, представляла также и поземельную общину, хотя доказать это съ точностью нельзя. Но могла ли эта община, въ основѣ которой лежала идея взаимной помощи членовъ ея другъ другу, охраненіе всѣхъ важнѣйшихъ интересовъ ихъ (Очеркъ Исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 127 — 129), игнорировать экономическія отношенія своихъ членовъ? На поземельное значеніе верви, указываютъ многія черты ея. Прежде всего названіе: вервь (веревка) была въ древней Россіи мѣра длины, употребляемая для измѣренія земли. Напримѣръ: „а своего владѣнія отъ Елисара шло пять вервей, а другая пять вервей шла отъ Антона и отъ Ивана (А. Юрид., 35 стр.). Или „тое земли на три доли достанется двадцать три веревки" или: „на десять вервей сѣять шесть пудовъ жита" (А. Юр., № 23, 1571 г.). Съ другой стороны вервь особенно преслѣдуетъ всѣ нарушенія правъ на владѣніе землей. „Аже будеть розсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловлено или сѣть, то по верви искати въ собѣ татя, а любо платити продажа" (Русская Правда, Синодальный Списокъ, ст. CXXIX). Далѣе „аже кто украдеть бобръ или сѣть, или разламаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви искати татя въ себѣ, а платить продажа". Сравнивши эти положенія съ другими статьями, относящимися къ нарушенію правъ собственности, мы найдемъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось преслѣдовать нарушеніе правъ, связанныхъ съ поземельнымъ владѣніемъ, напр., если были попорчены или уничтожены борти, древо на межи, знаменіе на земли, „имъ же ловлено," бобры, сѣти въ мѣстахъ ловли и т. п., вообще, когда нарушены были права на предметы, выходящіе за предѣлы непосредственнаго личнаго владѣнія и охраненія, — то вора искали „по верви", т. е. при участіи всей общины, и, въ случаѣ его изчезновенія, вервь платила 12 гривенъ продажи. Напротивъ, если дѣло шло о кражѣ оружія, портъ, коней, скота и челяди, т. е. предметовъ личной собственности, то

община не помогала при отысканіи вора, а самъ истецъ или гналъ по слѣду вмѣстѣ съ послухами и чужими, или же отыскивалъ вора посредствомъ „свода", т. е. съ поличнымъ или предметомъ спора долженъ былъ идти за отвѣтчикомъ къ тому, отъ кого этотъ получилъ вещь, отъ этого къ третьему, пока не доберется до виновнаго (ibd. CXXIII, CXXV, CXXVI, CXXIV, CXXVII). (Поземельное значеніе верви старались выяснить Лешковъ (Народъ и государство, стр. 104—106, 110—111, 114 и слѣд.), Мстиславскій (Русская Бесѣда, XI, стр. 120), Чебышевъ-Дмитріевъ (О преступномъ дѣйствіи по русскому допетровскому праву) Раковецкій, Мацѣйовскій (Pierwotne Dzieje, стр. 223), Леонтовичъ, Ефименко и др. Оба послѣдніе изслѣдователя, однакожъ, ошибочно отождествляютъ вервь съ задругой, считая ее такимъ образомъ семейной общиной). Уставъ о земскихъ дѣлахъ, относительно степени соотвѣтствія котораго съ обычнымъ правомъ той эпохи и времени передѣлки съ греческаго оригинала, впрочемъ, еще не пришли къ окончательнымъ выводамъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько правилъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить отношенія, вытекающія изъ права общиннаго землевладѣнія. „Аще древо возращено будетъ кимъ на мѣстѣ нераздѣльнѣ, и потомъ, раздѣленію бывшу, прилучится въ иного доли древо, то бытія, да не имѣетъ области инъ, но иже возраставъ древа того; аще ли же вопіетъ осподарь мѣста того, яко обидимъ есть древомъ тѣмъ, да подастъ древо въ древо мѣсто такого жъ воспитавшему, и да не имѣетъ то", и далѣе: „аще кто живя въ селѣ и разсмотритъ мѣсто обчее приличное мѣльницы, и се доспѣетъ, и по совершеніи мѣльницы и потомъ станутъ всѣ селяне вопіюще на осподаря мѣльницы, яко обчее мѣсто за свое имѣетъ, лѣсъ и подобное ему отдадятъ проторъ, елико на мельницу испротори, и будутъ причастніи всѣ дѣлу тому; а иже раздѣленіе селища земли будетъ, обрящетъ кто въ своей долѣ мѣсто слично на сдѣланіе мельницы и потщится, о томъ не имѣетъ области иныхъ доль дѣлатели гласити о такой мельницы"; или еще: „аще раздѣленіе земли будетъ и пообидитъ кто въ жребіи ихъ, вольно порушати бывшее раздѣленіе (Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго рус-

скаго права, стр. 41, 46, 38), Здѣсь идетъ рѣчь, повидимому, о сельской общинѣ съ передѣломъ земель на „доли“ или „жребіи“. Право захвата на нераздѣленной землѣ признавалось, но если при передѣлѣ этой земли, захваченный участокъ доставался другому, то прежній пользователь обязанъ былъ уступить его, а за свои хозяйственныя труды, напримѣръ, за разведеніе деревьевъ, получалъ вознагражденіе отъ новаго пользователя. Въ случаѣ протеста общины противъ постройки мельницы на общей землѣ, владѣлецъ долженъ отдать ее общинѣ, получая отъ нея вознагражденіе за свои затраты. Но вообще до конца XV вѣка, по недостатку данныхъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности возстановить, хотя бы даже въ общихъ чертахъ древнія формы крестьянскаго землевладѣнія. Собственно и отъ этого времени до насъ дошли лишь немногіе, и при томъ же, чрезвычайно неполные и сбивчивые источники. Ни акты, ни писцовыя книги, древнѣйшая изъ которыхъ—переписная окладная книга Вотской пятины—относится къ 1495—96 годамъ, не имѣли цѣлью опредѣленіе поземельныхъ отношеній крестьянъ: первые имѣютъ судебный характеръ, вторыя служили для практическихъ цѣлей опредѣленія доходности земель и платежной способности населенія. Но и въ тѣхъ и въ другихъ можно встрѣтить, все-таки, много свѣдѣній о хозяйственныхъ условіяхъ древне-русскаго крестьянства. Деревенска Россія XV—XVI вѣка, по этимъ источникамъ, представляется раздѣленной на болѣе или менѣе значительные округи, называвшіеся въ Новгородской области погостами, въ Московской—волостями, въ Псковской—губами. Названія эти имѣли одинаковое значеніе, какъ можно заключать изъ того, что въ источникахъ онѣ нерѣдко употребляются одно вмѣсто другаго. Напримѣръ, при описаніи Холмскаго погоста 2-й половины Деревской пятины волость и погостъ употребляются, какъ однозначущія выраженія: „въ Холмской же волости, въ Лазаревскомъ стану лукинскаго десятка“, а рядомъ стоитъ „въ Холмскомъ же погостѣ въ Лазаревскомъ стану, въ заечковѣ десяткѣ“. Или: „въ Холмскомъ же погостѣ въ Кукоскомъ стану деревни“ (слѣдуетъ ихъ перечисленіе), и потомъ говорится въ

„Хольмской же волости, въ Морховскомъ стану деревни". Жители погоста называются иногда волостными людьми [1]).

Эти округи имѣютъ въ XVI вѣкѣ преимущественно судебно-административное значеніе, но весьма многія черты ихъ доказываютъ, что въ основаніи волостей и погостовъ лежало нѣкогда территоріальное начало и, что они первоначально представляли союзы погостовъ, селъ, деревень, погостовъ, вообще селеній, связанныхъ между собою общиннымъ владѣніемъ землей. Только потомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, эти группы потеряли поземельную связь и, измѣнившись въ своемъ составѣ, протяженіи и границахъ, сдѣлались почти исключительно административными дѣленіями. Въ XV—XVI вѣкѣ съ прежнимъ характеромъ они сохранились только на сѣверѣ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ остались отъ нихъ лишь обломки: каждая волость была раздѣлена на множество вотчинъ, помѣстій и входившія въ составъ ихъ деревни не имѣли въ большинствѣ случаевъ никакой связи по землѣ съ сосѣдними деревнями. Тѣмъ не менѣе даже въ центральной Россіи, гдѣ разложеніе древнихъ поземельныхъ союзовъ въ XV—XVI вѣкахъ достигло крайняго развитія, не смотря на скудость и отрывочность дошедшихъ до насъ свѣдѣній, мы встрѣчаемъ въ это время нѣкоторыя слѣды подобныхъ союзовъ, что доказываетъ ихъ повсемѣстное распространеніе въ предшествовавшую пору. Весьма вѣроятно, что происхожденіе ихъ относится къ эпохѣ первобытной колонизаціи сѣверо-востока Россіи, совершавшейся, быть можетъ, въ періодъ звѣроловческой и рыболовческой культуры колонистовъ. Но въ XV—XVI вѣкахъ волости-общины сохранились, мы сказали, исключительно на сѣверѣ. Чтобы дать понятіе о способахъ пользованія волостною землею, приведемъ въ примѣръ Тавренскую волость, о которой случайно дошло до насъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ о другихъ. Волость эта состояла изъ нѣсколькихъ деревень, (Семеновская и друг.), но волостная земля не была раздѣлена между ними (за исключеніемъ усадьбъ и полей), а находилась въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ ихъ. Ни о про-

---

[1]) Волостные люди Смолинскаго погоста (Неволинъ, приложеніе, стр. 130).

странствѣ волостныхъ владѣній, ни о количествѣ жителей нѣтъ никакихъ данныхъ, хотя съ полнымъ основаніемъ можно предполагать, что населеніе волости, относительно ея территоріи, было малочисленно. Составъ населенія тотъ же, что и во всей тогдашней Россіи: тяглые крестьяне, бобыли и безземельные (А. Юр., стр. 290). Налоговъ съ земли шло въ 1610 г. въ первую половину года „оброку дани и за данью 115 рублей 9 алтынъ 3 деньги", и кромѣ того 25 бѣлокъ, во вторую половину—114 р., 9 алтынъ, 2 деньги. Сверхъ того въ первую половину съ новоприбылыхъ оброковъ взято было 2 р., 28 алт., 2 деньги, во вторую—3 р., 9 алт., 2 деньги (А. Юр., 221 стр.). Способы пользованія различались по виду угодій: пахатная земля выдѣлялась въ отдѣльное пользованіе, остальныя угодья состояли въ нераздѣльномъ пользованіи. Поэтому, при вступленіи новаго члена въ общину точно опредѣлялся только участокъ пахатной земли. Такъ, сотскій этой волости, по согласію со всѣми крестьянами, далъ поселенцу Сидору Демидову 12 долю обжи; этотъ жеребій данъ былъ ему „со всѣми путики и съ ловищи и со всѣмъ угодьемъ, куды ходилъ топоръ и соха и коса и, что къ тому жеребью изстари потягло (ibid., стр. 194). Членъ общины могъ передать свое право другому, наприм., названный поселенецъ передалъ свою долю пахатной земли и право на участіе въ угодьяхъ другому крестьянину (195 стр.) на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ получилъ самъ. Совершенно на подобныхъ условіяхъ былъ принятъ въ волость и другой поселенецъ (200 стр.). Въ томъ и другомъ случаѣ община давала новому члену льготу отъ дани, оброку и мірскихъ разрубовъ, въ первомъ случаѣ—на 2 года, во второмъ—только на годъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ поселенецъ получилъ отъ міра полъизбы, полприруба, половину сѣнника, подклѣта и полмякинника. Въ распоряженіи своей землей міръ пользовался, какъ видно уже изъ приведенныхъ примѣровъ, полнѣйшей самостоятельностью. Порядокъ пользованія и въ другихъ волостяхъ былъ таковъ же. По одной отводной грамотѣ, старый сотскій Гороховской волости, поговоря со всѣми волостными крестьянами, отдалъ крестьянину Нестеру Малахову участокъ земли подъ починокъ, который этотъ и поста-

вилъ [1]). Пользованіе участками, кажется, не было наслѣдственнымъ, по крайней мѣрѣ для передачи его наслѣдникамъ нужно было согласіе міра. Въ той же Гороховской волости Константинъ Симонскій, вѣроятно староста, «поговоря съ сотникомъ да съ сусѣды волостными съ Гороховскими, пожаловалъ Гаврилка съ братьею Дубровою, лугомъ болоньею и деревнищами, лежавшими у той Дубровы за рѣкою и со всѣмъ тѣмъ, что къ той Дубровѣ изстари потягло», а по смерти отца волость посадила «на томъ третьемъ полѣ на деревнищахъ сына Данилку» (ibid.).

Иногда волости находили болѣе выгоднымъ отдавать свои земли посторовнимъ арендаторамъ. Такъ старосты Перѣжской волости вмѣстѣ съ крестьянами отдали монастырскому слугѣ «съ подмощики» 2 пустоши на 10 лѣтъ за извѣстную арендную плату (Доп. къ акт. историч. Т. I. № 83).

Подобно всякимъ другимъ землевладѣльцамъ общины—волости старались о расширеніи своей территоріи пріобрѣтеніемъ новыхъ земель. Цѣль такого стремленія заключалась, очевидно, въ томъ, чтобы пріобрѣсть земли въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія потребностей членовъ общины на болѣе или менѣе продолжительное время и для обезпеченія нуждъ будущихъ поколѣній. Волости увеличивали свои владѣнія или расчисткою новыхъ земель въ дикихъ поляхъ и лѣсахъ никому не принадлежащихъ, или прикупкой и вымѣномъ годныхъ участковъ у частныхъ землевладѣльцевъ. Расчистка лѣсовъ и дикихъ полей была самымъ обыкновеннымъ способомъ расширенія волостной территоріи, какъ уже можно заключить изъ обилія починковъ и выставокъ. Но прикупка и мѣна бывали также нерѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

По одной разъѣзжей грамотѣ 1555 г. «масленскіе волости староста и цѣловальники и всѣ крестьяне промѣнили деревню пустую Дудомѣхово, да деревню пустую Дыляйцово» и пр. «А которые деревни промѣнили масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцемъ... а мѣняли старци и волостные крестьяне, смотря по угодью, промежь себя полюбовно» (А. Ю. № 151; Ср. Писц. кн. Калач. II, стр. 328). Бывали

[1]) Бѣляевъ, Временникъ XI, стр. 7.

случаи даренія земель волостямъ, напр., Строгоновы подарили часть своихъ земель сосѣдней волости. Наконецъ общины иногда просто силой отнимали и присоединяли къ себѣ земли какого нибудь сосѣдняго землевладѣльца—монастыря. Крестьяне Андомской волости (въ Никольскомъ погостѣ Обонежской пятины) староста Третьякъ Жолвачовъ съ товарищами отняли „насильствомъ" половину поля у монастырской деревни Ѳилиповской на Красной горѣ и только „по сыску Великаго Князя" велѣно было „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ въ тое землю не вступатися, владѣти и пахати Спасскому игумену зъ братьею по старинѣ, а Великаго князя крестьянамъ въ тое въ монастырскую землю не вступатися (Нев. Прил. 174).

Еще съ большей заботой старались онѣ о сохраненіи земель, уже находившихся въ ихъ владѣніи. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ либо поземельныхъ нравъ, волости защищались чрезъ выборныхъ на судѣ. До насъ дошло не мало свѣдѣній о процессахъ общинъ съ нарушителями ихъ правъ: такъ, „тягался Андрейко староста залѣской и всѣ крестьяне залѣскіе съ старцемъ Касьяномъ. Такъ рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у насъ тѣ наволоки овсянниковскіе земли, Долгой да Верхней, а тѣ наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсянниковской къ тяглой къ черной изстарины." (А. Ю № 4 [1]). Иногда выигрывали общины, но въ большей части случаевъ извѣстныхъ намъ дѣло рѣшалось

---

[1]) Точно также тягались крестьяне Ликурской волости Мартынко Ларивоновъ, Ермолка Ѳедоровъ и Онцифорикъ Онтоновъ «во всѣхъ крестьнъ мѣсто Ликурскіе волости» съ Некрасомъ и Дроздомъ... митрополичьими боярскими дѣтьми. На судѣ Мартынко да Онцифорикъ сказали «жалоба намъ, господине, на того Некраса: тѣ господине, деревни и починки изстарины земли Великаго князя Ликурскіе волости тяглые наши» (А. Ю. р. № 8 (1498—1505 г.). Точно также вмѣсто крестьянъ всей Лоскомской волости тягался староста ея Оброско Кузминъ съ прикащикомъ помѣщика Злобина (А. Юр. № 9, 1503). По свѣдѣніямъ грамоты, данной Костромскимъ писцомъ Григорьемъ Романовичемъ Застольскимъ, еще неизданной, «крестьяне минскаго стану, староста Ѳролъ Понкратьевъ да Коносъ Булгаковъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Минскаго стану тагались съ митрополичнымъ посельскимъ за свои тяглыя черныя земли (грамота въ извлеченіи сообщена г. Бѣляевымъ).

не въ ихъ пользу. Нерѣдко крестьяне сами прогоняли силой пришлецовъ, захватившихъ ихъ земли или даже только сосѣдcтвія, изъ опасенія, имѣвшаго повидимому основаніе, чтобы новые сосѣди современемъ совсѣмъ не завладѣли ихъ землями. Такіе случаи разсказываются въ житіяхъ святыхъ. Такъ были прогнаны Дмитрій Прилуцкій, Стефанъ Махрищскій, Даніилъ переяславскій и Антоній Сійскій [1]). Кромѣ того, волости старались поддерживать и расширять обработку принадлежавшей имъ земли. Это стремленіе было вызвано особенностями податной

[1]) Обрѣтеся (преподобн. Дмитрій), читаемъ въ житіи Дмитрія Прилуцкаго, на пустѣ мѣстѣ, на рѣцѣ на Лежѣ и ту церковь постави Ненавидяй же добра роду человѣчю діаволъ завистникъ подстрекаетъ люди неблаговѣрныя отъ прилежащія тамо веси, Авнега зовомыя, на святопомазанную главу ропотъ велій воздвигоша, глаголюще: отче, неугодно есть тебѣ и намъ твое здѣ пребываніе. Помыслиша бо въ себѣ, яко сей велій старецъ здѣ близь насъ вселися, по малѣ же времени совладѣетъ нами и силы нашими. Святый же, слышавъ ненависть ихъ, уклоняется отъ зла. Въ житія Стефана Махрищскаго разсказывается: «подстрекаетъ (діаволъ) лукавыя человѣки на святаго, близь живущихъ монастыря—Алексѣя глаголю, и Θеодора, Ивана же и Петра, иже глаголются Юрцовскіе; часто прихожаху въ монастырь, поносяще святому и которующе и смертію претяще, аще не отъидетъ отъ монастыря. Вѣдяху бо святаго почитаема отъ человѣкъ, паче же отъ самаго самодержца и великаго князя Димитрія, и мняху себѣ, яко имать владѣти селомъ ихъ и нивами. Онъ же отходитъ съ Григоріемъ, ученикомъ своимъ, и устремляются къ сѣвернымъ странамъ». Въ житіи Даніила Переяславльскаго: «владѣющіе въ селахъ близъ монастыря того съ оружіемъ и дреколями приходяще и во оградѣ монастыря недающе инокомъ земли копати, и съ прещеніемъ, яко неволею, пророчествоваху святому, глаголюще: «почто въ нашей землѣ построилъ еси монастырь? или хощеши землями и селами нашими обладати?»—*Еже и сбыться послѣди*, замѣчаетъ жизнеописатель. Въ житіи Антонія Сійскаго разсказывается о подобномъ же случаѣ: «пришедъ на рѣку Емцу, къ Темному порогу глаголемому, и ту возлюби мѣсто то... Постави же себѣ и хижину малу и часовню устрои на уединеніе молитвенное... По времени же и церковь постави ту... и кельи устрои... Ненавидяй же добра роду человѣчю діяволъ воздвигаетъ люди неблагодарныя отъ приближающіяся тамо веси, Скорботова рекомыя... и собравшеся согнаша блаженнаго Антонія оттуда... Помыслиша бо въ себѣ яко велій сей старецъ, близь насъ вселися, по малѣ времени совладѣетъ нами и селитвы нашими. Павловъ, А., Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи (20—21).

системы, господствовавщей въ ту пору; количество налоговъ опредѣлялось по пространству воздѣланной въ моментъ описанія земли и для волости было крайне невыгодно уменьшеніе воздѣлываемаго района, напротивъ, увеличеніе его уменьшало тяжесть налоговъ для каждой отдѣльной десятины. Заботы общинъ о заселеніи своихъ земель должны были быть тѣмъ сильнѣе, что при безпрерывномъ движеніи населенія оставленіе дворовъ происходило постоянно и въ весьма широкихъ размѣрахъ. Не говоря уже о центрѣ, который былъ сплошь покрытъ пустыми деревнями, пустошами [1]) селищами, деревнищами, и на сѣверѣ количество опустѣвшихъ селеній было весьма значительно. Такъ, въ Черной волости, обонежской пятины, при 24 дер. было 13 пустыхъ деревень т. е. треть волости была пустой (Невол. Прилож. 171) Въ Андомской волости на 158 деревень жилыхъ приходилось 7 деревень пустыхъ „что были деревни" (ibid. 174) [2]). Всѣ такія пустоши снова поступали въ распоряженіе волости, которая и должна была нести за нихъ подати до новаго описанія. Съ цѣлью избавиться отъ лишнихъ тягостей, волости стараются призывать на свои земли новыхъ поселенцевъ или возвращать на старыя мѣста прежнихъ жильцовъ, давая переселенцамъ значительныя льготы. Правительство охотно поощряло такія выгодныя для него заботы общинъ, признавая за ними право „въ пустые деревни, и на пустоши, и на старыя селища крестьянъ называть и старыхъ имъ тяглецовъ изъ за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревнѣ жилъ прежде того (А. А. Э. т. I. № 234, 1552 г.)

---

[1]) Различіе между тѣми и другими состояло въ томъ, что въ пустыхъ деревняхъ еще оставались кое-какіе слѣды жилья, тогда какъ въ пустошахъ они совершенно изчезли.

[2]) Въ черной волости въ Никольскомъ погостѣ, въ Пудогѣ, той же Обон. пятины, было 130 деревень въ «живущемъ», 9 деревень пустыхъ и 50 пустошей (Неволинъ, 179). Въ Мегорскомъ погостѣ на 160 дерев. и 7 починковъ жилыхъ было 22 дер. и 2 поч. пустыхъ и 69 пустошей (ibid. 178). Въ Ильинскомъ погостѣ въ Вѣнницахъ 159 деревень да починокъ жилыхъ, 19 деревень пустыхъ и 50 пустошей (179).

Изъ приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ: во 1-хъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ въ XVI в. было общинное владѣніе землею; во 2-хъ что оно было организовано по другому типу, чѣмъ теперь, именно земля принадлежала не отдѣльной деревнѣ, а цѣлому союзу нхъ, образовавшему одну волость, и въ 3-хъ пользованіе землею различалось смотря по виду угодья: пахатная земля обработывалась отдѣльно каждымъ дворомъ, пастбища и угодья находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи. За недостаткомъ источниковъ нѣтъ возможности опредѣлить подробностей способовъ землепользованія и только по аналогіи съ современными порядками на сѣверѣ Россіи можно составить о нихъ нѣкоторое понятіе, какъ это и будетъ показано далѣе. Какъ мы сказали, есть основаніе предполагать, что волостная община въ древнѣйшую пору представляла повсемѣстную форму поземельныхъ отношеній. Даже въ XVI вѣкѣ въ центральныхъ уѣздахъ Московскаго государства сохранились по мѣстамъ ясные слѣды такихъ поземельныхъ союзовъ въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ группъ селеній, имѣвшихъ въ общемъ пользованія въ однихъ случаяхъ пастбища, въ другихъ—лѣсъ, рыбныя и другія угодья, а также, иногда луга, въ третьихъ наконецъ всю землю, за исключеніемъ усадьбы и пашни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается и общественная запашка напримѣръ въ Дмитровскомъ у. Но это случаи исключительные: обыкновенно же пашня находилась въ подворномъ пользованіи. Роль общины заключалась относительно этихъ земель лишь въ наиболѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ пропорціонально силамъ каждаго двора. Весьма рѣдко также упоминаются случаи, когда нѣсколько деревень пользовались сообща лугами (Писц. кн., изд. географическимъ обществ. подъ редакціей Калачева I. стр. 488, II, 133, 132; I. 859, 861—62; II, 336, 1160, 1162, 1168, 1169; Писц. кн. Вотской пятины, стр. 298. Нѣкоторыя изъ указанныхъ здѣсь мѣстъ приведены и въ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи", стр. 72—73). Гораздо болѣе удобствъ представляетъ нераздѣльное пользованіе пастбищами, которое сохранялось часто даже между деревнями, расположенными

на земляхъ разныхъ владѣльцевъ. Въ 1555 году крестьяне Альменской волости 18 деревень разныхъ владѣльцевъ: княжихъ, монастырскихъ и церковныхъ, имѣвшія общія поскотинныя земли, тягались за нихъ съ Дмитріемъ Нефедовымъ, оттородившимъ эти поскотины къ своей землѣ (Акты отн. до юрид. б. древ. Россіи, стр. 217).

Въ писцовыхъ книгахъ всего чаще описываются группы селеній съ нераздѣльнымъ пользованіемъ лѣсомъ (Акты Юр. № 6; Писц. книг. изд. Калач. I. 429, 461; II, 37, 1157, 1161, 1166, 1164, 1475 и пр.; I, 411, 889, 525, 529; II, 245, 132; I, 794, 791, 562, 575, 662, 688, 905, 908, 283; Неволинъ, О пятинахъ, приложеніе, стр. 154, 143, 161. Нѣкоторые примѣры приведены въ Очеркѣ ист. сельской общины, стр. 73—75).

Точно также озера, рѣки съ рыбными ловлями, служившими однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованія въ ту пору, весьма часто находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи цѣлыхъ волостей или менѣе значительныхъ группъ селеній (Неволинъ, о пятинахъ и погостахъ, стр. 141, 161, 150, 156, 380, 293, 296, 284, 176, 178; Писцов. книги Дер. пят. II. 701; Писц. кн. Вотской пят., стр. 311; Неволинъ, приложеніе, 206).

Иногда волость, считая почему либо невыгоднымъ для себя пользоваться угодьемъ, уступала его сосѣднему землевладѣльцу, который обязывался вносить и оброкъ за право пользованія имъ. „Нюхчане и Выгозерцы, крестьяне царя и Великаго Князя, сступилися“ (Соловецкому монастырю) принадлежащую имъ ловлю „потому что та ловля отъ ихъ волостей отошла далече“ (Неволинъ приложеніе стр. 169). При описаніи помѣстій, угодья приписываются не къ помѣщичьимъ землямъ и не каждой деревни отдѣльно, а къ цѣлому помѣстью или къ двумъ-тремъ деревнямъ: „А угодья у тое волости въ 5 озерѣхъ участокъ и рыбная ловля... 5 дней осенью ловили рыбу намѣстничьи посыльные (Неволинъ, стр. 54)“. А угодья тое волости участокъ въ озерѣ Килѣ (53). „А угодья у тое волостки рыбная ловля въ 4 озерахъ... а ловятъ въ нихъ рыбу всякую бѣлую всякою ловлею.“ „А пожни у нихъ у моря

у одного озера и 2 рѣкъ (Неволинъ, приложеніе 54. Ср. 52. стр. Писц. кн. Вотской пят. 311 стр., писц. кн., изд. Калач. I, 865. Ср. 800, 808, 870 и др.).

Также нерѣдки были случаи общаго нераздѣльнаго пользованія бортными ухожаями, волоками, перевозами, мѣстами охоты, рудными залежами и разными мелкими угодьями. (Писц. кн. изд. Калачева, I, 865; II, 310; Неволинъ, Прилож. 176, 52; Писц. кн. Вотской пят. 540, 529, 536, 547; Писц. кн. Калач., II, 129. Подробности см. въ „Очеркѣ исторіи сельской общины“, стр. 76—77).

Погосты Новгородской области и губы Псковской, соотвѣтствовавшіе по своему административному значенію волостямъ Московскихъ уѣздовъ, имѣли первоначально территоріальную основу. Слѣды поземельной связи поселковъ, входившихъ въ ихъ составъ, находимъ еще въ XV — XVI вѣкахъ. (Очеркъ исторіи сельской общ., стр. 77).

Стремленіе организоваться въ подобные поземельные союзы было такъ сильно въ ту пору, что даже поселенія чисто военныя образовали между собою поземельные союзы (ibid., стр. 77). Общинное пользованіе землями нѣсколькими деревнями въ Тверскомъ уѣздѣ было въ 1540 году настолько повсемѣстномъ явленіемъ, что великіе князья отдавая свои угодья крестьянамъ разныхъ деревень предоставляли имъ самимъ распредѣлять ихъ между собою: „сѣна у села у Едимонова и у деревень 566 копенъ, лѣсу, кустарю и пороснику 42 десят.; и дано на выть середней земли по 7 десятинъ, а худой земли по 8 десятинъ. Сѣна крестьянамъ дано на живущіе выти по 34 коп., лѣсу крестьянамъ дано на выть по 2 десятины съ полудесятиной (Писц. кн., изд. Калач., II, стр. 320; ср. стр. 325, 327, 330). Сельчане и деревенщики должны были уже сами разверстывать между собою, какъ угодья, такъ и повинности за нихъ (ibid., стр. 335). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что первоначальнымъ типомъ русской общины повсюду была *волостная община*. Подъ этимъ словомъ, мы разумѣемъ вообще группу селеній, владѣющихъ сообща извѣстнымъ пространствомъ земли независимо отъ количества и величины поселковъ, входящихъ въ составъ этой группы, равно какъ и ихъ взаимнаго отно-

шенія. Но волостная община, понимаемая въ такомъ смыслѣ, очевидно должна была представлять сообразно способу образованія, почвеннымъ условіямъ, отношенію пространства къ населенію и другимъ условіямъ многочисленныя видоизмѣненія. Въ однихъ случаяхъ земля принадлежала дѣйствительно цѣлой волости, въ другихъ группѣ поселковъ, изъ которыхъ одно, называемое селомъ, сельцомъ, было главнымъ, а остальные къ нему тянули, какъ къ центру, въ третьемъ—нѣсколько деревень одни безъ центральнаго села или сельца образовали общину. Далѣе внутри волостной общины могли быть союзы нѣсколькихъ поселковъ, соединенныхъ между собою общиннымъ пользованіемъ какою либо частью угодій, въ которомъ не участвовали остальныя селенія. Наконецъ, двѣ волостныя общины состояли иногда въ федеративной связи другъ съ другомъ. Впрочемъ, по сохранившимся источникамъ, нельзя возстановить во всей полнотѣ волостной общины. Источники эти, писцовыя книги и акты, относятся къ тому времени, когда разрушеніе волостныхъ общинъ было въ большинствѣ мѣстностей совершившимся фактомъ, когда деревни были или описаны на князя или розданы монастырямъ и служилымъ людямъ, причемъ на поземельную связь этихъ деревень не обращалось никакого вниманія. Остается прибѣгнуть къ аналогіи. На окраинахъ Россіи, подобныя волостныя общины существуютъ и до сихъ поръ: мы встрѣчаемъ ихъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ земляхъ казацкихъ войскъ и въ Сибири (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, гл. XI), но они сохранились также кое-гдѣ и въ центрѣ. Для уясненія организаціи древняго общиннаго владѣнія приведемъ здѣсь описаніе одной современной волостной общины, именно Городищенской (Устюжскаго уѣзда Вологодской губ.), хотя описаніе это, отличающееся чрезвычайной неполнотой и неясностью, и не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ данномъ случаѣ. «Городищенская волость, говоритъ г. Остроумовъ (Наблюденія надъ поземельными отношеніями крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ, Вологодской губ. Матеріалы для общиннаго землевладѣнія. Молва 1876, № 31) заключаетъ въ себѣ около 2,000 душъ; растянута на очень большой площади,

которая имѣетъ верстъ 30, а въ длину можетъ быть и болѣе (если представить пространство, ею занимаемое четыреугольною площадью). Впрочемъ, наши крестьяне почти что не знаютъ и границъ своимъ владѣніямъ, такъ какъ до другихъ волостей и селеній будетъ гдѣ верстъ 20, гдѣ 30 и т. д. Лѣсные крестьяне разсуждаютъ такъ: мѣста для занятій много, слѣдовательно, кому гдѣ любо, тамъ тотъ и работай, а потому неудивительно, что иной крестьянинъ заберется въ такія дебри лѣсныя, куда рѣдко проникаетъ духъ человѣческій, и тамъ рубитъ новину или расчищаетъ сѣнокосъ, а другой старается найти мѣсто для занятій гдѣ нибудь поближе къ жилью человѣческому. Землю считаютъ просто-на-просто Божіею; не ставятъ на каждомъ клочкѣ ярлыка, что вотъ эта площадь принадлежитъ тому-то, а эта тому-то. Конечно, если говорить съ крестьянами о воздѣланной землѣ, то каждый скажетъ, что эта земля крестьянская, и въ частности укажетъ, наконецъ, на такое-то лицо, что оно владѣетъ ею; напр., что эта дерюга (полянка) принадлежитъ Ивану, а эта Петру и т. д.; или напр., эта пожня макарьинская, т. е., что покосъ этотъ принадлежитъ деревнѣ Макарьиной. Земля, вообще, по понятіямъ нашихъ крестьянъ, принадлежитъ Богу и міру, и затѣмъ уже ею только пользуются отдѣльныя деревни, или же частныя лица. Что касается пахатной земли, то она по отношенію къ пользованію, бываетъ двухъ родовъ: 1) земля, которая передѣляется во время ревизіи между крестьянами, и которою владѣетъ община — это тѣ трехпольныя пашни, которыя окружаютъ извѣстную деревню, и 2) земля, которая не передѣляется во время ревизій и состоитъ изъ обработанныхъ клочковъ земли, за полями и по паствѣ, вдали отъ деревни; эта земля остается, по большей части, въ частномъ владѣніи. Земля перваго рода черезъ два года на третій унавоживается и принадлежитъ по времени обработки ея къ старымъ, между тѣмъ какъ дерюги и дерюжки существуютъ не долго, скоро запускаются и зарастаютъ лѣсомъ. Хозяинъ подобной дерюжки, запустивши ее, старается отыскать подходящее мѣсто для новой дерюги, такъ что подобнаго рода пашни являются, по большей части, странствующими съ одного мѣста

на другое, и почти всегда остаются въ частномъ владѣніи. При какихъ условіяхъ подобныя дерюги могутъ присоединиться къ общимъ пашнямъ? Вотъ вопросъ, который постараемся теперь разсмотрѣть. Извѣстно, что чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ земля становится неплодороднѣе, болѣе требуетъ труда со стороны крестьянина для того, чтобы сдѣлать ее годной для обработки. Въ большинствѣ случаевъ, земля эта покрыта лѣсомъ, крупнымъ или мелкимъ, такъ что до обработки почвы приходится еще ее расчищать; расчищенное такимъ образомъ пространство земли истощается и требуетъ уже на третій, четвертый годъ унаваживанія; но при маломъ количествѣ скота, у крестьянъ подобныя вновь разчищенныя полянки-дерюги, по необходимости, весьма часто остаются безъ навоза, скоро пустѣютъ и бросаются крестьянами. Но, такъ какъ трудъ на распахиваніе и унавоживаніе такихъ дерюгъ положенъ единолично каждымъ крестьяниномъ, то общинѣ отбирать у крестьянина эту дерюгу было-бы несправедливо по понятіямъ крестьянъ. Если же имѣется въ виду дерюга старая, которая уже окупилась владѣльцу ея, тогда община можетъ пустить ее въ передѣлъ, т. е. присовокупить къ тѣмъ землямъ, которыя находятся въ общемъ владѣніи извѣстной деревни, и которыя при увеличеніи членовъ ея, неизбѣжно уменьшились. Кромѣ того можетъ быть еще и такой случай, что извѣстная дерюга находится невдалекѣ отъ деревни и у крестьянина въ обыкновенномъ полѣ, передѣляемомъ во время ревизіи, надѣлъ очень не великъ, а скота достаточно, и если у крестьянина эта дерюга порядочнаго размѣра, и кромѣ того неподалеку отъ нея находится другая, которая появилась на свѣтъ, благодаря его же трудамъ, тогда такой крестьянинъ строитъ около этихъ дерюгъ домъ со всѣми службами, слѣдовательно выселяется изъ деревни, въ которой жилъ ранѣе, и основываетъ новую деревню поселюкъ, выставку, и пока не наступила ревизія, пользуется тѣмъ надѣломъ, который данъ ему, какъ общиннику прежней деревни; при ревизіи же обыкновенно лишается его въ пользу метрополіи—общины и надѣляется тѣми дерюгами, которыя лежатъ около его двора. Значитъ возникаетъ зачатокъ новой общины—выставка, которая можетъ со временемъ

выросги съ деревню—отдѣльную общину, благодаря размноженію только выселившагося семейства, или же отъ присоединенія другихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ какой нибудь ближайшей деревни. Если эта выставка находится вблизи другой какой нибудь деревни, то можетъ впослѣдствіи поступить въ общій передѣлъ съ землей ея. У насъ нельзя встрѣтить рѣзкаго разграниченія между полями одной деревни и другой, особенно въ деревняхъ небольшаго размѣра (домовъ 5 — 10). Болѣе часто практикуемое отношеніе къ частнымъ дерюгамъ состоитъ въ томъ, что ближайшія къ полямъ дерюги, на которыя обыкновенно возится навозъ, присоединяются во время ревизіи, или по усмотрѣнію общинниковъ, когда это окажется нужнымъ, къ общимъ полямъ и идутъ въ передѣлъ, а большая часть дерюгъ остается въ частномъ владѣніи на неопредѣленное время. Община наша въ поземельномъ отношеніи не совпадаетъ съ общиною и ея подраздѣленіями въ административномъ отношеніи; въ одномъ случаѣ общиною можетъ быть деревня, въ другомъ волость и т. д. Если вглядѣться поближе въ крестьянскія отношенія по землѣ, то придется рѣшить вопросъ такимъ образомъ: общество по землѣ будутъ составлять всѣ селенія, которыя лежатъ вблизи другъ къ другу; и такъ какъ селенія наши представляются оазисами среди дремучихъ лѣсовъ, то, слѣдовательно, и община будетъ этотъ оазисъ. У насъ, напримѣръ, есть деревня, которая удалена отъ нашего оазиса на 20 верстъ и въ позельномъ отношеніи она образуетъ особую общину, хотя по административному дѣленію тянетъ къ нашей волости, а по церковному — къ двумъ приходскимъ церквамъ. Передѣлъ земель равномѣрно между жителями по душамъ распространенъ сравнительно слабо и практикуется только въ распредѣленіи пахатныхъ земель, да и то не всѣхъ, а только тѣхъ, которыя лежатъ около самыхъ деревень и притомъ состоятъ изъ земель старинныхъ, удобренныхъ и безпорочно выслужившихъ службу первому воздѣлывателю. Далѣе, въ передѣлъ идутъ еще хорошіе луга, лежащіе по рѣкамъ, въ полѣ, подъ полями, однимъ словомъ, тѣ луга, которые у насъ рѣдки и даютъ хорошую траву; передѣляется только то, что окупило труды перваго воздѣлыва-

теля и что также находится въ ограниченномъ количествѣ; передѣляются удобренныя пашни и заливные, приносящіе хорошую траву, луга. Тамъ, гдѣ бываетъ трудно раздѣлить землю (лугъ) на полоски равнаго качества по душамъ, особенно, когда лугъ небольшаго объема, а приходится дѣлить его между многими, то крестьяне, преимущественно большихъ деревень (10—30 дворовъ), порѣшили не дѣлить землю, а дѣлить сѣно, что, конечно, гораздо удобнѣе, чѣмъ вырѣзывать аршинные клочки, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ. Обработка при этомъ бываетъ общинная, т. е. сѣно дѣлится по душамъ, косцовъ бываетъ столько, сколько душъ-владѣтелей, или въ два раза болѣе, или въ половину, какъ удобнѣе. При этомъ временномъ общемъ трудѣ не установляется никакихъ начальниковъ, даже нѣтъ никакого нȁбольшаго, какой бываетъ напримѣръ, въ артеляхъ для другихъ занятій, въ видѣ старосты и подрядчика, а всѣ рабочіе равны; и если гдѣ нужно руководство, то, понятно, тутъ и руководителей можетъ явиться не мало, и притомъ изъ пожилыхъ опытныхъ домохозяевъ, которые, напримѣръ, вымѣриваютъ промежки, гдѣ кладется сѣно. Земли пахатныя, состоящія изъ дерюгъ и дерюжекъ и находящіяся въ частномъ владѣніи домохозяевъ, могутъ при нѣкоторыхъ условіяхъ, переходить въ разрядъ земли общей, передѣляемой при ревизіи; напр., когда подобныя дерюги, старыя по времени, удобряются хозяиномъ, и лежатъ около полей, или же вблизи деревень, или же дерюги бываютъ обращены въ трехпольныя пашни въ томъ случаѣ, когда хозяинъ ихъ переселяется съ прежняго мѣста на мѣсто около дерюги, и такимъ образомъ, кладетъ основаніе новой деревни. Пользованіе всѣми другими угодьями, какъ-то новочистными пожнями, лѣсомъ для новинъ и новинокъ и другихъ надобностей, опредѣляетъ первый захватъ: кому гдѣ удалось и гдѣ удобнѣе показалось вырубить новину, или что нибудь подобное, тотъ тому и хозяинъ; впрочемъ, и тутъ иногда бываетъ нѣкоторый порядокъ". Пастбища находятся въ нераздѣльномъ и неограниченномъ пользованіи: „земли, отведенной для пастьбы скота, нѣтъ, если подъ этимъ разумѣть какое нибудь опредѣленное мѣсто, имѣющее извѣстныя границы; а весь скотъ, исключая развѣ только коровъ,

можетъ гулять, гдѣ заблагоразсудится, и иногда, напримѣръ, лошадь уходитъ верстъ за 20—30». «Иной хозяинъ не видитъ цѣлое лѣто своей овцы или барана; только коровъ пригоняютъ домой каждый день, а лошади берутся тогда, когда онѣ понадобятся для какой нибудь работы». «Впрочемъ, какъ будто существуетъ мѣсто, въ родѣ выгона — это паства со стороны лѣса, отдѣленная гдѣ огородомъ, гдѣ просто засѣкою, т. е. позаленными въ извѣстномъ направленіи крупными деревьями». «Выгоны не распредѣляются между общинами, какъ пашня и луга; они обыкновенно состоятъ изъ пустой и незанятой никѣмъ земли; слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ все, что окружаетъ извѣстную волость или общество, или деревню; а потому и пользованіе ими не ограничено никакими правилами. Засѣки дѣлаются только тогда, когда въ лѣсу окажется не смирно, что значитъ, что медвѣдь прибралъ штукъ пять, шесть коровъ. А остальной скотъ, какъ-то: лошади, овцы, свиньи, уже съ самой весны, когда зеленѣетъ трава, отпускаются бродить по произволу; а потому на лошадей и на коровъ навязываются довольно порядочнаго объема колокола; овцы пятнаются (т. е. дѣлаются, напр., зарубки на ногахъ и т. п.) чтобы по этимъ примѣтамъ отыскать свой скотъ, когда онъ понадобится хозяину».

Волостныя общины сохранились кое гдѣ и въ центрѣ. Я встрѣчалъ ихъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Хатунская волость Серпуховскаго уѣзда имѣетъ 383 десятины заливныхъ луговъ. „Луга эти находятся въ полной собственности всей волости и въ ея общемъ пользованіи. Въ старину ѣздила сюда косить вся волость, мужики жили съ женами и дѣтьми въ шалашахъ во все время покоса, но это „веселое время“ миновало: теперь сюда ѣздятъ только одни съемщики или арендаторы“. (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Томъ второй, стр. 56). Въ Ярославской губерніи, по сообщенію Е. И. Якушкина, такихъ волостныхъ общинъ нѣсколько: таковы въ Рыбинскомъ уѣздѣ, Николокормская волость (90 селеній) и Погорѣльская (50 селеній). Но такое совпаденіе волости и поземельной общины представляется, по его словамъ, въ средней поло-

сѣ Россіи явленіемъ, сравнительно съ окраинами, рѣдкимъ, такъ какъ границы волостей здѣсь часто мѣнялись вслѣдствіе различныхъ административныхъ соображеній, особенно послѣ 1867 года, когда слились управленія государственныхъ и временнообязанныхъ крестьянъ. Въ той же Ярославской губерніи встрѣчаются земли, принадлежащія болѣе или менѣе значительной группѣ селеній. Земли передѣляются между селеніями или періодически (отъ ревизіи до ревизіи) или чрезъ неопредѣленные сроки, т. е. пока міръ не признаетъ нужнымъ произвести новый передѣлъ. Во все продолженіе времени между двумя передѣлами каждое селеніе пользуется отдѣльно пашнею, а иногда всѣми другими угодьями; но очень часто покосы и выгоны находятся въ общинномъ пользованіи всѣхъ селеній. Лѣсъ остается постоянно въ общинномъ пользованіи. Подобныя общины часто состоятъ изъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ и даже волостямъ. Въ общинномъ владѣніи въ такихъ случаяхъ состоятъ преимущественно покосы и выгоны. Такъ, напр., въ Городищенской волости, Ярославскаго уѣзда, многія селенія, принадлежащія къ разнымъ обществамъ, а до 1867 года принадлежавшія и къ разнымъ волостямъ, владѣютъ общими сѣнокосами. Такое владѣніе въ Ярославской губерніи, какъ можно убѣдиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, произошло, по словамъ Е. И. Якушкина, вслѣдствіе принудительнаго нарушенія общиннаго нераздѣльнаго владѣнія землею подобными союзами селеній: 1) чрезъ раздѣлъ имѣнія между наслѣдниками, причемъ сѣнокосы и выгоны, неудобные для раздѣла, остались въ общинномъ владѣніи, прочая же земля была окончательно раздѣлена между наслѣдниками; 2) черезъ продажу части земли. По приговорамъ же сходовъ въ Ярославской губ. не было, насколько извѣстно, ни одного случая окончательнаго раздѣла земли между такими селеніями. Подобный раздѣлъ былъ произведенъ въ Землѣ войска Донскаго, но и тамъ причинъ его надо искать преимущественно въ административныхъ распоряженіяхъ.

Что касается до поземельныхъ отношеній селеній въ древне-русскихъ волостныхъ общинахъ, то тамъ, кажется, деревни были болѣе независимы въ пользованіи своими участками. О

передѣлахъ между деревнями нигдѣ не говорится. Напротивъ, земля каждой деревни представляла опредѣленную площадь съ неизмѣнными границами. На это указываютъ выраженія въ родѣ: что къ той деревнѣ изстари потягло, куда ходилъ топоръ, коса и соха. (Ак. юрид., № 175, 187). Но, конечно это не значитъ, какъ полагаетъ Лешковъ, что деревни составляютъ самостоятельныя общины съ правомъ распоряженія землей. Въ тѣхъ же актахъ весьма часто упоминаются случаи, когда выборные той или другой волостной общины, являвшіеся на судъ „во всѣхъ крестьянъ мѣсто волости", ведутъ тяжбы за тѣ или другія деревни, доказывая что эти деревни принадлежатъ ихъ волости (примѣры см. выше). Деревня составляла часть общины и большая ея самостоятельность, сравнительно съ деревнями въ Ярославской губ., объясняется обиліемъ земли и незначительностью населенія. Въ сѣверныхъ губерніяхъ подобныя отношенія мы встрѣчаемъ и въ настоящее время. Деревни, при подсѣчномъ хозяйствѣ, основываются далеко другъ отъ друга, земли достаточно для каждой деревни вблизи, и потому нѣтъ надобности волости ограничивать права отдѣльныхъ селеній. Обиліе земли, незначительность населенія, способы хозяйства и разселенія имѣли своимъ послѣдствіемъ также отсутствіе въ древней Россіи какихъ либо ограниченій правъ отдѣльной личности. Крестьянинъ въ древней Россіи пользовался своимъ участкомъ не только въ продолженіе всей своей жизни, но могъ передавать его и наслѣднику, конечно, съ обязательствомъ отбывать всѣ связанныя съ землей повинности, сдавать въ аренду, закладывать и уступать („продавать") право пользованія другому. Относительно обработки земли, онъ былъ также независимъ: онъ могъ воздѣлывать ее, какъ находилъ удобнѣе: одну часть вспахать, другую пустить подъ пастьбище, третью оставить на долгое время въ залогѣ, четвертую огородить для огорода и т. д. Въ его хозяйственныя работы община не вмѣшивалась, онъ былъ полнымъ хозяиномъ своего участка (пока земли было много). Такое самостоятельное положеніе крестьянина и послужило основаніемъ для мнѣнія Чичерина и его приверженцевъ, что въ древней Россіи община не имѣла никакихъ правъ надъ землей своихъ членовъ и что тогда, слѣ-

довательно, не было общиннаго землевладѣнія, Въ такую же ошибку впали въ Олонецкой губерніи, межевые чины по выдачѣ владѣнныхъ записей государственнымъ крестьянамъ (Л—шъ, Сельская община въ Олонецкой губерніи, Отечественныя записки 1874, № 2), равно какъ и чиновники, составлявшіе владѣнные записи въ Вятской губерніи, признавшіе всѣ лѣсныя расчистки, сдѣланныя отдѣльными домохозяевами и находившіяся въ ихъ пользованіи, состоящими не въ общинномъ, а въ участковомъ владѣніи. Между тѣмъ, въ Олонецкой губ., напр., по словамъ Л—ша, община, міръ значитъ для крестьянина—*все*. Крестьяне говорили ему, что „если бы „общество“ захотѣло отобрать у крестьянина участокъ, то могло бы сдѣлать это свободно, и что никто не сталъ бы противорѣчить этому“. Слово продавать вовсе не имѣло того значенія въ древней Россіи, какъ теперь. Бывали случаи продажъ жребія и при передѣлкахъ земли, какъ то и дѣло встрѣчаются они и теперь, но это значитъ, что уступалось лишь право на пользованіе долей, которая должна достаться продавцу „по общинному измѣренію“ (Бѣляевъ, крестьяне на Руси).

Что касается до способа пользованія общинною землею, то повидимому въ многоземельныхъ волостныхъ общинахъ господствовало право захвата, т. е. каждому члену общины предоставлялось пользоваться землею, никѣмъ незанятою, гдѣ и въ какомъ количествѣ онъ хочетъ. Такой способъ пользованія господствуетъ и въ настоящее время въ мѣстностяхъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ съ существовавшими въ древней Россіи, напр. въ Олонецкой, Вологодской губ. (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, гл. XI), а также въ Сибири. Здѣсь земля совсѣмъ не поступаетъ въ раздѣлъ; каждый пользуется обработаннымъ имъ участкомъ—и дѣлаетъ расчистки на незанятыхъ никѣмъ мѣстахъ, гдѣ и сколько хочетъ (Газета Сибирь, 1877, 20). При такой свободѣ захвата общинной земли, часть ея остается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ общины. Въ Тобольской губерніи, по даннымъ собраннымъ Е. И. Якушкинымъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земли много, и каждому предоставляется пользованіе ею, гдѣ кто хочетъ,

земли окружающія селенія и назначенныя для пастьбы скота (поскотины) находятся въ общемъ пользованіи всего селенія, и не могутъ быть заняты отдѣльными лицами въ исключительное ихъ пользованіе (свѣдѣніе это относится къ 1853 году.). Точно также и въ Кубанской области юртовыя земли не раздѣляются на участки, а только мѣста ближайшія къ усадьбамъ отводятся подъ общее пастьбище; затѣмъ хлѣбопашество и сѣнокошеніе на станичныхъ земляхъ производятся каждымъ хозяиномъ по своему усмотрѣнію, гдѣ онъ найдетъ удобнымъ (Памятная книжка Кубанской области на 1875 г.). Въ иныхъ мѣстностяхъ въ одной части общинной земли предоставляется каждому члену общины свободное пользованіе, между тѣмъ какъ другая часть передѣляется періодически между всѣми общинниками. Въ Николаевской станицѣ Терскаго казачьяго войска участки, назначенные станичнымъ сходомъ подъ посѣвъ, дѣлятся между всѣми казаками, имѣющими не менѣе 17 лѣтъ отъ роду. Затѣмъ, каждый казакъ имѣетъ право обработывать земли сколько можетъ во всѣхъ лощинахъ, кругахъ и другихъ незанятыхъ и малоудобныхъ мѣстахъ. Такая свобода пользованія называется *вольницею*. Въ Галашевской и Фельдмаршальской станицахъ лучшія сѣнокосы дѣлятся между казаками, а худшіе на склонахъ горы и въ ложбинахъ могутъ коситься каждымъ безъ всякаго ограниченія. Въ Ессентукской станицѣ каждому казаку предоставляется распахивать столько земли, сколько онъ хочетъ. По господствующему обычаю, каждый заблаговременно выбираетъ себѣ пахатные участки и обводитъ плугомъ ихъ границы, въ знакъ того, что эти участки уже заняты. Въ той же станицѣ лучшіе сѣнокосы дѣлятся на паи, а худшіе предоставляются въ вольное пользованіе каждаго (Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго войска, стр. 25, 57, 84, 117 и 118. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ, 1878 г., т. IV). Въ Городищенской волости Устюжскаго уѣзда Вологодской губерніи, ближайшая къ селеніямъ пахатная земля распахивается каждымъ свободно (Молва, 1876; 31. Остроумовъ). Въ Юкавскомъ сельскомъ обществѣ Лодейнопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи трехпольныя пашни и часть сѣнокосовъ передѣляются по приговору

сходовъ; остальною землею никѣмъ незанятою, можетъ пользоваться каждый, принадлежащій къ обществу, сколько и гдѣ хочетъ (Отеч. записки, 1874, 2; статья Л — ша). Въ землѣ Уральскаго войска изъ вольнаго пользованія изъятъ только лѣсъ (Представленіе военнаго министра въ государственный совѣтъ 31 окт. 1875 г., № 1291). Напротивъ того въ Сибири, за исключеніемъ Курганскаго округа Тобольской губерніи, лѣса предоставлены въ вольное пользованіе каждаго, а пашни и сѣнокосы во многихъ мѣстностяхъ передѣляются по приговорамъ сходовъ (Газета Сибирь, 1877, 20. Общинное землевладѣніе въ Сибири). Въ Казанской станицѣ Донскаго войска, еще недавно отъ свободнаго пользованія изъяты были только луговые сѣнокосы (Тимощенковъ. Труды областнаго войска Донскаго статистическаго комитета, 1874, 2; стр, 146).

Бываютъ случаи, что земля, изъятая изъ свободнаго пользованія, вновь предоставляется для вольнаго захвата. Въ Галашевской станицѣ Терскаго войска пахатную землю дѣлили прежде на паи по числу казаковъ, имѣвшихъ не менѣе 17 лѣтъ, но вслѣдствіе неурожаевъ и незначительной величины паевъ, приговоромъ схода вновь введена *вольница*, т. е. свободная распашка земли каждымъ станичникомъ въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ пожелаетъ (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, 1878; т. IV; Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго казачьяго войска, стр. 48).

Что касается до права вольнаго захвата, то въ сѣверныхъ губерніяхъ оно не ограничено почти никакими стѣсненіями въ интересахъ общины: каждый можетъ распахивать, косить, гдѣ и сколько хочетъ, но вѣроятно, всегда, лишь въ размѣрахъ своихъ потребностей и силъ (Молва, 1876, № 31; Остроумовъ; Отечеств. Записки, 1874, 2, Л—шъ; Древняя и новая Россія, 1876, № 10. Потанинъ, Никольскій уѣздъ, Вологодской губерніи. Haxttausen, Studien über die innern Zustände Russlands, Bd. I, p. 228, 237, 240 — 242, 262, 297, 300; II, 290). Какъ кажется, такая же неограниченная свобода пользованія существовала и въ древней Россіи: починки основывались каждымъ совершенно независимо отъ общины. Въ казацкихъ общинахъ нашего времени, напротивъ, вольное пользованіе подчинено

нѣкоторымъ ограничительнымъ правиламъ. Въ Галашевской станицѣ Терскаго войска, на правой сторонѣ р. Ассы до 1876 года была вольница, но съ слѣдующими ограниченіями: 1) здѣсь никто не имѣлъ права косить ранѣе срока опредѣленнаго сходомъ; 2) впродолженіе извѣстнаго времени, заранѣе назначеннаго сходомъ, казачьи семьи могли косить только собственными силами, безъ наемныхъ работниковъ; 3) затѣмъ наступалъ второй срокъ, когда можно было нанимать работниковъ, но число ихъ не должно было превосходить числа отбывныхъ душъ въ семействѣ (отбывными душами называются казаки, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ отъ роду). По истеченіи этого срока предоставлялось каждому право нанимать работниковъ безъ ограниченія ихъ числа и наступала полная вольница. Ограниченія эти имѣли цѣлью оградить недостаточныхъ членовъ общины и тѣ семьи, работники которыхъ, занятые службой не могли участвовать въ сѣнокошеніи (Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Статистическіе матеріалы для изученія быта Терскаго войска, стр. 49). Въ Казанской станицѣ во время свободнаго пользованія землею, участки, распаханные другими можно было занять не ранѣе, какъ на пятый годъ послѣ первоначальной ихъ распашки, если хозяинъ не вспашетъ ихъ вновь. Къ поставленному въ полѣ гумну запрещено было припахивать ближе 50 саженъ (Тимощенковъ, Донскія областныя вѣдомости, 1872, 43. Относительно права пользованія и ограниченій его въ землѣ Уральскаго войска будетъ сказано подробно далѣе). Срокъ, впродолженіи котораго лица, занявшія участки въ незанятой землѣ, имѣютъ право пользоваться ею, не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаковъ. Въ Городищенской волости, Устюжскаго уѣзда Вологодской губ., дерюги (расчистки въ лѣсу), расчищенныя отдѣльными домохозяевами, не отбираются отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не вознаградится трудъ, употребленный на расчистку; старыя же дерюги присоединяются къ общимъ полямъ, какъ только общество признаетъ это нужнымъ (Молва, 1876, № 31). Тоже принято и въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи (Древняя и новая Россія, 1876, № 10. Потанинъ, Никольскій уѣздъ). Въ другихъ мѣстахъ, какъ напр. въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Олонецкой

губерніи сѣнокосы, расчищенные отдѣльными домохозяевами остаются обыкновенно въ ихъ пользованіи впродолженіи 40 лѣтъ (этотъ срокъ былъ указанъ закономъ для казенныхъ крестьянъ, хотя законъ допускалъ назначеніе міромъ и другихъ сроковъ по обоюдному согласію съ занявшимъ землю. Общ. сводъ постановленій о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, по продолженію къ ст. 432, примѣчаніе). Но по приговору сельскаго схода они могутъ быть передѣлены и ранѣе 40 лѣтъ. (Л—шъ). Въ Сибири общества опредѣляютъ иногда срокъ пользованія пашнею, поднятою на свободныхъ земляхъ отдѣльнымъ домохозяиномъ. Этотъ срокъ бываетъ отъ 20 до 90 лѣтъ (Газета Сибирь. Общинное землевладѣніе въ Сибири, 1877; 21).

Если читатель обратитъ вниманіе на порядокъ, въ которомъ расположены приведенныя выше данныя относительно современной волостной общины, то онъ замѣтитъ въ немъ извѣстную послѣдовательность въ направленіи перехода этой общины въ деревенскую. Нераздѣльное и неограниченное пользованіе землей съ постепеннымъ измѣненіемъ въ цѣнности земли, обусловливаемой возрастаніемъ плотности населенія и размѣровъ поселковъ, уступаетъ мало по малу мѣсто общинному землепользованію съ передѣлами и большему ограниченію хозяйственной свободы личности въ интересахъ равенства всѣхъ членовъ общины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ данныя эти не подтверждаютъ предположенія, будто бы волостная община предоставленная сама себѣ, можетъ или даже должна разрушиться вслѣдствіе слабой внутренней связи составляющихъ ее частей. Какъ бы ни была ничтожна цѣнность земли, какъ бы далеко поселки ни лежали другъ отъ друга, и какъ бы мало поводовъ и случаевъ ни имѣла община вмѣшиваться въ отношенія отдѣльныхъ членовъ другъ къ другу и къ ней самой, общинная связь не можетъ уничтожиться безъ особаго внѣшняго вліянія. (Впослѣдствіи при разсмотрѣніи земли Уральскаго войска, мы увидимъ, какія вредныя послѣдствія могло бы повлечь за собою для хозяйственныхъ интересовъ каждаго раздѣленіе войсковыхъ угодій по станицамъ, и какъ, напротивъ, много выгодъ представляетъ такое общее нераздѣльное землепользованіе). Потому всего вѣроятнѣе предположить, что

разрушеніе древней волостной общины произошло вслѣдствіе раздачи земель и административной группировки селеній безъ всякаго соотвѣтствія съ ихъ поземельными отношеніями.

Но какъ бы то ни было, въ XV—XVI вѣкахъ, мы видимъ лишь обломки волостныхъ общинъ, а наиболѣе распространенной формой крестьянскаго землевладѣнія была та же самая, которая существуетъ и въ настоящее время, то-есть, деревенская община. Каждый отдѣльный поселокъ образовалъ отдѣльную поземельную группу, не имѣвшую никакой связи по землѣ съ сосѣдними селеніями. Поселки эти носили различныя названія, указывающія на способъ ихъ образованія, и различались также по пространству владѣемой земли, по количеству жителей и по ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Наиболѣе распространенныя названія ихъ были: выставка, починокъ, деревня, сельцо, село, погостъ, слобода, ямъ и рядокъ. Послѣднія три названія относятся впрочемъ къ поселкамъ, отличающимся болѣе ремесленнымъ или промышленнымъ характеромъ, хотя земледѣліе и здѣсь составляло одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованію.

Разсмотримъ каждый изъ перечисленныхъ разрядовъ поселковъ подробно.

Выставкой называлось поселеніе, основанное переселенцами изъ другаго села или деревни. (Прил. 115) Волость, составившаяся изъ такихъ выставокъ, сама называлась «волостью выставкой». (Выставка погостъ на озерѣ на Магѣ. съ церковью (Нев. Прил. 335. Ср. 338). Наиболѣе употребительное названіе для заводящихся селеній было *починокъ*. Это названіе указываетъ только на ту особенность поселенія, что оно начиналось, такъ что мы лишены всякой возможности опредѣлить, которые изъ починковъ заводились выселенцами изъ мѣстныхъ селъ и какіе посторонними пришельцами. Первые должны были встрѣчаться чаще (Выставка изъ села Неволинъ, прилож. 251, 277 стр.). Починки встрѣчаются въ Россіи XVI в. въ громадномъ множествѣ. Въ большинствѣ изъ нихъ, по новгор. писцовымъ книгамъ, въ концѣ XVI в., вовсе нѣтъ пашни, въ другихъ она только начинается напр. «Починокъ Лешино, дв. Ѳедко, пашни—нѣтъ, сѣлъ ново». (Дер-

I. 51. Ср. 82. 149. 177. 251. 265. 469. 507. 629. 650. 663. 726. 2. 584. 595). Напротивъ „Починокъ Пепелниково: дв. Ивашко Исаковъ, сѣетъ ржи коробью, а сѣна коситъ 8 коп., пол-обжы, дохода нѣтъ, сѣлъ ново". (Дер. II, 490). Въ Тверскомъ уѣздѣ (по писц. к. 1540 г.) и въ центральныхъ уѣздахъ починки всегда почти имѣли пашню. Напр. «починокъ Тулупово 1 дв., пашни въ полѣ 2 четьи, сѣна 3 коп.» «Починокъ Мокрой, 1 дв., пашни въ полѣ 4 четьи, сѣна 2 копны". Затѣмъ идетъ описаніе еще 10 такихъ же починковъ съ пашней и сѣнокосомъ. И тутъ же описываются 3 займища (Писц. кн. Калач. II, 114). Починокъ, не имѣющій пашни представляетъ рѣдкое явленіе (Ср. Писц. кн. II. 38). Починки были большей частью однодворныя селенія, и только изрѣдка встрѣчалось въ какомъ нибудь изъ нихъ, 2, 3 дв., земли подъ ними меньше, чѣмъ подъ старыми селеніями. Такъ, въ Посонскомъ погостѣ Дерев. пятины въ каждомъ изъ 5 починковъ по 1 дв. и 1 челов., на каждый дворъ приходится по $^3/_5$ обжи, тогда какъ въ старыхъ поселеніяхъ приходится среднимъ числомъ на дворъ по обжѣ. Изъ 11 починковъ въ помѣстьѣ Левашова въ Микулинской четверти Тверскаго уѣзда только въ одномъ 3 двора а въ остальныхъ—10 по 1 дв. Въ каждомъ изъ нихъ земли меньше чѣмъ въ деревняхъ. Между тѣмъ какъ въ деревнѣ Доронкинѣ (тутъ же) на 1 дв. приходится 10 четв. въ полѣ и 5 коп. сѣна, въ погостѣ Бакшеевское займище на 1 дв. прих. 2 четв. и 12 коп. сѣна (П. к. Калач. II. 124), въ починкѣ Ямышова Веретея на 1 дв. прих. 2 четв. пашни и 3 коп. сѣна (ibid. 114). Въ 12 починк. вокругъ села Озаткова въ той же четверти въ каждомъ по 1 двору. Впрочемъ въ количествѣ дворовъ, земли и сѣнокоса между самими починками замѣчается большое разнообразіе. Такъ, въ черныхъ деревняхъ волости Захожье, Твер. уѣзда, въ одномъ изъ починковъ на 1 дв. пашни въ полѣ 2 четв., сѣна 3 копны, а рядомъ съ нимъ въ другомъ—на 1 дворъ приходится пашни въ полѣ 5 четв. и сѣна 160 коп. (П. к. II 50). Вотъ образецъ описанія починка: „Починокъ Лазаревскій, а Климовскій тожъ, на рѣчкѣ на Човкѣ, а въ немъ крестьянъ 2 дв., пашни паханые худ. земли 5 четв., да лѣсомъ поросло 2 четв. въ полѣ, а въ дву

потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Човкѣ и по Заполью 30 коп., лѣсъ вопче съ дерев. Поповской". (П. кн. изд. Кал. II. 38).

Названіе починокъ обыкновенно удерживалось поселкомъ только до истеченія льготнаго срока, на который поселенецъ освобождался отъ платы дохода помѣщику или оброка князю. Съ этого времени починокъ становился деревнею.

Деревня представляетъ наиболѣе распространенный видъ селеній въ XVI в., такъ что древнюю не городскую Россію можно назвать не сельскою, какъ теперь, а деревенской. Подъ деревней разумѣлась вообще незначительная группа дворовъ съ извѣстнымъ количествомъ пашень, сѣнокоса и лѣса. Иногда названіе деревни прилагалось именно къ этой послѣдней части ея, что видно изъ выраженій «распахать деревню» и т. д. Вотъ описаніе деревни въ Новгородской области: деревня Часовня: дв. Микитка Ивановъ; дв. Олтушко, сѣетъ ржи 5 короб., а сѣна косятъ 20 коп., 2 обжи» (Дер. I. 187). Въ твер. уѣздѣ «дер. Савкино, 4 дв., пашни въ полѣ 12 четв., сѣна 105 коп. (П. кн. II. 80). Въ Сузд. уѣздѣ «дер. Кропивная, а въ ней крестьянъ 4 дв., пашни худ. земли 20 четв., да перелож. 15 четв., да лѣсомъ поросло 20 четв. въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 30 коп., лѣсу непашеннаго десятина (П. кн. Кал. I. 860). Населенность деревень, равно какъ и другихъ поселковъ замѣтно возрастала по направленію отъ окраинъ къ центру (Очеркъ ист. сельской общины, стр. 54). Причины такого явленія надо искать главнымъ образомъ въ почвенныхъ условіяхъ сѣвернаго пространства Россіи, гдѣ удобныя земли встрѣчаются лишь клочками.

Сельцомъ называлось селеніе, служившее въ какомъ либо отношеніи центромъ для извѣстной группы деревень и починковъ. Впрочемъ признаки средоточія въ сельцѣ вообще довольно слабы. Дѣйствительно довольно часто встрѣчаемъ мы въ сельцѣ мѣстопребываніе помѣщика или его приказщика съ крѣпостными людьми (Сельцо Якимово; въ немъ дворъ Васюковъ (помѣщичій), а въ немъ самъ живетъ, а людей его: дворъ Ивашко Слѣпой, дв. Гридка ключникъ, сѣютъ на Васюка обжу и т. д. (Дер. писц. кн. II, 597; ср. 594, 638, 647; I, 131, 138, 139, 251). Но помѣщики жили

часто и въ деревняхъ, тогда какъ встрѣчаются сельца, гдѣ жили только одни крестьяне (ibid II, 632). Также мало можно считать принадлежностью сельца церковь. Въ центральныхъ уѣздахъ, за рѣдкими исключеніими (Писц. кн. Калач. II, 127 стр.) въ сельцахъ почти никогда не встрѣчается церкви и въ Новгородской области сельца съ церквами составляютъ меньшинство: церкви здѣсь строились на погостахъ (Сельцо съ церк. Дер. II, 612; I, 194). Деревня нигдѣ не является приходскимъ центромъ. Единственное исключеніе изъ этого общаго явленія представляла во всей Новгородской области деревня «Потерпѣлый рядъ», гдѣ былъ храмъ, но эта деревня была очевидно прежде торговымъ поселкомъ, рядкомъ. Что касается до сходства сельца съ селомъ, то въ Новгородской области первоначально оба эти названія употреблялись безразлично въ примѣненіи къ однимъ и тѣмъ же поселкамъ (Неволинъ, приложеніе, стр. 251; Ср. Дерев. пят. I, 395, 396, 369, 403), но къ концу 16 вѣка они получили различный смыслъ: въ писцовой кн. Бѣжецкой пятины 1583 г. перечисляется 28 селъ и 17 селецъ отдѣльно другъ отъ друга. (Впрочемъ подобное же различіе дѣлалось и въ болѣе раннее время. См. Нев., прилож. стр. 30, 32, 36). Въ центральныхъ уѣздахъ сельцо постоянно отличается отъ села и при подведеніи общаго итога по станамъ, волостямъ и уѣздамъ сельца и села образуютъ въ писцовыхъ книгахъ отдѣльныя группы. Напримѣръ въ Коломенскомъ уѣздѣ было 31 село съ третью, погостъ, 115 селецъ безъ трети и т. д. (Писц. кн. Калач. I. 606).

Гораздо болѣе признаковъ централизаціи заключало въ себѣ село, какъ сказано уже, строго различаемое отъ сельца и друг. поселковъ; здѣсь обыкновенно встрѣчается церковь, дв. помѣщика, его людей, духовенства, иногда дворы посельскаго, тіуна, ключника и т. д. и дворы крестьянъ. Вотъ, напр., село Коприно на Волгѣ (въ Яросл. у. въ волости Черняхѣ). Въ ней деревянная церковь вверхъ: церковное зданіе, равно какъ образа, книги, ризы и свѣчи—все это сдѣлано на мірской счетъ (мірское). Въ селѣ 2 дв. монастырскихъ, дворы попа, дьячка, пономаря, просвирни, 5 дв. крестьянскихъ, 3 дв. людей непашенныхъ, въ числѣ которыхъ есть одинъ сапожникъ,

и 2 дв. пустыхъ. При селѣ пашня паханая монастырская, крестьянская и церковная, извѣстное количество перелогу и пашни поросшей лѣсомъ 100 коп. сѣна и поверстнаго лѣсу, бору въ длину на 7 верстъ, поперекъ на 4 версты. Къ нему тянутъ 46 дер., 11 починковъ и 3 займища живущихъ и 9 пустошей съ 184 дв. крестьянскими и съ 15 двор. бобыльскими п. к. Кал. П. 1—6 [1]).

Въ нѣкоторыхъ селахъ живутъ въ значит. числѣ непашенные люди т. е. ремесленники и промышленники (Неволинъ, прилож. 140). Какъ теперь такъ и тогда въ разговорномъ и оффиціальномъ языкѣ говорилось только о селахъ, а деревни считались принадлежностью ихъ. Но говоря про деревню, обозначали село, къ которому она была приписана, напр. „Плетенинскаго села дер. Веретвино". При раздачѣ помѣстій въ грамотахъ говорится только о селахъ. „Даю сыну моему Василью сельцо Воронцовское на Яузѣ", говоритъ Иванъ III въ духовной грамотѣ, писанной въ 1504 (Соб. Г. Гр. и Дог., № 87.„Ср. Собр. Госуд. грам. и догов. стр. 1, 27; №№ 21, 28, 35). Иногда, впрочемъ весьма рѣдко, вмѣстѣ съ селами упоминаются и тянувшія къ нимъ деревни: „А что ми дала Настасья Өедорова Андреевича село Мягково съ деревнями въ куплю", но дальше говорится только о селахъ (№ 87).

Въ Новгородской области селу центральныхъ уѣздовъ соотвѣтствовалъ погостъ. Постоянную принадлежность его составляла церковь: во всѣхъ пятинахъ только объ одномъ погостѣ Заверяжьѣ говорится, что «здѣсь церкви погостьскіе нѣту, ни погоста». Въ двухъ погостахъ Каргальскомъ и Паозерскомъ церковь погостская не описана, но и не сказано, что ея нѣтъ (Неволинъ, стр. 105). Вблизи церкви, обыкновенно на церковной землѣ, стояли дворы причта, въ составъ котораго входили попъ, дьякъ, просвирня (проскурница) и церковный сторожъ. Нерѣдкость въ погостахъ дворы помѣщика, посельскаго, волостной дворъ для пріема начальства, иногда судный дворъ (Прибужскій погостъ; Неволинъ, стр. 380).

---

[1]) Ср. Калач. II п. кн. 125, 137, 138, 141. Дер. I 100 343, 358, 779, 808.

Количество населенія въ погостахъ значительнѣе сравнительно съ селами и деревнями и иногда достигало довольно высокой цифры: напримѣръ, въ погостѣ Солцо, въ Жабенскомъ погостѣ, было 39 дворовъ. Между погостскими жителями было не мало ремесленниковъ, торговцевъ и промышленниковъ, вообще «непашенныхъ» людей (Писц. кн. Дерев. пятины I, 691. Ср. II. 756, 445). Лавки, амбары, торги (Неволинъ, Приложеніе 281, 175, 359), встрѣчающіяся въ иныхъ погостахъ также указываютъ на ихъ торговое значеніе. Подобно тому какъ и къ селамъ центральныхъ уѣздовъ къ погостамъ тянули села, деревни, займища, пустоши, напримѣръ, къ Тюхольскому погосту тянуло 14 деревень (Неволинъ, прилож. 209; Ср. 340, 343). Поселки съ тѣмъ же названіемъ погоста встрѣчались и въ центральныхъ уѣздахъ, но здѣсь они имѣли совершенно иной характеръ. Такъ называлось мѣстечко, гдѣ стояла церковь и при ней дворы духовенства. Крестьянъ въ этихъ погостахъ не было, иногда лишь жили бобыли. Быть можетъ, это были просто кладбища. Погосты эти почти всегда называются погостами Великаго князя. Въ писцовыхъ книгахъ они описываются иногда цѣлыми группами, напримѣръ, больше 10 погостовъ Царя и Великаго Князя описываются въ большомъ Микулинскомъ стану Колом. уѣзда (писц. кн. изд. Кал. I, 393—394, 407, 431, 472, 492, 664, 727 ,791; II, 235. Единственный, кажется, помѣщичій погостъ описанъ въ I отд., стр. 706). При такихъ погостахъ никогда не было деревень, напротивъ сами они иногда тянули къ селу (ibid. I, 721, 681). Поселки извѣстныя подъ именемъ рядковъ, ямовъ, слободъ имѣли более промышленный, чѣмъ земледѣльческій характеръ, хотя земледѣліе и здѣсь составляло одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованію (объ этихъ поселеніяхъ см. у Ильинскаго, Городскія поселенія въ Новгородской области, Журналъ М. Нар. Просв. 1876 года, т. 3).

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть поземельныя отношенія жителей земледѣльческихъ селеній. Каждое селеніе заключало въ себѣ: 1) группу дворовъ; 2) пахатную землю и сѣнокосы, и 3) лѣсъ и другія угодья. Дворъ представлялъ скорѣе самостоятельную хозяйственную ассоціацію, чѣмъ кров-

ный союзъ. Количественный составъ дворовъ, повидимому, былъ повсюду болѣе или менѣе одинаковъ, какъ бы ни различались поселки населенностью, и ограничивался однимъ, много двумя работниками. Въ писцовыхъ книгахъ при описаніи крестьянскихъ дворовъ обыкновенно упоминается лишь одинъ домохозяинъ, иногда сынъ, еще рѣже братъ. Повидимому въ многоземельныхъ мѣстностяхъ дѣти, по достиженіи самостоятельнаго возраста, заводили отдѣльные дворы или въ той же деревнѣ, или во вновь основанномъ починкѣ. Только при такомъ предположеніи можно объяснить постоянное передвиженіе населенія и быстрое заселеніе обширной восточно-европейской низменности. Каждому двору принадлежала часть усадебной земли, извѣстное пространство пахатной земли и право на участіе въ общихъ угодьяхъ. При однообразіи рабочаго состава дворовъ и одинаковости потребностей крестьянъ участки или жеребьи земли должны были быть одинаковы. Но равенство подворныхъ участковъ поддерживалось самой формой владѣнія и пользованія землей. Существуетъ много доказательствъ въ пользу повсемѣстнаго существованія общиннаго землепользованія, характеристической чертой котораго, какъ извѣстно, служитъ равное право всѣхъ жителей на участіе въ занимаемой ими землѣ.

Во 1-хъ, въ источникахъ есть прямыя указанія на существованія такой формы землевладѣнія. Въ Ужинскомъ погостѣ Шелонской пятины каждый дворъ въ 1500 — 1501 г. пахалъ равную съ другими полосу въ пахатной землѣ и скашивалъ равную же полосу въ лугахъ. Въ селѣ Едимоновѣ крестьянамъ велѣно было „верстатися межь себя самимъ полосами на всякую выть по ровну“. Въ нѣкоторыхъ актахъ говорится о передѣлахъ земель. (Очеркъ исторіи сельской общины стр. 82 и 93). По смыслу этихъ актовъ, передѣлъ земли былъ явленіемъ обыкновеннымъ. Напримѣръ, въ одной грамотѣ 1642 года, посланной въ Бѣлевскій уѣздъ, въ Верхоруцкую волость, въ отвѣтъ на челобитье безсемейныхъ крестьянъ, жаловавшихся на семьянистыхъ крестьянъ, расчистившимъ пашню въ бортномъ лѣсу и не дававшимъ имъ „того бортнаго лѣсу“ между прочимъ говорится: „и тѣхъ деревень крестьяне въ той Вер-

хоруцкой волости въ селахъ и въ деревняхъ крестьянскую старую полевую и росчистную пахатную землю для верстанья смечали, и тое земли крестьяне для своего верстанья сами межь себя мѣрили въ двухъ поляхъ, а въ третьемъ полѣ не мѣрили, потому что была къ новому году рожь сѣяна; и по ихъ мѣрѣ старые новые розчистные земли пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ дву поляхъ много. И межь себя тое земли верстать и дѣлить противъ вытей не стали, отсрочили межь себя сами, какъ послѣ ржанова жнитва въ третьемъ полѣ измѣряютъ" (Русская Бесѣда, т. IV, стр. 103—104).

2) Почти одинаковые размѣры подворныхъ участковъ въ одномъ и томъ же селеніи составляютъ общее явленіе, доказывающее повсемѣстное существованіе общиннаго землепользованія. Разница въ величинѣ этихъ запахиваемыхъ участковъ такъ ничтожна, что ее можно объяснить лишь разнокачественностью почвы и различіемъ въ количественномъ составѣ дворовъ и ихъ рабочей способности: наибольшій подворный участокъ любой деревни никогда не превышалъ наименьшаго болѣе, чѣмъ вдвое и весьма рѣдко втрое, подобно тому какъ и въ современныхъ деревняхъ. Въ Новгородскихъ пятинахъ дворы запахивали равные участки, называвшіеся здѣсь обжами. Это слово, какъ было уже сказано, обозначало пространство земли, которое могъ обработать одинъ работникъ на одной лошади (ср. нѣмецкое Hufe, англійское hyde). Равенство подворныхъ участковъ за незначительными уклоненіями было въ XV вѣкѣ общимъ явленіемъ во всѣхъ Новгородскихъ селеніяхъ. Напримѣръ, въ деревнѣ Боровичахъ 5 дворовъ и земли у нихъ пять обжъ. (Дер. II, 487). Въ трехъ сосѣднихъ боярщинахъ Боженского погоста было:

въ 1-й: 4 деревни, 10 дворовъ, 11 человѣкъ, 11 обжъ.
во 2-й: 5 деревень, 10 дворовъ, 11 человѣкъ, 10 обжъ.
въ 3-й: 3 деревни, 9 дворовъ, 10 человѣкъ, 10 обжъ.

Въ Туреньскомъ погостѣ:

въ одномъ помѣстьѣ	было 8 дерев.,	12 дв.,	12 чел.	12 обжъ.
въ другомъ	„ „ 10 дерев.,	14 „	15 „	13 обжъ.
въ третьемъ	„ „ 29 дерев.,	29 „	29 „	29 обжъ.

Въ одномъ монастырскомъ имѣніи того же погоста было 6 деревень, 12 дворовъ, 12 чел., 12 обжъ; въ одномъ своеземческомъ—3 деревни, 3 двора, 3 чел., 3 обжи. Послѣ того какъ въ этомъ имѣніи поселился четвертый крестьянинъ, прибавилась и четвертая обжа. Такое строгое равенство подворныхъ участковъ существовало, какъ сказано, во всѣхъ селеніяхъ Деревской и Вотской пятинъ. Оно объясняется всего скорѣе одинаковымъ составомъ семей и однообразіемъ ихъ потребностей. Весьма рѣдко въ XV вѣкѣ бывали случаи, когда два или три двора сидѣли на одной обжѣ, еще рѣже, чтобы одинъ дворъ имѣлъ земли болѣе одной обжи. Но со временемъ равенство это нарушилось, и въ XVI вѣкѣ уже мы встрѣчаемъ въ актахъ указанія на случаи, когда крестьянинъ бралъ 1/6 или 1/12 обжи. Въ московскихъ уѣздахъ Новгородской обжѣ соотвѣтствовала выть, величина которой, какъ и обжи, была различна въ разныхъ мѣстностяхъ. Можетъ быть, подобно тому какъ было въ XV вѣкѣ въ Новгородскихъ пятинахъ, и въ московскихъ уѣздахъ полная выть была первоначально нормой крестьянскихъ участковъ, но въ XVI вѣкѣ дворы сидѣли обыковенно на полвыти чети выти, полчети выти т. е. 1/8, трети выти, пол-трети (1/6) выти и т. д. Но въ каждомъ отдѣльномъ селеніи подворныя запашки, по большей части, весьма мало разнились между собою. Колебанія не переходятъ за предѣлы выти. Напримѣръ, въ селѣ Синковѣ Каменскаго стану Дмитровскаго уѣзда (подъ Москвой) изъ 27 дворовъ, 15 дворовъ было на полчети (1/8) выти, 7 дворовъ на чети, два двора на полполчети (1/16), 1 дворъ на трети, два двора на полтрети (1/6) выти (писц. кн. Калачева I, 744). Въ деревнѣ Рязановѣ 7 дворовъ было на 1/3 выти и 1 на полтрети (ibid. 745 стр.). Въ Рузскомъ уѣздѣ въ среднемъ

на дворъ приходилось около $5^1/_2$ четей (четь равняется полдесятинѣ) пашни паханой, около 26 четей пашни переложной и поросшей лѣсомъ въ каждомъ полѣ. (Писц. кн. Калач. Отд. I, Рузскій уѣздъ). Въ Ярославскомъ уѣздѣ приходилось на 1 дворъ около $4^1/_4$ четей пашни паханой и около 2 съ небольшимъ переложной и поросшей лѣсомъ. Сѣнокосъ на пожняхъ, отхожихъ лугахъ, въ лѣсахъ между полями (межь поль), составлялъ, само собою разумѣется, необходимую составную часть земель каждой деревни. Количество скашиваемаго дворами сѣна въ любомъ селеніи почти одно и тоже. Въ Деревской и Вотской пятинахъ на обжу или дворъ скашивалось 20, 15 иногда даже 10 копенъ сѣна, больше 20 весьма рѣдко. Въ вотчинахъ Тр.-Сергіева монастыря въ Рузскомъ уѣздѣ скашивалось на дворъ около 23 копенъ, во Владимірскомъ—17, въ Юрьевъ-Польскомъ—5, въ Суздальскомъ—$5^1/_2$, въ Пошехонскомъ около 6 копенъ (писц. кн. Калач. Отд. I.) Такое равенство подворныхъ участковъ, не смотря на однообразіе потребностей дворовъ и способа хозяйства, однакожъ должно было бы современемъ болѣе или менѣе нарушаться если бы не было передѣловъ земли, которые, какъ сказано, были извѣстны уже въ ту пору.

3) Кромѣ того доказательство повсемѣстнаго существованія общиннаго землевладѣнія въ XVI вѣкѣ мы видимъ въ томъ постоянномъ явленіи, что 2, 3, 4 земледѣльческихъ селенія соединяли свои поля вмѣстѣ: «припускали» ихъ. Напримѣръ, деревня Коснищево-Савкино, да къ ней же припущены въ пашню дер. Полянки, да поч. Мостищевъ, да поч. Враниковъ, а въ ней крестьянъ 4 дв., а людей въ нихъ тожъ; пашни паханыя въ полѣ 20 четьи, а въ дву потомужъ; земля худа, сѣна 20 коп., рощи пашенной 2 десятины (п. к., I. 817). Или, деревня Макмерово, да къ той же деревнѣ припущено въ поля: пуст. Лапино, пуст. Сычово, пуст. Полухино, пуст. Душинково, а въ ней крестьянъ 20 дв., пашни паханые серед. земли 45 четьи, да перел. 40 четьи въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 30 коп. (п. к., II, 32). При этомъ:

1) Припускались поля жилаго поселенія къ пашнѣ другаго жилаго напр. одной деревни къ другой, какъ видно изъ при-

веденнаго примѣра. (Ср. п. к. I. 678, 726, 818, 836, 823, 835, 860, 900), при чемъ иногда соединялись поля нѣсколькихъ поселковъ, существовавшихъ прежде отдѣльно другъ отъ друга: дер. Скокова, на рѣчкѣ на Тоногѣ, да къ ней же припущена въ пашню дер. Усища, да дер. Селивановская, да дер. Онтоново, а въ ней крестьянъ 16 дв., да дв. пустъ, пашни сер. земли 67 четьи и т. д. (п. к. I. 901) или къ дер. припускался въ пашню починокъ (п. кн. I. 835, 843, 845) Къ сельцу припущенъ починокъ (837). Къ селу припущена деревня (I. 841).

2) Всего чаще однакожъ припускались поля какого нибудь поселка, оставленнаго жителями, т. е. сдѣлавшагося селищемъ, пустошью къ пашнѣ другаго жилаго поселенія. Напр. дер. Софроново, да къ той же дер. припущено къ пашнѣ селище Усово (п. к. I. 553, 633 Ср. I. 696, 710. II. 123. Прилож. 292, къ погостской пашнѣ въ пашню припущена пустошь). Или „дер. Елниково на Суходолѣ, да къ ней припущено въ пашню пустошь Петрилово, а въ ней крестьянъ 12 дв.“, по обозначеніи пашни паханой и переложной говорится, что сѣно у деревни вопче съ сельцомъ Филисовой слободкой на рѣкѣ на Клязьмѣ, на отхожемъ лугу (п. к. I. 787. Ср. 791, 816. II. 7. Ср. I. 278, 268, 370, 560, 664, 678, 683, 709, 895 (къ сельцу припущена пустошь), 585, 711, 726, 763, II. 11). Одно какое нибудь поселеніе присоединяло къ своимъ полямъ нѣсколько пустошей и селищъ. Такъ къ вотчинной дер. Слободѣ (Звениг. у. Городскаго стану), имѣвшей 16 двор., крестьянъ припущено въ пашню 6 селищъ и 7-я пустошь (I. 690. См. также II. 7, гдѣ къ сельцу припущено 3 пустоши). Иногда, напротивъ, къ нѣсколькимъ дер. присоединялась одна пустошь: напр. въ звенигородскомъ у. къ 3 дер. припущ. пустошь (II. 683).

При припущеніи полей встрѣчаются оригинальные случаи. Такъ 3 поля пустоши Опухтино припущены въ пашню не къ одной деревни, а каждое поле отдѣльно къ какой нибудь дер., 1 къ одной, 2 къ другой деревни, 3 къ третьей (п. к. Кал. II. 12. Ср. 13).

3) Припускалась къ пустоши пашня селища или пустоши же.

Напр. пустошь Вислоухово, да къ ней же припущено въ пашню селище Сабакино (пашня въ томъ и другомъ переложная; п. к. I. 1. Ср. 687, гдѣ пашня уже лѣсомъ поросла). Или пустошь къ пустоши: пустошь, что была дер. Фалино, да къ ней же припущена въ пашню пуст. Савино; пашни худ. земли лѣсомъ поросло 17 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 20 коп. въ пустѣ 2 выти безъ трети (I. 767, 833, 838, 845). Понятно, что это припущеніе пашней должно было произойти въ то время, когда одна изъ пустошей была жилымъ населеніемъ.

4) Также объясняются и тѣ случаи, когда къ пустоши значится припущенной пашня жилаго поселенія: починка, деревни и т. д. Напр., пустошь, что была дер. Хожлово, а къ ней припущенъ въ пашню починокъ Куровъ, пашни лѣсомъ поросло большимъ 43 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 коп., лѣсу непашеннаго 6 десятинъ, а вытей впустѣ 4 выти съ третью, земля худа, сѣна по селищу укошено 30 коп. (Писц. кн. Калач. I, 775 стр).

Такого соединенія полей различныхъ деревень не могло бы происходить такъ часто, какъ это было въ XVI в., если бы право распоряженія землей принадлежало не всей совокупности жителей поселка, а отдѣльнымъ дворамъ, т. е. если бы не было общиннаго пользованія землей.

4) Наконецъ въ доказательство существованія деревенской общины можно привести еще обычай отдѣлять нѣкоторую часть земли для общественной обработки. Напр., дер. Сысоева, а въ ней крестьянъ 16 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ. Изъ этихъ дворовъ 11 на трети, 4 на полтрети выти, 2 на полвыти „да онѣ жъ пашутъ сопча полвыти". (Писц. кн. Калач. I, 748. Ср. 770, 757).

Пашни и луга, находясь въ распоряженіи цѣлой общины, раздѣлялись на участки, которые и отдавались въ отдѣльное пользованіе ея членовъ. Напротивъ, лѣса, озера и другія угодья находились въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей деревни въ размѣрахъ ихъ потребностей, при чемъ вѣроятно свобода пользованія подвергалась тѣмъ или другимъ ограниченіямъ.

Ограничиваясь этими замѣчаніями объ общинномъ бытѣ XVI вѣка и отсылая читателя, интересующагося болѣе подробнымъ изложеніемъ относящихся сюда явленій къ „Очерку исторіи сельской общины на Сѣверѣ Россіи“, я перейду къ вопросу о переселеніи крестьянъ.

IX.

Переселеніе крестьянъ составляетъ характеристическую черту древне-русскаго быта. До самаго конца XVII вѣка на всемъ пространствѣ Россіи происходилъ постоянный отливъ и приливъ населенія. То и дѣло возникали поселки или отдѣльные дворы въ однихъ мѣстностяхъ, въ то время какъ въ другихъ—пустѣли цѣлыя деревни. Древняя исторія Россіи есть исторія колонизующейся страны. Повсюду, по характерному выраженію Щапова, стучалъ топоръ въ „черныхъ дикихъ лѣсахъ“, шла повсемѣстная расчистка и распашка лѣсовъ. Повсюду ставились дворы и починки, разраставшіеся въ деревни, сельца, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ отыскивались оазисы плодородной земли, чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество. Эта великая колонизаціонная работа, охватывавшая все обширное пространство восточной европейской низменности и продолжавшаяся тысячелѣтія, неконченная даже и въ настоящее время, составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ въ исторіи грандіозной борьбы человѣка съ природой. И этотъ подвигъ совершенъ исключительно силами русскаго земледѣльца. Могутъ сказать, что дѣлу колонизаціи въ такой же мѣрѣ содѣйствовали и землевладѣльцы, созывавшіе крестьянъ на жалованныя имъ земли. Но кромѣ обѣщаній льготъ отъ податей впродолженіи нѣкотораго времени эти землевладѣльцы ничѣмъ не облегчали страдной работы русскаго земледѣльца. Единственными его помощниками были топоръ, соха и коса. Съ ними одними онъ прошелъ, среди чуждыхъ племенъ, по всей вѣроятности не всегда дружественныхъ къ пришельцамъ, и завоевалъ для земледѣльческой культуры то громадное про-

странство, которое занято теперь русскимъ государствомъ. Великъ, непомѣрно тяжелъ былъ трудъ русскаго піонера. Не имѣя ни географическихъ свѣдѣній, ни руководителей, лишенный даже въ большей части колонизуемой земли, гдѣ годная земля попадалась клочками, возможности идти въ обществѣ съ другими колонистами, снабженный самыми грубыми орудіями, онъ долженъ былъ въ большинствѣ случаевъ одинъ рубить и выкорчевывать лѣса, вспахивать новины, удобрять малоплодородную почву, терпя при этомъ всѣ невзгоды изолированной жизни.

Нужно замѣтить, что это была, по крайней мѣрѣ въ историческое время, исключительно земледѣльческая колонизація, только на югѣ русскіе переселенцы занимались преимущественно рыболовствомъ и скотоводствомъ. Въ источникахъ XII—XVI нигдѣ мы не находимъ данныхъ, которыя бы доказывали, что русскіе колонизовали ту или другую мѣстность сѣверовосточной низменности, находясь на степени звѣроловческой или какой либо иной степени культуры, кромѣ земледѣльческой.

Что касается до размѣровъ, въ какихъ происходило переселеніе крестьянъ въ то или другое время въ различныхъ мѣстностяхъ, то, разумѣется, опредѣлить ихъ точно, при бѣдности указаній источниковъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но судя по разнымъ отрывочнымъ даннымъ можно предположить, что переселеніе это усиливалось съ каждымъ столѣтіемъ по мѣрѣ приближенія ко времени введенія крѣпостнаго права. Въ княжескихъ договорахъ, въ жалованныхъ грамотахъ духовенству, монастырямъ и частнымъ лицамъ XIV вѣка свободный переходъ признается какъ постоянное и повсемѣстное явленіе „А христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля“ (Собр. Госуд. грам. и догов., т. I, № 127), сказано въ договорѣ рязанскихъ князей. Такое же право свободнаго переселенія было признано за крестьянами и другими князьями, напримѣръ, Владиміромъ Андреевичемъ (ibid. т. I, № 40). Нѣкоторыя ограниченія переселенія старались ввести Московскіе князья, вмѣстѣ владѣвшіе Москвою и притомъ лишь по отношенію другъ къ другу. Въ своихъ договорахъ они постоянно включали условіе: „а которыи слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ

сотникомъ, тѣхъ ны въ службу не принимать". Но собственно и это постановленіе стѣсняло болѣе князей и ихъ служилыхъ людей, которые въ силу его не могли принимать черныхъ, и нисколько не уничтожало свободы крестьянъ: они всегда могли переселиться въ другое княжество. Но возможно ли допустить, чтобы князья такъ постоянно признавали право неограниченнаго свободнаго перехода, еслибы переходъ этотъ совершался въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, которые влекли бы за собою опустѣніе болѣе или менѣе значительной части ихъ княжества. Дѣйствительно, даже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка переходъ крестьянъ при полномъ почти отсутствіи его ограниченій составлялъ явленіе далеко не частое. Сравнивая количество дворовъ въ Вотской и Деревской пятинахъ по старой и новой описи, промежутокъ между которыми былъ, повидимому, довольно длиненъ, мы находимъ сравнительно съ слѣдующими періодами исторіи весьма незначительныя перемѣны. Напримѣръ въ Черньчевичскомъ погостѣ Деревской пятины въ промежутокъ времени между переписью 1495 года и предыдущей произошли слѣдующія перемѣны: во время старой переписи въ немъ было 26 деревень разныхъ владѣльцевъ (великаго князя оброчныя, помѣщичьи, монастырскія, своеземческія), которыя заключали въ себѣ 57 дворовъ, занимавшихъ $42^1/_2$ обжи, по переписи же 1500 года число деревень возрасло всего до 33, число дворовъ до 82, а обжъ до 53. Прибыль произошла въ монастырскихъ, великокняжескомъ и одномъ своеземческомъ помѣстьи, убыль же относится къ помѣщичьимъ имѣніямъ. Въ Островьскомъ погостѣ той же пятины въ тотъ же промежутокъ времени число деревень съ 50 возрасло до 62, а число дворовъ съ 123 до 135. Чтобы судить о размѣрахъ ухода и прихода крестьянъ въ имѣніяхъ владѣльцевъ различныхъ разрядовъ приведемъ данныя по всѣмъ разрядамъ тогдашнихъ владѣльцевъ въ нѣсколькихъ погостахъ Деревской пятины. Въ Туреньскомъ погостѣ въ имѣніяхъ великаго князя по старому письму числилось 73 деревни съ 119 дворами, по новому 72 съ 156 дворами, прибыло, слѣдовательно, 37 дворовъ; въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи по старому письму было 8 деревень съ 12 дворами, по новому

столько же, въ другомъ—10 деревень и 14 дворовъ по той и другой переписи, въ третьемъ—число деревень по обѣимъ переписямъ тоже самое, 17, а число дворовъ увеличилось лишь на 2: съ 29 до 31. Въ единственномъ монастырскомъ имѣніи этого погоста по старому письму было 6 деревень и 12 дворовъ, по новому—число тѣхъ и другихъ увеличилось на 1. Въ единственномъ своеземческомъ имѣніи во время той и другой переписи деревень было 3, лишь число дворовъ съ 3 возрасло до 4.

Въ Рутиньскомъ погостѣ: 1) въ великокняжескомъ имѣніи было:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	24 дер.	58 двор.	23 дер.	65 двор.
въ 2-мъ » . . .	6 »	11 »	6 »	11 »
въ 3-мъ » . . .	3 »	6 »	3 »	8 »

2) въ помѣщичьихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	40 дер.	78 двор.	40 дер.	88 двор.
въ 2-мъ » . . .	19 »	36 »	19 »	38 »
въ 3-мъ » . . .	10 »	18 »	10 »	18 »
въ 3-мъ » . . .	— »	2 »	— »	2 »
въ 4-мъ » . . .	21 »	26 »	21 »	26 »

3) въ монастырскомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . .	17 дер.	22 двор.	18 дер.	33 двор.

Въ Сеглиньскомъ погостѣ:

1) въ великокняжескомъ оброчномъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	1 дер.	2 двор.	1 дер.	2 двор.
въ 2-мъ » . . .	65 »	119 »	81 »	236 »

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . .	56 дер.	85 двор.	66 дер.	129 двор.
въ 2-мъ » . .	15 »	33 »	12 »	28 »
въ 3-мъ » . .	11 »	23 «	11 »	23 »

3) въ своеземныхъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	5 дер.	14 двор.	5 дер.	14 двор.
въ 2-мъ » . . .	2 »	5 »	7 »	13 »
въ 3-мъ » . . .	1 »	1 »	1 »	2 »
въ 4-мъ » . . .	4 »	9 »	3 »	6 »

Въ Великопорожскомъ погостѣ;

1) въ великокняжескомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	9 дер.	19 двор.	14 дер.	31 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму,		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	24 дер.	35 двор.	27 дер.	33 двор.
въ 2-мъ » . . .	4 »	8 »	4 »	8 »
въ 3-мъ » . . .	10 »	13 »	9 »	15 »
въ 4-мъ » . . .	9 »	14 »	9 »	9 »

3) въ своеземческомъ имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	8 дер.	15 двор.	9 дер.	15 двор.

Въ Тюхольскомъ погостѣ:

1) въ великокн. имѣніи:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	7 дер.	20 двор.	7 дер.	26 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	2 дер.	6 двор.	4 дер.	11 двор.

3) въ монастырскихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	6 дер.	16 двор.	6 дер.	17 двор.
въ 2-мъ » . . .	11 »	17 »	11 »	18 »
въ 3-мъ » . . .	26 »	51 »	45 »	63 »

Въ Короцкомъ погостѣ въ одномъ помѣстьѣ по старому письму было 36 деревень съ 56 дворами, по новому—число первыхъ увеличилось до 40, число вторыхъ уменьшилось до 49.

Въ Нерецкомъ погостѣ:

1) въ великокняжескомъ имѣніи было:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	10 дер.	13 двор.	10 дер.	15 двор.

2) въ помѣстьяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	13 дер.	29 двор.	13 дер.	26 двор.
въ 2-мъ » . . .	6 »	8 »	6 »	9 »

3) въ монастырскомъ имѣніи;

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	9 дер.	13 двор.	9 дер.	12 двор.

4) въ своеземческихъ имѣніяхъ:

	по старому письму.		по новому письму.	
въ одномъ имѣніи . . .	2 дер.	3 двор.	2 дер.	3 двор.
въ 2-мъ » . . .	1 »	4 »	2 »	3 »

Изъ этихъ примѣровъ, относящимся къ различнымъ мѣстностямъ Деревской пятины, читатель можетъ видѣть, что передвиженіе крестьянъ было незначительно, особенно если допустить вѣроятное предположеніе, что промежутокъ между переписями былъ длиненъ, хотя онъ не могъ быть болѣе 17 лѣтъ. Пустыхъ дворовъ и деревень встрѣчается относительно не много. Въ современныхъ актахъ весьма часто говорится о старожильцахъ. Такъ же незначительно было переселеніе и въ Тверскомъ уѣздѣ въ 1539—40 гг. (Писц. кн. Калач. отд. II). Но по мѣрѣ приближенія къ закрѣпощенію, переселенія все болѣе усиливаются, принимая съ конца XVI столѣтія эпидемическій характеръ.

Количество пустошей, деревнищъ, селищъ, пустыхъ дворовъ, пустыхъ мѣстъ дворовыхъ далеко превосходитъ количество жилыхъ поселковъ и дворовъ. Напримѣръ въ васильцевскомъ стану Московскаго уѣзда въ 1570—80 годахъ на 46 поселковъ „въ живущемъ" (6 селъ, 8 селецъ, 31 деревня и 1 слободка) приходилось пустыхъ: 1 погостъ, 2 сельца, 31 деревня, 124 пустоши съ полупустошью, въ которыхъ изчезли уже всякіе слѣды жилья, и селище (ibid I, 9). Въ другомъ стану, Кошелевомъ, на одну заселенную деревню съ 16 жителями приходилось 44 пустоши (ibid I, 50). Тоже отношеніе приблизительно существовало и въ другихъ станахъ Москов. уѣзда. Не меньшимъ количествомъ опустѣвшихъ поселковъ изобиловалъ и сосѣдній Коломенскій у., гдѣ въ 1577—1578 г. на земляхъ разныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ было 70 пустыхъ селъ, деревень и починковъ, 574 пустоши и 83 селища (ibid I, 603—608). Въ Полоцкомъ повѣтѣ въ 1569 г. количество селищъ почти тоже что и селъ (ibid II. 443—455). Въ такомъ же обиліи встрѣчаются опустѣлые дворы и деревни въ уѣздахъ Вяземскомъ (въ 1594—95 г,), Тульскомъ (1587—89) и другихъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ съ половины XV вѣка началось такое же повальное выселеніе или, лучше, бѣгство. Жители Шенкурья и Вельска жаловались, что «многія деревни запустѣли» (А. А. Э. т. I № 234; ср. № 344; А. Ист. I, № 200; Доп. къ Ак. ист. I, 298). Опустѣніе государства было предметомъ разсужденій на соборахъ, напри-

мѣръ въ 1584 г. (Г. грам. и дог., т. I, № 202). Особенно интересна въ этомъ отношеніи судьба нѣкоторыхъ частей Новгородской области, напримѣръ, Деревской пятины. Въ концѣ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI, слѣдовательно спутя лѣтъ 20 послѣ присоединенія ея къ Москвѣ, тамъ было густое и, какъ мы видѣли, мало склонное къ переходу населеніе. Чрезъ 80 лѣтъ въ той же пятинѣ мы встрѣчаемъ всего 123 жилыхъ поселка и 977 пустыхъ деревень, рядковъ, селищъ и полуселищъ. Объ увеличеніи переходовъ крестьянъ можно заключать также по постепенному усиленію мѣръ, направленныхъ сначала къ ограниченію перехода опредѣленнымъ срокомъ, а, послѣ прикрѣпленія крестьянъ, къ совершенному прекращенію побѣговъ.

Переселенцы, первоначально не выходившіе изъ предѣловъ государства, съ половины XVI столѣтія начинаютъ выселяться все чаще за его границы, преимущественно на юговостокъ.

Гдѣ искать причинъ такого повсемѣстнаго и постояннаго переселенія, такого броженія земледѣльческаго класса, не имѣющаго себѣ ничего подобнаго въ исторіи другихъ народовъ? Что побуждало древне-русскаго земледѣльца бросать свой домъ, свои поля, чтобы начинать снова въ другомъ мѣстѣ тяжелую работу обзаведенія жильемъ и хозяйствомъ? Относительно этого вопроса въ нашей исторической литературѣ существуетъ много мнѣній, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одно не заключаетъ въ себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, придавать какое либо серьезное значеніе объясненію этого грандіознаго явленія одною обширностью пространства Россіи, какъ думаетъ Соловьевъ (исторія Россіи, т. IV) и Щаповъ (Русское Слово 1864, № 9; Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія стр. 117). «Огромное равнинное пространство, говоритъ Щаповъ, и обилье земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, пріучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахатной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и

способъ колонизаціи—свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу распространилась земледѣльческая колонизація и культура, но за то земледѣльческія поселенія долго не имѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полуномадный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расходчивости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ броженію врознь, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія—такъ называемые *вольные гулящіе люди*. Далѣе въ подтвержденіе своей мысли онъ указываетъ на ушкуйниковъ и повольниковъ, появленіе которыхъ вызвалъ „раздольный просторъ“ русской земли, украинъ и степей.—Но развѣ эти ушкуйники выходили изъ среды земледѣльческаго населенія?

Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли, какъ отдѣльныя лица, крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ „*разбродились врознь*“. Почти тоже самое объясненіе предлагаетъ и Соловьевъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что кромѣ увлекающаго дѣйствія обширности пространства онъ приписываетъ склонность къ переселеніямъ еще лѣни, которая заставляла древне-русскаго крестьянина переходить на новое мѣсто, лишь только обработка прежней земли становилась труднѣе (Ист. Р. т. IV, стр. 379—380 и въ друг. мѣстахъ).

Но что значило для древне-русскаго земледѣльца *переселиться*? Обзаведеніе земледѣльческимъ хозяйствомъ стоило громадныхъ трудовъ: нужно было построить домъ съ многочисленными хозяйственными пристройками, вырубить лѣсъ, выкорчевать корни и исполнить много другихъ работъ, чтобы обезпечить себѣ сносное существованіе. Переселяясь на новое мѣсто, крестьянинъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ результатовъ этой продолжительной и напряженной работы для того, чтобы начать туже страду снова съ истощенными

силами. Не говоримъ уже о нравственныхъ привязанностяхъ къ прежней средѣ, къ самому мѣсту, къ которому должны были приковывать его воспоминанія о всѣхъ радостяхъ и горестяхъ прожитой жизни. Возможно ли допустить, чтобы онъ рѣшился на такой важный шагъ подъ вліяніемъ какого-то таинственнаго стремленія къ броженію. Это стремленіе понятно въ туристѣ, но совершенно неестественно въ земледѣльцѣ, принужденномъ для обезпеченія своего существованія соблюдать возможно большую экономію въ затратѣ своихъ трудовыхъ силъ. Не имѣлъ онъ основанія переходить на новое мѣсто съ цѣлью облегчить трудъ, какъ полагаетъ г. Соловьевъ, потому что гораздо легче измѣнить систему полеводства, чѣмъ снова обзаводиться всѣмъ нужнымъ для хозяйства при тѣхъ неблагопріятныхъ природныхъ условіяхъ, какія, напримѣръ, были на сѣверѣ Россіи, куда долгое время преимущественно направлялась крестьянская колонизація. Въ виду сказаннаго также мало кажется намъ убѣдительнымъ объясненіе переходовъ истощеніемъ почвы, которому приписываетъ главную роль въ данномъ случаѣ, кромѣ Щапова, также и Бѣляевъ (Временникъ, XXII, отд. I), полагающій, что при первобытномъ хозяйствѣ выжиганіе лѣса и подниманіе новины представляло болѣе выгоды, чѣмъ удобреніе земли, истощенной многократными посѣвами. „Нѣкогда цвѣтущій, вольный Новгородъ великій, говоритъ Щаповъ (стр. 96) сильно былъ подорванъ истощеніемъ своей и безъ того не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ, съ XI по XIV столѣтіе, служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры хлѣбныхъ цѣнъ начинаются 3 гривнами за кадь, переходятъ въ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 и 30 и наконецъ до 40 гривенъ за кадь (но вѣдь эти цифры, замѣтимъ, относятся къ годамъ необычайнаго голода). При этой послѣдней цѣнѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ за моря еще спасенъ былъ на время отъ послѣдняго паденія. Съ тѣхъ поръ какъ почва

истощилась на тощихъ поляхъ новгородскихъ—задержка со стороны Москвы низоваго подвоза хлѣба окончательно рушила самобытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколъ на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки". Далѣе: „Когда почва великорусской земли, во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, въ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства—тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться обширныя, пустынныя пространства; русскіе люди тамъ искали землицы или земель хлѣбородныхъ. На сѣверѣ великорусской земли почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII-му столѣтію и та истощилась, вслѣдствіе чего были частью неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ сѣверные поморцы въ XVII вѣкѣ первые толпами устремились въ Сибирь на новыя, непочатыя хлѣбородныя земли". Въ подтвержденіе своего объясненія авторъ ссылается на прямыя указанія источниковъ, гдѣ дѣйствительно упоминаются случаи переселенія крестьянъ вслѣдствіе „хлѣбнаго недороду". Но подобные случаи составляютъ лишь самый незначительный процентъ въ общей массѣ переселеній. Притомъ же еще нужно доказать, что хлѣбный недородъ происходилъ именно отъ истощенія почвы, а не отъ истощенія средствъ земледѣльца. Деревни были малолюдны, кругомъ лежало много земли, и ослабленіе производительности почвы въ одномъ мѣстѣ могло привести лишь къ тому, что крестьянинъ перевелъ бы свое поле въ другое мѣсто деревенской территоріи, какъ это дѣлается и теперь въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Далѣе Щаповъ приводитъ аналогичные случаи опустѣнія вслѣдствіе истощенія почвы цѣлыхъ странъ: Ломбардіи, нѣкоторыхъ штатовъ Америки, наприм. Алабамы, случаи позднѣйшихъ переселеній съ безплодныхъ земель на хлѣбородныя въ Сибири, даже громадныя выселенія изъ Европы, наполняющія весь XIX вѣкъ, объясняетъ онъ, слѣдуя Либиху, тѣмъ, что послѣ голодныхъ 1816 и 1817 годовъ почва въ европейскихъ государствахъ была сильно истощена расхищающимъ хозяй-

ствомъ. Относительно Ломбардіи и другихъ названныхъ мѣстностей, исторія которыхъ недостаточно изслѣдована, остается еще нерѣшеннымъ, насколько ихъ опустѣніе зависѣло отъ дурнаго управленія и неудовлетворительнаго распредѣленія земли, а переселенія XIX вѣка уже несомнѣнно есть продуктъ чисто соціальныхъ отношеній Западной Европы.

Причины громаднаго передвиженія населенія надо искать не въ непосредственномъ вліяніи физическихъ факторовъ (развѣ не при тѣхъ же природныхъ условіяхъ живутъ нѣмецкіе колонисты въ теперешней Россіи, отличающіеся такимъ образцовымъ хозяйствомъ и зажиточностью), а въ условіяхъ общественнаго быта. Источники доказываютъ это какъ нельзя полнѣе. Жители Шенкурья и Вельска жаловались Ивану Грозному, что „многія деревни запустѣли отъ прежнихъ нашихъ Важскихъ намѣстниковъ, и отъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, и отъ татей и отъ разбойниковъ", что крестьяне де у нихъ отъ того насильства и продажъ и тяжебъ разошлись (А. А. Э. т. I, № 234. Ср. № 344; А. И. т. I, № 200; Доп. къ А. И. I, 298). На вопросы „выборной излюбленной головы" и выборныхъ цѣловальниковъ съ товарищами крестьяне Вотской пятины отвѣчали, что въ ихъ погостахъ много пустыхъ деревень и что громадное большинство дворовъ запустѣло „отъ государевыхъ податей и отъ подводъ" и отъ „опричного правежу". Затѣмъ, какъ на причины запустѣнія деревень, крестьяне указывали на насилія „Свейскихъ Нѣмецъ", а также казаковъ и татаръ, и наконецъ на моръ (Очеркъ ист. сельской общины, стр. 40—41). Крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, въ свою очередь, жаловались на прикащиковъ и доводчиковъ, что они берутъ оброкъ и пошлины не по граматамъ и не по окладу, что они требуютъ съ крестьянъ исполненія лишнихъ повинностей (А. А. Э. т. I, № 258) и также расходились. Напр. изъ имѣнія Суздальскаго епископа, послѣ того какъ крестьяне были привлечены къ отбыванію повинностей вмѣстѣ съ посадскими и волостными людьми впродолженіе 4 лѣтъ, вышло 74 семьи (Писц. кн. Калач. от. I). Правительство также не разъ признавало, что запустѣ-

ніе происходитъ отъ произвола и хищничества намѣстниковъ и предпринимало для устраненія зла различныя реформы, которыя впрочемъ ни къ чему не приводили, потому что корень зла лежалъ въ тяжести „царскихъ даней и разметовъ“, какъ это и было признано наконецъ, на соборѣ 1584 г., самимъ правительствомъ и всѣми участвовавшими въ совѣщаніи (С. г. гр. и дог. т. I, № 202). Очевидно, что никакая почва, никакой климатъ, никакія усовершенствованныя системы хозяйства не могли парализовать разрушительнаго вліянія такихъ общественныхъ условій и чтобы бѣжать отъ нихъ вовсе не нужно было имѣть романтической склонности къ „броженію“.

Крестьяне бѣжали отъ „царскихъ даней и разметовъ“, отъ „опричного правежу“ отъ чрезмѣрныхъ оброковъ за землю въ пользу служилыхъ людей,—уничтожить побѣги можно было бы, слѣдовательно, устраненіемъ этихъ причинъ, но правительство XVI в. не обнаружило ни желанья, ни умѣнья идти въ этомъ направленіи и предпочло другой путь—путь насильственнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

Впродолженіи двухъ съ половиною вѣковъ тянется систематическая борьба противъ свободы переходовъ. Она открывается въ половѣ XV вѣка домогательствами вотчинниковъ ограничить переходы извѣстнымъ срокомъ. Въ прежнее время опредѣленныхъ сроковъ не было. Въ разныхъ мѣстностяхъ и случаяхъ для переходовъ назначались Николинъ день вешній, Николинъ день осенній, Юрьевъ день вешній, Святая Недѣля, Рождество Христово, Спасовъ день, Дмитровъ день, Семеновъ день, Покровъ, Юрьевъ день осенній и другіе дни (А. И. № 178, 180). Въ заемныхъ и закладныхъ грамотахъ назначались также разные сроки, иногда Юрьевъ день осенній и другіе дни (А. Юр. № 232, 233, 235, 237, 238, 247). Крестьяне переходили, слѣдовательно, весной, лѣтомъ, осенью и зимой—все зависѣло отъ ихъ соглашенія съ землевладѣльцами. Московскіе князья въ первое время не вмѣшивались въ эти договоры и въ большей части жалованныхъ грамотъ употребляютъ выраженіе: «кто учнетъ жити людей», безъ всякихъ оговорокъ. Но съ половины XV вѣка въ

ихъ политикѣ замѣчается поворотъ въ пользу землевладѣльцевъ. Въ 1450 г. Ѳерапонтовъ монастырь, жалуясь на несвоевременный перезывъ монастырскихъ половниковъ сосѣднимъ путнымъ бояриномъ, добивается, наконецъ, того, что князь не только запрещаетъ перезывать крестьянъ иначе, какъ за двѣ недѣли до Юрьева дня осенняго и одну недѣлю послѣ, но, что̀ гораздо важнѣе, предоставляетъ игумену право не выпускать изъ своихъ деревень серебрянниковъ (какъ сказано выше половниковъ, взявшихъ у монастыря взаймы серебро, деньги) отъ Юрьева дня до Юрьева (А. А. Э. т. I, № 48 I). Это первый извѣстный случай законнаго ограниченія свободы переселенія. Того же самого права не выпускать съ своей земли серебрянниковъ, половниковъ, рядовыхъ людей и юрьевскихъ иначе, какъ въ Юрьевъ день и когда сосѣдніе управители и вотчинники, игнорируя это право, продолжали перезывать («отказывать») монастырскихъ крестьянъ въ другіе сроки, монастырь снова обратился за подтвержденіемъ жалованной грамоты, что и было ему дано сначала великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, а потомъ его сыномъ.

Другіе землевладѣльцы шли дальше. Они добились не только ограниченія переходовъ, но и прямаго ихъ запрещенія. Троицкій монастырь, по грамотѣ данной въ 1460 г., получилъ право возвратить назадъ всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ въ этомъ году изъ его Углицкихъ селъ и не отпускать тѣхъ, которые жили (А. А. Э. т. I, № 64 Ср. А. И. т. I, № 59.)

Наконецъ третьи прибѣгали съ цѣлію удержать у себя крестьянъ къ насиліямъ: съ отходящаго крестьянина они произвольно требовали большихъ суммъ денегъ и подвергали ихъ побоямъ (Д. къ А. И. т. I, № 51). Въ одной грамотѣ правительство признаетъ эти насилія самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, заявляя, что помѣщики крестьянъ изъ за себя не выпускаютъ и, поймавъ ихъ, мучатъ и грабятъ и въ желѣзо куютъ и пожилое съ нихъ берутъ не по Судебнику, рублей по 5 и по 10 (Доп. къ А. И. т. I, № 56).

Законодательство скоро распространило эти частныя распоряженія на все крестьянство. Законами Ивана III-го 1497 г.

позволялось перезывать крестьянъ только въ Юрьевъ день осенній, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ. Судебникъ 1550 г. подтверждаетъ такое ограниченіе, допуская лишь въ одномъ случаѣ безсрочный выходъ, именно, когда крестьянинъ продаетъ себя въ полные холопы (А. И. т. I, № 153).

Но въ видахъ возможно полнаго ограниченія переходовъ и въ Юрьевъ день, законодательство предоставляетъ землевладѣльцамъ брать съ уходящаго крестьянина опредѣленную сумму, постепенно повышаемую впродолженіе 16 столѣтія. Въ законахъ Ивана III размѣръ этой платы (пожилое) былъ назначенъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ (полѣхъ) рубль съ двора, въ лѣсистыхъ полтина. Судебникъ Ивана IV, повысилъ ее въ обоихъ случаяхъ еще на 2 алтына. Продававшійся въ холопы освобождался и отъ пожилого. При дороговизнѣ денегъ, взысканіе такой суммы должно было сдѣлать въ большинствѣ случаевъ уходъ крестьянина не только труднымъ, но и совершенно невозможнымъ.

Вмѣстѣ съ этими общими мѣрами для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ издаются постановленія, направленныя къ полному прикрѣпленію всего крестьянства. Чернымъ общинамъна Вагѣ предписывалось въ 1552 году: «старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того (А. А. Э. I, № 234).

Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы уменьшить тяжесть даней и разметовъ, вмѣсто того чтобы уничтожить насилія служилыхъ людей и обуздать произволъ землевладѣльцевъ въ наложеніи оброковъ, вмѣсто того, чтобы устранить эти явленія, которыя само же правительство признавало причиной броженія народа, оно старалось поддержать ихъ авторитетомъ закона.

Въ дѣйствительности, однакожь, эти усилія долго оставались безуспѣшными и всѣ названныя мѣры не достигали своей цѣли. Онѣ слишкомъ противорѣчили правовому сознанію русскаго народа, чтобы найти себѣ безпрекословное повиновеніе. Идея подчиненія закону, создаваемому безъ его участія, приви-

валась весьма медленно къ народу. Правительство же не располагало почти никакими средствами заставить исполнять свои постановленія: у него не было ни дѣятельной администраціи, ни полиціи, ни стройно организованныхъ судовъ. Наперекоръ законамъ, переходы все болѣе усиливались и въ концѣ XVI вѣка приняли, какъ мы видѣли, громадные размѣры. При этомъ ни крестьяне, ни землевладѣльцы нисколько не стѣснялись и срокомъ перехода. Изъ всѣхъ порядныхъ XVI в., и начала XVII в. напечатанныхъ въ актахъ только въ немногихъ срокомъ выхода крестьянъ назначенъ опредѣленный закономъ Юрьевъ день осенній, въ большей же части порядныхъ сроки эти были другіе и приходились на всѣ времена года (Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 185.)

Въ виду страшной будущности остаться безъ рабочаго населенія, осаждаемое челобитьями помѣщиковъ и вотчинниковъ, правительство въ концѣ XVI вѣка рѣшилось наконецъ совершенно запретить переходъ. Первый указъ, до насъ не дошедшій, о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ былъ изданъ, повидимому, въ 1592 или 93 году, какъ можно судить по указу 24 ноября 1598 въ которомъ говорилось, что: „Царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ-за бояръ и изъ за дворянъ и изъ за приказныхъ людей и изъ за дѣтей боярскихъ и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстей и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали *до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ*; и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикамъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащикамъ и служкомъ давати судъ и сыскивати накрѣпко, всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“. Крестьянъ же, выбѣжавшихъ до 1598 года лѣтъ за 6, за 7,

10 и болѣе, ихъ бывшіе помѣщики и вотчинники, если „не бивали челомъ“ отыскивать и вывозить назадъ не имѣли права (А. Ист. I.) Такой указъ, нарушавшій вѣковое право народа, невыгодный для многихъ, особенно мелкихъ землевладѣльцевъ, долженъ былъ возбудить сильное неудовольствіе и повести къ нескончаемымъ жалобамъ и искамъ. По крайней мѣрѣ въ ноябрѣ (28) 1601 года правительство нашло необходимымъ снова» пожаловать во всемъ государствѣ отъ налога и отъ продажъ велѣть крестьянамъ давати выходъ (А. А. Э. т. II, № 20). Тоже стремленіе возвратиться къ старому порядку, узаконенному судебникомъ, выражено въ указѣ 24 ноября 1602 г., равно какъ и въ «памяти» Новгородскимъ пятиконечнымъ старостамъ (30 Ноября того же года). Всѣми тремя указами возстановлялся прежній порядокъ съ Юрьевымъ днемъ подъ угрозой опалы всѣмъ, кто будетъ удерживать, грабить и чинить продажи крестьянамъ (А. А. Э, № 23 и 24). Но подобныя постановленія, очевидно, не могли имѣть продолжительнаго примѣненія. Поворотъ къ прежнему порядку привелъ бы къ прежнему запустѣнію государства и безконечнымъ челобитьямъ владѣльцевъ. При томъ же прикрѣпленіе крестьянъ было весьма выгодно, для крупныхъ вотчинниковъ, располагавшимъ гораздо большими средствами влiять на правительство, чѣмъ всѣ остальные классы. Понятно, что указы 1601 и 1602 г., явно изданные въ интересахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, такъ какъ ими безусловно воспрещался переходъ крестьянъ изъ большихъ и въ большія имѣнья духовенства и знатныхъ служилыхъ людей, равно какъ и съ дворцовыхъ и черныхъ земель, понятно, что такой указъ, дозволявшій къ тому же и мелкимъ владѣльцамъ перезывать не болѣе одного, двухъ человѣкъ, долженъ былъ вызвать сильное недовольство въ боярствѣ. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что бояре болѣе чѣмъ когда либо могли осуществить свои требованія. Смутное время, какъ извѣстно, характеризуется усиленіемъ ихъ вліянія на государственныя дѣла. И не болѣе, какъ чрезъ 4 года послѣ возстановленія прежняго порядка, 1-го февраля 1606 года,

при Лжедимитріѣ I-мъ, былъ изданъ новый указъ совершенно противоположнаго содержанія. Бояре приговорили сыскивать и отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ старымъ помѣщикамъ, безразлично—отошли ли они къ другому помѣщику въ крестьяне, или продались въ холопы. Срокъ для сыска, какъ и прежде, опредѣленъ въ 5 лѣтъ. Исключеніе сдѣлано лишь для тѣхъ крестьянъ, которые сбѣжали во время голодныхъ 1602, 1603 и 1604 годовъ, если будетъ доказано слѣдствіемъ, что они бѣжали въ виду невозможности прокормиться у прежняго помѣщика. Съ того времени политика правительства принимаетъ твердое направленіе и закрѣпощеніе крестьянъ развивается съ неудержимой силой. О Юрьевомъ днѣ, послѣ Бориса, нѣтъ болѣе и помину. Въ такъ называемомъ указѣ царя Василія Ивановича отъ 9 марти 1607 г. [1]) за пріемъ бѣглыхъ крестьянъ опредѣлены даже штрафы. Въ первые годы царствованія Михаила Федоровича срокъ для сыска и вывоза бѣглыхъ крестьянъ былъ увеличенъ съ пяти лѣтъ на десять. Самый указъ не сохранился, и о существованіи его мы узнаемъ только изъ ссылокъ въ указѣ 9 марта 1640 г. и изъ нѣкоторыхъ дѣйствій правительства. Въ 1615 г. было предоставлено Троицкому монастырю отыскивать крестьянъ въ теченіи десятилѣтняго срока. Вслѣдъ за Троицкимъ монастыремъ стали добиваться той же привиллегіи дворяне и дѣти боярскіе украинскихъ и замосковныхъ городовъ, откуда особенно легко было бѣжать въ сосѣднія привольныя степи. Но скоро въ виду насильственнаго вывоза и укрывательства крестьянъ и десятилѣтній срокъ оказался недостаточнымъ. Въ 1640 году (указъ 9 марта) его продлили на 15 лѣтъ для людей и крестьянъ, вывезенныхъ силою изъ имѣній прежнихъ владѣльцевъ, а десятилѣтній срокъ былъ оставленъ для сыска лишь тѣхъ крестьянъ и бобылей, которые бѣжали самовольно (А. И. т. Ш, стр. Ш). За каждаго бѣглеца, сверхъ того,

---

[1]) Указъ этотъ напечатанъ у Татищева при Судебникѣ и, по мнѣнію Карамзина и Бѣляева, подлинность его сомнительна (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 111—112).

бралси съ укрывавшаго штрафъ по 5 р. въ годъ. Этотъ указъ относился одинаково какъ къ частнымъ владѣльцамъ, такъ и къ дворцовымъ селамъ и чернымъ волостямъ. Въ 1641 году помѣщики сдѣлали въ своихъ домогательствахъ еще шагъ впередъ. Въ этомъ году они подали сообща просьбу о совершенной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Помѣщики били челомъ, чтобы государь ихъ пожаловалъ, бѣглымъ изъ за нихъ крестьянамъ урочныя лѣта велѣлъ отставить; а велѣлъ бы имъ государь тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, кто кому кѣмъ крѣпокъ» (А. И. т. III, стр. 110). Они третировали, очевидно, крестьянъ уже какъ полныхъ крѣпостныхъ. Трудно объяснить, почему правительство не удовлетворило этой просьбы. Можетъ быть, оно считало такую мѣру слишкомъ крутой, желая оставаться вѣрнымъ правилу московскихъ государей все дѣлать постепенно и незамѣтно, „тихимъ московскихъ обычаемъ". Впрочемъ для крестьянъ, послѣ уничтоженія свободы перехода, всѣ эти различія въ срокахъ ихъ вывоза могли имѣть лишь самое ничтожное значеніе, тѣмъ болѣе что они, повидимому, не обнаруживали ни малѣйшаго желанія исполнять новыхъ указовъ.

Ни дружныя усилія вотчинниковъ и помѣщиковъ, ни дѣятельная поддержка со стороны правительства не могли привести къ скорому и полному прекращенію крестьянскихъ переходовъ. Необходимо было побѣдить множество препятствій, выдержать упорную и продолжительную борьбу съ естественною потребностью человѣка въ свободѣ, съ вѣковыми привычками народа, поддерживаемыми самими природными свойствами страны. Борьба эта была тѣмъ труднѣе, что правительство дѣйствовало безъ всякаго плана и твердости.

Указы о прикрѣпленіи редактированы такъ не точно, что, неизвѣстно, имѣли ли они въ виду только тѣхъ крестьянъ, которые сидѣли на землѣ, — состояли въ тяглѣ, — или всѣхъ вообще. По мнѣнію Бѣляева (Крестьяне на Руси) указы могли относиться только къ первымъ. Но кромѣ тяглыхъ въ древ-

ней Россіи было много людей вольныхъ, не тягольныхъ, не пашенныхъ крестьянъ и бобылей: дѣти и братья домохозяевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, племянники и подсусѣдники (А. А. Э. т. Ш, № 217; Ср. П, № 133 и друг. м.). Нельзя было этихъ вольныхъ людей прикрѣпить къ землѣ уже потому, что они не пользовались ею. Заставлять же брать землю насильно еще не вошло въ обыкновеніе. Относительно этихъ затяглыхъ крестьянъ и бобылей издавались не разъ указы, дозволявшіе перезывать ихъ (А. А. Э. т. Ш, № 265. Ср. А. И. т. Ш, № 211). Условія перехода какъ они обозначены въ многочисленныхъ порядныхъ, сохранившихся отъ XVП вѣка, во многомъ сходны съ тѣми, какія были до прикрѣпленія. Разница относится главнымъ образомъ къ размѣрамъ суммы, взыскиваемой землевладѣльцами при уходѣ крестьянъ: въ XVП вѣкѣ она была значительно больше, чѣмъ прежде. Напримѣръ, крестьяне давшія въ 1630 году порядныя записи Тихвину монастырю, между прочимъ договорились, что если они вздумаютъ „рядиться жить во крестьяне въ монастырщину или боярщину" или за кого бы то ни было, то игуменъ имѣлъ право взять съ нихъ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу по 30 рублей московскую съ человѣка (А. Юр. № 196, І. П. Ср. № 194, стр. 205 отъ 1628 г.). Правда, съ порядныхъ XVП в. вольные люди, рядясь въ крестьянство, обыкновенно писали: „а съ той земли мнѣ не сойти и ни за кого не порядиться и не задаться"; но не говоря уже о постоянныхъ фактическихъ нарушеніяхъ такого обязательства, во многихъ порядныхъ прямо выговаривается право перехода, впрочемъ, всегда съ условіемъ или заплатить убытки или посадить на свой участокъ жильца. „А будетъ мнѣ, Ивану, тутъ не поживется, сказано въ одной порядной въ Софійскую вотчину митрополита Никона, и мнѣ бы вольно на свое мѣсто иного порядить на тотъ участокъ, а мнѣ бы выйти на иное мѣсто въ Софійскую же вотчину или куда ссяжно". (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 169). Нуженъ былъ правильно организованный контроль, чтобы подъ именемъ вольныхъ людей не переходили тяглые крестьяне. Такого контроля не существо-

вало въ московскомъ государствѣ и законы оставались мертвой буквой. Уходъ крестьянъ, напротивъ, повидимому усиливался, и притомъ за предѣлы государства. Переходъ съ земли одного владѣльца на землю другаго не могъ теперь представлять для крестьянина тѣхъ выгодъ, какія онъ имѣлъ прежде.

Экономическій гнетъ усиливался съ каждымъ годомъ и нужны были очень счастливыя обстоятельства, чтобы крестьянинъ, разъ порядившійся на землю извѣстнаго владѣльца, могъ перейти отъ него, если бы даже въ порядной и была выговорена свобода перехода. Власть помѣщика надъ личностью крестьянина съ изданіемъ закона о прикрѣпленіи должна была необходимо расшириться, и въ большинствѣ случаевъ прикрѣпленный крестьянинъ фактически дѣлался закрѣпощеннымъ личности помѣщика. Особенно должна была возрасти эта власть послѣ изданія Уложенія, которымъ отвѣтственность во взносѣ податей возложена исключительно на помѣщиковъ. Въ силу 6-й статьи XI главы Уложенія за бѣглаго крестьянина платитъ налоги владѣлецъ, и при томъ не тотъ, къ которому крестьянинъ бѣжалъ, а тотъ изъ за кого онъ вышелъ. Правительство имѣло въ виду такимъ постановленіемъ устранить путаницу въ платежѣ податей, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняло крестьянина вполнѣ волѣ помѣщика. Другимъ постановленіемъ (10-я статья той же главы) помѣщику предоставлено право взыскивать за бѣглаго крестьянина съ укрывателя по 10 рублей за государевы подати и помѣщиковы доходы, чѣмъ уничтожалась всякая выгода переманивать крестьянъ для землевладѣльцевъ и всякая надежда избавиться хотя бы отъ казенныхъ податей для крестьянъ. Въ 60 годахъ XVII столѣтія прикрѣпленіе къ землѣ уже вполнѣ замѣнилось прикрѣпленіемъ къ личности помѣщика: въ оффиціальныхъ книгахъ сначала въ приказѣ холопьяго суда, а потомъ также и въ помѣстномъ приказѣ стали записываться, какъ законныя, сдѣлки о продажѣ людей безъ земли (Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 164). Крѣпостное право установилось: вольные крестьяне были признаны зако-

номъ рабами и если они не сдѣлались ими, то благодаря совершенно инымъ обстоятельствамъ.

Но нужно было употребить еще много усилій, чтобы добиться исполненія закона, шедшаго въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ жизни крестьянства. Трудно было достигнуть исполненія такого закона уже потому, что крестьяне имѣли полную возможность уклониться отъ подчиненія ему. Стоило лишь перебраться за южный рубежъ московскаго государства, что бы найти всѣ условія для свободной жизни. На всемъ громадномъ пространствѣ отъ южнаго конца Уральскаго хребта до Дона и предгорій Кавказа простирались привольныя степи съ богатой первобытной почвой, дававшей обильные урожаи при самой ничтожной затратѣ труда. Но не было даже нужды заниматься земледѣліемъ: роскошная трава давала возможность кормиться однимъ скотоводствомъ, рѣки въ изобиліи доставляли рыбную пищу. Здѣсь не было ни царскихъ воеводъ, ни помѣщиковъ и та „вольная воля", о которой московскій крестьянинъ XV—XVII вѣка зналъ только изъ преданій далекаго прошлаго, могла быть достигнута въ этихъ степяхъ во всей неограниченной полнотѣ и безъ всякой борьбы. И дѣйствительно, по мѣрѣ усиленія гнета, какъ вольные такъ и изстаринные, тяглые крестьяне со всѣхъ концовъ московскаго государства бѣжали въ юго-восточныя украйны. Но понятно, что оставлять родину, хотя бы для того, чтобы попасть въ лучшія условія, не могли они безъ тяжелаго чувства и въ нихъ естественно развивалась жажда мести тѣмъ, кто былъ причиной ихъ невольнаго бѣгства. Бунтъ Стеньки Разина представляетъ лишь одно изъ наиболѣе крупныхъ проявленій народной мести. Правительство, въ свою очередь, дѣйствовало все съ большей энергіей. По мѣрѣ усиленія побѣговъ, усиливались и мѣры для ихъ прекращенія. Разсматривая дѣло съ болѣе общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ всего крестьянства и въ связи со всѣми послѣдствіями, надо признать, какъ переходъ XVI вѣка, такъ и побѣги XVI, самою неудачною формою протеста противъ существовавшаго гнета. Правда, переходъ оказалъ благодѣтельное вліяніе на положеніе крестьянъ: онъ спасалъ

ихъ впродолженіе долгаго времени отъ тяжелыхъ повинностей и давалъ возможность избавляться на нѣкоторый срокъ и отъ податей. Землевладѣльцы не могли доводить своихъ требованій до чрезмѣрнаго предѣла подъ опасеніемъ совершенно остаться безъ рабочихъ. Но когда, подъ давленіемъ развивавшихся потребностей, явилась необходимость возвысить эти требованія, и когда, вслѣдствіе того, возникла мысль о всеобщемъ закрѣпленіи, крестьяне разсѣянные по громадному пространству Россіи, искавшіе по прежнему выхода въ переходѣ или бѣгствѣ, должны были неизбѣжно проиграть въ пассивной борьбѣ съ помѣщиками, дѣйствовавшими съ неуклонной энергіей и послѣдовательностью.

Указомъ 15 февраля 1658 года правительство повелѣвало отыскивать бѣглецовъ всѣми средствами и пойманныхъ отдавать по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и по всякимъ крѣпостямъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ холоповъ (людей) въ холопство, а крестьянъ въ крестьянство прежнимъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Тѣмъ же указомъ въ первый разъ велѣно было наказывать бѣглыхъ крестьянъ, раззорявшихъ своихъ владѣльцевъ: ихъ было приказано бить нещадно кнутомъ, а наиболѣе важныхъ „воровъ“, которые, убѣжавъ, убивали помѣщиковъ и вотчинниковъ или ихъ женъ и дѣтей, выжигали ихъ домы, велѣно было казнить смертью (Полн. Собр. законовъ № 220). Это постановленіе важно также въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о степени раздраженія крестьянъ. Принимавшіе и укрывавшіе бѣглыхъ должны были платить штрафъ по Уложенію. Но скоро и по отношенію къ укрывателямъ усилены были мѣры взысканія. Новымъ указомъ отъ 15 сентября 1661 года прикащиковъ, принимавшихъ крестьянъ, самовольно, безъ приказанія господъ, велѣно было бить кнутомъ; если же они дѣйствовали по волѣ владѣльцевъ, то эти послѣдніе обязывались не только перевозить бѣглыхъ крестьянъ къ прежнимъ владѣльцамъ на свой счетъ, но и сверхъ того за каждаго принятаго бѣглаго отдавать въ придачу еще одного своего съ семействомъ и имуществомъ (ibid. 307). Въ 1664 году взысканіе было увеличено: вмѣсто одного

семейства приказано было брать за каждаго бѣглаго четверыхъ (ibid. № 364). Вѣроятно эти постановленія возбудили негодованіе, по крайней мѣрѣ въ 1681 году (31 августа) строгій законъ 1664 года былъ отмѣненъ и правительство нашло необходимымъ возвратиться къ порядку, узаконенному соборнымъ уложеніемъ 1649 года, предписавшихъ взыскивать по 10 рублей за годъ укрывательства каждаго бѣглаго и нѣкоторую сумму за расходы по розыску (ibid. № 891). Но въ 1682 году всѣ помѣщики и вотчинники подали снова общее челобитье, въ которомъ, выставляя на видъ, что крестьяне разбѣжались въ понизовые и украинные города, просили царей уничтожить постановленіе Θеодора Алексѣевича, отмѣнявшее взысканіе четырехъ наддаточныхъ душъ и послать въ тѣ города сыщиковъ для розыска и возвращенія бѣглыхъ людей и крестьянъ и высылки за поруками въ Москву тѣхъ лицъ, которыя ихъ принимали (А. А. Э., т. IV, № 279). Челобитье было удовлетворено лишь на половону. Указомъ 1-го декабря 1682 г. отмѣнялось постановленіе Θедора и за каждаго бѣглаго снова велѣно было брать по 4 наддаточныхъ крестьянина (П. собр. зак. № 972), но слѣдующемъ 1683 году положено было вмѣсто живыхъ людей взыскивать по 20 рублей за каждый годъ пожилого (ibid. 985) Петръ Великій продолжалъ преслѣдованіе бѣглыхъ съ тою же желѣзною энергіей, которая отличала его во всѣхъ поступкахъ. Убѣдившись, что побѣги и укрывательство бѣглыхъ крестьянъ вопреки всѣмъ предъидущимъ распоряженіямъ продолжаются по прежнему, онъ въ 1698 году велѣлъ разослать грамоты и сыщиковъ для сыску бѣглыхъ крестьянъ, причемъ за каждаго бѣглаго приказывалось брать, сообразно съ прежними указами, по четыре крестьянина съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, которыхъ пріемщикъ долженъ былъ отправить на своихъ подводахъ, и 20 рублей въ годъ пожилого, а людей этихъ пріемщиковъ, ужь неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и за какія вины, велѣно было бить кнутомъ (Полн. Собр. законовъ, № 1623). Но въ томъ же году (23 марта) взысканіе наддаточныхъ крестьянъ было отмѣнено, и въ силѣ оставлено было одно пожилое въ 20 руб., за то назначено было жесто-

кое наказаніе кнутомъ для тѣхъ помѣщиковъ, которые бы осмѣлились не пускать къ себѣ и бить посыльныхъ и служилыхъ людей, отправленныхъ для сыска бѣглыхъ. Въ случаѣ же убійства сыщиковъ помѣщики осуждались на смертную казнь. Всѣ эти строгости оказались однакожъ въ концѣ концовъ безуспѣшными. Петръ попробовалъ тогда прибѣгнуть къ новой мѣрѣ. Указомъ 1706 года помѣщикамъ, принимавшимъ бѣглыхъ предписывалось самимъ отсылать назадъ бѣглыхъ крестьянъ подъ угрозой лишенія половины своихъ помѣстій и вотчинъ въ пользу прежнихъ владѣльцевъ укрываемыхъ бѣглыхъ. И эта угроза, однакожъ, не помогла. Въ 1707 г. (5 апр.) Петръ, заявляя, что побѣги и пріемы продолжаются, снова предписывалъ наказывать ослушниковъ. Кромѣ того велѣно было составить сказки на основаніи показаній, какъ помѣщиковъ, вотчинниковъ, ихъ прикащиковъ и старостъ, такъ и „добрыхъ и знатныхъ“ крестьянъ, выбравъ для того по 5 или 6 человѣкъ въ малыхъ, и по 10 — 15 чел. въ большихъ селахъ и деревняхъ. Послѣ этого указа не встрѣчается болѣе распоряженій относительно бѣглыхъ. По всей вѣроятности, убѣдившись въ невозможности достигнуть цѣли при помощи указанныхъ выше мѣръ, правительство пришло къ мысли поставить крестьянъ въ такія условія, чтобы побѣги не представляли для нихъ выгодъ и съ этою цѣлью отдѣлило тягло отъ земли, переложивши его на личность крестьянина. Мѣра эта, впрочемъ, примѣнялась и раньше. Зачатки ея можно видѣть въ указѣ 1682 года, которымъ крестьянинъ, записанный на новомъ мѣстѣ не перевозился назадъ, а долженъ былъ жить и отбывать повинности тамъ, гдѣ его застала перепись. Распоряженіе это относилось впрочемъ только къ крестьянамъ, переходившимъ изъ одной волости въ другую. Наказами писцамъ того же 1682 года велѣно было отдавать бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на дворцовыхъ земляхъ, назадъ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ только въ тѣхъ случаяхъ, если владѣльцы искали ихъ сами, въ противномъ же случаѣ предписывалось записывать бѣглыхъ на новыхъ мѣстахъ. Въ томъ же направленіи принята была еще одна мѣра. Всѣхъ кресть-

янъ, сдавшихъ свои жеребьи и проживавшихъ у кого нибудь въ захребетникахъ и сосѣдяхъ, не платя государевыхъ податей, велѣно было вывозить назадъ; «чтобы въ захребетникахъ никто безъ тягла не жилъ» (ibid. № 981). Но полное осуществленіе мысли объ отдѣленіи тягла отъ земли принадлежитъ царствованію Петра Великаго.

Увлеченный мыслью создать въ Россіи городское сословіе на западно-европейскій образецъ Петръ дозволилъ вотчинниковымъ и помѣщичьимъ крестьянамъ записываться для промысловъ въ тягло по городамъ и слободамъ. Съ переходомъ въ города уничтожались всѣ другія крѣпости на крестьянина, а онъ возвращался владѣльцу лишь въ томъ случаѣ, если не имѣлъ городской собственности или не занимался городскимъ промысломъ (ibid. № 1666; Ср. № 1775). Владѣльцы же перешедшихъ въ городъ крестьянъ освобождались отъ платежа податей, лежавшихъ на ихъ дворахъ. (ibid № 2252). За основаніе раскладки податей, такимъ образомъ, было принято не количество земельныхъ участковъ, а число наличныхъ домохозяевъ. Скоро эта мѣра, относившаяся только къ городамъ Московской губерніи, получила дальнѣйшее развитіе. 14 февраля 1714 Петръ дозволилъ торговать всѣмъ крестьянамъ безъ различія, а 6 мая того же года издалъ указъ, исключавшій изъ раскладки пустые дворы по всей Россіи и предписывавшій брать подати только съ наличныхъ жилыхъ дворовъ, причемъ не дѣлалось различія между старыми и новоприбылыми дворами, «хотя бы кто пришелъ за день до указа». «Понеже, говорилось въ указѣ, не всѣ крестьяне на Донъ или въ Сибирь ушли, а большая часть живетъ ушедъ отъ своихъ помѣщиковъ за иными помѣщиками, того ради равнымъ образомъ переписать вездѣ и прибылые дворы, въ которыхъ селѣхъ и деревняхъ сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ крестьянъ прибыло; хотя бы за день до сего указа перешли куда жить, то брать съ прихожихъ тожъ, что и съ подлинныхъ доведется взять за всѣ годы, за которые доимка. А понеже иные не платили за пустотою, то съ оныхъ отнюдь не править». Подобный указъ долженъ былъ въ значитель-

ной степени уменьшить въ крестьянахъ стремленіе къ переселеніямъ, а въ помѣщикахъ охоту перезывать крестьянъ, такъ какъ одна изъ выгодъ переселенія, заключавшаяся въ возможности укрыться отъ государевыхъ податей, была теперь уничтожена.

Сдѣланный нами бѣглый обзоръ развитія законодательства относительно прикрѣпленія крестьянъ, при всей его неполнотѣ, даетъ основаніе сдѣлать тотъ выводъ, что иниціатива въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ принадлежала помѣщикамъ и вотчинникамъ, и что только со второй половины XVII вѣка правительство стало дѣйствовать самостоятельно.

Въ нашей исторической литературѣ укоренилось мнѣніе, что крѣпостное право было государственнымъ установленіемъ. Крестьяне были сначала прикрѣплены къ землѣ, а потомъ закрѣпощены за помѣщиками въ видахъ исправнаго исполненія помѣщиками службы государству и въ видахъ болѣе правильнаго поступленія въ казну податей. Такое объясненіе представляется довольно правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе что дворяне въ своихъ челобитныхъ мотивировали просьбы о преслѣдованіи бѣглыхъ (А. А. Э. т. IV. № 14) именно невозможностью отправлять службу при выходѣ крестьянъ съ ихъ земель. Но здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Допуская такое объясненіе, необходимо признать, что интересы государства всецѣло и исключительно сливались съ интересами одной части его подданныхъ, въ жертву которымъ оно принесло существеннѣйшія права громаднаго большинства остальныхъ подданныхъ.

Дѣйствительно всѣ дѣйствія правительства въ XVII и въ XVIII вѣкахъ доказываютъ, что оно смотрѣло на свои обязанности съ этой узкой точки зрѣнія. Отдавая крестьянъ въ полнѣйшее распоряженіе владѣльцевъ наравнѣ съ землей, предоставляя этимъ послѣднимъ право суда «во всѣхъ ихъ крестьянскихъ дѣлѣхъ» оно не предпринимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ для огражденія личности крестьянина отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Оно ограничивалось лишь совѣтами и приказаніями защищать крестьянъ отъ стороннихъ

людей, брать съ нихъ подати «по силѣ» «причемъ опредѣленіе этой силы предоставлялось владѣльцу, не отнимать у нихъ «насильствомъ» имущества. Но въ источникахъ нѣтъ свѣдѣній, подвергались ли владѣльцы наказаніямъ въ случаѣ неисполненія подобныхъ совѣтовъ, между тѣмъ данныхъ и самыхъ крайнихъ злоупотребленіяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, третировавшихъ своихъ крѣпостныхъ какъ рабовъ, множество. (Котошихинъ, XI, 3. Ср. Исторія Россіи Соловьева, IX, стр. 429). Нѣкоторые писатели стараются доказать впрочемъ, что крѣпостное право было введено въ интересахъ самихъ крестьянъ.

„Обезземеленіе крестьянъ, говоритъ г. Градовскій, былъ печальный, но всеобщій фактъ XVI вѣка. Вдумываясь въ его значеніе нельзя не прійдти къ заключенію, что крѣпостное право было, можетъ быть, еще хорошимъ исходомъ изъ этого положенія вещей. Можетъ быть, безъ него крестьянъ ожидало бы простое холопство, полное рабство". Чрезъ четыре строки „можетъ быть" изчезаетъ и говорится прямо: „Холопство принимало страшные размѣры, и указъ, закрѣпившій крестьянъ, спасъ ихъ отъ худшей доли". Эта если не единственная, то во всякомъ случаѣ одна изъ немногихъ мыслей, на которыя г. профессоръ можетъ заявить право собственности, не подтверждается имъ ничѣмъ, кромѣ совершенно невѣрной ссылки на судебникъ, который будто бы принималъ энергическія мѣры противъ развитія холопства. Если бы авторъ попробовалъ обратиться къ изученію источниковъ, напримѣръ, писцовыхъ книгъ, то онъ, конечно, не сочинилъ бы такого панегирика крѣпостному праву. Въ Ажолобицкомъ погостѣ Деревской пятины въ 1500 году на 260 крестьянъ было всего 10 людей (холоповъ), въ Еглинскомъ на 282 крестьянина—21 холопъ, въ

---

[1]) Исторія мѣстнаго управленія въ Россія т. I. Введеніе. Уѣздъ(?) Московскаго государства. Послѣдняя часть заглавія совершенно непонятна, какъ непонятна была бы фраза „Гдовскій уѣздъ, включающій въ себѣ Россійскую Имперію".

Короцкомъ погостѣ первыхъ было 57, вторыхъ—4 человѣка, въ Нерецкомъ—первыхъ было 88, вторыхъ 2, въ Ужиньскомъ погостѣ на 183 крестьянина приходилось 11 холоповъ. Подобное же отношеніе было и въ другихъ погостахъ, а въ нѣкоторыхъ—даже совсѣмъ не встрѣчается холоповъ. Писцовыя книги другихъ уѣздовъ XVI и XVII вѣка. (См. Писц. кн. изд. Калачева) почти совсѣмъ не упоминаютъ о холопахъ. Такимъ образомъ страшное развитіе холопства въ древней Россіи такое же открытіе, какъ и миѳическій „уѣздъ Московскаго государства".

Что касается до другихъ объясненій значенія крѣпостнаго права, въ родѣ, напримѣръ, того, что оно будто бы пріучило народъ цѣнить блага осѣдлой жизни (побѣги цѣлыми массами и бунты крестьянъ доказываютъ конечно лишь чрезмѣрную тупость народа, неспособнаго понимать этихъ благъ) и слѣдовательно имѣетъ значеніе прогрессивнаго фактора (Хлѣбниковъ) и тому подобныхъ измышленій, выдаваемыхъ у насъ за научныя истины, то несостоятельность ихъ слишкомъ очевидна, чтобы останавливаться на ихъ опроверженіи.

Гораздо полезнѣе заняться рѣшеніемъ вопроса, отчего крѣпостное право при множествѣ благопріятныхъ для того условій не перешло у насъ въ полное рабство? Оставляя въ сторонѣ соображенія правительства, которое волей-не волей должно же было въ своихъ выгодахъ препятствовать такому превращенію, и свойства помѣстной системы, мы ограничимся разсмотрѣніемъ лишь наиболѣе важнаго условія, препятствовавшаго развитію рабства—общиннаго землевладѣнія. Если бы землевладѣльцы древней Россіи имѣли дѣло съ отдѣльными лицами, то лишеніе крестьянина возможности предлагать свой трудъ, гдѣ онъ считалъ выгоднымъ, и прикрѣпленіе его къ землѣ одного владѣльца при неизбѣжной конкурренціи наемщиковъ, повело бы къ чрезмѣрному повышенію арендной платы за землю, къ той же „мучительной рентѣ", которая существуетъ въ Ирландіи. Не имѣя права уйти отъ землевладѣльцевъ, крестьяне были бы принуждены соглашаться на всѣ требованія помѣщика. И весьма вѣроятно,

что лишь немногіе изъ нихъ не сдѣлались бы изъ вѣчныхъ должниковъ кабальными холопами.

Община предупредила этотъ страшный результатъ. На землѣ каждаго владѣльца жила группа земледѣльцевъ пользующихся сообща и на равномъ правѣ взятой ими помѣщичьей землей. Уменьшеніе района крестьянской земли и возвышеніе оброка за нее должно было влечь за собой измѣненіе какъ въ объемѣ участковъ всѣхъ членовъ общины, такъ и въ суммѣ платежей за нее. Провести подобную мѣру было, очевидно, гораздо труднѣе, чѣмъ отнять землю или увеличить оброкъ съ отдѣльнаго крестьянина.

Результаты, въ послѣднемъ случаѣ достигаемые легко посредствомъ конкурренціи, при общинѣ могли быть достигнуты только принудительными мѣрами, для проведенія которыхъ не было достаточно сильныхъ средствъ, ни у владѣльцевъ, ни у правительства. Права общины охранялись не только членами ея, за нихъ стоялъ обычай, уваженіе къ которому связывало одинаково обѣ стороны.

Нельзя было уменьшить размѣровъ крестьянской земли и потому еще, что по количеству ея взимались съ крестьянъ государственныя подати и отбывались повинности.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ крестьянская земля и послѣ прикрѣпленія, была отдѣляема отъ господской, [1]) а размѣры ея и сумма повинностей за нее, по крайней мѣрѣ въ первое время оставались тѣже, что и до прикрѣпленія. По Бѣлевской писцовой книгѣ на выть приходилось около 6 десятинъ въ трехъ поляхъ доброй земли, 7 дес.—средней и 8—худой (12 четвертей первой, 14—второй и 16—третьей) въ трехъ поляхъ—почти тоже, что было и въ XVI вѣкѣ. Сравненіе грамоты Новинскаго монастыря 1590 года съ наказомъ Корса-

[1]) За Петромъ Ивановымъ сыномъ Юшковымъ — пашни паханыя вотчинниковъ 10 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни 16 четвертей (Бѣлевская Вивліоѳика, книга II, стр. 51. Ср. Временникъ, Смѣсь стр. 41—54).

кова 1662 года доказываетъ, что и размѣры повинностей измѣнились немного (Бѣляевъ, стр. 139). Охраняя своихъ членовъ отъ экономическаго гнета извнѣ, община по самому существу своего устройства должна была въ тоже время противодѣйствовать развитію пролетаріата внутри, помогая упалымъ и поощряя безпечныхъ и вообще поддерживая благосостояніе своихъ членовъ на одинаковомъ уровнѣ. Никакая финансовая система не могла бы безъ могущественнаго дѣйствія общины достигнуть такого равенства крестьянскихъ участковъ, какое было повсюду въ древней Россіи [1]). Въ этомъ отношеніи не было раз-

---

[1]) Гг. Герье и Чичеринъ въ сочиненномъ ихъ общими силами памфлетѣ «Русскій Диллетантизмъ и общинное землевладѣніе», въ одномъ изъ примѣчаній, посвященномъ моей книгѣ „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи" съ обычной своей развязностью утверждаютъ, будто я не имѣлъ основанія сказать, что древняя русская община „надѣливши своего члена наравнѣ съ другими участкомъ земли въ большей части сѣверныхъ селеній предоставляла ему полную свободу въ распоряженіи доходомъ отъ земли". Но если бы они дали себѣ трудъ заглянуть въ источники, напримѣръ, писцовыя книги новгородскихъ пятинъ, то они нашли бы тамъ всеобщее равенство крестьянскихъ участковъ, на что я указалъ въ многихъ мѣстахъ своей книгѣ. (См. особенно стр. 26 и 82). Какимъ образомъ могло явиться такое равенство, если бы не было равнаго распредѣленія земли? Они не понимаютъ далѣе совмѣстнаго существованія общиннаго землевладѣнія и свободы распоряженія землей, не смотря на приведенныя въ доказательство такой совмѣстимости факты,—въ такомъ случаѣ мнѣ остается только посовѣтовать имъ побывать въ деревняхъ Олонецкой, Вологодской и друг. сѣверныхъ губерній, или, покрайней мѣрѣ, повнимательнѣе прочесть мою книгу и указываемыя въ ней статьи. Впрочемъ относительно г. Чичерина можно напередъ сказать, что его не убѣдятъ никакіе факты, никакія наблюденія, какъ не убѣдили его новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ невозможности считать семью первой стадіей исторіи, а экономическія—въ совершенной ложности выводовъ политической экономіи (см. его политическія ученія, т. IV и начало V-го). Для г. Чичерина имѣютъ цѣну лишь такіе факты, которые легко нанизываются на гегелевскую схему, искаженную имъ, замѣтить кстати, до смѣшного. Что касается до упрека въ навязываніи идеаловъ народной жизни, то, не говоря уже о томъ, что нужно быть очень непритязательнымъ и недальновиднымъ, чтобы заниматься подобными безполезными упражненіями, я желалъ бы спросить г.

ницы между изстаринными и новоприбылыми членами общины. Вольный человѣкъ, порядившись отдѣльно съ владѣльцемъ, вступалъ, затѣмъ, въ общину на одинаковыхъ условіяхъ со всѣми остальными крестьянами даннаго помѣстья. Община правда не могла предупредить бобыльства, такъ какъ многіе находили выгоднымъ для себя дробить и тягла, но она спасла русскій народъ отъ повальнаго рабства. Прослѣдивши исторію земледѣльческаго класса внутри московскаго государства, мы обратимся теперь къ изслѣдованію судьбы крестьянъ, выбѣжавшихъ за его предѣлы въ юговосточныя степи.

X.

Обширное пространство, простирающееся отъ Дона и его притоковъ до южнаго конца Уральскаго хребта и отъ средняго теченія Волги до предгорій Кавказскаго хребта и занимаемое въ настоящее время областью Войска Донскаго, губерніями: Ставропольской, Астраханской, Саратовской частью Воронежской, Самарской, Уфимской и землей Уральскаго войска, представляло въ XV вѣкѣ почти безлюдную степь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ которой блуждали Ногайцы. Венеціанскій путешественникъ Контарини, возвращавшійся изъ Персіи чрезъ Астрахань и Москву, нашелъ эти страны совершенно не населенными и только вблизи Рязани встрѣтилъ первыя поселенія. Даже въ 1521 г. въ наказѣ царскому послу Третьяку Губину

Чичерина, на чемъ основываетъ онъ такое обвиненіе? Чѣмъ онъ докажетъ также, что я недобросовѣстно пользовался источниками? Надо сожалѣть, что подобные не литературные пріемы до сихъ поръ продолжаютъ практиковаться въ нашей литературѣ. Пора бы ихъ бросить уже потому, что они слишкомъ истасканы еще Булгаринымъ, чтобы быть для кого либо убѣдительными. Всего чаще такія обвиненія обрушиваются на изслѣдователей народныхъ обычаевъ, и чѣмъ вѣрнѣе ихъ выводы, чѣмъ добросовѣстнѣе ихъ отношеніе къ своей задачѣ, тѣмъ легче они рискуютъ подвергнуться инсинуаціямъ. Но виноваты ли эти изслѣдователи, что принципы, лежащіе въ основаніи народныхъ обычаевъ, діаметрально противоположны взглядамъ, излюбленнымъ гг. Чичеринымъ, Герье и имъ подобными?

говорится что всѣ земли отъ Азова вверхъ по Дону по переволоку и до устья Медвѣдицы были пусты и принадлежали частію азовцамъ, частью татарамъ (Труды донскаго войсковаго статистическаго комитета. Выпускъ первый. Новочеркаскъ 1867. стр. I). Наша задача заключается въ томъ, чтобы прослѣдить, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ постепенное заселеніе юговосточныхъ окраинъ русскими переселенцами и возстановить внутреннее устройство основанныхъ ими колоній. Первыя русскія поселенія появились въ мѣстности, орошаемой Дономъ и его притоками, съ которой мы и начнемъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о заселеніи этой мѣстности, мы должны сдѣлать очеркъ природныхъ условій ея, оказавшихъ могущественное вліяніе не только на направленіе колонизаціи, но и на образъ жизни, равно какъ и на общественныя отношенія поселенцевъ.

Направленіе русской колонизаціи въ этомъ краю опредѣлилось теченіемъ рѣкъ. Главный недостатокъ степной полосы состоитъ въ слабомъ орошеніи. По незначительности своихъ размѣровъ, Азовское и Черное моря не могутъ дать влаги въ количествѣ, достаточномъ для правильнаго орошенія страны и образованія водныхъ путей, удобныхъ для судоходства. Рѣкъ и рѣчекъ здѣсь не много. Наиболѣе важный изъ водныхъ путей, Донъ, въ сухое время пересыхаетъ, образуя множество мелей. Дождя выпадаетъ мало, какъ и во всей степной полосѣ, особенно весною и въ началѣ лѣта, что должно было мало располагать переселенцевъ къ занятію земледѣліемъ, такъ какъ въ это именно время хлѣбъ всего болѣе нуждается въ орошеніи. Бываютъ годы, когда во все время роста хлѣба, совсѣмъ не выпадаетъ дождя, тогда бываютъ страшныя засухи (Чаславскій, Земледѣльческіе отхожіе промыслы. Сборникъ государственныхъ знаній, т. 2). За то бываютъ, правда, годы, что два, три хорошихъ дождя производятъ урожаи въ самъ—50.

Въ виду такого непостоянства урожаевъ, а главнымъ образомъ въ виду неудобствъ вести въ пустынной степи осѣдлую жизнь земледѣльца, сопряженную съ значительными затратами, при постоянной опасности подвергнуться нападеніямъ

хищниковъ, земледѣліе могло сдѣлаться здѣсь господствующимъ занятіемъ лишь съ прекращеніемъ всякой возможности питаться продуктами звѣроловства, скотоводства и рыбной ловли. Какъ ни быстро увеличивалось населеніе Донской области, но при благопріятныхъ природныхъ условіяхъ, существующихъ тамъ, нужно очень много времени, чтобы потребовалось такая перемѣна. Луговыя степи, покрытыя толстымъ слоемъ чернозема, представляли всѣ условія для развитія обширнаго скотоводства. И дѣйствительно, даже въ самое недавнее время степная полоса была по преимуществу полосою скотоводства. Огромныя стада паслись на степяхъ, никогда не тронутыхъ сохой, сами добывая зимою кормъ изъ подъ снѣга, такъ что запасаться сѣномъ приходилось лишь на время гололедицы. Но не скотоводство составляло главный источникъ средствъ существованія для первыхъ поселенцевъ Дона. Чтобы заниматься имъ необходимо было жить разсѣянно по всему пространству области, перекочевывая, по мѣрѣ истощенія травы, съ одного мѣста на другое, въ постоянномъ ожиданіи нападеній ногаевъ и татаръ. При томъ же оно требовало и гораздо большихъ средствъ, гораздо болѣе значительной траты труда, чѣмъ звѣроловство и рыболовство въ такой многорыбной рѣкѣ, какъ Донъ, которое въ первый періодъ и было главнѣйшимъ занятіемъ донцовъ. Скотоводство служило лишь какъ подспорье.

Въ раннюю пору общественнаго развитія природа, какъ извѣстно, оказываетъ могущественное вліяніе на человѣка. Сосредоточеніе донскихъ поселенцевъ по берегамъ Дона обусловило не только выборъ извѣстныхъ занятій для добыванія средствъ къ существованію, оно въ значительной степени вліяло и на характеръ казаковъ, отличавшихся всѣми свойствами прирѣчныхъ жителей, незнакомыхъ съ трудностями земледѣлія, и на ихъ общественное устройство. Мы увидимъ далѣе, что начало вражды казаковъ съ ихъ сосѣдями, Азовцами, вражды, наполнявшей большую часть ихъ жизни, слѣдуетъ искать отчасти въ борьбѣ за обладаніе Дономъ, хотя, разумѣется, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи вражда эта была обусловлена совершенно иными вліяніями.

Переходя къ изслѣдованію исторіи и быта Донскихъ

поселенцевъ, мы должны доказать еще, что поселенцы эти пришли сюда изъ Московскаго государства. Вопросъ о происхожденіи донскихъ казаковъ остается до сихъ поръ далеко неразрѣшеннымъ, раздѣляя, такимъ образомъ, участь большей части важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи. Кромѣ недостаточности источниковъ, несовершенства общепринятыхъ историческихъ методовъ, разъясненію судьбы казачества мѣшаетъ еще общая склонность историковъ, какъ центральныхъ, такъ и особенно мѣстныхъ, приступать къ изслѣдованію фактовъ съ предвзятыми цѣлями, неимѣющими никакого отношенія къ наукѣ, и узкій, совершенно невѣрный взглядъ на казачество, какъ на сословіе военное. Изъ всѣхъ изслѣдователей только Сухоруковъ и отчасти Костомаровъ свободны до нѣкоторой степени отъ послѣдняго недостатка.

Донскіе писатели, за исключеніемъ Сухорукова, до послѣдняго времени занимались исключительно лишь восхваленіемъ военныхъ доблестей своихъ соотчичей, считая, вѣроятно, военныя наклонности особенно цѣннымъ качествомъ. Прошедшее казаковъ представлялось ими въ видѣ какой-то непрерывной Иліады. Задаваясь нехитрою цѣлью собрать всевозможныя данныя для убѣжденія читателей въ «безпримѣрной славѣ» донскихъ казаковъ, созданной ихъ небывалыми доблестными дѣяніями, ихъ неслыханными заслугами предъ Россіей, наивные донскіе исторіографы прибѣгали къ самымъ невѣроятнымъ натяжкамъ, усиливая значеніе однихъ фактовъ и игнорируя массу другихъ. Понятно, что при подобной постановкѣ дѣла не могло быть и рѣчи о сколько нибудь раціональной разработкѣ источниковъ. Надо сказать впрочемъ, что патріотическія усилія донскихъ писателей превратить казаковъ въ рыцарей безъ страха и упрека вызваны были не одною потребностью создать эпопею для услажденія досуговъ празднаго донскаго читающаго люда и вящаго возбужденія мужества въ казакахъ,—поводомъ къ нимъ послужило прежде всего желаніе дать достойный отпоръ обиднымъ нареканіямъ на казачество со стороны историковъ центральной школы. Извѣстно, что большая часть этихъ историковъ, вообще чувствующихъ слабость къ нравоучительному тону, держится самого оскор-

бительнаго мнѣнія о казакахъ, особенно о первомъ самостоятельномъ періодѣ ихъ исторіи до Петра Великаго. По ихъ мнѣнію казачество образовалось изъ «русскихъ бѣглецовъ и разбойниковъ» (Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества) «людей бѣглыхъ разныхъ россійскихъ, а наиболѣе украинскихъ городовъ, искавшихъ дикой вольности и добычъ въ опустѣлыхъ улусахъ орды Батыевой» (Карамзинъ). «Одни укрывались здѣсь, говорятъ авторы историческаго описанія Земли Войска Донскаго, избѣгая притѣсненій отъ владѣльцевъ, другіе, увлекаясь своевольствомъ, алчностью къ добычѣ и грабежамъ... и грабили здѣсь все, что могли». По мнѣнію Соловьева, сюда удалялись бездомные и преступники, которыхъ по закону никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ принимать, а общества держать у себя, хотя бы они прежде состояли членами ихъ. Еще хуже думаетъ о казакахъ Кояловичъ, превращающій Донскую область въ какую то клоаку, куда стекались „испорченныя силы русскаго народа, питомцы неестественно-натянутой русской жизни временъ Іоанновыхъ первыхъ, третьихъ и четвертыхъ, негодные люди, испорченные злыми началами управленія". Еще въ XVII вѣкѣ одинъ персидскій шахъ выразился про казаковъ, что это такіе люди, что гдѣ-бы они не завелись, ихъ всегда хотѣніе одно, какъ бы человѣка убить и ограбить. Огорченный такимъ предосудительнымъ поведеніемъ казаковъ и вѣрный своему правилу уснащать историческое повѣствованіе поучительными сентенціями, Карамзинъ не безъ сожалѣнія заключаетъ, что, „происхожденіе казаковъ не весьма благородно". „Слово, сказанное кстати, говоритъ г. Костинъ (Донская Газета 1874, № 23. О происхожденіи донскихъ казаковъ) производитъ всегда сильное дѣйствіе на тѣхъ, кого касается. Казаки глубоко почувствовали этотъ укоръ. Какъ на бѣду же въ эту пору наша донская интеллигенція только что достигла правъ именно на благородство происхожденія, а тутъ вдругъ опять этакая аттестація! Не обидно-ли?... Этого мало,—вслѣдъ за такими коновожатыми прочіе русскіе хлыщи, которымъ уже какъ есть нечѣмъ было больше величаться, какъ своей сословной спѣсью, туда же ну колоть намъ тоже этимъ неблагородствомъ происхожденія. Мочи не стало у нашей интеллигенціи, и вотъ

она рѣшилась доказать, что это не только ложь, но и клевета, что казаки не только не воры и не разбойники, а, напротивъ, такіе люди, какихъ свѣтъ мало производилъ! Всякій почти, кто брался за перо у насъ, непремѣнно парадировалъ на эту тему. Образовался цѣлый родъ пѣснопѣній, явилась настоящая традиція самопоклоненія". Увлеченіе культомъ казачества коснулось и такихъ писателей, которые во многихъ случаяхъ обнаружили способность критически относиться къ изслѣдуемымъ явленіямъ.

Можно было бы составить весьма солидную коллекцію курьезныхъ теорій, сочиненныхъ донскими писателями съ патріотическою цѣлью снять съ своихъ соотчичей мнимый позоръ происхожденія отъ русскихъ бѣглецовъ и разбойниковъ, но ограничимся наиболѣе выдающимися измышленіями. Поповъ производилъ казаковъ ни болѣе ни менѣе, какъ отъ амазонокъ. Пудавовъ не углубляется такъ далеко въ древность и довольствуется болѣе скромной генеалогіей, по которой первые казаки произошли отъ русскихъ людей, проживавшихъ въ услуженіи у казаръ и тамъ усвоившихъ себѣ военный духъ. Но единственное основаніе для такого предположенія представляетъ, повидимому, лишь нѣкоторое созвучіе словъ казаръ и казакъ,—основаніе, во всякомъ случаѣ, не твердое. Ульяновъ (Донская газета 1873 г., „Старина Донскихъ казаковъ") производитъ Донцовъ отъ бѣглецовъ изъ Рязани, бѣжавшихъ и долго жившихъ будто бы на Кавказѣ, откуда въ XV вѣкѣ они, сначала подъ именемъ Азовскихъ казаковъ, потомъ Донскихъ, являются на Дону. Его доказательства, состоящія главнѣйшимъ образомъ изъ мнѣній Карамзина, Ригельмана, Морошкина и другихъ писателей, неподтвержденныхъ свидѣтельствами источниковъ, всесторонне разсмотрѣны и опровергнуты въ указанной выше статьѣ Костина. Трудъ наиболѣе безпристрастнаго и талантливаго изъ донскихъ историковъ В. Сухорукова (Историческое описаніе Земли Войска Донскаго) къ сожалѣнію подвергся передѣлкѣ невѣжественныхъ редакторовъ (Богдановича), такъ что его мнѣніе о происхожденіи донскихъ казаковъ въ точности неизвѣстно, хотя есть основаніе думать, что онъ держался взгляда, по которому казачество

образовалось изъ выходцевъ различныхъ національностей, преимущественно русской.

Также мало изслѣдованъ и весь періодъ самостоятельной жизни казачества, особенно его общественнаго устройства. Вообще исторія нашихъ окраинъ, въ томъ числѣ и Дона, можно сказать, еще не разрабатывалась. Писано о нихъ много и у насъ и за границей, но все это или нелѣпые вымыслы, повторяемые безъ критики одними писателями вслѣдъ за другими, или сырыя данныя, не связанныя между собою никакой идеей. Вымыслами особенно изобилуютъ заграничныя издѣлія о казачествѣ [1]).

Въ однихъ изъ нихъ казаки представляются какими-то центаврами, людьми, проводящими всю жизнь на лошади, въ другихъ — повѣствуется о ихъ пристрастіи къ сырому мясу, ожерельямъ изъ человѣческихъ ушей и сальнымъ свѣчамъ и пр. Одинъ ученый даже открылъ специфическій казачій запахъ! (Улэ и Вагнеръ, Общая патологія стр. 168). Даже наиболѣе серьезные изъ иностранныхъ писателей имѣютъ такъ мало свѣдѣній о занимающемъ ихъ предметѣ, что, напримѣръ, искренно убѣждены въ происхожденіи донскихъ казаковъ отъ Запорожцевъ (Die Kosaken. Berlin 1861. 8°).

Что касается до русскихъ центральныхъ историковъ, то, увлеченные мыслью прослѣдить постепенное развитіе государственнаго начала, они все свое вниманіе сосредоточивали на фактахъ, уясняющихъ это развитіе, или совершенно игнорируя явленія народной жизни, или останавливаясь на нихъ лишь въ такой мѣрѣ, насколько онѣ препятствовали и содѣйствовали государственному прогрессу. Понятно, что исторія Донской области, явившейся безъ участія Москвы и долгое время жившей самостоятельно, отдѣльною отъ Москвы жизнью, не могла особенно интересовать ихъ и, если они иногда обращались къ ней, то для того лишь, чтобы доказать на этомъ примѣрѣ невозможность существовать внѣ государства, причемъ един-

---

[1]) Въ каталогѣ «Rossica» Публичной Библіотеки перечислены всѣ сочиненія о казачествѣ на иностранныхъ языкахъ. Ихъ оказывается весьма значительное количество.

ственнымъ основаніемъ для такого вывода служило различіе устройства этой области отъ порядковъ Московскаго государства. Обращаясь къ фактическому изложенію исторіи колонизаціи Донской области, мы находимъ первыя извѣстія о существованіи русскихъ поселеній здѣсь не ранѣе XVI вѣка. До этого времени все степное пространство представляло, какъ уже было сказано, безлюдную пустыню, на которой по временамъ происходили ожесточенныя схватки между Волжскими и Крымскими татарами. Такъ, въ 1435 году скитался здѣсь съ своимъ особеннымъ улусомъ царь Мургоза съ Волги, на котораго въ слѣдующемъ году сдѣлалъ нападеніе крымскій ханъ Менгли-Гирей (Карамзинъ, VI. Стр. 173, 191). Повидимому, къ тѣмъ же ордынцамъ слѣдуетъ относить разсказы Пимена, проѣзжавшаго по Дону въ 1389 г., о разбойникахъ въ верховьяхъ этой рѣки. Впрочемъ многочисленныя развалины разныхъ построекъ, даже городовъ, видѣнныя тѣмъ же Пименомъ, доказываютъ, что здѣсь существовало нѣкогда осѣдлое населеніе, стоявшее на извѣстной степени культуры. Можетъ быть это были слѣды поселеній казаръ. Во всякомъ случаѣ они не могли принадлежать русскимъ, какъ это предполагаетъ Ульяновъ, основываясь на нѣкоторыхъ неясныхъ указаніяхъ источниковъ о движеніи русскихъ на Донъ еще въ XIV вѣкѣ. Это движеніе не могло имѣть обширныхъ размѣровъ и было непродолжительно „Частые набѣги ордынскихъ хищниковъ, говоритъ Иловайскій въ своей Исторіи Рязанскаго княжества, заставили русскихъ князей прибѣгнуть къ содержанію въ степи карауловъ, которые могли бы во время извѣщать объ опасности". Начало такихъ карауловъ относится ко второй половинѣ XIV вѣка; въ первый разъ о нихъ упоминается въ грамотѣ митрополита Алексѣя около 1360 года. Вначалѣ они представляли не болѣе, какъ скрытые притоны разъѣзжавшихъ сторожей и станичниковъ, имѣвшихъ обязанностью наблюдать за движеніемъ татаръ, а впослѣдствіи изъ нихъ развилась цѣлая и довольно сложная система пограничной стражи. Въ эпоху Димитрія Донскаго на ряду съ рязанскими встрѣчаются въ степяхъ (степи эти назывались русскими *полемъ*) уже караулы и московскіе. Но рязанское княжество болѣе другихъ нужда-

лось въ подобныхъ мѣрахъ предосторожности, такъ какъ на него падали обыкновенно первые удары кочевниковъ. Олегъ рязанскій (отъ 1350 до 1402 г.), заботясь о безопасности своихъ подданныхъ, старался восполнить недостатокъ естественныхъ границъ и укрѣпленій на юговостокѣ бдительностью сторожевыхъ ратниковъ, разставленныхъ по разнымъ притонамъ въ степяхъ. Благодаря постоянному движенію этой стражи все глубже въ степь, юговосточная граница рязанскаго княжества уже въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, по словамъ Иловайскаго, далеко перешагнула рѣку Воронежъ и углубилась въ степи, гдѣ и опредѣлилась русскими поселеніями. Судя по нѣкоторымъ выраженіямъ грамоты Алексѣя, населеніе это было осѣдлымъ и вообще здѣсь были тѣ же общественныя отношенія, какъ и въ остальной Россіи того времени. Грамота написана „ко всѣмъ крестьянамъ, обрѣтающимся въ предѣлѣ Червеннаго Яру и по карауламъ возлѣ Хоперъ по Дону, попамъ и дьякамъ, и къ баскакамъ, и въ сотникамъ и къ боярамъ". Но въ виду совершеннаго молчанія митрополита Пимена, записывавшаго вообще весьма тщательно все встрѣчавшееся во время путешествія, о русскихъ поселеніяхъ на Дону, можно думать, что приведенныя свѣдѣнія относятся не къ Донскимъ казакамъ. По всей вѣроятности, здѣсь идетъ рѣчь о поселеніяхъ, удаленныхъ отъ Дона и временныхъ, возникавшихъ по мѣрѣ надобности въ защитѣ границъ.

Подъ 1444 годомъ въ лѣтописяхъ упоминается о какихъ-то рязанскихъ казакахъ, составлявшихъ цѣлый отрядъ войска, по всей вѣроятности, отправлявшій пограничную стражу. Очень можетъ быть, что Донскіе казаки переняли это названіе именно отъ рязанцевъ. Во всякомъ случаѣ въ концѣ XV вѣка Донъ былъ совершенно пустъ. Въ 1493 году Мещерскіе казаки, желая добыть „языка" т. е. получить какія либо вѣсти о движеніяхъ татаръ, должны были спуститься подъ самый Азовъ.

Но съ этого времени начинается сильное движеніе русскихъ людей съ разныхъ концовъ государства въ область Дона. Когда въ 1501 году татары волжской и крымской ордъ снова сошлись на Дону (при устьѣ Тихой Сосны) съ своими войс-

ками, то Менгли-Гирей, прося помощи у Ивана III, писалъ: „*люди твои ходятъ на судахъ рѣкой Дономъ*, пришли мнѣ съ ними нѣсколько пушекъ для одной славы и врагъ уйдетъ".— Значитъ, движеніе русскихъ людей было настолько значительно, что для устрашенія врага не было нужды снаряжать новыхъ судовъ. Но Крымскій ханъ совершенно ошибочно думалъ, что эти люди были въ зависимости отъ московскаго князя. Это были, напротивъ, бѣглецы изъ московскаго государства. Испуганный вѣроятно значительными размѣрами, которое принимала эмиграція, Иванъ III писалъ въ 1502 г. княгинѣ Агрипинѣ: „изъ твоего княжества бѣгаютъ на Донъ разные люди и черные, и средніе и торговые и ты - бъ имъ запретила, а ослушается кто и пойдетъ въ *молодечество* и ты - бъ ихъ велѣла казнить, а не велишь ихъ казнить, я ихъ велю казнить и продавать" (Иловайскій). По мнѣнію Иловайскаго подъ молодечествомъ слѣдуетъ разумѣть здѣсь Донскихъ казаковъ. Можетъ быть это молодечество и не приняло еще въ ту пору названія казаковъ, но дѣло въ томъ, что оно отличается всѣми особенностями, свойственными донскому казачеству, »а главное, что оно т. е. молодечество уже существуетъ и даже становится въ какое-то самостоятельное, оторванное положеніе, такъ что обезпокоиваетъ даже московское правительство, больше всего хлопотавшее о томъ, чтобы нивеллировать всѣ сколько нибудь выдающіяся самобытности". Легко понять почему именно въ это время образовалось казачество, если припомнить, „какъ много было поводовъ выдѣляться въ то время разной вольницѣ, ибо то время было временемъ броженія на Руси, временемъ всевозможныхъ переходовъ и бояръ отъ царя и крестьянъ отъ бояръ, время подавленія мѣстныхъ самоуправленій, отрицанія исконно-русскаго уклада народной жизни, уклада вѣчеваго, и все это въ средѣ народа, который во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда борьба начинаетъ превышать его силы снимается и идетъ розно». Понятно, что лишь представилось къ тому удобное мѣсто, такъ началась эмиграція (Костинъ). Въ 1549 году казаки уже стояли на Дону твердою ногою. Въ походѣ этого года ногайскій князь, Юсуфъ, жаловался великому князю, что нѣкто Сарыазманъ, «холопъ твой», на Дону

въ трехъ или четырехъ мѣстахъ городки поставилъ и дѣлалъ нападенія на ногайскихъ татаръ: ногайскіе люди ходили въ Москву съ торгомъ и на возвратномъ пути на нихъ напали стоявшіе на Дону казаки Севрюки, при чемъ однихъ побили и куны ихъ взяли, а другихъ повели къ русскому царю. На жалобы Юсуфа Иванъ IV отвѣчалъ, что эти холопи его въ русской землѣ многое лихо учинили и убѣжали въ „полѣ". Спустя полтора года султанъ турецкій уже жалуется, что русскій царь Иванъ все поле и рѣки у него поотнималъ, отнялъ Донъ и всю волю въ Азовѣ, казаки же царя Ивана съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не даютъ и крымскому царю дѣлаютъ великія обиды (Савельевъ, Трехсотлѣтіе войска донскаго). Въ началѣ 1570 года Иванъ Грозный прислалъ на Донъ свою грамоту, которая считается первой по времени и съ которой начинается признанное московскими царями существованіе донскаго казачества, образованіе котораго, какъ организованнаго цѣлаго, можно отнести, такимъ образомъ, къ первой половинѣ XVI столѣтія.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что главнѣйшій контингентъ казачества доставляли русскіе люди. Тождество языка, религіи, обычаевъ доказываетъ тоже самое. Русскіе цари неоднократно заявляли, что казаки бѣглые русскіе люди. Въ грамотахъ турецкому султану, въ отвѣтъ на его жалобы на казаковъ, московскіе цари отвѣчали, что „донскіе казаки опальные бѣглые и иные казаки тутъ и состарѣлись живучи" (въ 1584 г.) что „на Дону живутъ люди вольные, русскіе бѣглецы, на которыхъ лежитъ опала государева" (въ 1592 и 94 гг.) и вообще, что „нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ, а живутъ тамъ нашего государя бѣглые люди", что „донскіе казаки не по нашему велѣнью живутъ (на Дону), бѣгая изъ разныхъ земель нашего государства и изъ Литовской земли, и всякое мирное и бранное дѣло у нихъ дѣлается безъ нашего вѣдома (Историческое описаніе земли войска донскаго, стр. 55, 62, 86, 90 и др.). Подобнаго же мнѣнія о происхожденіи казаковъ держался и Котошихинъ: „а люди сіи породою москвичи и иныхъ городовъ и новокрещеные татарове и запорожскіе казаки и поляки и ляхи и многіе изъ нихъ московскихъ бояръ

и торговые люди и крестьяне, которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и татьинныхъ и иныхъ дѣлахъ и покрадчи и пограбя своихъ бояръ уходятъ на Донъ и бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ нибудь пріѣхать къ Москвѣ и до нихъ напередъ дѣла никакого не бываетъ ни кому, кто что ни воровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ дѣлъ освобождаются, и дано имъ на Дону жить своя воля".

Нѣкоторые изъ донскихъ историковъ, напримѣръ, Ульяновъ (Старина донскихъ казаковъ), сильно заподозрѣваютъ справедливость и искренность заявленій московскаго правительства, предполагая, что очерненіе казаковъ было однимъ изъ маневровъ „безтактной и безчестной" политики русскихъ дипломатовъ того времени, не умѣвшихъ «ни честно лгать, ни умно обманывать, заботившихся лишь о своихъ личныхъ интересахъ и въ избыткѣ раболѣпства измѣрявшихъ служебныя достоинства количествомъ грязи, выброшенной на головы беззащитныхъ,—благо повѣрять сказаннаго никто не станетъ». Общество и лѣтописцы, слыша кругомъ себя эти злорѣчивыя и настойчиво повторявшіяся розсказни русскихъ бояръ, естественно усвоивали себѣ такое же мнѣніе и заносили, не мудрствуя лукаво, эти гнусныя клеветы въ свою лѣтопись. Но кромѣ раздраженнаго тона и рѣзкихъ эпитетовъ, въ родѣ „воры собаки", которыми награждали лѣтописцы казаковъ, особенно лѣтопись о мятежахъ, нѣтъ никакихъ основаній къ заподозрѣванію справедливости общераспространеннаго и правдоподобнаго мнѣнія о происхожденіи казаковъ, а эти основанія далеко недостаточны. Гораздо вѣроятнѣе объясненіе московской политики, предложенное Сухоруковымъ, по мнѣнію котораго двуличное поведеніе Москвы, съ одной стороны выдававшей казаковъ головой, съ другой — тайно помогавшей имъ всѣми средствами усиливаться, объясняется желаніемъ создать изъ казачества орудіе своихъ цѣлей, не подвергая ни себя, ни казаковъ нападеніямъ непріятелей, тогда еще сильныхъ. Цѣль эта была достигнута вполнѣ: дѣйствуя то угрозами, то лаской, а всего чаще раздачей жалованья, подкупомъ, привлекая на свою сторону наиболѣе выдающихся атамановъ,

разъединяя казачество на враждебныя партіи, московское правительство добилось, наконецъ, того, что донскіе казаки, сбѣжавшіеся въ степь для вольной жизни, не только сами сдѣлались ревностными исполнителями его приказаній, но покорили его власти громадныя области. Болѣе откровенная и крутая политика польскихъ королей, относительно украинскихъ казаковъ, какъ извѣстно, привела совершенно къ противоположнымъ результатамъ. Вмѣстѣ съ бѣглецами изъ московскаго государства въ составъ донскаго казачества входили бѣглецы и изъ Украйны. Переселеніе малороссовъ на Донъ началось еще до 1584 года, но наплывъ ихъ сталъ особенно усиливаться съ 1588 года. Притѣсненія польскою шляхтою малороссовъ, начавшіяся со времени завоеванія въ 1340 г. Польшею Червонной Руси (Галиція, Волынь и Подолія) особенно усилились съ Люблинской уніи, которою открывается рядъ суровыхъ мѣръ, направленныхъ польскимъ правительствомъ и шляхтою къ закрѣпощенію казаковъ шляхтичами и уничтоженію ихъ вольнаго общиннаго устройства. Количество недовольныхъ, центромъ которыхъ, чуть-ли не съ самаго татарскаго нашествія, служило Запорожье, особенно увеличилось со времени раздѣленія Баторіемъ казаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ. Съ выборомъ на престолъ Сигизмунда III, запорожцы, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, подъ предводительствомъ общаго гетмана Сагайдачнаго, начинаютъ ожесточенную борьбу противъ Польши, во имя политической и религіозной свободы. Польское правительство употребляетъ всѣ усилія подчинить своему вліянію Запорожье, употребляя тѣже средства, что и московское относительно донскихъ казаковъ, но съ меньшею послѣдовательностью и меньшимъ успѣхомъ. Не находя желанной воли на Днѣпровскихъ островахъ, нѣкоторые изъ малоруссовъ отправлялись искать ее на Дону. Первая значительная партія запорожцевъ пришла сюда въ 1588 году. Она пришла сухимъ путемъ и, прежде чѣмъ соединиться съ донцами, пробыла годъ у сѣвернаго Донца, живя грабежомъ. Въ 1589 г. запорожцы, вмѣстѣ съ донскими казаками, ходили на Азовъ. Но обыкновеннымъ путемъ для переселенія на Донъ служило имъ море. Преслѣдуемые турецкими

кораблями, запорожцы и прежде нерѣдко спасались въ устьяхъ Дона: большая часть ихъ чрезъ притоки Дона возвращались назадъ, перетаскивая по сушѣ свои мелкія суда на себѣ, не многіе оставались на Дону. Но въ 1630 году въ одинъ день, 16 марта, ихъ явилось до 500 человѣкъ съ приглашеніемъ къ Донскимъ казакамъ идти вмѣстѣ для добычи на море, что и было съ охотою принято. (Историческое описаніе земли Войска Донскаго т. I, стр. 216 и слѣд.). Московское правительство постоянно спрашивало казаковъ о числѣ запорожцевъ на Дону, которыхъ оно не особенно жаловало.

Наконецъ есть много основаній предполагать, что въ составъ казачества вошли также люди и другихъ національностей, кромѣ русской, подобно тому, какъ среди запорожцевъ встрѣчаемъ турокъ, евреевъ и др. Въ очертаніи лица донскіе казаки до сихъ поръ сохранили смѣшанныя черты кавказской и монгольской расъ, съ преобладаніемъ особенностей первой. Многія фамиліи казаковъ указываютъ также на восточное происхожденіе ихъ владѣльцевъ. Первый извѣстный казацкій предводитель носилъ азіатское имя Сарыазманъ. И въ настоящее время на Дону встрѣчаются много прозваній, указывающихъ на происхожденіе татарское, калмыцкое, греческое, нѣмецкое, польское, турецкое, персидское, литовское, сербское, молдавское, валашское, мордовское, мадьярское, цыганское, черкесское и еврейское (Донская Газета 1874 г., № 8).

Подобно Запорожью, Донъ былъ сборнымъ пунктомъ, куда сходились недовольные изъ всѣхъ окружающихъ странъ, рѣшавшіеся лучше переносить лишенія безпріютной скитальческой жизни, чѣмъ подчиниться угнѣтеніямъ. Это было, конечно, наиболѣе сильныя и, вѣроятно, наиболѣе даровитыя личности. Скрещиваніе породъ должно было содѣйствовать развитію ихъ физическихъ и психическихъ качествъ. Все, что мы знаемъ о казакахъ того времени, свидѣтельствуетъ объ ихъ предпріимчивости и страстной любви къ свободѣ, защищаемой ими съ необыкновенной энергіей. Но это не была эгоистическая жажда свободы только для себя. Убѣгая въ степь, казакъ уносилъ съ собою ненависть къ тѣмъ, кто былъ причиною его невольнаго выселенія съ родины въ безлюдную пустыню и горячее сочувствіе

ко всѣмъ угнетеннымъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, будто „казакъ искалъ чрезъ бѣгство изъ общества только личной свободы“, что онъ „являлся въ степь съ тѣмъ узкимъ, младенческимъ взглядомъ на общественныя отношенія, къ какому пріурочила его прежняя среда частной зависимости, что „онъ бѣжалъ вовсе не для того, чтобы трудиться, утвердивъ болѣе правильныя отношенія къ труду: онъ бѣжалъ, чтобы быть вольнымъ казакомъ, а не мужикомъ, ибо съ понятіемъ труда соединялось понятіе мужичества; вольный казакъ, молодецъ, не хотѣлъ работать, или хотѣлъ работать какъ можно меньше, хотѣлъ жить на чужой счетъ, на счетъ чужаго труда“. (С. Соловьевъ). Онъ не хотѣлъ оставаться дома не вслѣдствіе отвращенія къ труду, а потому что продуктами его труда пользовались другіе, потому что личныя права его подвергались съ каждымъ годомъ все большимъ стѣсненіямъ.

Есть основаніе думать, что въ первое время казаки вели мирный образъ жизни и что воинственныя наклонности и неразрывно связанная съ ними въ ту пору страсть къ грабежу развились уже на новомъ мѣстѣ и, главнымъ образомъ, подъ соперничествующимъ вліяніемъ Москвы и крымскаго хана, особенно первой, стремившейся образовать изъ казаковъ надежную стражу противъ татаръ. «Нынѣ, писалъ султанъ хану въ 1574 г., ты межъ казаковъ великую вражду учинилъ; впередъ отъ нихъ нельзя устоять моему Азову; *а вѣдь Азовъ казаками и жилъ, а казаки Азовомъ жили, отчего и было между ними мирно* (Историческое описаніе, стр. 58). Разъ возбужденная страсть къ войнѣ и грабежу должна была развиваться все сильнѣе, если бы она даже и не поощрялась искусственно. Къ тому же, развитію воинственной вражды съ сосѣдями (Азовцами) должно было способствовать также соперничество изъ за обладанія Дономъ. По крайней мѣрѣ, въ 1584 г. Федоръ Ивановичъ, повелѣвая казакамъ прекратить всѣ ссоры съ Азовцами, требовалъ отъ нихъ, главнымъ образомъ, чтобы они дозволили Азовцамъ „безпрепятственно ходить для рыбныхъ ловель, для дровъ и для иныхъ запасовъ (Ист. описаніе, стр. 61). Наконецъ грабежъ судовъ, торговцевъ объясняется не только корыстью, но и чувствомъ мести. Доста-

точно бросать самый бѣглый взглядъ на ихъ внѣшнюю исторію и внутреннее устройство, чтобы убѣдиться въ томъ, что казаки не были разбойниками и грабителями „изъ любви къ искусству“, что они дѣйствительно утвердили болѣе правильныя отношенія къ труду и вовсе не презрительно относились къ мужику, а, напротивъ, всегда выступали его защитниками. Сойдясь съ разныхъ сторонъ, но проникнутые одинаковою жаждою дѣятельности и свободы, казаки съ перваго же времени, говоритъ г. Ульяновъ (Донская газета, 1873, № 36) „основываютъ общину на простыхъ и совершенно свободныхъ началахъ, которая возбуждаетъ сразу сочувствіе со стороны русскаго народа и глубоко укоренившуюся ненависть со стороны рабовладѣльцевъ всѣхъ степеней... цѣлыя столѣтія ведетъ непримиримую кровавую борьбу съ нехристями на всѣхъ окраинахъ Руси, покоряетъ орды, завоевываетъ Сибирь, удивляетъ современный міръ взятіемъ укрѣпленнаго Азова и еще болѣе защитою развалинъ его противъ чудовищно-несоразмѣрныхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ Турціи и Крыма“. Мы не будемъ излагать политической исторіи донскихъ казаковъ, замѣтимъ только, что она слагается, главнѣйшимъ образомъ, изъ борьбы противъ турокъ, участія въ возстаніяхъ противъ боярства внутри Московскаго государства и завоеванія новыхъ странъ.

Гораздо болѣе полное понятіе объ идеѣ, лежавшей въ основѣ казачества, можетъ дать разсмотрѣніе ихъ внутренняго устройства.

Но предварительно считаемъ нужнымъ сообщить свѣдѣнія о возрастаніи численности и территоріальномъ распространеніи донскаго казачества. По недостатку данныхъ нѣтъ возможности точно опредѣлить для каждой эпохи количество населенія на Дону. Въ 1521 году Донъ, какъ сказано, былъ безлюденъ, спустя 50 лѣтъ земли по нему уже заняты казаками. Въ 1574 году число казаковъ возрасло уже на столько, что они могли взять *изгономъ* городъ Азовъ. По мѣрѣ развитія прикрѣпленія и вообще ухудшенія экономическаго быта крестьянъ въ Россіи и Украйнѣ, являлось все болѣе охотниковъ вступать въ казачество и, не смотря на непрерывныя войны съ сосѣ-

дями, неизбѣжно уменьшавшими ихъ число, не смотря на удаленіе большихъ партій на Волгу, Яикъ и въ Сибирь, не смотря на отсутствіе внутренняго прироста населенія при безбрачной жизни, число донскихъ казаковъ увеличивалось весьма быстро. Въ 1737 году, когда Азовъ во 2-й разъ былъ взятъ казаками, крымскій ханъ, намѣреваясь освободить городъ и навсегда согнать казаковъ съ Дону, угрожалъ вооружить противъ нихъ 80 кораблей и 200 струговъ. Нѣкоторое понятіе о возрастаніи численности казаковъ можно составить по количеству царскаго жалованья, отправляемаго ежегодно на Донъ со времени царствованія Федора Ивановича вплоть до настоящаго столѣтія. При Михаилѣ Федоровичѣ ежегодно высылалось на Донъ отъ 200 до 400 четвертей разнаго хлѣба (кромѣ вина, пороху, свинцу, сукна и денегъ), при Алексѣѣ Михайловичѣ — отъ 2 до 5 тыс. четвертей, при Петрѣ Великомъ до 1700 года — около 6500 четвтертей. Втеченіи XVII столѣтія число казаковъ, признаваемыхъ правительствомъ и получавшихъ жалованье съ 5 тысячъ, какъ показывалъ въ Москвѣ въ 1624 году атаманъ Старовъ (Савельевъ, Трехстолѣтіе Донскаго войска, стр. 15—16) увеличилось до 30 тысячъ (Краткія историческія свѣдѣнія о заселеніи Донскаго края. Труды донскаго статистическаго комитета, 1867). Но количество жалованья далеко не даетъ точнаго понятія о численности казаковъ: казаки говорили, что царскаго хлѣба хватаетъ имъ всего по зерну. Въ XVII вѣкѣ особенно сильна была эмиграція крестьянъ, бѣжавшихъ отъ установившагося уже крѣпостнаго права; сюда шли большими массами запорожцы и въ наказахъ посламъ московскій дворъ очень часто приказывалъ разузнавать, есть ли между казаками Черкасы, сколько ихъ, давно ли пришли (Савельевъ, Трехсотлѣтіе донскаго войска, стр. 15 и др.). Наконецъ, значительный контингентъ бѣглецовъ на Донъ доставили строгія преслѣдованія раскольниковъ въ концѣ XVII столѣтія и „можно положительно сказать, что русскому расколу обязаны своимъ заселеніемъ верховья Дона, и рѣки въ него впадающія: Хоперъ, Медвѣдица, Бузулукъ и Донецъ“. (Труды Донскаго стат. комитета, 1867). Во время Булавинскаго бунта сторону Булавина приняли 21,690 человѣкъ (26 городковъ по Хопру съ

3,670 казаками, 16 городковъ по Бузулуку съ 1,490 казаками, 14 городковъ по Медвѣдицѣ съ 1,480 каз., 22 городка по Сѣверскому Донцу и въ нихъ 8,580 человѣкъ и 33 городка по Дону съ 6,470 казаками): на сторонѣ же войсковаго атамана остались Черкаскъ съ 5-ю тыс. чел. и пять городковъ на Дону съ 1,780 чел., такъ что всего казачьяго населенія въ 1780 году было около 28,470 чел. Булавинскій бунтъ, бѣгство Некрасовцевъ, кровавая расправа царскихъ воеводъ значительно уменьшили численность казаковъ и только въ 1775 г. она снова достигла цифры 30 тыс. Въ войсковой грамотѣ 1793 года число ихъ опредѣлено въ 30,476 чел., но эта цифра, повидимому, не соотвѣтствовала дѣйствительности, потому что въ 1812 году Донская область выставила до 60,000 казаковъ. Войны 1812, 13 и 14 годовъ значительно уменьшили ея населенность, но чрезъ 10 лѣтъ она снова достигла цыфры 58,968 чел. По послѣдней подворной переписи жителей области войска Донскаго (1873 г.), каснувшейся и поселеній, находящихся на бывшихъ срочныхъ участкахъ и войсковыхъ земляхъ, количество населенія простирается до 1,299,466 чел. обоего пола. Увеличеніе населенія въ XVIII и XIX вѣкахъ произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе добровольнаго или насильственнаго водворенія крестьянъ на земляхъ, появившихся тамъ съ прошлаго столѣтія, частныхъ владѣльцевъ.

Неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ донскіе казаки разбили свой первый станъ. Несомнѣнно лишь, что первыя жилища ихъ были на нижнемъ теченіи Дона (Сухоруковъ). Здѣсь вѣроятно были устроены тѣ три, четыре городка, о которыхъ въ 1549 говорилъ Юсуфъ. Въ 1571 году упоминается въ первый разъ мѣстечко Раздоры, въ мѣстѣ соединенія Донца съ Дономъ, продолжавшее долгое время служить сборнымъ пунктомъ казаковъ, но, по всей вѣроятности, оно существовало и ранѣе. Кромѣ Раздоръ изъ другихъ городковъ выдѣлялись Монастырскій и Черкаскъ. Затѣмъ казацкія поселенія стали распространяться по притокамъ и по вехнему теченію Дона. Въ 1572 г. турецкій чеушъ жаловался русскому послу на постройку четырехъ городковъ на Манычѣ, въ Черкасскомъ и Раздорахъ. Плодородье и приволье береговъ Хопра, Медвѣдицы и Бузулука, равно какъ и верхняго

теченія Дона скоро привлекли поселенцевъ и въ эти мѣстности, такъ что въ XVII вѣкѣ онѣ поравнялись населенностью съ нижнимъ Дономъ. Среднее теченіе Дона, отъ Цымлы и почти до Чиру, оставалось долгое время слабо населеннымъ. Наконецъ Міусскій и Донецкій округа стали заселяться только съ половины 18 го столѣтія преимущественно бѣглыми малороссами, которыхъ донскіе чиновники записывали за собою въ качествѣ крѣпостныхъ. Въ 1738 г. Донскую область прикочевали калмыки, занявшіе обширныя Задонскія степи.

Казаки издавна раздѣлялись на низовыхъ и верховыхъ. Границей между ихъ поселеніями служили Раздоры: «а которые останутся низовые атаманы отъ Азова до Раздоръ (Царскія грамоты 1584 и 1592 г.) Въ отпискѣ (1592 г.) русскаго посла Нащокина приводятся слѣдующія слова самихъ казаковъ: «прежде сего посылована къ намъ селитра на Верхніе Раздоры, а верховыхъ атамановъ и казаковъ, которые выше Раздоръ съ нами не мѣшивали (Донская газета 1873, № 36). Раздѣленіе это замѣтно и теперь въ говорѣ, обычаяхъ и другихъ этнографическихъ чертахъ. Какъ и вслѣдствіе чего оно явилось, остается пока не разъясненнымъ. Низовые казаки считали себя старшими и оскорблялись, если цари въ грамотахъ называли ихъ послѣ верховыхъ. Въ нижнихъ юртахъ находилось и главное управленіе Донскихъ казаковъ. Впрочемъ основы быта какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ первое время были одинаковы, низовые отличались лишь большею предпріимчивостью.

Внутренняя организація казачества была въ высшей степени своеобразна.

Поселки казаковъ были двухъ родовъ: постоянные (городки) и временные (зимовища). Въ зимовищахъ бездомовные казаки проводили зиму въ шалашахъ или землянкахъ; съ наступленіемъ весны они уходили на военные поиски для добычи. Городки назывались такъ по своимъ наружнымъ укрѣпленіямъ (городить, огораживать); это были остроги или крѣпостцы, обнесенные кругомъ стѣною изъ двойнаго плетня или двойнаго полисада съ набитымъ землею промежуточнымъ пространствомъ. Въ видахъ лучшей защиты отъ нападеній не-

пріятеля, они строились всегда въ неприступныхъ мѣстахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водою или болотами. Жили казаки въ избахъ или землянкахъ. Что касается до взаимныхъ отношеній казаковъ, то они были основаны на началахъ равенства и взаимности. Всего болѣе поражаетъ легкость, съ какою усвоивались эти начала бѣглецами на Дону. «Сшедшіеся въ дикихъ пустыняхъ случайно и изъ разныхъ племенъ, говоритъ Сухоруковъ (Соревнователь просвѣщенія 1824 г., часть 26, стр. 183—184) безъ всякихъ предварительныхъ условій и соглашеній, люди эти представляютъ замѣчательный примѣръ довольно быстраго гражданскаго устройства, ибо въ концѣ XVI вѣка оное уже получило у нихъ нѣкоторую опредѣленность и правила, кои были просты, какъ ихъ нравы, но совершенно оригинальны». «Составленные изъ разноплеменной вольницы, они не могли иначе распоряжать общественными предпріятіями и дѣлами, какъ только общимъ совѣтомъ; ибо всѣ были равно свободны и по самому своевольству своему власти никакой не терпѣли» (ibid. стр. 188). „Развитію этого начала демократіи весьма много способствовала первоначальная совокупная жизнь казаковъ, ибо по малому протяженію, на коемъ тогда помѣщались ихъ юрты, они во всякое время имѣли возможность собираться въ одно мѣсто. Послѣдовавшее распространеніе жилищъ казачьихъ на пространство 800 верстъ (отъ устья рѣки Хопра внизъ до рѣки Аксая) ни мало тому не препятствовало, ибо казаки всѣ проводили жизнь, собираясь вмѣстѣ въ Раздорахъ". Однообразіе жизни и единство общихъ цѣлей также способствовали поддержанію этихъ началъ. „Предметы совѣщаній были не многочисленны и всегда одинаковы: идти на войну или поискъ, раздѣлить добычу, предложить кому либо услуги, наказать измѣнника—вотъ главныя статьи, подлежавшія общему рѣшенію".

Всѣ эти условія несомнѣнно оказали большее вліяніе на устройство казацкой общины, но ихъ однихъ было бы не достаточно для созданія этого устройства, если бы эмигранты, сходившіеся на Дону, не приносили съ собой склонности жить

общей равной жизнью и ненависти къ стѣсненію личной свободы и произволу.

Самый бѣглый обзоръ общественныхъ и экономическихъ отношеній казаковъ можетъ дать понятіе, до какой сильной степени они были проникнуты идеями равенства и взаимности.

„Въ *главномъ войскѣ* или городкахъ казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площади или въ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кругу, они вязали сѣти, тенета, дѣлали разсохи, слушали разсказы о походахъ. Жили они истино по братски; всякій открывалъ чистосердечно, что намѣренъ дѣлать завтра, послѣ завтра и т. д. Набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, отвѣдывали ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищество казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (котламъ): человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей имѣли общую суму и все добычное; потому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*». Общія удовольствія, преимущественно состоявшія въ стрѣльбѣ въ цѣль, въ скачкахъ, въ играхъ; обычай сходиться на общія бесѣды въ станичныхъ домахъ, на голубцахъ (кладбищахъ), на крыльцахъ домовъ, на майданѣ, все это должно было поддерживать наклонность къ общей жизни.

Раздоровъ казаки не любили. „Случалась ли въ бесѣдахъ какая ссора, старики тотчасъ мирили ее, или заставляли обидчика идти по утру въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ станицахъ, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Такъ атаманъ и старики сами кланялись въ ноги тяжущимися, чтобъ они помирились и не ѣздили въ Черкасскъ, гдѣ было правленіе. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часто на пути за чарой вина будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нѣтъ нужды, что назадъ до станицы надлежало тянуться противъ воды иногда верстъ сто и двѣсти: пріятно то, что ата-

манъ и старики, встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ" (Русская Старина на 1825, изд. Корниловичемъ. Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII вв. В. Сухорукова).

Равенство отношеній охранялось ими чрезвычайно ревниво. Когда, напр., въ 1592 г. Нащокинъ, по московскому обычаю, предложилъ раздать присланное съ нимъ жалованье „лучшимъ атаманамъ по доброму сукну, инымъ по среднему, а остальнымъ всѣмъ сукна расловскія" то казаки рѣшительно возстали противъ такого раздѣла, говоря: „у насъ большихъ нѣтъ никого: всѣ мы равны; мы сами раздѣлимъ на все войско, почему достанется" (Савельевъ, Трехсотлѣтіе, стр. 4).

Дѣйствительно, „большихъ" у нихъ не было. Правленіе ихъ было народное въ полномъ смыслѣ слова. Вся власть сосредоточивалась въ *войсковомъ кругу*, тождественномъ по своей организаціи съ древнимъ вѣчемъ, южно русской радой и современной сельской сходкой (по хозяйственнымъ дѣламъ). Въ этомъ кругу, происходившемъ обыкновенно на открытой площади, гдѣ казаки становились кругомъ, рѣшались всѣ дѣла о мирѣ, войнѣ, вообще внѣшнихъ сношеніяхъ, равно какъ вопросы управленія и суда. Войсковой кругъ собирался сначала въ Раздорахъ, потомъ Монастырскомъ, наконецъ Черкаскомъ, которые послѣдовательно носили названіе *главнаго войска*.

Дѣла обыкновенныя могли рѣшаться казаками, присутствовавшими въ данное время въ главномъ войскѣ; но въ важнѣйшихъ случаяхъ всегда дожидались товарищей изъ походовъ и звали всѣхъ изъ городковъ. Всякій казакъ считалъ себя участникомъ общаго дѣла (Истор. описаніе, I, стр. 102). Въ кругъ не пускали только *порочныхъ* или *пенныхъ*, но и имъ „прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подъ условіемъ заслужить дарованную милость храбростью; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ граматахъ по городкамъ: „Собирайтесь въ войско всѣ атаманы молодцы, *пенные* и *непенные*; а вины ихъ намъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ".

Но были лишенные права гражданства. Это лишеніе выражалось въ слѣдующей формѣ: „и на томъ ослушникѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ

не будетъ". Круги велись очень шумно, нерѣдко происходили на нихъ и буйныя ссоры.

„Особенныхъ властей, распоряжающихъ, равно какъ и старшинства лицъ, у нихъ вовсе не было". Исполнительную власть представляли войсковой атаманъ и войсковые есаулы. Письменною частью завѣдывалъ войсковой дьякъ. Всѣ эти лица выбиралисъ кругомъ.

Войсковой атаманъ лично первоначально не имѣлъ особенной власти. Онъ былъ лишь блюститель порядка и исполнитель приговоровъ народа. „Въ войсковомъ кругу голосъ его былъ равенъ голосу всякаго казака и все преимущество его въ этомъ случаѣ состояло, кажется, въ томъ, что представленіе и доводы атамана народъ принималъ иногда съ большимъ уваженіемъ. Атаманъ вопреки этого ограниченія не могъ ничего предпринимать по собственному произволу, иначе съ безчестіемъ могъ лишиться своего достоинства". Избирались атаманы погодно. По окончаніи срока, если его не выбирали вновь, онъ опять вступалъ въ ряды простыхъ казаковъ.

Во время походовъ выбирали втораго атамана, называвшагося „походнымъ атаманомъ," въ помошь къ которому для командованія частями рати: сотнями и посусотнями выбирались отрядомъ есаулы, сотники и пятидесятники. Ихъ власть кончалась съ окончаніемъ похода.

Но въ концѣ XVII вѣка войсковые атаманы соединили въ себѣ управленіе, какъ военными, такъ и мирными дѣлами, и власть ихъ вообще пріобрѣла бóльшее значеніе. Перемѣна эта совершилась подъ вліяніемъ московской политики.

Знакомъ должности атамана была насѣка (трость). Петръ Великій, желая придать войсковымъ атаманамъ болѣе значенія и власти, пожаловалъ въ 1704 г. Донскому войску печать, особую насѣку и перначъ (въ 1706 г.).

Выборные и срочные атаманы существовали до 1718 г., когда былъ опредѣленъ войсковымъ атаманомъ до указа безъ перемѣны Василій Флоровъ. Съ 1738 года назначеніе атамановъ стало зависѣть исключительно отъ правительства и они пріобрѣли всемогущее значеніе.

Сочувствіе, встрѣченное въ казакахъ Разинымъ и Булави-

нымъ, доказываетъ, что казаки долго не могли помириться съ перемѣной прежнихъ отношеній.

Организація мѣстнаго управленія въ городкахъ была одинакова съ войсковой. «Всякое общество казаковъ, въ городкахъ или зимовищахъ жившее, равно и посланное куда либо, называясь станицею, имѣло своего атамана. Они избирались своими обществами изъ людей храбрѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ; имѣли значеніе предводителей и совѣтниковъ, но власти никакой имъ не принадлежало». Въ каждомъ городкѣ была общая, такъ называемая, становая изба, куда сходились казаки для бесѣдъ, совѣщаній объ исполненіи рѣшеній войсковаго круга и для разбора менѣе важныхъ дѣлъ.

Современемъ это вольное устройство значительно измѣнилось. Лежавшая въ основѣ его свобода личности, подъ вліяніемъ историческихъ условій, все болѣе подвергалась ограниченіямъ. Въ 1690 году мы встрѣчаемъ, напримѣръ, постановленіе, свидѣтельствующее о крайнемъ стѣсненіи личныхъ правъ, совершенно немыслимомъ въ ранній періодъ. Войсковой кругъ, узнавъ, что по рѣкамъ Хопру и Медвѣдицѣ начали сѣять хлѣбъ, разослалъ по всѣмъ городкамъ грамоты, чтобы никто земли не пахалъ и хбѣба не сѣялъ: «а если станутъ пахать и того бить до смерти и грабить».

Напрасно было бы объяснять паденіе вольнаго самоуправленія недостаткомъ гражданскаго смысла въ казачествѣ, которое будто бы, не умѣя жить иначе, какъ войной и грабежемъ, было не способно къ культурной жизни и гражданской свободѣ. Распоряженія, подобныя вышеприведенному, если не исходили, то поддерживались извнѣ въ видахъ воинственной политики. (Истор. Описаніе II, стр. 584).

Общественные классы, существующіе съ конца XVIII вѣка на Дону, также не были продуктомъ внутренняго развитія казачества. Казачество долгое время представляло одно образную массу, какъ по экономическому положенію, такъ и относительно правъ отдѣльныхъ личностей. Донское дворянство было создано изъ чиновниковъ, замѣнившихъ съ половины прошлаго столѣтія выборныхъ старшинъ. „Чины создали аристократію, аристократія роскошь, роскошь потребо-

вала большихъ матеріальныхъ средствъ для жизни—и братья по языку и вѣрѣ перестали быть братьями". (Труды Донскаго статистич. комитета стр. 73).

Классъ крѣпостныхъ крестьянъ явился на Дону въ 1796 году, когда закономъ было введено здѣсь крѣпостное право на общихъ условіяхъ съ Великороссіей. Торговый классъ и теперь незначителенъ въ Донской области, въ прежнее же время его совсѣмъ не существовало. Казаки вели торговлю сами и притомъ исключительно для пріобрѣтенія предметовъ непосредственнаго потребленія: покупали хлѣбъ, оружія, суда; сбывали русскимъ лошадей, турецкія и персидскія издѣлія, отнятыя въ наѣздахъ; съ азовцами торговали дровами и разною мелкою рухлядью. (Ист. Описаніе, I, стр. 105).

Духовенства не было на Дону до половины XVII столѣтія, когда исполняя обѣтъ, данный во время азовской защиты, потомъ было забытый, и снова возобновленный во время мороваго повѣтрія въ 1649 г., казаки построили первую деревянную церковь въ Черкаскѣ (въ 1653 г.). Священники были присланы изъ Москвы. При полнѣйшемъ религіозномъ индиферентизмѣ казаковъ, оно не могло здѣсь пользоваться вліяніемъ. Правда, казаки считали себя преданными православной церкви, но въ жизни совсѣмъ не слѣдовали ея ученіямъ: для совершенія брака, напримѣръ, они долгое время считали излишнимъ прибѣгать къ посредничеству церкви, находя достаточнымъ простое заявленіе о желаніи жить какъ мужъ и жена предъ сходкой. Впрочемъ на перешедшихъ въ могаметанство они смотрѣли не дружелюбно, называя такихъ охріянами, и наказывая даже смертью.

Исторія перваго періода казачества противорѣчитъ, такимъ образомъ, установившемуся въ соціологической наукѣ мнѣнію, будто военныя общества необходимо должны имѣть деспотическое устройство. (Спенсеръ, Начала Соціологіи. Т. 2-й).

Въ этомъ отношеніи важно различать, развились ли воинственныя наклонности даннаго общества вслѣдствіе постоянной потребности въ самозащитѣ или онѣ вызваны стремленіемъ къ порабощенію. Вышеприведенное мнѣніе справедливо лишь для послѣдняго случая; казаки же поработителями не были и не

знали, напр., что дѣлать съ Азовомъ, когда имъ случилось его завоевать.

Изъ другихъ сторонъ быта казаковъ обращаетъ на себя вниманіе положеніе женщины. Долгое время жены добывались на Дону лишь путемъ плѣна преимущественно турчанокъ, татарокъ и черкешенокъ. Очень понятно, что положеніе женщины при такихъ условіяхъ не могло быть завиднымъ, особенно если принять во вниманіе противоположность требованій семейной и военной жизни, заставившую Запорожцевъ даже совсѣмъ запретить бракъ: казакъ цѣнилъ въ людяхъ силу, ловкость въ наѣздахъ и вообще качества, которыми женщина не обладала; ему дорога была свобода дѣйствій, которую семья неизбѣжно ограничивала. Въ раннюю пору большая часть казаковъ предпочитали оставаться холостыми, такъ что въ иномъ городкѣ было не болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но при всемъ томъ по сравненію съ положеніемъ женщины въ московскомъ государствѣ того времени, особенно въ высшихъ классахъ общества, можно сказать, что донская женщина была нисколько не въ худшихъ условіяхъ, если не наоборотъ. Здѣсь еще не были извѣстны византійскія воззрѣнія.

Нѣкоторые вѣнчались по церковнымъ уставамъ, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Этотъ послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщимъ между казаками и обязателенъ даже для вѣнчавшихся по правиламъ церкви. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста приходили вмѣстѣ въ кругъ или въ становую избу. Помолившись и поклонившись на всѣ стороны, женихъ, называя имя невѣсты, говорилъ: „ты будь мнѣ жена". Невѣста, кланяясь ему въ ноги и называя его также по имени, отвѣчала: „а ты будь мнѣ мужъ". Затѣмъ супруги цѣловали другъ друга и принимали отъ присутствующихъ поздравленія. Уже изъ этого обряда видно, какимъ преимуществомъ мужъ пользовался предъ женою: дѣйствительно власть его была почти неограничена: онъ во всякое время могъ развестись съ женой, хотя бы подъ тѣмъ предлогомъ, что она ему не нравится. Но для того необходимо было исполнить особенный обрядъ, который по всей вѣроятности

многихъ сдерживалъ отъ слишкомъ скорыхъ рѣшеній. Обрядъ состоялъ въ томъ, что мужъ, желавшій развестись съ женой, вводилъ ее въ кругъ и обращаясь къ собранію, говорилъ: «Атаманы молодцы! Она была мнѣ услужливая и вѣрная жена, теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ». *Отказанную* жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего платья и произнеся фразу: «ты будь мнѣ жена» и пр. Прикрытіе полою считалось важнымъ символомъ: это значило снять съ отказанной жены безчестіе развода. Чувство ревности, по увѣренію Сухорукова, было казакамъ незнакомо.

Но вообще семейная жизнь „нравилась казакамъ до такой степени, что дѣтей у женатаго няньчили всѣ его станичники, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ" (Русская старина на 1825 г., стр. 201—203).

Всего полнѣе выразились начала соціальнаго міровоззрѣнія казаковъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Изслѣдованіе ихъ въ высшей степени важно. Если въ политическихъ дѣлахъ казачество въ большей или меньшей степени дѣйствовало подъ внѣшнимъ вліяніемъ то при распредѣленіи земли оно было совершенно независимо отъ какихъ либо вліяній и неподчинено никакому контролю. Эти отношенія не регулировались ни закономъ, ни даже обычаями, которые не могли еще выработаться въ обязательныя нормы, еще менѣе религіей или предписаніями власти. Здѣсь намъ представляется, слѣдовательно, довольно рѣдкій въ исторіи случай узнать, въ какія отношенія къ другимъ становится личность, вонѣ свободная отъ принудительныхъ вліяній и руководящаяся въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно индивидуальными интересами? Справедливо ли предположеніе нѣкоторыхъ о неизбѣжности при такихъ условіяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ или, напротивъ, вѣрнѣе другое мнѣніе, что личность человѣческая уже по существу своему, т. е. разсматриваемая, какъ сумма унаслѣдованныхъ качествъ, стремится жить въ самомъ полномъ согласіи съ другими подобными же личностями?

Исторія поземельныхъ отношеній казачества представляетъ гораздо болѣе доказательствъ въ пользу послѣдней гипотезы,

чѣмъ первой. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ ранѣе 1681 года. Но въ началѣ новые пришельцы на Дону, какъ утверждаетъ Сухоруковъ (Истор. Описаніе II, стр. 572), занимали городками впустѣ лежавшія мѣста по Дону и по впадающимъ въ него большимъ рѣкамъ по праву захвата, безъ разрѣшенія и даже вѣдома войсковаго круга, и такой порядокъ, повидимому, не влекъ за собою никакихъ неудобствъ. Съ увеличеніемъ населенія оказалось нужнымъ раздѣлить поземельныя угодья (юрты) между городками и ограничить права вольной оккупаціи. Желающіе основать городокъ въ пустомъ никѣмъ незанятомъ мѣстѣ являлись въ главное войско со словесною просьбою; войсковой кругъ, по разсмотрѣніи такой просьбы, дозволялъ охотникамъ занять указанныя ими мѣста и собрать столько людей, сколько могутъ отъ того юрта прокормиться. При этомъ имъ давалась войсковая грамота въ родѣ слѣдующей: „Отъ донскихъ атамановъ-молодцовъ, отъ Фрола Минавича и отъ всего Великаго Войска Донскаго, въ верхъ по Запольной нашей рѣкѣ по Сиверскому Донцу городокъ отъ городка покамѣсть нашъ казачій присудъ. Вѣдомо вамъ атаманы-молодцы будетъ: въ нынѣшнемъ 189 (1681) году генваря въ 3 день били челомъ Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳедору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Руссіи Самодержцу, а намъ всему Великому Войску Донскому въ *кругу* били челомъ словесно изъ Кагальницкаго городка Михайла Ивановъ, да Ведерниковскова городка Иванъ Медвѣдъ, да Аника... въ словесномъ своемъ челобитьѣ сказали, чтобъ имъ Великій Государь пожаловалъ велѣлъ имъ занять юртъ Гундоровской. По указу Великаго Государя и по нашему войсковому приговору мы все Великое Войско Донское велѣли ему Михайлѣ Иванову съ товарищами въ Гундоровскомъ юрту поселиться и *станицу собрать колько имъ годно, чтобъ прокормиться*. (Ист. опис. II, стр. 573). Заимщики такихъ новыхъ юртовъ для заселенія городка или созывали старожильцевъ изъ другихъ городковъ или принимали въ свою общину бѣглецовъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній способъ былъ запрещенъ. Войсковой кругъ, давая въ 1705 году одному казаку заимочную грамоту на основаніе новой станицы по

Бузулуку, запретилъ, какъ бывало часто и раньше, подъ угрозою жестокихъ наказаній принимать „новопришлыхъ людей, которые съ Руси станутъ приходить". (Труды Донскаго Войсковаго статист. комитета. Выпускъ первый. 1867. Акты, стр. 64—65). Основатель не пользовался, конечно, никакими преимуществами предъ новоприбылыми станичниками.

Границы юртовыхъ угодій опредѣлялись по взаимному соглашенію сосѣднихъ станицъ. Онѣ составляли для этой цѣли полюбовныя записи, изъ которыхъ приведемъ одну: «Се азъ Зотовскія станицы станищной атаманъ... и всѣ станищные молодцы въ нынѣшнемъ въ 198 (1690) году сентября въ 15 день... договорились мы той же вольной рѣки Хопра съ Арженовскою станицею съ станищнымъ атаманомъ... и съ рядовыми молодцами... и со всѣми станищными молодцами въ томъ, што межъ себя договорились полюбовно въ юртовомъ дѣлѣ объ рубежахъ» (слѣдуетъ названіе пограничныхъ урочищъ). Рѣкою Усть-Серебрянкою договорились пользоваться такимъ образомъ, что «въ верхъ по Серебрянкѣ на Красный Яръ лука наша Зотовская, а въ той рѣчкѣ Арженовскія станицы, а Арженовскимъ въ той рѣчкѣ съ Илымомъ таскать и запоръ запирать, а намъ въ томъ имъ не запрещать; а имъ Арженовскимъ въ той нашей лукѣ гульбою не гулять и капканы не мѣтать и никакова промыслу не чинить, а выше Серебрянки зимній запоръ запирать и къ нашему берегу припарать, а намъ Зотовскимъ не запрещать". Въ случаѣ нарушенія условій договора потерпѣвшей сторонѣ предоставлялось взять съ нарушившей безъ суда 100 рублей штрафу. Договоръ скрѣпленъ подписями 2 послуховъ изъ двухъ другихъ станицъ и попа (ibid. стр. 59).

Полюбовныя записи представлялись затѣмъ въ главное войско (Войсковой кругъ), который и выдавалъ, на основаніи ихъ, разводныя грамоты. Разводныя грамоты посылались также и въ случаѣ спора двухъ станицъ о границахъ, если онѣ обращались въ Войсковой кругъ, причемъ, кромѣ пени, нежелавшихъ идти за разводчиками велѣно было подвергать порицанію, иногда выражавшемуся въ оригинальной формѣ: „да ихъ же назвать бездушниками". (ibid. стр. 59).

Въ отдѣльное пользованіе станицъ выдѣлялись только наиболѣе удобныя мѣста, какъ то: лѣса, луга и озера, расположенныя при берегахъ рѣкъ и нѣкоторое пространство лежащей вблизи тѣхъ рѣкъ степи; отдаленныя же отъ станицъ земли находились въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ казаковъ.

Границы юртовъ обозначались живыми урочищами. Нерѣдко случалось, что такія границы чрезъ нѣкоторое время уничтожались, вслѣдствіе чего между станицами возникали столкновенія изъ за земли. Споры эти улаживались или полюбовно, или недовольные обращались въ войсковой кругъ. Въ 1717 году, напримѣръ, станичные атаманы и молодцы двухъ станицъ Слащевской и Федосѣевской „поговоря полюбовно межи себя обѣими станицами объ юртовомъ дѣлѣ" для прекращенія бывшей у нихъ ссоры объ юртовомъ дѣлѣ, „били челомъ обѣими станицами Еланской станицы казаку Лаврентію Петрову развесть рубежи", что тотъ и сдѣлалъ. Послѣ разграниченія было рѣшено „буде которые станутъ сѣнные покосы косить и рыбу ловить и иную какую обиду чинить, звѣрей бить и на той станицѣ взять заряду сто рублей; а буде которой станицы одинъ казакъ станетъ рыбу ловить или звѣря бить въ чужемъ юрту и тово казака выдать той станицѣ головою." Зарядная запись была скрѣплена свидѣтельствомъ казаковъ другихъ станицъ. Такою же мировою прекратили въ 1730 году споры за юртовыя довольствія станицы Усть-Бузулуцкая и Алексѣевская (ibid. стр. 68, 75).

Если же недовольная станица обращалась съ жалобой въ войсковой кругъ, то онъ поручалъ кому либо разобрать дѣло на мѣстѣ на основаніи словъ свидѣтелей, на кого обѣ спорящія станицы будутъ „слатца" (стр. 73, 74), или собравши въ кругу отъ челобитчиковъ и отвѣтчиковъ „правды" (показанія) о прежнихъ границахъ приказывалъ развести рубежи по этимъ правдамъ (стр. 58) или, наконецъ, склонялъ спорящихъ согласиться на общую правду т. е. на рѣшенія какого нибудь старожила, который, поклявшись предъ евангеліемъ поступать по совѣсти, долженъ былъ съ иконою пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, по его воспоминаніямъ, прохо-

сильный отпоръ. Хозяинъ обыкновенно говорилъ: эту землю еще отецъ мой, дѣдъ и прадѣдъ заняли, кто же смѣетъ у меня ее взять? и онъ становился въ оборонительное положеніе. Противная сторона тоже предъявляла свои права и происходила непремѣнно жесточайшая схватка. Если дѣло доходило до станичнаго правленія, то оно большею частію возвращало землю хозяину, а претендента дѣлало распоряженіе надѣлить свободною землею, т. е. такою, которая гдѣ нибудь вдали, или хотя и близко, но не совсѣмъ удобная. Тотъ не былъ доволенъ этимъ, считалъ себя обиженнымъ и рѣшался на все, чтобы только поставить на своемъ. Не смотря ни на что, онъ выѣзжалъ въ поле и начиналъ пахать. Хозяинъ тоже выѣзжалъ, и тутъ опять ссора и драка. Случалось также, что жители какого либо поселка, стѣсненные въ своихъ довольствіяхъ, подъѣзжали къ другому поселку и начинали пахать, а тѣ себѣ въѣзжали туда же съ плугами и начинали пахавшихъ опахивать кругомъ, чтобы помѣшать имъ работать. Дѣло обыкновенно кончалось и тутъ тѣмъ, что многіе возвращались домой съ порубленными плугами и пробитыми головами. Нечего и говорить, какъ вреденъ былъ такой порядокъ дѣлъ и какъ онъ подрывалъ народное благосостояніе. Справедливѣй всего было бы раздѣлить землю между всѣми гражданами поровну, но это было невыгодно самымъ богатымъ и самымъ вліятельнымъ изъ гражданъ; они старались оставить пользованіе землею по старому; людямъ бѣднымъ и темнымъ сломить ихъ было очень трудно. Наконецъ, безурядица дошла до крайняго предѣла, обратилась въ совершенную войну сосѣда съ сосѣдомъ, поселка съ поселкомъ, и тутъ только въ станицахъ приступлено къ раздѣлу земли.

Такова исторія раздѣла юртовыхъ земель въ нашихъ станицахъ. Нѣкоторыя изъ станицъ, уже нѣсколько лѣтъ, какъ раздѣлили свою землю, пользуются ею въ совершенномъ порядкѣ и замѣтно поднялись въ матеріальномъ отношеніи: людей крайне бѣдныхъ и безпомощныхъ совсѣмъ не стало: всякій сталъ находить поддержку въ землѣ, на службу казаки стали справляться почти всѣ на свой счетъ (иной заложитъ на нѣсколько лѣтъ свою землю, исправится), прежде же

наполовину они справлялись на счетъ станицы, съ обязанностію выслуживать въ полку все употребленное на нихъ; другія же станицы — а такихъ еще очень много — и теперь пользуются своими довольствіями по старому обычаю, но потребность раздѣла сознана и въ нихъ, такъ что есть надежда, гибельный обычай пользоваться землею своевольно скоро будетъ у насъ совершенно искоренень. Въ нашей станицѣ земля (120 тыс. десят.) дѣлится между гражданами уже во второй разъ. Въ первый разъ она была раздѣлена въ 1865 году на 6-лѣтній срокъ. Въ нынѣшнемъ году срокъ этотъ кончился и граждане наши опредѣлили: раздѣлить землю вновь на 17 лѣтъ; каждому поселку дать надѣлъ по числу мужескаго пола, считая на каждаго по 15 десятинъ удобной земли. Поселки должны надѣлить 15-ю десятинами всякаго съ 17 лѣтняго возраста; малолѣтнимъ же, не достигшимъ 17 лѣтъ, земли не давать, а оставить ее при поселкѣ въ особомъ столбѣ и пользоваться на ней всему поселку: пасти скотину, косить сѣно, можно часть и распахивать, и самое лучшее употребленіе, какое можно сдѣлать изъ этой земли — это сѣять на ней общественный хлѣбъ для засыпки въ станичный хлѣбный магазинъ. Поселокъ могъ бы и сѣять его и убирать. Когда же кто изъ малолѣтнихъ достигнетъ 17 лѣтняго возраста, то его надѣлить 15-ю десятинами изъ этого запаса. Земля умершихъ и вдовъ, вышедшихъ въ замужество, должна оставаться при поселкѣ, чтобы ею надѣлять тѣхъ лицъ, которыя перейдутъ въ него на жительство изъ другихъ поселковъ. Вдовамъ бездѣтнымъ дать половину пая, вдовамъ, до 3-хъ дѣтей, полный пай, а вдовамъ, имѣющимъ 4-хъ и болѣе дѣтей,—два пая. Сиротамъ тоже: одному, двоимъ и троимъ — одинъ пай, четверымъ и болѣе, — два пая. Изъ общественной земли отдѣлить три тысячи десятинъ для пастьбы конно-плодоваго табуна. Если послѣ надѣла всѣхъ гражданъ 15-десятинами, останется свободная земля, то она должна поступить въ общественное распоряженіе. Если этотъ раздѣлъ будетъ обществу почему либо неугоденъ, то 17-ти лѣтній срокъ сократится на 10 лѣтъ. По прошествіи срока быть новому раздѣлу.

Опредѣливъ все такимъ образомъ, граждане наши пріискали

землемѣра и подрядили его раздѣлить юртъ между поселками на участки. Платить ему условились по 1 коп. съ каждой десятины. Деньги эти должны быть взысканы съ каждаго паеваго. Для присутствованія при нарѣзкѣ назначено было отъ всей станицы четыре депутата и, кромѣ того, отъ каждаго поселка по два понятыхъ. Они должны были разводить границы, опредѣлять удобность и неудобность земли и наблюдать, чтобы раздѣлъ производился правильно и безпристрастно. При нарѣзкѣ надѣла въ поселкахъ, не обходилось безъ споровъ и несогласій между ними. Главною причиною этихъ споровъ и несогласій было то, что у насъ населеніе расположено неравномѣрно по юрту: въ однихъ мѣстахъ оно густо, а въ другихъ рѣдко. Вслѣдствіе этого станица и многіе изъ поселковъ получаютъ землю въ двухъ мѣстахъ: тутъ же при мѣстахъ жительства и гдѣ нибудь на незаселенномъ краю юрта, верстъ за 40 или 50.

Такъ какъ этою землею, за отдаленностію ея, пользоваться очень неудобно, то каждое изъ поселеній и старается или не получить ее совсѣмъ, или и получить, но какъ можно меньше. Справедливость требовала уравнять всѣхъ, но этого сдѣлать не было никакой возможности и къ одному поселенію прирѣзывалось больше земли, а къ другому меньше. Только около одной четверти поселковъ нашихъ получили при жительствѣ отъ 8 до 12 десятинъ на душу, а остальные отъ 7 до 3 десятинъ даны имъ изъ другихъ отдаленныхъ отъ жительства земель.

Если въ мѣстности, отрѣзываемой какому либо поселку, находилась неудобная земля: песокъ, солонцы, яры, или сибирки, то поселокъ объявлялъ объ этомъ избраннымъ отъ станицы депутатамъ. Они осматривали ее, опредѣляли степень ея неудобности и потомъ предлагали поселку принять ее въ половину или треть, т. е. каждую десятину за половину десятины или за треть. Если поселокъ соглашался принять ее на такихъ условіяхъ, то ему ее отрѣзывали, если же нѣтъ, то ее вырѣзывали отдѣльнымъ участкомъ. Такихъ участковъ неудобной земли теперь у насъ нѣсколько десятковъ, заключающихъ въ себѣ тысячъ 14 десятинъ. Большею частію это сы-

пучіе пески. Граждане наши хотятъ эту неудобную землю тоже дѣлить на паи. На каждый пай придется двѣ десятины съ лишнимъ. На что они будутъ употреблять эту землю — неизвѣстно.

Поселки, получивъ надѣлы свои, распоряжаются ими теперь разно. Одни дѣлятъ ихъ на три части, изъ которыхъ одна называется *столбомъ* для малолѣтнихъ (изъ нея, какъ выше сказано, должны быть надѣляемы малолѣтніе по достиженіи ими 17-ти лѣтняго возраста), другая обращается подъ попасъ скота и называется *боемъ*, а третья дѣлится между совершеннолѣтними паевыми. Этой послѣдней при поселкѣ бываетъ отъ 5 до 10 десятинъ на каждую душу. Другіе же поселки дѣлятъ участки только на двѣ части: одну подъ попасъ скота, бой, а другую для раздѣла поровну на каждаго паеваго, при чемъ даютъ и малолѣтнимъ гдѣ половину пая, а гдѣ и полный. Это крайне соблазняетъ всѣхъ имѣющихъ малолѣтнихъ паевыхъ въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ на малолѣтнихъ отдѣляютъ особый столбъ; они требуютъ, чтобы и у нихъ столба этого не было, а былъ бы онъ раздѣленъ и даны были бы паи малолѣтнимъ; но всѣ, не имѣющіе дѣтей, этому противятся, и поэтому во многихъ поселковыхъ обществахъ идутъ теперь большіе споры. Такъ какъ въ иной семьѣ бываетъ иногда совершеннолѣтній только одинъ паевой, а не совершеннолѣтнихъ пять или шесть, которые всѣ должны довольствовать однимъ пайкомъ совершеннолѣтняго, что для нихъ можетъ быть очень стѣснительно, то станичные наши правители, обсудивъ это, вознамѣрились было на станичномъ сходѣ, постановить: всѣхъ малолѣтнихъ надѣлить по четыре десятины, остальныя 11 десятинъ отдѣлить въ особый столбъ. Туда же должны причисляться въ концѣ каждаго года и паи всѣхъ умершихъ. Изъ этого столба время отъ времени добавлять по 11 десятинъ малолѣтнимъ, которые достигнутъ 17-ти лѣтняго возраста, а также и надѣлять 4-мя десятинами всѣхъ, кто родился вновь. Такъ хотѣли установить правители, но на сходѣ между гражданами оказался большой разладъ: одни кричали, что дать малолѣтнимъ по 4 десятины, а другія не давать, а все отдѣлить особымъ столбомъ. Вслѣдствіе этого

приговорено: каждому поселку сдѣлать какъ угодно: хочетъ онъ даетъ на малолѣтнихъ, а не хочетъ — не даетъ.

Каждый изъ гражданъ нашихъ, получая свой пай, дѣлается полнымъ его господиномъ и употребляетъ его по усмотрѣнію: одинъ обрабатываетъ самъ, другой отдаетъ въ наемъ, третій отдаетъ съ извѣстной *борозды* или такъ, напримѣръ, что взявшій у него землю, пользуется ею, какъ хочетъ, а ему сѣетъ и убираетъ десятину или около этого какого либо хлѣба. Богатые земледѣльцы, которые до раздѣла земли занимались земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ, имѣютъ возможность также и теперь вести дѣло. Охотниковъ продавать свои паи у насъ очень много, и они скупаютъ ихъ сколько угодно. Нѣкоторые изъ нихъ скупили паи на весь срокъ раздѣла заблаговременно до раздѣла еще, и имъ ихъ нарѣзали отдѣльнымъ участкомъ.

За надѣломъ всѣхъ гражданъ 15-ти десятиннымъ паемъ, у насъ осталось еще нѣсколько сотенъ удобной земли. Граждане приговорили отдавать ее въ аренду и деньги употреблять на общественныя нужды».

Г. Тимощенковъ жалуется на эгоизмъ казаковъ. Подобныя сѣтованія понятны въ устахъ общинника, желающаго болѣе правильнаго распредѣленія хозяйственныхъ выгодъ между членами своей общины и пишущаго подъ впечатлѣніемъ борьбы партій. Но въ доказательство слабаго развитія эгоистическихъ чувствъ даже въ современномъ казачествѣ можно указать на совершенное отсутствіе мысли о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки, между тѣмъ какъ для богатыхъ станичниковъ такой раздѣлъ былъ бы несомнѣнно выгоденъ. И это понятно. Исторія представляла слишкомъ неблагопріятныя условія для развитія этихъ чувствъ. Частная поземельная собственность была введена здѣсь правительствомъ лишь въ прошломъ столѣтіи, когда чиновникамъ были выдѣлены въ наслѣдственное владѣніе участки земли, размѣры которыхъ обусловливались служебнымъ положеніемъ ихъ владѣльцевъ.

Что касается до отношеній къ постороннимъ, чужимъ людямъ, то онѣ отличается враждебностью. Это объясняется ихъ исторіей. Отношенія казаковъ къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ съ самаго ранняго времени по необходимости должны

были быть непріязненными. Съ азовцами они вели почти безпрерывную войну и мирились лишь для выкупа или обмѣна плѣнныхъ. Война со временемъ сдѣлалась для нихъ главнѣйшимъ источникомъ средствъ существованія. Велась она съ такою же жестокостью, какъ и всѣ войны въ ту пору. Но захваченныхъ на поискахъ плѣнныхъ умерщвляли, однакожь, только въ тѣхъ случаяхъ, если не было возможности помѣстить ихъ на ладьяхъ. Плѣнныхъ, пойманныхъ на островѣ, гдѣ стоялъ Черкаскъ, непремѣнно убивали. Существовали, впрочемъ, нѣкоторые обычаи, которые уважались свято враждующими даже во время самой свирѣпой войны и умѣряли ея жестокость. Казаки заготовляли для своихъ стадъ на зиму сѣно, которое они оставляли среди луговъ; было условлено ни въ какомъ случаѣ не жечь этого сѣна, и ни Крымцы, ни Азовцы, ни Ногайцы дѣйствительно не уничтожали его, тѣмъ болѣе, что казаки угрожали въ противномъ случаѣ около Азова все разорить. При разрывѣ мира съ Дону посылалась въ Азовъ размирная грамота. Послѣ такого объявленія воинственныя дѣйствія могли быть открыты только по истеченіи трехъ дней. Постоянная война не мѣшала также казакамъ имѣть друзей между Азовцами, подобно тому какъ еще въ недавнее время казаки на Кавказѣ имѣли кунаковъ между враждующими съ ними горцами. Калмыки, прикочевавшіе въ Задонскія степи около 1650 года, напротивъ, не только не уважали никакихъ обычаевъ во время войны, но и въ мирную пору хватали казаковъ, жгли ихъ сѣно, угоняли стада и нерѣдко разоряли самые городки, и за это тѣ мстили имъ съ величайшею жестокостью: поймавъ однажды нѣсколько знатныхъ калмыковъ, казаки привязали ихъ къ хвосту лошадей и растаскали близь Черкаска въ присутствіи калмыцкихъ пословъ, предлагавшихъ выкупъ за каждаго плѣннаго по 200 и 300 лошадей.

Вообще въ сношеніяхъ съ посторонними людьми, приходившими къ нимъ на время, казаки отличались недовѣріемъ и подозрительностью. Послы, пріѣзжавшіе изъ Москвы и изъ Константинополя, всегда окружались конвоемъ, чтобы тѣ не могли узнать чего либо о дѣйствительномъ положеніи казаковъ. Даже запорожцевъ, постоянныхъ сподвижниковъ дон-

скихъ казаковъ, приходившихъ на Донъ почти ежегодно, они хотя и окружали почетомъ, но не пускали въ Черкасскъ въ большомъ числѣ, считая ихъ людьми непостоянными и склонными къ измѣнѣ.

Но сравнительно съ запорожскимъ «товариствомъ» донское казачество отличалось все-таки меньшею замкнутостью. Въ запорожское «товариство», правда, какъ и въ среду донскаго казачества, вступалъ свободно всякій желающій, но во 1-хъ, онъ долженъ былъ быть необходимо православной вѣры; во 2-хъ, дать обѣтъ безбрачія, и въ 3-хъ, выдержать нѣкоторое испытаніе въ выносливости. Женщинъ запорожцы не допускали въ Сѣчь совсѣмъ, хотя бы то была мать или жена. Никакихъ подобныхъ ограниченій на Дону не существовало. Такая замкнутость запорожцевъ объясняется постоянной необходимостью быть готовыми къ бою, изъ чего вытекала также и большая власть кошевыхъ и куренныхъ атамановъ сравнительно съ властью соотвѣтствующихъ начальниковъ на Дону.

XI.

Колонизаціонное движеніе русскаго народа въ Поволжье, первоначально заселенное финскими народами, началось въ самый ранній періодъ русской исторіи. Первыми поселенцами сѣвернаго Поволжья были новгородцы и «едва-ли имена финскихъ инородцевъ, призвавшихъ Варяговъ, не обозначаютъ славянскихъ колонистовъ» (Бестужевъ-Рюминъ, О колонизаціи великорусскаго племени. Журн. М. Н. Пр. 1867, гл. 134). Сюда также должны были приходить переселенцы изъ Южной Россіи, спасаясь въ поволжскихъ лѣсахъ отъ частыхъ опустошеній половцевъ и разорительныхъ междоусобныхъ войнъ князей, сопровождавшихся перекочевкой князей изъ однихъ волостей въ другія. Лѣтопись прославляетъ Юрія Долгорукова, какъ создателя городовъ Поволжской Руси, но несомнѣнно, что когда князья пришли на Волгу, здѣсь было уже русское и довольно густое населеніе. Народная память сохранила имена своихъ героевъ, которые проѣзжаютъ чрезъ лѣса

Муромскіе, чрезъ грязи Брянскія, прокладываютъ пути, рубятъ лѣса, мостятъ мосты. «Нѣтъ, не князьямъ принадлежитъ починъ въ заселеніи славянскимъ племенемъ нашего сѣверо-востока, говоритъ г. Бестужевъ—Рюминъ; это дѣло народное и началось очень давно; князья помогали этому дѣлу, продолжали его, рубили города, то есть, очень часто укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ и такія же слободы ставили и ихъ дружинники; въ эти слободы сходились сбродные люди, гулящіе по московски, когда всякій былъ приписанъ нести службу или тягло, бродники по старому". Лѣтопись сообщая болѣе и менѣе точныя свѣдѣнія о жизни князей, лишь иногда бросаетъ какую нибудь обмолвку о великой колонизаціонной дѣятельности народа, когда встрѣчался какой либо выдающійся случай. Одинъ изъ такихъ случаевъ представляетъ основаніе Новгородскими ушкуйниками въ 1174 году Вятской общины, существовавшей независимо отъ Москвы до Ивана III. Гораздо внимательнѣе слѣдила лѣтопись за дѣятельностью князей. Въ 1076 году верхнее Поволжье, подъ названіемъ Ростовской земли, переходитъ отъ Новгорода и становится волостью пятаго сына Ярослава—Всеволода Переяславскаго. Самъ Ярославъ въ началѣ XI вѣка построилъ здѣсь городъ Ярославль. Повидимому появленіе князей встрѣчено было не особенно дружелюбно здѣшнимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе что они несли съ собою христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые туземцы Ростовской области и даже „языка Славянскаго" ушли и поселились въ Болгаріи, гдѣ они „кочевное житіе татарское, вѣры бессерменскія изволиша" (Корсаковъ, Меря, примѣч. 63). Въ XIII столѣтіи основаны города Кострома, Юрьевецъ, Нижній Новгородъ (въ 1221 г.) и друг. Большая часть этихъ городовъ основывалась при сліяніи рѣкъ и имѣли назначеніемъ, главнымъ образомъ, служить для защиты отъ нападеній непріятелей: Новгородцевъ, Болгаръ.

Нашествіе татаръ и утвержденіе ихъ власти въ Поволжьѣ и надъ Русью надолго остановили колонизаціонное движеніе русскаго народа на востокъ по Волгѣ. Монастырь, основанный Макаріемъ въ началѣ XV вѣка на лѣвомъ берегу Волги, противъ устья рѣки Сундовака, подвергся вмѣстѣ съ жилищами

поселившихся вблизи него крестьянъ полнѣйшему разоренію отъ Казанскихъ татаръ. Но колонизація правой нагорной стороны, до впаденія Суры, по всей вѣроятности, продолжалась безостановочно. (Перетятковичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ). Въ началѣ XV вѣка на рѣкѣ Сундовакѣ уже существовало Лысково съ московскимъ намѣстникомъ. Василіемъ III для защиты отъ вторженій казанцевъ былъ основанъ при впаденіи Суры въ Волгу Васильсурскъ.

Съ покореніемъ Казани въ половинѣ XVI вѣка колонизація Поволжья значительно усиливается. Въ видахъ поддержанія порядка въ новозавоеванной области и подавленія постоянныхъ возстаній народовъ, входившихъ въ составъ казанскаго царства, въ XVI вѣкѣ были выстроены въ разныхъ мѣстахъ Поволжья нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ: Свіяжскъ, основанный еще въ 1551 предъ покореніемъ Казани, Чебоксары, Кокшайскъ, Лаишевъ (въ 1557 г.), Тетюши и др.

Съ цѣлью обеспеченія служилыхъ людей и духовенства были розданы имъ земли въ помѣстья и вотчины. Распредѣленіе земель между служилыми людьми въ 1557 г. было произведено послѣ того, какъ „казанское дѣло въ конечное смиреніе пришло".

Для привлеченія населенія на эти земли прибѣгали къ тѣмъ же мѣрамъ, что и въ остальной Россіи: правительство предоставляло владѣльцамъ извѣстныя привиллегіи, которыми тѣ въ свою очередь старались привлечь на свою землю крестьянъ. Еще отъ XV вѣка (1476 г.) до насъ дошла одна грамота, въ силу которой Покровскому монастырю было предоставлено углицкимъ княземъ „собирати слободу на сей (правой) сторонѣ Волги", при чемъ слобожане, привлеченные изъ другихъ княжествъ, были освобождены отъ податей на 20 лѣтъ, а «безвытные» на 10 лѣтъ (Перетятковичъ, стр. 115). Колонизація собственно Казанской области значительно облегчалась еще тѣмъ, что здѣсь поселенцамъ не приходилось очищать почву отъ лѣсовъ, какъ на сѣверѣ, а садиться по многочисленнымъ пустымъ селамъ, оставшимся послѣ туземцевъ, частью истребленныхъ, частью бѣжавшихъ во время опустошительныхъ войнъ Ивана IV.

По писцовымъ книгамъ Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ

(1565—67 г.) видно, однакожъ, что не смотря на всѣ эти выгоды русское населеніе шло не охотно въ казанскую область, гдѣ оно попадало неизбѣжно въ тѣже условія, что и въ остальной Россіи. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ 1565—67 за всѣми помѣщиками числилось всего 485 дворовъ, изъ которыхъ 34 двора (слободскія) не занимались земледѣліемъ, а въ Казанскомъ всего 50 дворовъ. Кромѣ того на земляхъ духовенства числилось въ первомъ уѣздѣ 83 двора крестьянскихъ и 27 дворовъ не пашенныхъ, а во второмъ 158 крестьянскихъ дворовъ. Недостатокъ населенія старались устранить тѣмъ, что поселяли плѣнныхъ: въ Лаишевскомъ посадѣ поселено было 150 „жалованныхъ полонениковъ", которымъ отвели около города Лаишева на каждаго по 4 четверти пашни и 14 копенъ сѣна (Перетятковичъ, 251—253). Надо замѣтить еще что въ числѣ этихъ жителей были и туземцы, хотя большая часть ихъ, судя по именамъ, были русскіе.

Послѣ Іоанна Грознаго московское правительство продолжаетъ строить города въ нагорной и луговой сторонахъ Волги (Цывильскъ, Уржумъ и Царевококшайскъ) устраиваетъ сторожи для наблюденія за движеніями непріятелей (Ногаевъ). Народонаселеніе, хотя медленно, все таки увеличивается, причемъ переселенцы или присоединяются къ прежде основаннымъ поселкамъ или основываютъ новые починки и деревни. Очень можетъ быть, что колонизація шла впереди царскихъ сторожей; по крайней мѣрѣ, по преданію, уже въ царствованіе Іоанна Грознаго стали появляться поселки въ нынѣшнемъ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, гдѣ ни городковъ, ни даже сторожевыхъ пунктовъ въ ту пору быть не могло еще. Особенно энергично принялось московское правительство за постройку городовъ послѣ того, какъ на Волгѣ стали усиливаться грабежи и разбои казаковъ, отъ которыхъ много терпѣли не только торговые караваны, но и послы. Еще при Іоаннѣ Грозномъ нападеніемъ на суда прославился Иванъ Кольцо. Главнѣйшими пунктами, гдѣ сосредоточивались преимущественно волжскіе казаки, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть здѣсь не только выходцевъ съ Дона, но вообще бѣглецовъ изъ московскаго государства—была мѣстность вблизи нынѣшняго Царицына

(Переволока) и Самарская Лука. Русскій посолъ Семенъ Мальцовъ, возвращавшійся отъ ногайцевъ и захваченный въ плѣнъ турками, въ концѣ царствованія Іоанна IV (1569 г.) говоритъ „о двухъ казачьяхъ городкахъ на Волгѣ“ (Городскія поселенія Россійской имперіи IV, 452 стр.).

Самарская Лука, наполненная довольно высокими горами, покрытыми густыми лѣсами и изобилующими естественными пещерами, представляла для казаковъ надежный и безопасный пріютъ, гдѣ они весьма удобно могли скрываться отъ преслѣдованій и всего лучше наблюдать за проходящими по рѣкѣ караванами. Небольшая рѣка Уса, пересѣкающая Самарскую луку по направленію съ юга на сѣверъ, давала имъ возможность предупреждать караваны, шедшіе по Волгѣ. Замѣтивъ съ вершинъ утесовъ появленіе ихъ, они на своихъ легкихъ челнахъ переплывали по Усѣ, переволакивались затѣмъ на Волгу и врасплохъ нападали на суда, которыми иногда и овладѣвали. Мѣстные жители и теперь еще указываютъ не мало становищъ, на которыхъ, по преданію, располагались въ былое время шайки различныхъ атамановъ, гулявшихъ по Волгѣ; между прочимъ въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ и его товарищъ Иванъ Кольцо (Перетятковичъ, стр. 313). Для уничтоженія казацкихъ разбоевъ, а также въ видахъ защиты отъ вторженій Ногайцевъ, на преданность которыхъ нельзя было разсчитывать, весною 1586 года былъ устроенъ при впаденіи рѣки Самары въ Волгу городъ Самара. Съ послѣднею цѣлью въ то же время былъ выстроенъ еще городъ Уфа на рѣкѣ Бѣлой. Вслѣдъ за Самарой построены были на Волгѣ Царицынъ и Саратовъ. Точныхъ свѣдѣній о времени ихъ основанія нѣтъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить что Царицынъ выстроенъ въ 1589 г. Въ 1648 г. былъ основанъ Симбирскъ, а въ 1683 г. Сызрань.

Съ устройствомъ городовъ движеніе населенія по Волгѣ и торговля, оживившаяся послѣ присоединенія Астрахани въ 1553 г., должны были усилиться. Но заселеніе этой мѣстности земледѣльцами собственно началось только послѣ введе-

нія крѣпостнаго права и съ появленіемъ раскола, то есть, въ періодъ, выходящій изъ круга нашихъ изслѣдованій. Скажемъ только, что заселеніе это совершилось не по правительственной иниціативѣ, а преимущественно бѣглыми. Правительство не только не поощряло колонизаціи края, а, напротивъ, старалось всѣми мѣрами прекратить, а, позднѣе, затруднить наплывъ переселенцевъ въ степь. Прибавимъ еще, что поземельныя отношенія поселенцевъ развивались въ той же послѣдовательности, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, колонизація которыхъ совершалась свободно отъ внѣшнихъ вліяній. Сперва установилась здѣсь волостная община съ захватнымъ способомъ пользованія, а съ увеличеніемъ населенія ее замѣнило общинное землевладѣніе съ передѣлами. (Обзоръ дѣйствій Департамента сельскаго хозяйства съ 1844—53, ч. III, стр. 56 и др. Яковъ Соловьевъ, о поземельномъ владѣніи въ Россіи. Отеч. Зап. 1858 г., т. 116).

XII.

Около 1577 года Грозный выслалъ противъ „воровскихъ казаковъ," разбойничавшихъ на Волгѣ, ратныхъ людей. Разбитыя ими ватаки казаковъ бросились въ разныя стороны: однѣ къ Камѣ и Чусовой, другія—къ Тереку, третьи къ Яику, небольшая часть осталась на Волгѣ. Впрочемъ, поселеніе казаковъ на Яикѣ произошло лишь спустя три года послѣ описаннаго происшествія, около 1580 года *). Спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ ратныхъ людей, казаки долго укрывались въ густыхъ камышахъ устьевъ рѣки Яика. Для того, чтобы подвинуться далѣе вверхъ по теченію этой рѣки, имъ предстояло разрушить столицу Ногайцевъ, Сарайчикъ, лежавшій въ 60 верстахъ выше впаденія Яика въ море. Но нападеніе на сильный и многолюдный Сарайчикъ могли они предпринять лишь послѣ того, какъ къ нимъ присоединились новые толпы выходцевъ. Этимъ объясняется бездѣйствіе казаковъ между

*) Левшинъ, Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ. Рябининъ, Уральское казачье войско.

1577 годомъ, когда они бѣжали съ Волги, и 1580, когда по словамъ ногайскаго хана Уруса, обратившагося съ жалобой къ Грозному: „приходили государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли". Затѣмъ казаки направились вверхъ по Яику и поселились при устьѣ рѣки Рубежной, на урочищѣ Орѣшномъ, верстахъ въ 40 или 50 выше нынѣшняго Уральска. Палласъ въ 1769 году нашелъ еще слѣды окоповъ и землянокъ, принадлежавшихъ по разсказамъ жителей прежнему городку.

Окруженные татарскимъ населеніемъ съ одной стороны, съ другой—принужденные постоянно ожидать нападеній царскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Казани, Астрахани и вновь построенныхъ городахъ, яицкіе казаки вскорѣ рѣшились признать надъ собою власть московскаго правительства, что не мѣшало имъ, впрочемъ, по прежнему грабить царскихъ пословъ. Правительство должно было по необходимости вслѣдствіе своей слабости и въ виду отдаленнаго положенія казаковъ относиться снисходительно къ ихъ винамъ; къ тому же, они были защитниками границъ государства.

Какъ велико было число первыхъ постоянныхъ поселенцевъ, остается неизвѣстнымъ, но, кажется, оно было незначительно. Въ челобитной поданной 10 іюля 1767 года депутаты яицкаго войска между прочимъ говорили, что: „въ прошломъ и давнихъ годахъ прадѣды и дѣды ихъ пришли и заселились по Яику рѣкѣ, вольные люди собравшись, русскіе съ Дону и изъ иныхъ городовъ, а татары изъ Крыму и Кубани и изъ другихъ магометанскихъ народовъ, *человѣкъ съ сорокъ*, которому ихъ заселенію, или паче же на Яикъ рѣку приходу, нынѣ будетъ гораздо болѣе двухсотъ лѣтъ" (Рябининъ, стр. 7). Кромѣ донскихъ казаковъ, кубанскихъ татаръ въ отдаленный яицкій городокъ стали стекаться толпами крестьяне, спасавшіеся отъ крѣпостнаго права и раскола. Въ 1734 году оказалось при переписи 3,196 казаковъ. Въ 1801 году было здѣсь 14,618 челов. мужескаго пола и 14,970 женскаго; въ 1850 — 64,761 челов. об. пола; въ 1862 г. — 82 тысячи; въ настоящее время — 113 тысячъ. По мѣрѣ увеличенія населенія расширялась и территорія. Такъ какъ въ первое время

казаки жили преимущественно продуктами рыболовства, то естественно они селились вдоль по Уралу. Селенія ихъ сосредоточивались на правой сторонѣ рѣки и шли по узкой береговой низменной полосѣ въ направленіи къ сѣверу. Эта мѣстность представляла больше удобствъ для жизни, чѣмъ всѣ остальныя: почва здѣсь черноземная, покрытая лѣсомъ и въ изобиліи производящая кормовыя травы; береговая полоса, кромѣ того что лежала вблизи многорыбной рѣки, была прорѣзана множествомъ ериковъ, озеръ и старицъ. Для небольшаго числа первыхъ поселенцевъ здѣсь было болѣе чѣмъ достаточно сѣнокосовъ, пастбищъ, лѣсу для построекъ и рыбы. Въ началѣ XVIII вѣка около яицкаго городка были основаны казаками Рубежная, Чувасскій, Кирсановъ и др. Въ 1743 г. правительство пріостановило разселеніе въ указанномъ направленіи. Для прекращенія киргизскихъ набѣговъ оно задумало поселить яицкихъ казаковъ по нижнему теченію Яика въ безплодной, покрытой солончаками и притомъ почти безлѣсной степи. Первыми пунктами новой нижне-яицкой линіи были два казачьи городка: одинъ въ 120, другой въ 80 верстахъ выше Гурьева. Здѣсь были поселены 1000 человѣкъ линейной стражи съ ихъ семействами, причемъ дозволено было разселяться только до Гурьева. Когда же нижняя линія пополнилась (въ 1801 году на ней было 6 т. чел.), то колонизація верхней хлѣбопашной полосы, теперь не сдерживаемая никакими препятствіями, снова приняла широкіе размѣры. Къ 1857 году въ сѣверной полосѣ, до Уральска, считалось уже болѣе 45 тысячъ, въ Уральскѣ около 11 т., на нижней же и внутренней линіяхъ, составляющихъ больше половины войсковыхъ земель, жило менѣе 21 т., считая въ томъ числѣ и Гурьевскихъ жителей. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Рябининъ, въ теченіи 56 лѣтъ здѣсь населеніе увеличилось только въ $3^1/_2$ раза, тогда какъ при разселеніи согласномъ съ выгодами и потребностями народа (въ сѣверной части) оно увеличилось болѣе чѣмъ въ 6 разъ».

Движеніе отъ береговъ рѣки внутрь страны вызваны были: во 1-хъ, развитіемъ другихъ отраслей хозяйства, кромѣ рыболовства, во 2-хъ, необходимостью оградить казацкія земли

отъ вторженій и захватовъ со стороны русскаго населенія, владѣнія котораго начинались тотчасъ за Сыртомъ.

Съ возрастаніемъ населенія одно рыболовство не могло уже прокормить всѣхъ жителей и часть ихъ, по необходимости, должна была обратиться къ хлѣбопашеству и скотоводству, причемъ оказалось необходимымъ заводить на самыхъ мѣстахъ пашни отдѣльные зимовки и хутора.

Необходимость охранять занятыя земли заставила казаковъ устраивать внутреннія линіи. До начала настоящаго столѣтія, когда казаки обязаны были селиться по низовьямъ Урала, внутри области никакихъ поселеній не было. По обширнымъ степямъ между Волгой и Яикомъ кочевали татары, башкиры и калмыки, къ которымъ потомъ понемногу стали приходить и русскіе поселенцы, селившіеся на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ. Не имѣя никакого понятія о правахъ собственности, населеніе это, какъ кочевое, такъ и осѣдлое, захватывало всякія земли, ни мало не заботясь о дозволеніи ихъ владѣльцевъ. Первое же столкновеніе казаковъ съ поселенцами и еще болѣе генеральное межеваніе, предпринятое по просьбѣ ихъ самихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, обнаружило страшную путаницу въ претензіяхъ на владѣніе многими мѣстами территоріи, которую казаки считали своей. Отсюда начались запутанныя тяжбы изъ за границъ на сушѣ и морѣ, которыя не окончены еще и до настоящаго времени *).

Что касается до внѣшней исторіи Уральскихъ казаковъ, то она довольно однообразна и, подобно исторіи Донскихъ казаковъ, состоитъ изъ набѣговъ, между которыми, по народнымъ преданіямъ, былъ особенно замѣчателенъ набѣгъ шайки Нечая

*) Казаки основываютъ свои права на Уральскую область на грамотѣ данной ихъ ходокамъ Михаиломъ Федоровичемъ послѣ 1613 года, которой имъ предоставлялось право на владѣніе рѣкою Яикомъ, «съ сущими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями, отъ вершинъ той рѣки и до устья» съ дозволеніемъ «набираться на житье вольными людьми». Но грамота эта сгорѣла еще въ началѣ прошлаго столѣтія, и откуда она была выдана, предки казаковъ, по словамъ теперешнихъ ихъ потомковъ, упомнить не могли. Впрочемъ много данныхъ, указанныхъ Рябининымъ въ его книгѣ, подтверждаютъ существованіе грамоты, хотя de facto Яицкіе казаки никогда не владѣли Яикомъ «отъ вершинъ до устья».

на Хиву въ XVII столѣтіи (Рычковъ, Топографія Оренбургская, часть 2, стр. 73—78), изъ стычекъ съ окружающими татарами, разорившими однажды ихъ городокъ, вмѣсто котораго на другомъ уже мѣстѣ казаки выстроили Яицкъ, теперешній Уральскъ, изъ дѣятельнаго участія въ бунтахъ смутнаго времени, Разинскомъ и особенно Пугачевскомъ, пока, наконецъ, они не были включены въ составъ войскъ, какъ иррегулярная кавалерія.

Внутренняя исторія края *) «распадается, по замѣчанію Рябинина, на двѣ части: на исторію народа и исторію правительственныхъ учрежденій, какъ и въ большей части земель русскихъ. Связь между ними только внѣшняя. Правительство преслѣдуетъ свои цѣли, народъ продолжаетъ жить своею жизнью. Какъ болѣе слабое народное начало должно было подчиниться государственному и дѣйствительно подчинилось, уступая силѣ, но сохранило внутри полное отрицаніе, полный разрывъ съ нимъ. Три столѣтія прошли въ безпрерывной борьбѣ то явной, то скрытной, ознаменовавшейся съ обѣихъ сторонъ крайними взглядами и крайними мѣрами, и только конецъ 1774 года можно принять за рѣшительный переломъ борьбы. Послѣ Пугачевщины государственное начало получаетъ огромное развитіе и силу, народное же бѣднѣетъ и заключается въ себѣ (стр. 1 и 2). Сообразно съ развитіемъ этой борьбы исторія казачества сама собой раздѣляется на три періода: въ первый періодъ (1557—1680) уральское казачество представляло вольную общину съ народнымъ самоуправленіемъ, неподчинявшуюся никакимъ принудительнымъ законамъ; во второмъ, начинающемся съ конца XVII столѣтія (1680—1775), казаки были подчинены правительственному контролю, сосредоточивавшемуся сначала въ казанскомъ приказѣ, а потомъ, съ 1719 г., въ военной коллегіи. Съ 1723 года войсковые атаманы утверждаются правительствомъ. Явилось чиновничество, которое съ перваго же раза заявило себя взяточничествомъ и всевозможными нарушеніями народныхъ правъ. Началась ожесточенная борьба партій консервативной (Логиновской), отстаивав-

*) Здѣсь мы имѣемъ въ виду собственно землю Уральскаго войска безъ Илецкаго и Сакмарскаго округовъ.

шей прежнія формы жизни, свою старую вѣру, и чиновнической (Меркульевской). Въ третьемъ періодѣ уральское казачество преобразовывается въ военно пограничное поселеніе и иррегулярную ковалерію; вводится обязательная военная служба, народное собраніе уступаетъ мѣсто войсковой концеляріи. Преобразованія не каснулись лишь поземельныхъ отношеній, которыя остаются въ своихъ основаніяхъ такими же, какими были триста лѣтъ назадъ.

Общественно-экономическое устройство уральскихъ казаковъ въ самостоятельный періодъ ихъ исторіи было тоже, какое мы видѣли на Дону. Въ основѣ его лежала свобода, равенство и отрицаніе принудительной власти. Всѣ общественные вопросы рѣшались въ кругахъ, происходившихъ обыкновенно на площади или у атаманскаго дома (впослѣдствіи у войсковой избы и приказа). Народъ созывался въ это собраніе колокольнымъ звономъ. Порядокъ обсужденія дѣлъ въ нихъ отличался крайнею простотою. Письменнаго производства не существовало. Собравшимся казакамъ разъяснялось обсуждавшееся дѣло и затѣмъ предлагалось извѣстное рѣшеніе его съ вопросами: *любо-ль* или *не-любо*? Отвѣтъ толпы отмѣнялъ или утверждалъ это рѣшеніе; войсковой атаманъ и его помощники эсаулы были лишь исполнителями народной воли. „Право суда и расправы принадлежало также народу и приговоры произносились всѣмъ войскомъ, при чемъ по самому смыслу казачества, нелюбившаго стѣснять разгула своихъ страстей, преступленіями считались только тѣ поступки, которые наносили вредъ или самой общинѣ или кому нибудь изъ ея членовъ, напр. за измѣну, трусость, воровство, убійство, полагалась смерть; но совершенныя внѣ общины, надъ лицами посторонними, они не считались преступленіями и не влекли за собою наказанія. Внѣ дома и общины дѣятельность казака проявлялась въ грабежахъ, разбояхъ, набѣгахъ и всякаго рода насиліяхъ, въ томъ, одимъ словомъ, что выражалось тогда общепринятымъ терминомъ „промысловъ".

Примѣръ казаковъ доказываетъ между прочимъ, что эта вражда къ чужому, постороннему человѣку вовсе не продуктъ родоваго быта.

Семейная жизнь казаковъ не отличалась ни въ чемъ существенномъ отъ такой же жизни во всей Россіи. У Рычкова, впрочемъ, записано преданіе, будто въ первое время,—до атамана Гугни,—казаки убивали дѣвочекъ и вообще отвергали семейную жизнь, но разсказъ этотъ, по мнѣнію Левшина и Рябинина, мало заслуживаетъ вѣры, хотя аналогичное этому явленіе мы встрѣчаемъ у многихъ народовъ.

Освобожденные отъ необходимости добывать тяжелой работой средства къ существованію, казаки до послѣдняго времени относились съ презрѣніемъ ко всякому постоянному труду. «Молодые люди, писалъ назадъ тому 100 лѣтъ объ уральцахъ Палласъ, всегда препровождаютъ дни въ забавахъ, и многіе казаки вдались въ праздность и пьянство. Женскій полъ также любитъ увеселенія и кажется имѣетъ склонность къ щегольству и любви». (Путешествіе по Россіи, часть I, стр. 417). Отношенія мужа къ женѣ въ настоящее время отличаются суровостью, доходящей въ иныхъ случаяхъ до варварской жестокости; по всей вѣроятности, такими онѣ были и раньше.

По недостатку данныхъ, намъ приходится ограничиться этими немногими чертами древнихъ соціальныхъ отношеній уральскихъ казаковъ.

Поземельныя отношенія, напротивъ, благодаря тому обстоятельству, что формы владѣнія и пользованія землей остаются неизмѣнными до настоящаго времени, мы имѣемъ возможность возстановить во всей ихъ полнотѣ.

Главнѣйшимъ почти исключительнымъ промысломъ уральскихъ казаковъ было и остается до сихъ поръ рыболовство. Привязанность къ этому промыслу поддерживалась не только его выгодностью сравнительно съ затратою труда, но и внѣшними обстоятельствами, ставившими казаковъ впродолженіи 200 слишкомъ лѣтъ лицомъ къ лицу съ ордами кочевыхъ азіатскихъ племенъ, постоянно стремившихся занять земли между Яикомъ и Волгой. Непрерывная борьба принуждала казаковъ быть постоянно наготовѣ и заботиться лишь о настоящемъ днѣ. При такихъ условіяхъ рыболовство было наиболѣе удобнымъ занятіемъ.—Рыбы было вездѣ въ изобиліи. Въ то время Уралъ шелъ въ море, развѣтвляясь на множество рукавовъ, протоковъ и за-

водей, тихихъ, густо заросшихъ камышомъ и представлявшихъ, вслѣдствіе того, удобные притоны для рыбы, вплывавшей въ рѣку изъ моря раннею весною и лѣтомъ. Близость приволжскихъ городовъ обезпечивала постоянный и хорошій сбытъ.

Скотоводство, какъ самостоятельная часть хозяйства развилась на Уралѣ недавно, но какъ побочный промыселъ, оно явилось одновременно съ колонизацией Урала: лошадь была неразлучнымъ спутникомъ казака. Выгоды, получаемыя сосѣдними кочевыми народами отъ скотоводства, должны были возбудить въ казакахъ охоту къ обзаведенію домашнимъ скотомъ, а потомъ и къ разведенію табуновъ, которые могли круглый годъ ходить на подножномъ корму по общинной землѣ. Въ настоящее время скотоводство составляетъ весьма важную статью войсковаго хозяйства.

Хлѣбопашество появилось въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но и теперь еще находится на низкой степени развитія.

Съ развитіемъ этихъ двухъ послѣднихъ отраслей хозяйства, когда нѣкоторые казаки стали захватывать обширныя пространства земли для пастьбы (нажировки) скота и затруднять другимъ возможность заниматься земледѣліемъ, явилась потребность ограничить въ нѣкоторой степени свободу пользованія землей. Въ этомъ, впрочемъ, только и заключается измѣненіе въ поземельныхъ отношеніяхъ казаковъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Всѣ же существенныя особенности ихъ и въ настоящее время тѣже, что и въ первую эпоху уральской исторіи.

Вся земля находилась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей занятой территоріи. Способы пользованія различными видами угодій были весьма разнообразны.

Мы постараемся возможно подробнѣе разсмотрѣть эти отношенія, такъ какъ, располагая весьма богатыми данными, мы имѣемъ здѣсь случай узнать всѣ особенности древнерусской формы поземельныхъ отношеній, названной нами волостной общиной.

Безъ всякаго сомнѣнія казаки принесли эту форму изъ Россіи, гдѣ она въ XVI вѣкѣ еще была распространена, осо-

бенно въ Новгородской области. Но на Уралѣ нераздѣльное пользованіе получило дальнѣйшее развитіе вслѣдствіе благопріятныхъ естественныхъ условій.

Въ первое время, какъ мы сказали, казаки занимались рыболовствомъ. Рыбный промыселъ и въ настоящее время составляетъ главнѣйшій источникъ ихъ благосостоянія. Раздѣлить рѣку на участки между станицами представляется совершенно невозможнымъ, не лишая всѣхъ жителей Урала, за исключеніемъ поселившихся у устьевъ рѣки, возможности жить рыболовствомъ.

Дѣло въ томъ, что рыба, подчиняясь естественному закону, весною направляется многочисленными, быстро слѣдующими другъ за другомъ косяками изъ моря въ Уралъ для метанія икры. Если бы рѣка была раздѣлена на участки постанично, то станицы, лежащія ближе къ устьямъ Урала и на прибрежьи Каспійскаго моря, главномъ рыбномъ бассейнѣ, оказались бы единственными обладательницами общаго богатства. Кромѣ того, для того чтобы достигнуть возможно полнаго вылова рыбы, казаки на всемъ пространствѣ рѣки должны производить ловлю по возможности въ одно время; въ противномъ случаѣ, при продолжительномъ періодѣ вылова, значительная часть рыбы можетъ снова возвратиться въ море за предѣлы области.

Желаніе избѣгнуть такихъ послѣдствій вызвало общее весеннее рыболовство, въ которомъ одновременно участвуетъ все населеніе Урала, и различныя мѣры для охраненія тишины.

Распредѣленіе такихъ угодій на станичные участки „также невозможно какъ по тѣсной связи поземельнаго пользованія съ рыбнымъ промысломъ, который въ такомъ случаѣ былъ бы парализованъ, такъ и по географическому положенію и мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, вслѣдствіе коихъ незначительная часть войсковыхъ земель, и то только въ сѣверной полосѣ войска, удобна для хлѣбопашества; между тѣмъ какъ южная часть несравненно общирнѣйшая, но безводная и совершенно неудобная для воздѣлыванія по солонцеватому грунту, служитъ убѣжищемъ почти для всего войсковаго скотоводства во время суровыхъ зимъ. Обѣ эти мѣстности, такъ сказать,

дополняютъ одна другую. Каждая представляетъ въ данное время свои удобства, составляющія общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска".

„Распредѣленіе земельныхъ угодій на станичные надѣлы также представляется невозможнымъ, и угодья эти составляютъ общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска. По причинѣ плохаго качества войсковыхъ земель, удобныхъ для распашки, дороговизны рабочихъ рукъ, часто повторяющихся неурожаевъ отъ засухъ, и въ видахъ развитія хлѣбопахатнаго хозяйства, войсковымъ обывателямъ предоставляется производить распашку земель подъ хлѣбъ, овощи, овесъ и пр., въ томъ числѣ десятинъ, какое каждый изъ нихъ по состоянію своему распахать можетъ; при чемъ наблюдается только, чтобы распашка не производилась въ сотовариществѣ съ лицами не войсковаго сословія, или изъ части засѣяннаго хлѣба въ мѣстахъ луговыхъ, засѣянныхъ или засаженныхъ лѣсомъ и запущенныхъ подъ лѣсъ, а также въ мѣстахъ, назначенныхъ для выгоновъ"... (Сообщеніе въ государственный совѣтъ изъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ 31 октября 1875 г. Посниковъ, Общинное землевладѣніе, II, стр. 64). Въ первое время этихъ ограниченій, составляющихъ необходимое слѣдствіе возрастанія населенія, не существовало: каждый могъ пахать землю въ томъ количествѣ, какое находилъ нужнымъ, и на любомъ мѣстѣ незанятой общинной земли.

Впрочемъ, при меньшемъ развитіи общинныхъ наклонностей, всѣ эти природныя препятствія не удержали бы колонистовъ отъ раздѣла на землю не только на станичные, но и на подворные участки.

Переходя къ разсмотрѣнію способовъ пользованія каждымъ видомъ угодій отдѣльно, мы начнемъ съ рыболовства, какъ перваго по времени и главнаго промысла казаковъ.

Одни рыболовства, какъ напримѣръ, весеннее производятся сообща всѣмъ казачествомъ, другіе же, преимущественно осеннія и зимнія, ведутся каждымъ отдѣльно, или же болѣе или менѣе значительными партіями и съ соблюденіемъ из-

вѣстныхъ правилъ, такъ какъ при безпорядочномъ ловѣ рыба могла бы быть распугана.

На первыхъ общихъ рыболовствахъ наблюдаютъ: во 1-хъ, чтобы отдѣльныя лица преждевременнымъ ловомъ не помѣшали входу рыбы въ Уралъ; во 2-хъ, чтобы каждый изъ желающихъ участвовать могъ во время приготовиться къ предстоящему рыболовству и записавшись въ одномъ мѣстѣ не могъ бы въ тоже время участвовать въ ловлѣ на другомъ посредствомъ ли наемныхъ работниковъ или чрезъ довѣренныхъ и, наконецъ, въ 3-хъ, чтобы никто изъ отдѣльныхъ лицъ, начавши ловлю раньше другихъ или съ лучшими сравнительно съ остальными орудіями, не воспользовался лишними выгодами.

Для осуществленія этихъ требованій ежегодно точно назначается срокъ начала и окончанія лова, издаются правила относительно рода орудій лова, движенія по рѣкѣ и т. д. Надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ возлагается на рыболовныхъ атамановъ, которые прежде избирались самими казаками, а теперь назначаются войсковою канцеляріею.

Особенные смотрители слѣдятъ, чтобы никто не ловилъ въ запрещенное время и наблюдаютъ за движеніемъ рыбы и мѣстами наибольшаго скопленія ея (ятовями). Прежде это дѣлалось опытными рыболовами.

По времени года рыболовства располагаются такимъ образомъ. Съ вскрытіемъ льда начинается весеннее рыболовство: на морѣ—курхай, на рѣкѣ—севрюжья плавня—и на Черхальскомъ морцѣ. Въ началѣ іюня всякій ловъ прекращается до 15 августа, когда начинаются осенніе ловы на морѣ и въ рѣкахъ (осенній курхай, осенняя плавня, осенніе неводные ловы, осенніе побочные ловы). Въ ноябрѣ осенняя ловля оканчивается и наступаетъ снова перерывъ, продолжительность котораго зависитъ отъ времени замерзанія Урала. Послѣ того какъ ледъ укрѣпится, начинается ловля баграми въ прорубяхъ (багреніе), неводами подъ льдомъ (зимнее наводное), зимнее рыболовство въ Черхальскомъ морцѣ, въ обоихъ Узеняхъ, и ловля особенными сѣтями (аханами), на морѣ (аханное рыболовство).

Багренье и неводное рыболовство оканчиваются въ половинѣ января, черхальское и по узенямъ—1-го марта. Наконецъ, впродолженіи всей зимы съ ноября, по окончаніи осенней плавни, до послѣднихъ чиселъ марта производится по Уралу свободный ловъ рыбы.

Перечисленныя рыболовства явились на Уралѣ не въ одно время. Сначала, когда казаковъ было не много и они сосредоточивались въ Уральскѣ и его окрестностяхъ, существовали только рѣчныя рыболовства. Потомъ, когда на нижнемъ теченіи Урала былъ поселенъ правительствомъ драгунскій полкъ и устроенъ казенный учугъ и укрѣпленіе (сначала Устьяицкій городокъ, потомъ Гурьевъ) казаки, чтобы не лишиться рыбы, спустились внизъ по рѣкѣ, построили здѣсь для охраны границы двѣ крѣпости и завели рыболовлю въ устьяхъ рѣки и на прилегающей части моря: весеннее курхайское и зимнее аханное. Организація рыболовствъ весьма различна. Особенности ея находятся въ зависимости отъ орудій производства, времени возникновенія рыболовствъ и другихъ условій. Позднѣе явившіяся рыболовства отличаются отъ раннихъ менѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ выгоды промысла и большими ограниченіями свободы участвующихъ въ немъ.

Но вообще въ этомъ отношеніи всѣ рыболовства можно раздѣлить на четыре группы: плавныя, неводныя, багренье и рыболовства съ плавными сѣтями.

Плавныхъ рыболовствъ два: весенняя севрюжья плавня и осенняя. Первая производится на всемъ пространствѣ Урала—отъ Уральска до моря—на протяженіи 500 верстъ при участіи 6000 слишкомъ человѣкъ. Въ видахъ правильности лова, Уралъ раздѣленъ на нѣсколько частей,—рубежей,—границы которыхъ точно опредѣлены. Въ первый день вылавливается первый участокъ, во второй вся масса рыбачущихъ передвигается на слѣдующій рубежъ и т. д. На пространствѣ рубежа каждый можетъ выбирать любое мѣсто для ловли. Но будары должны быть установлены на избранныхъ мѣстахъ до начала лова, которое обыкновенно опредѣляется восходомъ солнца и о которомъ оповѣщается выстрѣломъ изъ пушки. Съ выстрѣ-

ломъ всѣ будары, стоящія до того времени въ линію на Самарскомъ берегу, вталкиваются сидящими на нихъ гребцами далѣе въ рѣку, причемъ каждый спѣшитъ занять намѣченное имъ мѣсто. Ровно въ часъ (прежде въ два) выстрѣломъ изъ пушки дается знать прекратить ловлю, послѣ чего бударки немедленно вытаскиваются на берегъ, и ихъ владѣльцы въ этотъ день уже не могутъ болѣе ловить, чтобы не лишить возможности получить долю въ добычѣ рыбачущимъ сзади или по какимъ либо причинамъ опоздавшихъ на общій ловъ. Установленіемъ такого порядка имѣли въ виду достигнуть наивозможнѣйшаго уравненія шансовъ.

Въ прежнее время надзоромъ за порядкомъ лова завѣдывали выборные атаманы, теперь онъ поручается лицамъ, назначаемымъ войсковою канцеляріею. Сущность обычныхъ правилъ, впрочемъ, осталась таже, хотя назначеніе срока ловли, опредѣляемаго канцеляріей, въ прежнее время, при участіи въ обсужденіи дѣла всѣхъ казаковъ, могло быть гораздо болѣе сообразовано съ условіями жизни рыбы и обстоятельствами самихъ казаковъ. Въ настоящее время ежегодно издается войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, такъ называемое, „прочетное предписаніе“ относительно порядка севрюжьяго рыболовства. [1])

[1]) Приведемъ для образца прочетное предписаніе 1872 г. «Хозяйственное правленіе журналомъ на 29 февраля положило:

1) Чтобы казаки, по примѣру прошлаго года, не ожидая вскрытія Урала отъ льда, выѣхали на севрюжье рыболовство 27-го марта и слѣдовали до того форпоста, гдѣ представится возможность и болѣе выгодъ спустить будары на Уралъ, по вскрытіи на немъ льда, но никакъ не выше Кругловскаго форпоста, дабы на ходу не могло застигнуть ихъ половодье. Рыболовство начать съ общаго согласія рыболововъ и производить по установленнымъ рубежамъ слѣдующимъ порядкомъ: на пути слѣдованія плавать только одинъ день съ восхода солнца до 1-го часа по полудни, на каждомъ рубежѣ, а потомъ въ слѣдующій день другой рубежъ также до полудня. Если на уборку наловленной рыбы на какомъ либо рубежѣ нужно будетъ остаться на другой день, то это разрѣшается; но ловить рыбу въ этотъ день воспрещается, дабы дать проходъ для казаковъ рыболовствующимъ выше рубежа. Находящіеся выше рубежа казаки, не ближе какъ однимъ форпостомъ выше отъ рубежа, т. е. за одни «промежки», могутъ рыбачить съ восхода до заката солнца. Такимъ порядкомъ слѣдо-

Одновременно съ севрюжьей плавней въ Уралѣ производится курхайское рыболовство на Каспійскомъ морѣ. Для уравненія

вать до Гурьева, гдѣ, согласно заявленія сдѣланнаго въ прошломъ году въ присутствіи хозяйственнаго правленія и во время самаго рыболовства начальникамъ онаго казаками, рыболовствующими вверху отъ рубежныхъ, если такое заявленіе повторится и во время нынѣшняго рыболовства большинствомъ сихъ заднихъ рыболововъ,—избрать указываемое ими мѣсто рубежа, выше Гурьева и ниже мѣстности, т. назыв., «дворянской сармы», на бывшемъ рубежѣ осенняго неводнаго рыболовства остановиться и, смотря по ходу рыбы изъ моря, продолжать ловъ рыбы чрезъ день на одномъ мѣстѣ, но отнюдь не каждодневно.

Потомъ, судя по времени и состоянію погоды, какъ признаютъ удобнымъ промышленники, дозволяется имъ выѣзжать на прибрежье моря. Здѣсь какъ въ устьяхъ и противъ устьевъ Урала, такъ въ ильменяхъ, заливахъ, проранахъ и вообще въ мѣстахъ по берегу моря севрюжинныхъ могутъ ловить рыбу порядкомъ прежнимъ, т. е., гдѣ кто какими снастями пожелаетъ, кромѣ крючьевъ и распорныхъ неводовъ, но никакъ не далѣе перваго числа іюня. Съ наступленіемъ этого числа рыболовство прекращается, а море и Уралъ должны быть свободны для выхода рыбы въ плавенныя и багренныя мѣста. Во время севрюжнаго рыболовства, дозволяется по всей линіи желающимъ казакамъ рыбачить въ Уралѣ позади войска (севрюжниковъ) прежнимъ порядкомъ, положенной мѣры сѣтьми, но при этомъ отнюдь не употреблять обметовъ, неводовъ и погоняевъ.

2) Курхайскимъ промышленникамъ дозволяется выѣзжать на прибрежье моря для рыболовства вмѣстѣ съ севрюжниками, но рыбачить здѣсь не иначе какъ въ бударкахъ и съ такимъ числомъ сѣтей, какъ севрюжники.

3) Дозволить желающимъ казакамъ, какъ только съ открытіемъ весны представится возможность ловить чорную рыбу по всѣмъ старицамъ и заливамъ по обѣ стороны Урала, начиная отъ Уральска и до Гурьева городка включительно, а также въ рр. Баксаѣ, Чорной и Сарочинскѣ; но рыбачить собственно въ Уралѣ, впереди севрюжниковъ, воспрещается подъ отвѣтственностью строгаго взысканія по законамъ, какъ за потаенное рыболовство. Наблюденія за неприкосновенностью Урала впереди севрюжниковъ полагается на станичныхъ и форпостныхъ начальниковъ, кои обязаны, во все это время, лично сами, или чрезъ особо командированныхъ урядниковъ, дѣлать разъѣзды днемъ и въ особенности ночью; точно также должны дѣлать разъѣзды и послѣ въ указанныхъ каждому районахъ. Главнѣйшая отвѣтственность за всякое послабленіе возлагается на станичныхъ начальниковъ; а потому они должны объявить на сходкахъ казакамъ, чтобы они не подъѣзжали къ Уралу съ рыболовными снастями до прихода севрюжниковъ; въ случаѣ появленія кого либо изъ нихъ, отнюдь не допускать таковыхъ къ рыболовству и задерживать если это окажется нужнымъ, конфискуя у нихъ снасти и составляя извѣстнымъ

выгодъ, курхайскимъ промышленникамъ дозволяется ловить на бударахъ и такимъ же числомъ сѣтей, какъ и севрюжники. Совершенно на иныхъ основаніяхъ ведется осенняя плавня.

порядкомъ, протоколы, или производя дознанія, которыя предварительно представлять въ хозяйственное правленіе.

Переѣзды чрезъ Уралъ со снастями для рыболовства въ «чорныхъ водахъ» на за-уральской сторонѣ дозволяется казакамъ дѣлать подъ самыми форпостами, подъ надзоромъ смотрителей водъ (полѣсовщиковъ).

4) Желающіе рыбачить по Уралу, старицамъ и заливамъ, отъ Уральска до Янанхалинскаго форпоста, могутъ производить рыболовство, какъ только прослѣдуютъ севрюжники и какъ только представится къ тому возможность; при чемъ въ теченіи 14 дней (исключ. праздниковъ) дозволяется употреблять невода, какъ это и было уже объявлено; по окончаніи же этого срока рыболовство въ Уралѣ продолжать собственно только одними плавными сѣтьми, а обметовъ и неводовъ уже не употреблять.

5) Чтобы дать случай севрюжникамъ окончить рыболовство въ Уралѣ до его разлива, предоставить праздникъ Пасху праздновать только въ первые 3 дня, а послѣдніе дни рыбачить; но если бы казаки пожелали праздновать всю Пасху, то это дозволить, но только тогда, когда по спросу начальниками севрюжьяго рыболовства изъявитъ на это согласіе большинство рыболовствующихъ казаковъ, и тогда на это время рыболовство прекращается; когда же большинство будетъ за противное, то прекращается рыболовство только на первые 3 дня; затѣмъ остальные могутъ праздновать всю Пасху и должны слѣдовать «съ войскомъ» по рубежамъ, согласно данной начальникамъ инструкціи.

6) Начальникамъ севрюжьяго рыболовства и писарю, въ вознагражденіе трудовъ, предоставить дѣлать въ свою пользу на каждомъ рубежѣ, по окончаніи общаго лова, по расплаванному мѣсту, отнюдь не болѣе, какъ первымъ двоимъ по 15 плавковъ каждому, а послѣднему по 3 плавка въ 1 разъ, безъ протяжки времени, и чтобы положенные плавки сдѣланы были безъ малѣйшаго промедленія, т. е., тотчасъ по окончаніи казаками лова рыбы или повѣстки подъ опасеніемъ за отступленіе строжайшаго взысканія; причемъ вмѣнить начальникамъ рыболовства въ обязанность ни подъ какимъ предлогомъ, по окончаніи срочныхъ часовъ, назначенныхъ къ общему лову на рубежѣ, не дѣлать плавковъ въ видѣ «пробы», вообще же соблюдать общій строгій порядокъ въ плавнѣ, какъ на рубежѣ, такъ и выше онаго.

7) Начальниками севрюжьяго рыболовства назначается войсковой старшина и сотникъ.

Хозяйственное управленіе предписываетъ станичнымъ начальникамъ объявить это прочетное предписаніе жителямъ на сходкахъ въ вѣдомствѣ каждаго».

Осенью рыба располагается по ятовямъ, мѣста которыхъ напередъ извѣстны. Чтобы предупредить уходъ рыбы, ятови предварительно запираются переставами. Въ видахъ возможно полнаго уравненія шансовъ, ловля начинается съ удара, по командѣ. Когда бударки уже въ водѣ, рыболовный атаманъ отводитъ ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ ятови гурьбою, не позволяя никому выплывать впередъ своей лодки и затѣмъ отплываетъ въ сторону, послѣ чего сейчасъ же начинается гонка. Всякій старается грести изъ всѣхъ силъ. Бывали случаи, говоритъ Данилевскій, что здоровые, сильные и привычные къ работѣ казаки загребались до обморока. Цѣль каждаго достигнуть прежде другихъ ятови, чтобы успѣть вычерпать изъ нея какъ можно больше рыбы до прихода остальныхъ. Выловивши одну ятовь, казаки также въ переговку направляются къ другой, дѣлая, такимъ образомъ, по техническому выраженію «второй ударъ». Чрезъ день назначаются «дневки»,— отдыхъ, во время котораго казаки продаютъ свою добычу идущимъ вслѣдъ за ловцами промышленникамъ. Неравномѣрность количества рыбы въ разныхъ ятовяхъ уравновѣшивается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа рыбаковъ, что достигается взаимнымъ соглашеніемъ. Работниковъ изъ постороннихъ не допускаютъ, изъ казаковъ ихъ не можетъ явиться, такъ какъ каждый изъ нихъ участвуетъ въ ловлѣ на равныхъ правахъ съ другими. Подобный же порядокъ ловли существуетъ на сѣверѣ Россіи (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ россіи, гл. XI). и въ другихъ мѣстностяхъ.

Багренье, напротивъ, составляетъ исключительную принадлежность уральскаго края. Это едвали не самое древнее рыболовство. Покрайней мѣрѣ, порядокъ, какимъ оно производится, могъ возникнуть только при чрезвычайномъ обиліи рыбы. Въ настоящее время порядокъ этотъ невыгоденъ и удерживается лишь по привычкѣ. Подобно плавнямъ багренье производится по рубежамъ и раздѣляется на большое и малое. Въ концѣ декабря или началѣ января назначается атаманомъ день, въ который съ опредѣленныхъ мѣстъ должна начаться ловля баграми. Наканунѣ лова къ этимъ мѣстамъ собираются

всѣ служащіе казаки, въ числѣ 7000 и болѣе человѣкъ, каждый съ длиннымъ, иногда саженъ въ 10, багромъ и пешней. На берегу у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого либо изъ семьи для перевозки рыбы. Предъ началомъ ловли, казаки становятся на берегу, каждый на выбранномъ имъ мѣстѣ. До знака никто не можетъ ступить на рѣку. Но лишь только раздается выстрѣлъ, всѣ бросаются на ледъ, каждый старается какъ можно скорѣе пробить прорубь, и все пространство ятови—около версты длины и 50 саженъ ширины—въ нѣсколько минутъ принимаетъ видъ рѣшета. Рыбу подцѣпляютъ баграми. Разбагривши одну ятовь и перенеся пойманную рыбу на сани, отправляются на слѣдующую, и такъ до конца рубежа, Для уравновѣшиванія шансовъ при такомъ способѣ ловли, при которомъ физическая сила и случайность даютъ большія преимущества, а также съ цѣлію взаимной помощи при ловлѣ крупной рыбы (бѣлуги или осетра) багренщики организуются въ артели, отъ 6 до 15 человѣкъ каждая, члены которыхъ дѣлятъ между собою добычу, большею частью, поровну.

Заведенное съ самыхъ первыхъ дней колонизаціи Урала, устроенное на справедливыхъ началахъ и доступное всѣмъ, благодаря дешевизнѣ требуемыхъ орудій (багра и пешни),—багренье до настоящаго времени составляетъ наиболѣе любимый промыселъ казаковъ.

Чѣмъ позднѣе возникало то или другое рыболовство и чѣмъ сложнѣе и дороже орудія, необходимыя для производства, тѣмъ его организація болѣе уклоняется отъ общинной. Причина этого заключается въ общихъ условіяхъ, препятствовавшихъ общинному началу прогрессировать въ равной степени съ развитіемъ потребностей. Орудія производства въ русской общинѣ всѣхъ типовъ составляютъ индивидуальную собственность,—тоже самое и на Уралѣ. Это открыло доступъ капиталистическому элементу, хотя его проявленія неизбѣжно ограничиваются извѣстными предѣлами, установленными обычаемъ. Типическимъ примѣромъ смѣшанной организаціи можетъ служить осеннее неводное рыболовство. Невода для него преобрѣтаются казаками или отдѣльно или артелями на опредѣ-

ленныхъ обычаемъ условіяхъ. Отдѣльные владѣльцы неводовъ отдаютъ ихъ въ пользованіе также на основаніи установленныхъ правилъ. Всѣ неводныя артели (въ 6 человѣкъ каждая) распредѣляются по пескамъ (мѣста, представляющія удобства для вытаскиванія невода на берегъ). Такихъ песковъ, имѣющихъ каждый особое названіе, на пространствѣ осенняго неводнаго лова насчитывается болѣе 20. Чтобы успѣть закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, каждая артель торопитъ свою предшественницу, и начальникъ рыболовства слѣдитъ за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, подвергая штрафу виновныхъ въ умышленно-медленной тягѣ. На третьи сутки дѣлается отдыхъ для дѣлежа и посола рыбы, послѣ чего посредствомъ жребія измѣняется порядокъ артелей для тяги. Такой перемѣной стараются достигнуть возможно полнаго уравненія шансовъ улова. Къ мѣсту болѣе уловистому приписывается и болѣе артелей, такъ что каждой приходится тянуть здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Рыба, вытянутая артелью, принадлежитъ исключительно ей, и распредѣляется между приписанными къ артели такимъ образомъ, что каждый изъ участвующихъ, будутъ ли то казаки или иногородные, получаютъ по паю. Хозяинъ невода, если онъ участвуетъ въ ловлѣ, что бываетъ почти всегда, получаетъ также пай, и кромѣ того 5 паевъ на неводъ. Въ противоположность багренью, здѣсь даются большія доли участвующимъ въ ловлѣ офицерамъ. При личномъ участіи оберъ-офицеры получаютъ 2 пая, штабъ-офицеры 3; иногородные работники, нанимаемые ими въ большемъ противъ остальныхъ казаковъ числѣ, берутъ также больше паевъ, чѣмъ другіе.

На зимнемъ неводномъ ловѣ рыбачущіе соединяются въ пять группъ, по числу пяти участковъ, на которые раздѣляется районъ ловли. Приписанные къ одному участку групируются въ неводныя артели. Во всѣхъ участкахъ, тяга производится одновременно, такъ какъ эти участки занимаютъ пространство въ нѣсколько верстъ. Способъ распредѣленія добычи имѣетъ цѣлью достигнуть полнаго равенства. Въ предупрежденіе ухода рыбы каждый изъ пяти участковъ заграждается на верхней и нижней границахъ переставами, такъ что

ловъ производится какъ бы въ сажалкѣ, въ которую изъ другихъ участковъ рыбы не можетъ зайти. Понятно, что артель, получившая невыгодное мѣсто, была бы въ проигрышѣ сравнительно съ другими. Въ предупрежденіе такого неравенства, уловъ всѣхъ неводовъ складывается въ общія кучи, называемыя *урсами*, которыя затѣмъ и распредѣляются поровну. Впрочемъ, и здѣсь начальники пользуются привиллегіей: они получаютъ, безъ различія чина, по 2 пая. Въ виду большей дороговизны зимнихъ неводовъ и большей возможности для нихъ подвергнуться порчѣ отъ кочекъ на днѣ, хозяинъ невода получаетъ здѣсь не 5 паевъ, какъ на предыдущемъ рыболовствѣ, а 6. Число рыбачущихъ однимъ неводомъ ограничено и не можетъ превышать 14 человѣкъ. Очень можетъ быть, что такимъ ограниченіемъ старались предупредить введеніе слишкомъ большихъ и дорогихъ неводовъ, при которыхъ выгоды, распредѣляющіяся теперь между многими владѣльцами неводовъ, доставались бы лишь немногимъ и даже одному.

На тѣхъ же началахъ организовали казаки ловлю и во всѣхъ другихъ бассейнахъ своей области, если только эта ловля представляетъ выгоды.

Въ Черхальскомъ морцѣ ловля производится съ 4-хъ пунктовъ, на которые казаки сходятся изъ разныхъ краевъ партіями не менѣе 10 человѣкъ въ каждой. Чрезъ Уралъ всѣ они переправляются въ извѣстный день. Зимній черхальскій ловъ отличается употребленіемъ при немъ большихъ неводовъ, достигающихъ при пятисаженной ширинѣ до $2^1/_2$ верстъ длины. Невода закидываются съ средины озера, верстахъ въ 7 отъ берега, къ которому тянутъ ихъ лошадьми при помощи во̀рота. Чтобы уравнять выгоды, участвующіе „измѣряютъ веревками мѣста вокругъ озера, противъ которыхъ ледъ гладокъ, и всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждыя 100 саженъ совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участку равной длины, послѣ чего мечутъ жеребій о мѣстахъ для каждаго невода“ (Данилевскій, Уральское рыбное хозяйство). На одинаковую длину невода приходится всегда равное число ловцовъ.

Невода отдаются ихъ владѣльцами въ пользованіе арте-

лямъ на такихъ условіяхъ, что на каждыя 100 саженъ хозяинъ получаетъ 6 паевъ, такъ что, наприм., владѣлецъ невода въ 1,600 саженъ (самый большой неводъ въ 1852 г.) могъ получать, не участвуя въ работѣ, въ 80 разъ больше, чѣмъ всякій другой казакъ.

При ловахъ въ запорныхъ старицахъ [1]), изъ которыхъ однѣ находятся въ общемъ пользованіи цѣлаго войска, другія принадлежатъ отдѣльнымъ форпостамъ, лицо, взявшее на себя трудъ запирать старицу, въ вознагражденіе или получаетъ опредѣленное по взаимному соглашенію число паевъ или предъ замыканіемъ старицы собираетъ извѣстную сумму пропорціонально количеству паевъ, получаемыхъ каждымъ, такъ что, напр., владѣльцы неводовъ и офицеры платятъ больше другихъ. Хозяевамъ неводовъ даютъ по 5-ти паевъ, но чтобы сократить количество хозяйскихъ паевъ, принято не допускать на каждой старицѣ болѣе 4-хъ неводовъ.

Въ мелкихъ рѣкахъ и озерахъ ловъ вполнѣ свободенъ: каждый можетъ ловить сколько и когда хочетъ.

Можно, такимъ образомъ, согласиться съ Данилевскимъ, что возможно равномѣрное пользованіе выгодами промысла для всѣхъ казаковъ составляетъ характеристическую черту уральскихъ рыболовствъ. Равномѣрность эта достигается различнымъ способомъ сообразно съ условіями рыбной ловли. Привиллегіи ранга и капитала ограничены весьма тѣсными предѣлами.

Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рыболовствъ, напримѣръ въ Черхальскомъ, уже замѣтно уклоненіе отъ общинной системы распредѣленія. Уклоненія эти еще значительнѣе въ морскихъ рыболовствахъ: аханномъ, курхайскомъ и прибрежномъ. Интересы большинства здѣсь принесены въ жертву немногимъ богачамъ. Рыболовства эти были установлены въ 1816 году войсковымъ начальствомъ по ходатайству нѣсколькихъ богатыхъ и чиновныхъ лицъ, не смотря на общій протестъ остальныхъ казаковъ, такъ какъ морскія рыболовства препятствуютъ входу рыбы въ

---

*) Водовмѣстилища, имѣющія въ отличіе отъ рукавовъ лишь одно соединеніе съ Ураломъ и запираемыя съ началомъ убыванія воды.

рѣку, а пользоваться ими по дороговизнѣ имѣютъ возможность только богатые.

Разсмотрѣніе морскихъ рыболовствъ, неизвѣстныхъ въ періодъ самостоятельнаго существованія Уральскаго казачества и установленныхъ безъ его участія, выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

Вторымъ по важности промысломъ Уральскихъ казаковъ было и есть скотоводство. Пользованіе сѣнокосами и пастбищемъ организовано было совершенно на тѣхъ же началахъ свободы и равенства, какъ и пользованіе водами для рыбной ловли. Эта организація остается неизмѣнной, и въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ. Всѣ сѣнокосныя мѣста состоятъ въ вольномъ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи, но въ однихъ мѣстахъ,—по рѣкѣ Уралу и вообще богатымъ травою лугамъ,—эта свобода ограничена извѣстными обычными правилами, въ другихъ же—по залежамъ, степямъ и вообще удаленнымъ мѣстамъ — пользованіе неподчинено никакимъ ограниченіямъ. Въ первыхъ мѣстностяхъ сѣнокосъ производится всѣмъ войскомъ въ одно время и въ извѣстный срокъ, заранѣе опредѣляемый чрезъ прочетныя предписанія войсковымъ правленіемъ, раньше котораго никто не можетъ выходить на косьбу подъ опасеніемъ лишиться права на участіе въ сѣнокосѣ; наемные рабочіе или совсѣмъ не допускаются здѣсь или число ихъ ограничено по степенямъ званій [1]). Въ мѣстностяхъ вольнаго сѣнокоса каждый можетъ косить, гдѣ и сколько хочетъ.

Общее войсковое сѣнокошеніе производится три раза.

Около 10 мая начинается ковыльное сѣнокошеніе. Число рабочихъ для него не опредѣляется и зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго. Передача правъ на ковыльное сѣнокошеніе постороннимъ, подобно передачѣ другихъ древнихъ правъ на пользованіе угодьями, строго запрещается подъ угрозой штрафа.

---

[1]) Служилымъ командамъ: пожарной, подводной, которыя не могутъ отлучаться отъ мѣста службы, а также киргизамъ отводится извѣстное пространство луговъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Второе сѣнокошеніе, извѣстно подъ именемъ обволечнаго, начинается также въ опредѣленный день и производится по всѣмъ мѣстамъ, не входящимъ ни въ ковыльный, ни въ общій валовой сѣнокосъ. Здѣсь позволяется имѣть рабочихъ изъ иногородныхъ, но въ первые 6 дней въ ограниченномъ числѣ— отъ 2 до 10 соотвѣтственно рангамъ.

Третье сѣнокошеніе, называемое валовымъ, производится по созрѣваніи луговыхъ травъ, на протяженіи р. Урала отъ илецкихъ дачъ до Кожехаровской реданки и по рр. Деркулу и Иртеку. Число рабочихъ опредѣляется на тѣхъ же основаніяхъ, что и при обволькѣ, но въ первые три дня, если сѣна уродилось мало, казаки обязаны косить лично.

Чтобы дать понятіе о самомъ порядкѣ сѣнокошенія приводимъ описаніе его въ одной мѣстности области. (Уральскія войсковыя вѣдомости, 1872, № 23). Не смотря на полный просторъ, открывающійся свободнымъ дѣйствіямъ каждаго, на отсутствіе всякаго надзора за косцами и, быть можетъ, именно вслѣдствіе отсутствія внѣшняго контроля, косьба производится въ порядкѣ и съ соблюденіемъ требованій справедливости. «Наканунѣ назначеннаго дня всѣ казаки съ своими рабочими, съ орудіями промысла и съ провизіей выѣзжаютъ въ луга, высматриваютъ доброкачественную траву, окидывая взглядомъ пространство гдѣ намѣреваются остановиться косить, чтобы узнать, на сколько дней достанетъ покосить травы (главная забота, чтобы достало на первый день). Потомъ каждый смотритъ на своихъ сосѣдей, соображая насколько близко или далеко отъ него расположились эти сосѣди, кто они и какое число у каждаго изъ нихъ рабочихъ (рядовому казаку полагается имѣть не болѣе 2 работниковъ, уряднику — 3, оберъ-офицеру—4, маіору, подполковнику — 8, полковнику — 12, генералу—15). Выбравши мѣстность, казакъ ставитъ свою телѣгу, раскидываетъ бѣлый пологъ,—защиту отъ назойливыхъ комаровъ. Это означаетъ его *станъ*. Во время сѣнокоса вы увидите на необозримомъ пространствѣ раскиданныя бѣлыя точки, какъ нѣкогда печенѣжскія вѣжи, съ тою разницей, что эти бѣлыя станы разсыпаны рѣдко, на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга. Представьте при этомъ, что подобныя же точки разсы-

паны на протяженіи 700 верстъ по лѣвой сторонѣ Урала. Наканунѣ дня сѣнокоса, еще далеко до заката солнца уже всѣ расположены станами; засвѣтло всѣ поужинаютъ, чтобы послѣ небольшаго отдыха, приняться за работу. Представьте тишину ночи, прерываемую крикомъ ночной совы и храпомъ сладко поѣвшихъ и еще слаще заснувшихъ рабочихъ. Повидимому все спокойно, но въ дѣйствительности всѣ казаки-хозяева, лежащіе въ пологахъ, находятся въ сильномъ волненіи. Ни одинъ казакъ не спитъ въ эти часы: каждый думаетъ, какъ бы не прозѣвать, какъ бы его не обкосилъ сосѣдъ: до сна ли тутъ? Съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивается каждый въ ночную тишину... Вдругъ чуткій слухъ казаковъ поражается отдаленнымъ, измѣнническимъ шорохомъ косы о траву... Всѣ вскакиваютъ, какъ бѣшенные, толкаютъ рабочихъ, и въ одну минуту всѣ на ногахъ, за работой. И идетъ гулъ въ темнотѣ, будто земля стонетъ.

Казакъ-хозяинъ, въ какомъ бы возбужденномъ состояніи онъ ни находился, не теряетъ сообразительности стратега: онъ отряжаетъ одного работника въ одну сторону, другаго въ другую, указываетъ имъ направленіе, по которому слѣдуетъ вести прокосъ, а самъ бѣжитъ въ третью сторону, чтобы также провести завѣтную межу острой косой. Если казакъ успѣлъ ограничить прокосами со всѣхъ сторонъ квадратъ или неправильный многоугольникъ, все равно,—онъ доволенъ: онъ очертился магическимъ кругомъ, за который не переступитъ къ нему ни одинъ жадный сосѣдъ; тогда, обмежеванное сильной рукой, пространство дѣлается его неотъемлемой собственностью; тогда онъ коситъ какъ у себя дома, а не какъ на общественной землѣ.

Но бываютъ и промахи. Если казакъ почему либо замѣшкался, то смѣтливый сосѣдъ обкоситъ его. Напримѣръ, если прозѣвавшій предполагаетъ выкосить межу въ видѣ буквы П, то сосѣдъ можетъ поставить ему въ предполагаемомъ П букву Л, а то, пожалуй, ухитриться вырѣзать и букву М. Тогда затѣвается споръ, ссора, а иногда и драка. Но такъ какъ каждая минута времени для спорщиковъ дорога, то хозяйственный разсчетъ заставляетъ прекратить ссору, и враги

расходятся для продолженія косьбы. Прозѣвавшій казакъ изъ своего П не смѣетъ, однакожъ, исключить сосѣдской М; еслибы первый, вслѣдствіе темноты ночи, и сдѣлалъ неумышленное покушеніе на выкройку послѣдняго, то по утру это разберется и опредѣлится съ математической точностью. Вотъ это-то и называется *обкосить*.

Если въ урожайный годъ травы густы и обильны, пространства травныя обширны, слѣдовательно, всякому мѣста довольно, то обкашиванія не бываетъ *); но когда при скудной травѣ станы тѣснятся на небольшомъ разстояніи, тогда азартъ переступаетъ границы: обкашиваніе идетъ всеобщее. По темнотѣ ночи и торопливости въ работѣ, путаница обкосныхъ линій выходитъ ни на что не похожа. Какъ только солнце порядочно взойдетъ и рабочіе пойдутъ завтракать, хозяева сходятся разбирать путаницу ночной лукавой работы. Не всякій охотникъ можетъ по слѣдовымъ петлямъ выслѣдить зайца, но всякій казакъ можетъ разобрать кто, чтó и гдѣ скосилъ, по паденію прокосной травы, по едва замѣтнымъ чертамъ неизбѣжно остающейся травы отъ взмаха косы и пр. Не смотря на это приглашаются эксперты изъ казаковъ, не заинтересованныхъ въ дѣлежѣ скошенной травы. Они-то, разсмотрѣвъ сѣнокосные іероглифы, рѣшаютъ споръ своимъ окончательнымъ приговоромъ, на который аппеляціи не бываетъ, потому что приговоренные и сами хорошо знаютъ правильность разбирательства. Послѣ этого у спорщиковъ вражды какъ не бывало, и при огребаніи сѣна ни одной травинки не будетъ присвоено изъ за чужихъ межей».

При валовомъ сѣнокосѣ выбираются депутаты на мѣстѣ, предъ началомъ покоса, въ каждомъ селеніи отъ 3 до 4-хъ. На обязанности ихъ лежитъ наблюденіе за соблюденіемъ обычныхъ правилъ и прекращеніе злоупотребленій.

Малолѣткамъ, старикамъ и больнымъ предоставляется посылать за себя рабочихъ.

---

*) Около Уральска вслѣдствіе относительной недостаточности покосовъ обкашиваніе обыкновеннѣе, чѣмъ въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ области.

Что касается до пастбищъ, то часть ихъ отведена въ отдѣльное пользованіе селеній, другая же,—гораздо большая—находится въ вольномъ и нераздѣльномъ пользованіи всей общины.

Способы пользованія общими войсковыми пастбищами носятъ на себѣ слѣды борьбы двухъ началъ: равенства и привиллегіи. Скотоводство получило значительное развитіе лишь въ недавнее время, съ возрастаніемъ спроса на его продукты (сало), когда распоряженіе угодьями стало зависѣть отъ войсковаго правленія, находившагося подъ вліяніемъ чиновныхъ и богатыхъ казаковъ. Казаки эти незамедлили захватить въ свои руки новый промыселъ, обѣщавшій при даровомъ пользованіи общинными пастбищами громадный доходъ. Не имѣя возможности захватить въ свое исключительное пользованіе пастбища de jure, они послѣ долгихъ споровъ достигли этого de facto.

Въ настоящее время всѣмъ казакамъ дозволяется имѣть на войсковой землѣ *безпошлинно* лишь опредѣленное число головъ, за излишній же скотъ берется пошлина, называемая акцизомъ, въ пользу войска. Размѣры этой пошлины измѣнялись нѣсколько разъ и были предметомъ постоянныхъ споровъ между массою населенія, занимающеюся мелкою скотопромышленностью, съ одной стороны, и крупными торговцами скота, къ числу которыхъ принадлежали и нѣкоторые войсковые чиновники, съ другой. Въ послѣднее время остановились на слѣдующей нормѣ: лица войсковаго сословія, безъ платежа акциза, могутъ имѣть на войсковыхъ земляхъ: штабъ-офицеры—1,500 барановъ и 210 штукъ рогатаго скота, оберъ-офицеры—1,000 штукъ перваго и 210 втораго, простые казаки и малолѣтки, несущіе повинности, по 500 барановъ и 70 штукъ рогатаго скота. За каждую голову сверхъ этого количества берется акцизъ (10 коп. съ штуки рогатаго скота и 4 к. съ барана въ зимнее время и столько же въ лѣтнее, если табуны будутъ допущены на сѣверныя хлѣбопахатныя полосы). За лошадей пошлины не берется. Передача права на безденежное довольствіе опредѣленнаго каждому количество скота безусловно запрещена. Пастьба скота допускается въ любой

мѣстности средней и южной полосъ, за исключеніемъ хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, выгоновъ вокругъ селеній и скотопрогонныхъ дорогъ; но допускъ скотопромышленниковъ въ хлѣбопахатную (сѣверную) полосу во время лѣта зависитъ отъ усмотрѣнія войсковой канцеляріи, такъ какъ бываютъ годы, когда, вслѣдствіе неурожая травы на лугахъ, необходимо оберегать степи для сѣнокоса. Въ случаѣ потравы хлѣба потерпѣвшимъ выдается вознагражденіе изъ особой суммы, составляющейся изъ акциза съ скотопромышленниковъ за право пастьбы въ хлѣбопахатной полосѣ.

Строго вникая въ духъ этихъ постановленій, говоритъ г. Рябининъ, нельзя сказать, чтобы права общиннаго пользованія были уравновѣшены ими въ одинаковой степени между всѣми и чтобы они не допускали злоупотребленій. „Въ самомъ дѣлѣ возможна ли конкурренція между крупными и мелкими скотопромышленниками? Если налагаемый акцизъ на излишнее количество скота, обязательный для всѣхъ и снимаетъ до нѣкоторой степени обвиненіе въ покровительствѣ богатымъ торговцамъ, то онъ, по самой ничтожности своей, не представляетъ никакихъ обеспеченій мелкимъ торговцамъ для дальнѣйшаго развитія своей торговли. Въ этомъ можно убѣдиться наглядно. Положимъ, что самый богатый изъ промышленниковъ имѣетъ сверхъ положеннаго 25 т. барановъ и 8 т. штукъ рогатаго скота; по закону онъ платитъ за нихъ не болѣе 1,800 р. акциза,—сумма для него нисколько не стѣснительная, потому что наемъ сгонныхъ мѣстъ или степей въ сосѣднихъ уѣздахъ обошелся бы ему дороже и ни въ какомъ случаѣ не дешевле; а между тѣмъ, содержа свой скотъ на войсковыхъ земляхъ подъ рукою, онъ безостановочно ведетъ свои операціи оптомъ, стѣсняетъ мелкихъ скотопромышленниковъ, повышаетъ и понижаетъ цѣны на ихъ товаръ почти по произволу. Допускъ въ хлѣбную полосу въ лѣтнее время въ особенности выгоденъ для богатыхъ скотопромышленниковъ, во первыхъ потому, что кормовыя травы здѣсь несравненно лучше, а слѣдовательно скотъ скорѣе нагуливается, бываетъ жирнѣе и сбывается выгоднѣе; во вторыхъ, въ этой мѣстности нѣтъ казаковъ скотопромышленниковъ, а

мелкій торговецъ скотомъ на нижней и средней дистанціи не погонитъ сюда скота, по неимѣнію средствъ на наемъ лишнихъ пастуховъ, на взносъ денегъ въ обезпечивающій капиталъ и пр. Такимъ образомъ, на дѣлѣ богатые скотопромышленники остаются полными хозяевами этихъ мѣстъ".

Запрещеніе передавать право на безденежное содержаніе скота, въ сущности, не болѣе какъ фраза, такъ какъ законъ можно всегда обойти. Кто можетъ доказать, что скотъ, записанный на имя какого нибудь казака или малолѣтняго сироты, или вдовы-казачки принадлежитъ не имъ, а родственнику ихъ, какому нибудь богатому скотопромышленнику? Вѣдь на это нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ. А между тѣмъ незаконное пользованіе общественнымъ достояніемъ лишаетъ общество значительнаго дохода.

Земледѣліе въ Уральской области развилось съ 30 годовъ нынѣшняго столѣтія [1]), когда явилась возможность сбывать хлѣбъ въ Самару и когда переселенцы изъ внутреннихъ губерній въ сосѣдній Бузулуцкій уѣздъ стали наниматься въ работники къ казакамъ. Прежде всего стали заводить его чиновники и зажиточные казаки. Но и въ настоящее время распахивается незначительная часть всей годной къ обработкѣ земли (40 тыс. десят. изъ 550 тыс.). Однакожь, въ виду быстраго истощенія рыболовства, земледѣліе въ скоромъ времени должно сдѣлаться господствующемъ занятіемъ. Этимъ объясняется та горячность, съ которою объсуждаются въ настоящее время на Уралѣ различныя предположенія относительно болѣе равномѣрнаго пользованія землею для хлѣбопашества (напр., проэктъ Жигалина). Пользованіе пахатной землей въ прежнее время было совершенно свободно отъ какихъ либо ограниченій: „владѣніе землями общее, писалъ Левшинъ въ 1820 — 21 г., кто гдѣ пожелаетъ, тотъ тамъ и пашетъ сколько ему угодно". Но когда „открылась Самара" и богатые казаки стали засѣвать въ бóльшихъ противъ прежняго размѣрахъ, особенно на сѣверѣ области, обнаружилась необходимость ограничить зах-

[1]) Въ незначительныхъ размѣрахъ земледѣліемъ занимались уже въ началѣ XVIII столѣтія (Рябининъ, стр. 238).

ваты извѣстными предѣлами (въ 1843). Но это постановленіе на первое время никѣмъ не соблюдалось. Менѣе зажиточные казаки, распахивающіе отъ одной до трехъ десятинъ, жаловались и жалуются, что сильные хлѣбопашцы стѣсняютъ ихъ, выпахивая ближайшіе къ селеніямъ участки, которыми и впослѣдствіи они первые же пользуются, какъ только залежи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, вновь дѣлаются способными къ обработкѣ". Вслѣдствіе этого бѣдные казаки — хлѣбопашцы должны отъѣзжать далеко отъ своихъ жилищъ, оставляя ближайшія мѣста богатымъ.

Затрудненія увеличивались еще тѣмъ, что казаки, выбирая повозможности лучшія мѣста, вспахивали землю безъ всякаго порядка лоскутьями и клиньями, такъ что хлѣбъ подвергался при пригонѣ табуновъ потравамъ скота, вслѣдстіе чего возникали столкновенія скотопрогонщиковъ съ хлѣбопашцами, жалобы, ссоры и даже драки.

Съ цѣлію устранить эти неудобства комитетомъ, составленнымъ для этой цѣли, была приняты слѣдующія мѣры. Вся пахатная земля выше Уральска и по обѣ стороны отъ него по рѣкѣ Уралу и по Деркульско-Чижинской линіи раздѣлена была въ 1859 г. на 3 полосы. Въ одной, собственно пахатной, положено было распахивать казаку не болѣе 20, оберъ-офицеру 30 и штабъ-офицеру 40 десят. казенной мѣры (2400 кв. саж.). Во второй полосѣ дозволялось хлѣбопашцамъ пахатной полосы распахивать въ замѣнъ оставленной по причинѣ истощенія почвы равное количество земли, но съ тѣмъ, чтобы въ годъ это количество никакъ не превышало $1/3$ нормы, опредѣленной для каждаго чина. Всѣ земли, оставшіяся за выдѣломъ этихъ двухъ полосъ, образовали вольную полосу. Здѣсь всякій кому было тѣсно въ первыхъ двухъ полосахъ могъ пахать сколько угодно. Эта же полоса назначена была для пастьбы скота. Вскорѣ опытъ показалъ, что эти постановленія комитета выгодны лишь для богатыхъ, получившихъ возможность распахиванія огромныя пространства въ такъ называемой вольной полосѣ и, напротивъ, весьма стѣснительны для бѣдныхъ, которые принуждены были распахивать отдаленныя и худшія земли, притомъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду такого ре-

зультата, въ 1862 г. раздѣленіе на полосы было отмѣнено и дозволено пахать гдѣ угодно штабъ офицеру 50 десятинъ, оберъ-офицеру — 35, казаку — 25, малолѣткамъ, несущимъ повинности—10 д. каждому. Распашка производится слѣдующимъ образомъ: въ 1-й годъ всякій казакъ распахиваетъ опредѣленное количество десятинъ, гдѣ найдетъ удобнымъ; во второй и слѣдующіе годы онъ можетъ поднимать нови или стараго залога только половину этого количества, запахивая остальную половину на прежде вспаханной землѣ. Распахиваемая полоса принадлежитъ казаку, пока онъ ее обрабатываетъ; чрезъ годъ, по прекращеніи распашки, участокъ поступаетъ въ общее пользованіе.

Судя по заявленіямъ, появляющимся въ печати, [1]) стремленіе ограничить свободу распашки сдѣлалось общимъ и, по всей вѣроятности, на Уралѣ скоро придутъ къ мысли раздѣла земель между поселками, съ передѣломъ на равные паи. Зачатки этой системы уже существуютъ и теперь. Если одновременно одну и туже землю пожелаютъ распахивать нѣсколько лицъ, то споръ разрѣшается или жребіемъ или же дѣлежемъ на равныя доли.

Но всякое предложеніе о раздачѣ общественныхъ земель въ частную собственность возбуждаетъ общій протестъ. Выборные отъ селеній, собираемые съ 1862 г. для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, заявляли не разъ, что общинное пользованіе землей должно быть оставлено «на прежнемъ существованіи его издревле».

Пользованіе лѣсомъ, покрывающимъ всего 0,8° поверхности земли уральскаго войска, ограничено точными правилами. Вообще рубка дозволяется только для обстройки дворовъ. Чтобы дать понятіе о строгости правилъ, которыми оберегаются общинныя лѣса, приведемъ распоряженіе войсковаго хозяйственнаго правленія отъ 28 іюля 1872 г.

„По примѣру прошлыхъ лѣтъ, говорится тамъ, дабы дать жителямъ возможность заблаговременно до выхода на плавенное рыболовство запастись талами и кольями для постройки

[1]) Уральскія войсковыя вѣдомости 1867 г., № 32 и въ другихъ мѣстахъ.

и поправки надворнаго строенія, войсковое хозяйственное правленіе полагаетъ: 1) на крайне необходимую поправку надворнаго строенія и на обстройку новаго двора необходимо нуждающимся бѣднымъ войсковымъ обывателямъ отпускать талы и малокатовыя колья, по удостовѣреніи таковыхъ нуждъ ближайшимъ начальствомъ, а въ Уральскѣ уральскимъ полицмейстеромъ; 2) отпускъ таловъ и кольевъ, выдачу билетовъ и указаніе мѣста рубки возложить въ Уральскѣ на завѣдывающаго лѣсами чиновника особыхъ порученій, въ другихъ мѣстахъ войска—на станичныхъ начальниковъ (которые обязаны доставить первому отчеты); 3) наблюденіе за правильностью рубки и надлежащимъ употребленіемъ таловъ и кольевъ, именно на обстройку и поправку дворовъ, а не на топливо, возложить непосредственно на мѣстную власть, въ ближайшемъ вѣдѣніи которой состоятъ лѣса и на полѣсовщиковъ, съ тѣмъ что если допущена будетъ рубка лѣса произвольная, то въ такихъ случаяхъ составлять объ этихъ порубкахъ протоколы, согласно 1136—1144 ст. уст. уг. судопр. 20 н. 1864 г., а равно опись и оцѣнку, и доставить оные въ сіе правленіе, а самый лѣсъ конфисковать до особаго о немъ распоряженія; 4) о настоящемъ разрѣшеніи жителямъ объявить: въ Уральскѣ чрезъ прочтеніе сего постановленія на рынкѣ и. д. экзекутора, а въ прочихъ мѣстахъ — чрезъ прочетныя предписанія (Уральскія вѣдомости 1872, № 32).

Пользованіе усадебными землями также ограничено: онѣ не могутъ быть отчуждаемы. Вообще, община распоряжается усадьбами такъ же самостоятельно, какъ и другими видами угодій Иногда въ интересахъ общины сносились весьма многолюдныя селенія. Вначалѣ прошлаго столѣтія въ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ долины Урала по обѣимъ сторонамъ его были основаны хутора. Впослѣдствіи ихъ существованіе тамъ было признано вреднымъ, такъ какъ казачество лишалось лучшихъ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстъ, занятыхъ этими поселками, и они сначала были перенесены всѣ на правую сторону Урала, а въ 1840 г. — на кряжъ внутрь. Луга же и лѣса снова вошли въ составъ войсковыхъ нераздѣльныхъ угодій.

Не смотря на всѣ эти ограниченія, на различные неудоб-

ства нераздѣльнаго пользованія, казаки продолжаютъ крѣпко держаться самаго принципа общины, стараясь лишь приспособляться къ новымъ условіямъ, и безусловно отвергаютъ всякіе проэкты, направленные къ уничтоженію древной формы землепользованія, ради сохраненія которой они бѣжали въ далекія степи и которая и настоящее время даетъ имъ „всѣ средства къ обезпеченію народнаго продовольствія, призрѣнія, къ охраненію народнаго здравія, содержанію управленія и вообще къ благоустройству войсковыхъ селеній" (Уральскія вѣдомости 1867, № 9; 1872, № 40).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что экономическій бытъ крестьянства въ Московскомъ государствѣ предъ введеніемъ крѣпостнаго права находился въ переходномъ состояніи къ худшей степени. Причины упадка народнаго благосостоянія заключались не въ свойствахъ природы, представлявшихъ, напротивъ, самыя благопріятныя условія для экономическаго развитія, также не въ физическихъ и умственныхъ качествахъ народа, доказавшаго свою предпріимчивость и трудолюбіе успѣшной колонизаціей громадной страны, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ, сдѣлалось, вслѣдствіе наложеніе тягла, невозможнымъ и народу приходилось поступиться своими вѣковыми обычаями. Но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міровозрѣнія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы. Впродолженіе всего изслѣдуемаго періода крестьянство стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства. Тягло падало на него преимущественно чрезъ землю, и крестьяне или отказываются отъ нее совершенно, или берутъ меньшіе участки, или—въ громадномъ большинствѣ случаевъ — переходятъ съ однихъ

земель на другія, гоняясь за льготами, хотя бы и временными. Болѣе предпріимчивыя личности начинаютъ выходить за предѣлы государства. Съ цѣлью обезпечить исправное отбываніе тягла, правительство прикрѣпляетъ крестьянство сначала къ землѣ, а затѣмъ къ личности помѣщика. Усиливающійся экономическій гнетъ и ограниченіе личныхъ правъ крестьянъ вызываетъ побѣги за рубежъ, которыя постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Бѣглецы колонизуютъ юговосточныя степени отъ Дона до Урала, устроивая свой бытъ на излюбленныхъ началахъ вольной общины. Продолжая усиливать мѣры взысканія за побѣги, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится подчинить своему вліянію и выбѣжавшихъ изъ предѣловъ московскаго государства. Покореніе Казани и Астрахани дало ему возможность покрыть сторожами и городами большую часть юговосточныхъ окраинъ и поставить казачество въ зависимость отъ Москвы. Результатъ этотъ достигнутъ былъ послѣ долгихъ усилій и самостоятельное существованіе казачества прекращается только въ XVIII вѣкѣ. Съ этой поры оно входитъ снова въ составъ тяглой массы, хотя и на болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ.

